

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

4

2018

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** **КОХАНОВСКИЙ А. Г.** – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
- Заместитель
главного редактора** **МЕНЬКОВСКИЙ В. И.** – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: menkovski@bsu.by
- Ответственный
секретарь** **МАЛЮГИН О. И.** – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: maliugin@bsu.by
- Белецкий С. В.** Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
- Бон Т.** Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
- Бондаренко К. М.** Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
- Бородкин Л. И.** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
- Бригадин П. И.** Государственный институт управления и социальных технологий Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Вабищевич А. Н.** Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
- Виддер Э.** Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Карла Эберхарда, Тюбинген, Германия.
- Егорейченко А. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Жеребцов И. Л.** Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми.
- Карпов С. П.** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
- Карпюк С. Г.** Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
- Коваленя А. А.** Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Кодин Е. В.** Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия.
- Колесник В. Ф.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
- Коришук В. К.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Космач В. А.** Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
- Костюк М. П.** Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Кошелев В. С.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

- Кудрявцева Т. В.** Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.
- Лавринович Д. С.** Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
- Ларин М. В.** Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
- Линднер Р.** Констанцкий университет, Констанц, Германия.
- Локотко А. И.** Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Марзалюк И. А.** Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Матяш И. Б.** Высший совет юстиции, Киев, Украина.
- Мезга Н. Н.** Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
- Микнис Р.** Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
- Нечухрин А. Н.** Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
- Новаковски В.** Институт археологии Варшавского университета, Варшава, Польша.
- Новгородский Т. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Пилипенко М. Ф.** Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Прохоров А. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Рок Б.** Вроцлавский университет, Вроцлав, Польша.
- Сальков А. П.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Ставнюк В. В.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
- Терпиловский Р. В.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
- Туманс Х.** Латвийский университет, Рига, Латвия.
- Федосик В. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Фэн Ш.** Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
- Ходин С. Н.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Шадурский В. Г.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Шиндлинг А.** Институт истории Нового времени Тюбингенского университета им. Карла Эберхарда, Тюбинген, Германия.
- Шмигель М.** Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
- Шумейко М. Ф.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Яновский О. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЯНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	МАЛЮГІН А. І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: maliugin@bsu.by
Бялецкі С. В.	Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры Расійскай акадэміі навук, Санкт-Пецярбург, Расія.
Бон Т.	Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Бандарэнка К. М.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Бародкін Л. І.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Брыгадзін П. І.	Дзяржаўны інстытут кіравання і сацыяльных тэхналогій Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
Вабішчэвіч А. М.	Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э.	Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Карла Эберхарда, Цюбінген, Германія.
Егарэйчанка А. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Жарабцоў І. Л.	Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктыв'кар, Рэспубліка Комі.
Карпаў С. П.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г.	Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Каваленя А. А.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Кодзін Я. У.	Смаленскі дзяржаўны ўніверсітэт, Смаленск, Расія.
Калеснік В. Ф.	Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
Коршук У. К.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Космач В. А.	Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Касцюк М. П.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Кошалеў У. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Кудраўцава Т. У.	Расійскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя А. І. Герцэна, Санкт-Пецярбург, Расія.
Лаўрыновіч Д. С.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.

- Ларын М. В.** Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
- Лінднер Р.** Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
- Лакотка А. І.** Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Марзалюк І. А.** Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
- Мацяш І. Б.** Вышэйшы савет юстыцыі, Кіеў, Украіна.
- Мязга М. М.** Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
- Мікніс Р.** Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
- Нячухрын А. М.** Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
- Навакоўскі В.** Інстытут археалогіі Варшаўскага ўніверсітэта, Варшава, Польшча.
- Навагродскі Т. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Піліпенка М. Ф.** Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Прохараў А. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Рок Б.** Вроцлаўскі ўніверсітэт, Вроцлаў, Польшча.
- Салькоў А. П.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Стаўнюк В. У.** Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
- Церпілоўскі Р. У.** Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
- Туманс Х.** Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
- Фядосік В. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Фэн Ш.** Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагагічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
- Ходзін С. М.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Шадурскі В. Г.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Шындлінг А.** Інстытут гісторыі Новага часу Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Карла Эберхарда, Цюбінген, Германія.
- Шмігель М.** Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
- Шумейка М. Ф.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Яноўскі А. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KOHANOVSKY A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	MALIUGIN O. I. , PhD (history), docent; associate professor at the department of Ancient and Medieval history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: maliugin@bsu.by
-
Beletsky S. V.	Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.
Bohn T.	Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Bondarenko K. M.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Borodkin L. I.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Bryhadzin P. I.	State Institute of Management and Social Technologies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vabishchevich A. N.	Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E.	Medieval History Institute of the Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
Yegoreichenko A. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zherebtsov I. L.	Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic.
Karpov S. P.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G.	Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Kovalenya A. A.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Kodin E. V.	Smolensk State University, Smolensk, Russia.
Kolesnyk V. F.	Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Korshuk V. K.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A.	Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
Kostyuk M. P.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Koshelev V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kudryavtseva T. V.	Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia.
Lavrinovich D. S.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Larin M. V.	Institute for History and Archives of the Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lindner R.	University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Lokotko A. I.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.

- Marzaluk I. A.** House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
- Matyash I. B.** High Council of Justice, Kyiv, Ukraine.
- Miazga M. M.** Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
- Miknys R.** Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
- Nechukhrin A. N.** Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
- Nowakowski W.** Institute of Archaeology of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
- Nowogrodski T. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Pilipenko M. F.** Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Prokhorov A. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Rok B.** University of Wroclaw, Wroclaw, Poland.
- Salkov A. P.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Stavnyuk V. V.** Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
- Terpilovsky R. V.** Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
- Tumans H.** University of Latvia, Riga, Latvia.
- Fedosik V. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Feng S.** School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
- Khodzin S. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Shadurski V. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Schindling A.** Institute of the Early Modern History of the Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
- Šmigel' M.** Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
- Shumeiko M. F.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Yanouski A. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ОТ РЕДАКЦИИ АД РЭДАКЦЫІ EDITORIAL

На 1 студзеня 1919 г. прыпадае адна з найбольш важных юбілейных дат у станаўленні беларускай дзяржаўнасці – стагадовы юбілей абвяшчэння БССР.

У навуковым дыскурсе адносна абвяшчэння рэспублікі і развіцця яе на розных этапах існавання застаецца шмат нераспрацаваных і складаных пытанняў, якія выклікаюць рознасць у ацэнках, поглядах і нават спрэчкі сярод даследчыкаў. Гэта часта абумоўлена не толькі адсутнасцю крыніц па спрэчных пытаннях, але таксама і асабістымі, нярэдка ідэйнымі перакананнямі. Некаторым навукоўцам абвяшчэнне БССР уяўляецца спробай бальшавікоў вырашыць нацыянальнае пытанне на сваю карысць, другім – геапалітычным манеўрам бальшавікоў, трэцім – непрадказальным і выпадковым збегам абставін, чацвёртым – заканамерным вынікам гістарычнага працэсу. Як бы там ні было, спрачацца з тым, што 1 студзеня 1919 г. – адна з найбольш важных дат у гісторыі станаўлення беларускай дзяржаўнасці, немагчыма: эвалюцыя беларускіх органаў улады, прававой сістэмы, сістэмы адукацыі, сучасных граніц, цяперашняга сталіца, у значнай ступені сфарміраваная сістэма каштоўнасцей і ўяўленняў беларусаў сёння – усё гэта спадчына, якая засталася нам ад БССР, спадчына, якая сфарміравала нас сённяшніх.

Канешне, у стварэнні БССР прысутнічала пэўная дыхатамія, пэўны кампраміс паміж тэндэнцыямі разгортвання гістарычных працэсаў аддаленай ад нас ужо стагоддзем эпохі. З аднаго боку, стварэнне рэспублікі стала відавочным вынікам развіцця беларускага руху, які, нягледзячы на перашкоды, голасна пра сябе заявіў. Тое, што беларускі этнас ужо тады пераўтварыўся ў паўназартную нацыю, стварыла важнейшую з перадумоў для фарміравання новай беларускай дзяржаўнасці. З іншага боку, Першая сусветная вайна і народжаная ёй Лютаўская і Кастрычніцкая рэвалюцыі абумовілі тыя абставіны, тыя палітычныя і геапалітычныя

перадумовы, без якіх было б немагчымым вырашэнне пытання беларускай дзяржаўнасці. З улікам усіх гэтых перадумоў абвяшчэнне БССР бачыцца заканамерным гістарычным вынікам. Няўдача абвешчана ў сакавіку 1918 г. БНР дазваляе ў гэтым пераканацца.

Варта адначасова памятаць, што стварэнне БССР было б немагчымым без той надзвычайнай працы «абуджальнікаў» беларускага руху, якія жылі і працавалі яшчэ ў XIX ст., – беларускіх мысліцеляў, публіцыстаў, літаратараў, што закладалі фундамент будучага беларускага дома (Ф. Багушэвіч, В. Дунін-Марцінкевіч, гоманаўцы, многія іншыя інтэлектуалы). Яны сваёй працай адкрывалі народу дзверы ўласнага нацыянальнага быту. Варта не забываць і пра стваральнікаў першых беларускіх палітычных арганізацый, заснавальнікаў і аўтараў беларускіх газет і часопісаў, удзельнікаў Першага Усебеларускага з’езда, айцоў БНР, актыўная дзейнасць і самаадданая праца якіх сталі важнымі фактарамі стварэння ў будучым таксама і беларускай савецкай дзяржаўнасці. Каб ацаніць важнасць абвяшчэння БССР для беларускай дзяржаўнасці, успомнім хаця б тое, колькі было зроблена для Беларусі ў 1920-я гг., з якім энтузіязмам і запалам працавалі на карысць маладой рэспублікі паэты, мастакі, пісьменнікі, вучоныя, многія дзяржаўныя дзеячы маладой краіны. Надзвычайную важнасць тых падзей, якія юрыдычна аформіліся актам 1 студзеня 1919 г., падкрэсліла ўжо сама гісторыя фактам існавання сучаснай незалежнай Рэспублікі Беларусь.

Аўтары артыкулаў, якія змешчаны ў нумары часопіса, звярнуліся да некаторых навуковых пытанняў, звязаных з гісторыяй станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці. У матэрыяле В. В. Даніловіча разгледжаны працэс удзелу моладзі ў нацыянальна-культурным будаўніцтве Савецкай Беларусі ў міжваенны перыяд. Аўтар вызначае этапы і характэрныя асаблівасці развіцця

гэтага працэсу, падкрэсліваючы, што з сярэдзіны 1920-х гг. назіралася актывізацыя ўдзелу ў нацыянальна-культурным жыцці БССР як беларускіх юнакоў і дзяўчат, так і моладзі нацыянальных меншасцей. Удзел жа камсамольскіх структур у нацыянальна-культурным будаўніцтве фактычна да канца 1930-х гг. разгортваўся з цяжкасцямі: непрацяглая ўздымы змяняліся спадамі. Толькі напрыканцы разглядаемага перыяду паглыбілася праца па выхаванні маладога пакалення ў духу інтэрнацыяналізму.

У фокусе артыкула С. М. Ходзіна – уяўленні беларусаў аб справядлівасці і пытанне аб тым, у якой ступені беларускай савецкай дзяржавай былі ўлічаны асаблівасці і традыцыі, што назапашваліся стагоддзямі і характарызавалі беларускую нацыю ў папярэдні перыяд. На думку даследчыка, базісным элементам разумення справядлівасці ў беларуска-сялянства з’яўлялася праца. Праз адносіны да яе вызначаліся разуменне ўласнасці, і перш за ўсё –

уласнасці на зямлю, сацыяльны статус чалавека. Прынцып працы, які зацвердзіўся ў ментальнасці беларусаў як выяўленне справядлівасці, трансліраваўся і на новыя формы гаспадарання. Менавіта гэта прадвызначыла параўнальна высокія вынікі працы сельскагаспадарчых калектываў БССР на працягу другой паловы 1930-х гг.

Розныя формы агітацыйна-прапагандысцкай работы партызанскіх і падпольных арганізацый сярод насельніцтва ў гады Вялікай Айчыннай вайны на акупаванай тэрыторыі Беларусі аналізуе А. А. Каваленя. Даследчык разглядае дзейнасць партыйных і дзяржаўных органаў па разгортванні адпаведнай ідэйна-палітычнай працы, якая не толькі спрыяла ўмацаванню маральна-валявога духу людзей, але і падтрымлівала іх грамадзянскія якасці, перашкаджала пранікненню ў грамадскую свядомасць паражэнчых настрояў і апатыі, умацняла стойкасць народа ў барацьбе з нямецка-фашысцкімі захопнікамі.

К СТОЛЕТИЮ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ БССР

ДА СТАГОДДЗЯ АБВЯШЧЭННЯ БССР

TO THE CENTENARY OF THE PROCLAMATION OF THE BSSR

УДК [94+323.23](476)«1941/1945»

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОТСТАИВАНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. А. КОВАЛЕНЯ¹⁾

¹⁾Национальная академия наук Беларуси, пр. Независимости, 66, 220072, г. Минск, Беларусь

Анализируются различные формы агитационно-пропагандистской работы партизанских и подпольных организаций среди населения в годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории Беларуси. Показана деятельность партийных и государственных органов по развертыванию идейно-политической работы, которая не только способствовала укреплению морально-волевого духа людей, но и поддерживала их гражданские качества, препятствовала проникновению в общественное сознание пораженческих настроений и апатии, усиливала стойкость народа в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Ключевые слова: война; государственность; патриотизм; население; печать; агитация; партизаны.

Образец цитирования:

Коваленя АА. Идейно-политическое отстаивание белорусской государственности в годы Великой Отечественной войны. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018;4:10–18.

For citation:

Kavalenia AA. The ideological and political defending of the Belarusian statehood in the years of the Great Patriotic War. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;4:10–18. Russian.

Автор:

Александр Александрович Коваленя – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор; академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств.

Author:

Aliaksandr A. Kavalenia, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of sciences (history), full professor; academician-secretary at the department of humanitarian sciences and arts.
humanity@presidium.bas-net.by

ІДЭЙНА-ПАЛІТЫЧНАЕ АДСТОЙВАННЕ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

А. А. КАВАЛЕНЯ^{1*}

^{1*}Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, пр. Незалежнасці, 66, 220072, г. Мінск, Беларусь

Аналізуюцца розныя формы агітацыйна-прапагандысцкай работы партызанскіх і падпольных арганізацый сярод насельніцтва ў гады Вялікай Айчыннай вайны на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Паказана дзейнасць партыйных і дзяржаўных органаў па разгортванні ідэйна-палітычнай працы, якая не толькі спрыяла ўмацаванню маральна-валявога духу людзей, але і падтрымлівала іх грамадзянскія якасці, перашкаджала пранікненню ў грамадскую свядомасць паражэнчых настрояў і апатыі, узмацняла стойкасць народа ў барацьбе з нямецка-фашысцкімі захопнікамі.

Ключавыя словы: вайна; дзяржаўнасць; патрыятызм; насельніцтва; друк; агітацыя; партызаны.

THE IDEOLOGICAL AND POLITICAL DEFENDING OF THE BELARUSIAN STATEHOOD IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

A. A. KAVALENIA^a

^aThe National Academy of Sciences of Belarus, 66 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220072, Belarus

The article analyzes various forms of agitation and propaganda work of partisan and organizations of resistant moving during the Great Patriotic War on the occupied territory of Belarus. The activity of the Party and state bodies on the development of the corresponding ideological and political work, which not only helped to strengthen the moral and strong-willed spirit of people, but also supported their civic qualities, prevented spreading of defeatism and apathy in the public consciousness, strengthened the people's resistance to struggle against the German-fascist invaders.

Key words: war; statehood; patriotism; population; press; agitation; partisans.

Уже в начале войны не только партийные и государственные руководители Беларуси, но и большая часть белорусской интеллигенции, особенно ее творческая элита, выступили с осуждением военной агрессии нацистской Германии. Многие белорусские писатели и поэты откликнулись на трагические события и написали ряд патриотических произведений. Так, 24 июня 1941 г. газета «Правда» опубликовала на белорусском языке стихотворение Я. Коласа «Шалёнага пса – на ланцуг», а «Красная звезда» 28 сентября 1941 г. на своих страницах поместила партизанский гимн «Белорусским партизанам» Я. Купалы, в котором национальный классик призывал:

*За сестер, за братьев милых,
за сожженный хлеб и кров
встаньте вы могучей силой,
в пущах роите им могилы, –
смерть за смерть, и кровь за кровь!* [1].

Яркие призывы к белорусскому народу отстаивать свою государственность звучали во многих произведениях, написанных в трагическом 1941 г.: «Душою і сэрцам мы з вамі, героі», «На абарону», «Народу-барацьбіту», «Байцам-камсамольцам», «Абаронцам роднай зямлі» Я. Коласа; «Пісьмо землякам», «Дрыжыце, падлюгі-фашысты!», «Помста» П. Бровки; «Вастрыце зброю», «Падымайся, Бела-

русь!» М. Танка; «Мужайся», «Мы вернемся» П. Глеб-ки; «Змагайся адважна за Радзіму» П. Панченко.

Во многих публичных выступлениях, на радио и в печати писатели, поэты и общественные деятели разоблачали коварство нацистской идеологии и призывали белорусов вести борьбу с агрессорами всеми возможными способами. В одной из первых листовок военного времени «К белорусскому народу» народные поэты Беларуси Я. Купала и Я. Колас писали: «Еще не все наши болота осушены. Враг не позволил нам их осушить. Так пусть эти болота станут его могилой. Топите его без жалости! Бейте врага его же личным оружием. За счастье нашей Родины, за родную землю свою, за счастье твое, за счастье твоих детей все силы, все мысли, все порывы души твоей пусть обрушатся на голову врага смертельным молотом. <...> На борьбу за победу, наш родной белорусский народ!» [2, с. 193–196].

Во многих публичных выступлениях деятели подчеркивали, что идеи национал-социализма, которые насаждали германские нацисты в среде белорусских людей, наносят большой вред, особенно подрастающему поколению. Показательным является выступление К. Чёрного в газете «Советская Белоруссия». Писатель проникновенно призывал соотечественников: «Немецкий фашизм угрожает

нашим детям не только уничтожением. Немецкие гады намерены залезть в душу наших детей, разорить ее, посеять в ней яд, безразличие к родной земле. Гитлеровские полчища будут пытаться онемечить наших детей, уничтожить и отдать на погибель и забвение родное, белорусское» [3].

На оккупированную территорию постоянно переправлялось большое количество советской пропагандистской литературы, периодических изданий, листовок и других материалов. В советском тылу издавались специальные газеты для партизан и населения оккупированной территории. Так, 10 раз в месяц тиражом в 30–35 тыс. экземпляров выходила «Советская Белоруссия», 4–6 раз в месяц тиражом около 15 тыс. экземпляров издавалась плакат-газета «Раздавим фашистскую гадину». Только с мая по август 1942 г. были изданы 36 номеров специальных газет (общий тираж 1224 экземпляра) и 17 номеров плакат-газеты (255 тыс. экземпляров) [4, с. 174].

Размах издательской деятельности, которая была развернута в советском тылу и продукция которой переправлялась на оккупированную территорию населению и партизанам, был довольно широким. Например, ЦК КП(б)Б и ЦК ЛКСМБ в 1942 г. подготовили и издали 189 листовок с разными наименованиями, причем 102 из них на белорусском языке, общий тираж составлял свыше 15 млн экземпляров. На территории Витебской области за годы оккупации патриоты распространили почти 1 млн экземпляров газет «Советская Белоруссия», «За Советскую Беларусь» и «Витебский рабочий» [4, с. 174, 186]. Материалы, издававшиеся в советском тылу, знакомили партизан и жителей захваченных регионов с событиями на фронтах войны, с самоотверженным трудом рабочих и колхозников, достижениями ученых, международной жизнью, они являлись важным средством укрепления морально-идейных качеств партизан и местных жителей.

Важную роль в поддержании патриотического настроения партизан и населения играли радиопередачи, которые организовывались для жителей оккупированной территории. Отметим, что уже с 1 января 1942 г. радиостанция «Советская Беларусь» начала трансляцию передач на оккупированную территорию Беларуси. Передачи длились почти четыре часа в сутки: одна утренняя, две дневные, вечерняя и ночная. По 20 минут в день организовывались трансляции для белорусской молодежи. Они посвящались боевым и трудовым подвигам молодых белорусов. До 7 сентября 1942 г. было проведено 809 передач, в которых освещались события в СССР и происшествия в международной жизни, около 1,5 тыс. передач рассказывали о со-

бытиях на оккупированной территории Беларуси¹ [3, с. 205–206].

Перед микрофоном выступали партизаны и подпольщики В. Козлов, В. Лобанок, Н. Троян, Е. Мазаник, М. Осипова и др. Для партизан и населения транслировалось 50 концертов. В эфире звучали песни «Клятва партизана», «Песня партизан», радиокомпозиция «Сын Беларуси», опера о героической борьбе белорусских партизан «Алеся». Особой популярностью пользовались выступления в печати и радиоэфире белорусских писателей и поэтов. С их участием было проведено 70 литературных передач [2, с. 194].

Партийные и советские органы уделяли постоянное внимание совершенствованию идейно-политической работы. В конце февраля 1942 г. в Москве состоялся V Пленум ЦК КП(б)Б, который определил важнейшие направления развертывания на оккупированной территории Беларуси агитации и пропаганды. В постановлении пленума подчеркивалось: «Важнейшей задачей политической работы среди населения в тылу является объяснение военного положения Советского Союза, мощи советского строя. Пропаганда должна вестись всеми имеющимися печатными средствами и устно распространяться среди населения оккупированной территории» [5, с. 184–189].

Благодаря целенаправленной работе ЦК КП(б)Б и ЦК ЛКСМБ на оккупированной территории Беларуси подпольные партийные и комсомольские органы и организации сумели наладить массовое издание нелегальных газет и листовок, которые широко распространялись среди местного населения. На оккупированную территорию в 1943 г. были переправлены 167 портативных печатных машинок и 70 наборщиков, что позволило значительно расширить издательское дело. В тылу врага подпольные партийные комитеты Беларуси наладили издание более 170 нелегальных газет, среди них 8 подпольных комсомольских изданий [6, с. 118, 445]. Кроме того, во вражеских гарнизонах и населенных пунктах, находившихся под контролем захватчиков, подпольщики распространяли тысячи листовок, проводили устную агитационную работу, призывали расширять борьбу с агрессорами.

Во многих нелегальных изданиях вскрывалась суть захватнической политики агрессоров и их планы в областях образования, культуры и духовной жизни. Подпольная печать призывала жителей вести непримиримую борьбу с врагом, бойкотировать их экономическую политику. Только усилиями ЦК ЛКСМБ за годы оккупации были выпущены 63 листовки общим тиражом 3,5 млн экземпляров [7, с. 94; 8, с. 249]. К сожалению, точно подсчитать общее число листовок, изданных подпольными

¹Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1231. Л. 184–185.

комитетами и организациями Беларуси, трудно. Однако можно утверждать, что подпольные партийные комсомольские комитеты и организации смогли наладить деятельность тысяч патриотов для распространения на захваченной территории огромного количества пропагандистских материалов. Это сыграло исключительно большую роль в развертывании политической работы, которая проводилась среди партизан и местного населения. Данная деятельность стала важным фактором антигерманского сопротивления и единения белорусского народа в целях отстаивания своей государственности.

Весьма показательным является количество изданий, убедительно отражающее размах подпольной печати на оккупированной территории. Так, в июне 1944 г. Могилёвский подпольный областной

комитет КП(б)Б направил в ЦК КП(б)Б отчет, в котором отмечалось, что во вражеском тылу были изданы 367 номеров газет общим тиражом 1 522 280 экземпляров и 625 листовок общим тиражом 180 630 экземпляров. По неполным данным в партизанских отрядах были изданы 528 рукописных журналов, 3725 стенгазет, тысячи боевых листков, молний и рукописных листовок, распространены более 70 тыс. экземпляров газет, журналов, брошюр и книг, присланных на Могилёвщину [4, с. 179, 272–273, 305; 9, с. 80–81].

К 1944 г. на оккупированной территории Беларуси издавались более 170 газет. В их числе 3 республиканские газеты («Звезда», «Чырвоная змена», «Сталинская молодежь»), 14 областных и 145 межрайонных и районных газет. Свои многотиражки выпускали печатным способом и партизанские бригады.

Зимний партизанский лагерь отряда им. В. П. Чкалова
бригады им. Я. М. Свердлова. Брестская область.

Источник: Белорусский государственный архив кинофотофокументов

Winter partisan camp of the detachment named after V. P. Chkalov
of the brigade named after Ya. M. Sverdlov. Brest region.

Source: Belarusian State Archive of Film and Photodocuments

Действенной формой патриотического воспитания партизан являлась партизанская печать. В подразделениях партизанских бригад и отрядов, в ротах и взводах регулярно выпускались боевые листки, рукописные журналы и стенные газеты. Так, в Ивенецко-Налибокской партизанской зоне в девяти отрядах бригады им. И. В. Сталина за 1943 г. были изданы 140 номеров стенных газет и 150 боевых листков. В партизанских формированиях Вилейской области за годы борьбы вышли 1800 номеров стенных газет и 800 боевых листков, в Брестской

области – более 900 стенных газет (см. рисунок). Хорошо была поставлена работа в 8-й Рогачевской партизанской бригаде, дислоцировавшейся в Чечерской партизанской зоне. В бригадном клубе постоянно проводились выставки картин, рисунков, плакатов партизанских художников, организовывались концерты художественной самодеятельности, издавался рукописный журнал² [10, с. 86; 11, с. 163; 12, с. 216–218].

Выход каждого очередного номера боевого листка или стенгазеты вызывал огромный инте-

²Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 3602. Оп. 1. Д. 3. Л. 334.

рес у партизан. Издания вешали на самых видных местах. В статьях и заметках рассказывалось о партизанах, отличившихся в боях, помещались стихи поэтов-партизан, вскрывались злоупотребления полномочиями по отношению к местному населению, критиковались неуставные отношения. Рукописные издания знакомили с опытом боевой деятельности, давали рекомендации и советы о том, как лучше вести борьбу с врагом. На их страницах часто размещались выступления командиров и комиссаров партизанских бригад и отрядов.

Подпольные редакции не ограничивались изданием газет и листовок, они выпускали много другого пропагандистского материала. Например, в редакции газеты «Советский патриот», издававшейся в Борисовско-Бегомльской партизанской зоне, за октябрь 1942 – сентябрь 1943 г. были изданы 180 сводок Совинформбюро (более 16 тыс. экземпляров), 4 обращения к молодежи (800 экземпляров), одна памятка партизану (1600 экземпляров), 5 обращений к населению района (2050 экземпляров), размножены 4 приказа Верховного главнокомандования (1365 экземпляров), а также выпущен сборник фронтовых партизанских песен (70 экземпляров)³.

Подпольная печать пользовалась огромным спросом у партизан и населения оккупированной территории. В докладной записке в ЦК КП(б)Б секретарь Полесского подпольного областного комитета КП(б)Б И. Ветров отмечал: «Наша печать вызывает у населения исключительный интерес и оказывает на него большое влияние. Спрос на советскую литературу колоссален. Газеты переходят из рук в руки, зачитываются до дыр. Во многих деревнях установлены витрины для вывешивания газет. В лесных куренях и населенных пунктах партизанами-агитаторами проводятся громкие чтения» [13, с. 410].

Аналогичная работа проводилась и в других регионах Беларуси. В многочисленных донесениях командования партизан отмечалось, что население проявляет большой интерес к советским листовкам и газетам. Иногда среди крестьян возникают споры о том, почему одни получают по две газеты, а другие – по одной. Население часто просит партизан приносить что-нибудь почитать.

Самоотверженно работали редакторы и наборщики, которые сыграли большую роль в подготовке и выпуске нелегальных изданий. Первые листовки в Минске начала печатать на шапирографе подпольная группа А. Маркевича. Под руководством В. Омелянюка и В. Никифорова в Минске были изданы четыре первых номера подпольной газеты «Звезда». Много усилий для выпуска «Крас-

ной смены» и «Звезды» приложили М. Барашков, Г. Щербатов, Ф. Костюковец, А. Сакевич. В Барановичской области большую издательскую работу проводили Г. Будай, Р. Гужавин, Г. Старовойтенко; в Белостокской – С. Майхрович, Я. Качан, И. Зазека; в Брестской – В. Калиберов; в Вилейской – А. Василевский, М. Петухов; в Витебской – А. Крушинский, Н. Гайсёнок, Ф. Шедов; в Гомельской – Н. Пахомов, А. Казимиров; в Могилёвской – А. Юшкевич, А. Яблонский, С. Кремнёв; в Пинской – Н. Эрдман, П. Заяц; в Полесской – Г. Каплан, А. Бровко и многие другие [15].

Значительное место в агитационной работе отводилось устной пропаганде. Партизанскими и подпольными пропагандистами широко использовались митинги, коллективные читки газет, лекции, беседы. Подпольные партийные и комсомольские органы уделяли большое внимание развертыванию этих форм работы. Уже в ноябре 1941 г. в советском тылу началась подготовка пропагандистских кадров для работы на оккупированной территории Беларуси. Численность людей, занимающихся агитационно-пропагандистской работой, постоянно росла. Каждый подпольный районный комитет имел агитколлектив, который в среднем насчитывал 110–130 человек, а в составе группы пропагандистов-лекторов было 5–7 человек. Например, в Копыльском районе Минской области агитколлектив насчитывал 106 агитаторов, в партизанской бригаде «Дяди Коли», действовавшей в Борисовско-Бегомльской партизанской зоне, имелось 126 человек, в агитколлективе Руденского района в конце 1943 г. работали 247 агитаторов. Всего в Минской области насчитывалось более 2,5 тыс. агитаторов, в Могилёвской – около 2 тыс., Гомельской – 1,2 тыс. В Витебской области к середине февраля 1944 г. массово-политическую работу вели 103 агитколлектива, в которых состояло до 1500 человек, и 6 лекторских групп, объединявших 65 лекторов⁴. Во время войны на территорию Беларуси было направлено 11,5 тыс. пропагандистов [15, с. 149; 16, с. 122–123]. Именно они составляли ядро агитационных коллективов партизанских формирований. Партизанские агитаторы организовывали и принимали самое непосредственное участие в проведении всех массово-политических мероприятий среди населения и партизан.

Устные формы проведения политических мероприятий позволяли патриотам поддерживать живой контакт с аудиторией или отдельным человеком, учитывать специфику аудитории, отвечать на болезненные вопросы и разъяснять проблемы. На собраниях и митингах, как правило, делались не только политические доклады, но и решались кон-

³Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 3957. Оп. 1. Д. 9. Л. 19.

⁴Там же. Ф. 3793. Оп. 1. Д. 82. Л. 55.

кретные вопросы оказания помощи партизанам и наступавшей Красной армии.

Размах агитационно-пропагандистской работы, если иметь ввиду деятельность в нелегальных условиях, был достаточно масштабным. Например, в населенных пунктах Октябрьско-Любанской партизанской зоны накануне празднования Великой Октябрьской революции в 1942 г. было проведено 294 собрания и митинга, вывешено свыше 2 тыс. лозунгов, призывов, листовок, организовано 19 коллективных прослушиваний радио, налажено 17 концертов художественной самодеятельности. В Борисовско-Бегомльской партизанской зоне с октября 1942 по сентябрь 1943 г. среди партизан и населения было организовано 30 тыс. докладов и бесед, издано 13 номеров подпольной газеты «Советский патриот» (4300 экземпляров) и 180 сводок Совинформбюро тиражом выше 16 тыс. экземпляров. Комплекс агитационно-пропагандистской работы привел к тому, что в боевые резервы партизан записались больше 7 тыс. человек. Командир бригады «Железняк» И. Титков и секретарь Бегомльского районного комитета КП(б)Б партии С. Манкович докладывали в белорусский штаб партизанского движения о том, что при условии доставки оружия армия партизан может увеличиться в несколько раз.

Следует обратить внимание на тот факт, что практически все местные жители, принимавшие участие в собраниях и митингах, подчеркивали свою верность советской государственности, желание бороться за освобождение белорусской земли, готовность помогать партизанам и наступающим войскам Красной армии. В своих выступлениях многие публично заявляли о неприятии германской оккупационной власти и желании скорейшего освобождения от агрессоров. Например, жители д. Пильница Ивенецкого района Барановичской области на собрании единогласно приняли резолюцию, в которой отмечалось: «Все наши чувства горят желанием о быстрейшем приходе Красной армии, и мы обязуемся всеми силами помогать, чтобы быстрее разгромить кровавый фашизм, который сжигает наши города и села, вывозит на кааторгу наших сестер, братьев и отцов» [6, с. 82]. Житель д. Карповичи Ильянского района Вилейской области Бохан, выступая на собрании односельчан, заявил: «Мы гордимся успехами Красной армии и наших партизан и в свою очередь будем поддерживать их всем, чтобы общими силами ускорить час победы» [6, с. 82]. На собрании жителей д. Сукачи Антопольского района Брестской области было принято единогласное решение о необходимости оказывать всеобщими усилиями помощь партиза-

нам и советским войскам. В принятом документе было записано: «Мы все исключительно должны помогать партизанам бороться с врагом и помогать. Этим самым мы приблизим день прихода Красной Армии» [6, с. 82].

Примеров преданности белорусских людей своей государственности огромное множество. Так, в марте 1944 г. партизанские агитаторы организовали собрание в д. Емельяново Смолевичского района Минской области. Житель А. Скуратович попросил слово и заявил: «Мои два сына служат в Красной Армии, а младший сын – в партизанах с оружием в руках борется за честь и независимость нашей Родины. Я помог партизанам пустить под откос два вражеских эшелона и теперь иду в партизаны и буду мстить фашистам за кровь и слезы нашего народа» [6, с. 82].

Политическое руководство Беларуси для укрепления в общественном сознании идеи белорусской государственности и поддержания патриотического настроения партизан и жителей активно использовало празднование 25-й годовщины образования БССР. Еще 6 декабря 1943 г. секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко обратился с письмом к секретарям подпольных партийных органов, командирам и комиссарам партизанских отрядов и бригад. В письме были определены конкретные политические и боевые задачи, которые предстояло осуществить в канун 25-й годовщины образования БССР.

В частности, в письме подчеркивалось: «Исполняющуюся 1 января 25-ю годовщину БССР белорусский народ проводит в условиях самоотверженной борьбы за изгнание гитлеровских захватчиков из пределов нашей Родины. Красная Армия отбросила врага на сотни километров на запад. От немецких захватчиков освобождено сотни населенных пунктов Белоруссии, почти полностью Гомельская обл. и гор. Гомель»⁵. Руководство Беларуси призвало партизан и население укреплять дружбу с русским народом, активизировать борьбу с захватчиками, оказывать помощь наступающим советским войскам, усилив удары по врагу с тыла. ЦК КП(б)Б потребовал провести во всех отрядах, «бригадах и среди населения собрания, посвященные 25-й годовщине Белоруссии. Выпустить номера областных и районных газет, а также листовок, посвященных 25-й годовщине БССР. Организовать их распространение в гарнизоны и деревни, занятые немцами»⁶.

Опубликованные материалы и архивные документы убедительно свидетельствуют о широчайшем размахе массово-политической работы, посвященной юбилейной дате белорусской государственности. Подпольные партийные и комсо-

⁵Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 3797. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.

⁶Там же.

мольские органы и организации, командование партизанских формирований смогли повсеместно, даже на территории немецких гарнизонов и в опорных пунктах врага, развернуть многочисленные мероприятия. Были подготовлены специальные выпуски газет, листовок и обращений к населению. Партизанские агитаторы распространяли их среди жителей, организовывали многочисленные беседы, собрания и митинги [13, с. 514, 545, 565, 583–585, 617, 633–636, 639–641].

В обращении Полесского подпольного областного комитета КП(б)Б партии к партизанам и населению, например, указывалось, что белорусский народ отмечает 25-ю годовщину образования БССР новыми ударами по врагу. Подпольный областной комитет призывал партизан и население к усилению борьбы против захватчиков: «Уничтожайте фашистов! Помните: одним фашистом меньше – ближе победа. Пускайте под откос эшелоны противника, разрушайте его коммуникации и средства связи, взрывайте его танки и автомашины, спасайте советских людей от уничтожения и угона их на каторгу в фашистскую Германию, помогайте всеми силами Красной Армии» [6, с. 84–85].

В связи с подготовкой и проведением 25-й годовщины БССР Полесский подпольный областной комитет КП(б)Б принял 14 декабря 1943 г. специальное постановление, которым обязал командиров партизанских отрядов и бригад, секретарей партийных и комсомольских организаций активизировать удары по врагу и усилить идеологическую работу. Предлагалось организовать вывешивание в населенных пунктах флагов и портретов руководителей страны. Одной из лучших партизанских бригад области под командованием Ф. Павловского было принято решение в честь 25-й годовщины образования БССР переименоваться в «123-ю Октябрьскую партизанскую бригаду им. 25-летия БССР»⁷.

В Минской области в декабре 1943 г. во всех районах были выпущены специальные газеты и листовки. Было распространено 45 тыс. районных газет, 12,3 тыс. экземпляров листовок, а также 3 тыс. экземпляров газет «Звязда» и «Чырвоная змена». В населенных пунктах Бешенковичского района Витебской области было проведено 137 собраний, на которых присутствовали 2192 жителя, были выпущены 265 экземпляров районной газеты, 15 номеров отрядных газет и 60 боевых листов⁸.

Огромная идейно-политическая работа проводилась на всей оккупированной территории Беларуси. Например, под руководством подпольных организаций Мирского района в марте 1944 г. среди населения были распространены 2948 экземпляров

газет, листовок и сводок Совинформбюро. Во многих населенных пунктах партизанские агитаторы провели митинги и собрания. В общей сложности было организовано 167 собраний, на которых присутствовали больше 3 тыс. человек. Многие крестьянские семьи, послушав разъяснения, уходили в лес под защиту партизан. Около 200 семей переехали жить в контролируемые партизанами населенные пункты. В апреле в деревнях района было организовано 149 бесед и докладов, их прослушали 5207 человек. Партизанские агитаторы распространили среди жителей около 800 экземпляров газет и листовок, 1500 экземпляров обращений Совета народных комиссаров Белорусской ССР, Президиума Верховного Совета БССР, ЦК КП(б)Б к белорусскому народу с призывом всеми силами срывать мобилизацию в фашистскую «краевую оборону». Большое количество агитационной литературы было заслано в гарнизоны врага, расположенные в г. Мире, д. Турце, п. Кореличи, г. Новогрудке, д. Загорье, д. Симаково, г. Столбцы [6, с. 82].

Перед жителями и партизанами выступали не только местные агитаторы-партизаны и представители партийного подполья. В тыл врага направлялись секретари ЦК КП(б)Б Н. Е. Авхимович, Г. Б. Эйдинов, секретари ЦК ЛКСМБ М. В. Зимянин, К. Т. Мазуров, Ф. А. Сурганов, которые активно участвовали в организации идейно-политических мероприятий. Выступления партийных и комсомольских лидеров перед населением оккупированной территории, несомненно, производили на людей огромное впечатление. Хорошо организованная политическая работа, причем с непосредственным участием партийных, советских и комсомольских руководителей, поднимала боевой дух белорусов, укрепляла их патриотические настроения и веру в неизбежность победы, усиливала стремление внести как можно больший вклад в разгром захватчиков.

Приведенные и многочисленные другие примеры убедительно свидетельствуют о том, что даже в условия жесточайшего оккупационного режима патриотический дух белорусского народа не падал. Патриоты смогли развернуть на оккупированной территории Беларуси различные формы агитационно-пропагандистской и идейно-политической работы, готовность народа отстаивать родную землю не угасала, что являлось действенным фактором вовлечения тысяч людей в ряды антигерманского сопротивления. Население и партизаны, особенно на территориях, находившихся под контролем партизанских формирований, были хорошо информированы о положении дел на фронте и в советском тылу, о развитии международной обстановки, регулярно получали разъяснения о намерениях и про-

⁷Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4126. Оп. 1. Д. 1. Л. 90.

⁸Там же. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 277. Л. 546–547; Ф. 3793. Оп. 1. Д. 66. Л. 6–8.

водимых оккупационными властями мероприятиях. Целенаправленная идейно-политическая работа являлась важным средством поддержания патриотического настроения жителей. Она не только способствовала укреплению морально-волевого

духа людей, но и поддерживала их гражданские качества, не позволяла пораженческим настроениям и апатии проникать в общественное сознание, помогала принимать ответственные решения по отстаиванию советских государственных ценностей.

Библиографические ссылки

1. Купала Я. Белорусским партизанам. *Красная звезда*. 1941. 28 сентября. с. 2.
2. Лемешонок ВИ. *Идейно-политическая работа компартии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны*. Минск: Беларусь; 1988.
3. Советская Белоруссия. 1941. 7 ноября.
4. Юденков АФ. *Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941–1944 гг.)*. Москва: Мысль; 1971.
5. Кручок РР, составитель. *Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944)*. Том 2. Книга 1: Развитие всенародного партизанского движения во второй период войны (ноябрь 1942 – июнь 1943 г.). Минск: Беларусь; 1978.
6. Кузьмин ТА. *Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны*. Том 3. Минск: Беларусь; 1985.
7. Аблова РТ. *Это было в Белоруссии (из истории борьбы молодежи в партизанских отрядах и подполье)*. Москва: Молодая гвардия; 1957.
8. Мазуров КТ. *Незабываемое*. 2-е издание. Минск: Беларусь; 1987.
9. Присщепчик ВВ, Гаврилов ИИ, Кирсковец ИП, Липило ПП, редакторы. *Вела нас партия: воспоминания партизан и подпольщиков Могилёвской области периода Великой Отечественной войны*. Минск: Беларусь; 1984.
10. Климов ИФ, Граков НЕ. *Партизаны Вилейщины*. Минск: Беларусь; 1967.
11. Калиберов ВФ. *От сердца к сердцу*. Минск: Беларусь; 1981.
12. Зувевич ИТ. *Райком в подполье*. Минск: Беларусь; 1972.
13. Кручок РР. *Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944)*. Том 2. Книга 2: Развитие всенародного партизанского движения во второй период войны (июль – декабрь 1943). Минск: Беларусь; 1978.
14. Кузнецов АА, составитель. *Подпольные партийные органы Компартии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1944): краткие сведения об организации, структуре и составе*. Минск: Беларусь; 1975.
15. Липило ПП. *КПБ – организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны*. Минск: Госиздат БССР; 1959.
16. Якубовский НА. *В тыл врага (помощь страны кадрами партизанскому движению Белоруссии в годы Великой Отечественной войны)*. Минск: Беларусь; 1979.

References

1. Kupala Ya. [Belarussian partisans]. *Krasnaya zvezda* [Red star]. 1941. September 28. p. 2. Russian.
2. Lemeshonok VI. *Ideino-politicheskaya rabota kompartii Belorussii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Ideological and political work of the Communist Party of Belarus during the Great Patriotic War]. Minsk: Belarus; 1988. Russian.
3. *Savetskaya Belorussiya*. 1941. November 7. Russian.
4. Yudenkov AF. *Politicheskaya rabota partii sredi naseleniya okkupirovannoi sovetsoi territorii (1941–1944 gg.)* [Political work of the party among the population of the occupied Soviet territory (1941–1944)]. Moscow: Mysl'; 1971. Russian.
5. Kruchok RR, compiler. *Vsenarodnoe partizanskoe dvizhenie v Belorussii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (iyun' 1941 – iyul' 1944)*. Tom 2. Kniga 1: *Razvitie vsenarodnogo partizanskogo dvizheniya vo vtoroi period voiny (noyabr' 1942 – iyun' 1943 g.)* [All-national guerrilla movement in Belarus during the Great Patriotic War (June 1941 – July 1944). Volume. 2. Book 1: The development of the popular guerrilla movement in the second period of the war (November 1942 – June 1943)]. Minsk: Belarus; 1978. Russian.
6. Kuz'min TA. *Vsenarodnaya bor'ba v Belorussii protiv nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny*. Tom 3 [National struggle in Byelorussia against the Nazi invaders during the Great Patriotic War. Volume 3]. Minsk: Belarus; 1985. Russian.
7. Ablova RT. *Eto bylo v Belorussii (iz istorii bor'by molodezhi v partizanskikh otryadakh i podpol'e)* [This was in Belarus: (from the history of the struggle of youth in partisan detachments and underground)]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1957. Russian.
8. Mazurov KT. *Nezabyvaemoe* [Unforgettable]. 2nd edition. Minsk: Belarus; 1987. Russian.
9. Prishchepchik VV, Gavrilov II, Kirskovets IP, Lipilo PP, editors. *Vela nas partiya: vospominaniya partizan i podpol'shchikov Mogilevskoi oblasti perioda Velikoi Otechestvennoi voiny* [The party led us: memories of partisans and underground workers of the Mogilev region of the Great Patriotic War]. Minsk: Belarus; 1984. Russian.
10. Klimov IF, Grakov NYe. *Partizany Vileishchiny* [Partisans of Vileishchyna]. Minsk: Belarus; 1967. Russian.
11. Kaliberov VF. *Ot serdtsa k serdtsu* [From heart to heart]. Minsk: Belarus; 1981. Russian.
12. Zuevich IT. *Raikom v podpol'e* [Raikom in the underground]. Minsk: Belarus; 1972. Russian.
13. Kruchok RR. *Vsenarodnoe partizanskoe dvizhenie v Belorussii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (iyun' 1941 – iyul' 1944)*. Tom 2. Kniga 2: *Razvitie vsenarodnogo partizanskogo dvizheniya vo vtoroi period voiny (iyul' – dekabr' 1943)* [All-national guerril-

la movement in Belarus during the Great Patriotic War (June 1941 – July 1944). Volume 2. Book 2: Development of the popular guerrilla movement in the second period of the war (July – December 1943)]. Minsk: Belarus; 1978. Russian.

14. Kuznyaev AA, compiler. *Podpol'nye partiinye organy Kompartii Belorussii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1944): kratkie svedeniya ob organizatsii, strukture i sostave* [The underground party organs of the Communist Party of Belarus during the Great Patriotic War (1941–1944): brief information about the organization, structure and composition]. Minsk: Belarus; 1975. Russian.

15. Lipilo PP. *KPB – organizator i rukovoditel' partizanskogo dvizheniya v Belorussii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [KPB – organizer and leader of the partisan movement in Belarus during the Great Patriotic War]. Minsk: Gosizdat BSSR; 1959. Russian.

16. Yakubovsky NA. *V tyl vraga (pomoshch' strany kadrami partizanskomu dvizheniyu Belorussii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny)* [To the rear of the enemy (the country's assistance to the guerrilla movement of Belarus during the Great Patriotic War)]. Minsk: Belarus; 1979. Russian.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2018.
Received by editorial board 31.07.2018.

УДК 94(476):316.346.32–053.6«1921/1939»

УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939)

В. В. ДАНИЛОВИЧ¹⁾

¹⁾Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассмотрен процесс участия молодежи в национально-культурной жизни советской Беларуси в межвоенный период. Определены этапы и характерные особенности развития этого процесса. Утверждается, что с середины 1920-х гг. наблюдалась активизация участия в национально-культурной жизни БССР как белорусских юношей и девушек, так и молодежи национальных меньшинств. Участие же комсомольских структур в национально-культурном строительстве фактически до конца 1930-х гг. разворачивалось с трудностями: непродолжительные подъемы сменялись спадами. Только в конце рассматриваемого периода углубилась работа по воспитанию молодого поколения в духе интернационализма.

Ключевые слова: советская власть; компартия; национальная политика; национальные права; молодежь; комсомол; образование; культура.

УДЗЕЛ МОЛАДЗІ Ў НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНЫМ ЖЫЦЦІ САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ (1921–1939)

В. В. ДАНИЛОВИЧ^{1*}

^{1*}Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Беларусь

Разгледжаны працэс удзелу моладзі ў нацыянальна-культурным жыцці савецкай Беларусі ў міжваенны перыяд. Вызначаны этапы і характэрныя асаблівасці развіцця гэтага працэсу. Сцвярджаецца, што з сярэдзіны 1920-х гг. назіралася актывізацыя ўдзелу ў нацыянальна-культурным жыцці БССР як беларускіх юнакоў і дзяўчат, так і моладзі нацыянальных меншасцей. Удзел жа камсамольскіх структур у нацыянальна-культурным будаўніцтве фактычна да канца 1930-х гг. разгортваўся з цяжкасцямі: непрацяглыя ўздымы змяняліся спадамі. Толькі напрыканцы разглядаемага перыяду паглыбілася праца па выхаванні маладога пакалення ў духу інтэрнацыяналізму.

Ключавыя словы: савецкая ўлада; кампартыя; нацыянальная палітыка; нацыянальныя правы; моладзь; камсомол; адукацыя; культура.

THE PARTICIPATION OF YOUTH IN NATIONAL CULTURAL LIFE OF SOVIET BELARUS (1921–1939)

V. V. DANILOVICH^a

^aInstitute of History, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Academičnaja Street, Minsk 220072, Belarus

The process of youth participation in the national and cultural life of the Soviet Belarus in the interwar period is considered. The stages and characteristic features of the development of this process are determined. It is stated that since the mid-1920s there has been an increase in participation in the national and cultural life of the BSSR of both Belarusian boys

Образец цитирования:

Даніловіч ВВ. Удзел моладзі ў нацыянальна-культурным жыцці савецкай Беларусі (1921–1939). *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2018;4: 19–27.

For citation:

Danilovich VV. The participation of youth in national cultural life of Soviet Belarus (1921–1939). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;4:19–27. Belarusian.

Автор:

Вячеслав Викторович Данилович – кандидат исторических наук, доцент; директор.

Author:

Vyachaslau V. Danilovich, PhD (history), docent; director. danilovich_v@mail.ru

and girls and youth of national minorities. The participation of Komsomol structures in the national and cultural construction was in fact developed with difficulties until the end of the 1930s: short rises were followed by recessions. Only at the end of the period under review did the work on educating the younger generation in the spirit of internationalism deepen.

Key words: Soviet power; Communist party; national policy; national rights; youth; Komsomol; education; culture.

Уводзіны

Як вядома, на хвалі рэвалюцыйнага ўздыму СНК РСФСР яшчэ 2 лістапада 1917 г. прыняў адзін з першых дэкрэтаў савецкай улады – Дэкларацыю правоў народаў Расіі. Дакумент прадугледжваў роўнасць і суверэннасць народаў Расіі, іх права на свабоднае самавызначэнне аж да аддзялення і будаўніцтва самастойнай дзяржавы, адмену ўсіх і ўсялякіх нацыянальных і нацыянальна-рэлігійных прывілеяў і абмежаванняў, свабоднае развіццё нацыянальных меншасцей і этнічных груп.

Менавіта на падставе гэтай дэкларацыі і будавалася нацыянальная палітыка большавікоў, у тым ліку і на тэрыторыі савецкай Беларусі, да якой мы адносім ССРБ і этнічна беларускія землі РСФСР, якія ў 1924 і 1926 г. былі вернуты ў склад БССР.

Маладзёжная палітыка ў разглядаемы перыяд непасрэдна была звязана з агульнай палітыкай дзяржавы, падмуркам якой з’яўлялася камуністычная ідэалогія. Кіраўніцтва кампартыі выдатна разумела значэнне маладзёжнага фактару ў палітыцы. З прыходам да ўлады большавікі рабілі ўсё, каб падпарадкаваць маладое пакаленне ідэалагічнаму кантролю праз сістэму адукацыі і стварэнне камсамола, які разглядаўся як інструмент для ўздзеяння на юнакоў і дзяўчат у патрэбным рэчышчы. Адпаведныя ідэалагічныя ўстаноўкі захоўваліся і пры ажыццяўленні нацыянальнай палітыкі. Разам з тым улічвалася і спецыфіка савецкай Беларусі, якая заключалася ў шматнацыянальным складзе насельніцтва, а таксама перавазе беларусаў у сельскай мясцовасці, а яўрэяў – у мястэчках і гарадах. Таму ажыццяўленне нацыяналь-

най палітыкі тут прадугледжвала ўлік інтарэсаў нацыянальных меншасцей, галоўным чынам яўрэяў, палякаў і латышоў. Для каардынацыі адпаведнай працы пры камітэтах кампартыі і камсамола дзейнічалі яўрэйскія, польскія і латышскія бюро. Пры гэтым асабліва ўвага надавалася падрастаючаму пакаленню, бо менавіта моладзь дзякуючы неабцяжаранасці вопытам лёгка ўспрымае ўсё новае і з’яўляецца рухавіком любых ператварэнняў.

Пад моладдзю, як правіла, разумелася насельніцтва ва ўзросце 14–23 гадоў, прычым у рэалізацыі дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі асабліва ўвага надавалася асобам малодшага узросту, (14–18 гадоў), якія часта называліся падлеткамі. Разам з тым з сярэдзіны 1930-х гг. верхняя ўзроставая планка для моладзі была перасунута да 28 і нават 30 гадоў.

Аднак да гэтага часу праблема ўдзелу моладзі ў нацыянальна-культурным жыцці савецкай Беларусі ў 1921–1939 гг. не стала аб’ектам комплекснага даследавання. У гістарыяграфіі прадстаўлены асобныя сюжэты па дадзенай праблематыцы. Пры гэтым агульным недахопам гістарычных прац савецкага часу было імкненне не выходзіць за рамкі агульнапрынятых, фактычна запраграмаваных устаноў. Гэта непазбежна спараджала аднамернасць ацэнак, вяло да лагіроўкі і замоўчвання фактаў, якія не адпавядалі афіцыйнаму пункту гледжання.

Мэта дадзенага артыкула – раскрыць працэс удзелу моладзі ў нацыянальна-культурным жыцці савецкай Беларусі ў 1921–1939 гг. і вызначыць яго характэрныя асаблівасці.

Асноўная частка

У першую чаргу савецкія ўлады надавалі ўвагу забеспячэнню нацыянальных правоў у сферы адукацыі. Так, у 1921 г. у ССРБ дзейнічалі беларускі і яўрэйскі педтэхнікумы, а таксама двухгадовыя польскія настаўніцкія курсы. З 1922 па 1937 г. падрыхтоўку настаўнікаў польскіх школ ажыццяўляў Мінскі польскі педтэхнікум імя Б. Весаўскага [1, с. 93, 95, 228].

Ажыццяўленне дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі ў маладзёжным асяроддзі адбывалася ў першую чаргу праз камсамол. Так, камсамольскія камітэты савецкай Беларусі да знамянальных дат выпускалі аднадзённым выданні на мовах нацыянальных меншасцей [2, с. 57].

Аднак, хаця ў пачатку 1920-х гг. у структуры ЦК КСМБ дзейнічалі яўрэйскае і польскае бюро, нацыянальная праца ў маладзёжным асяроддзі савецкай Беларусі больш-менш рэальна вялася толькі сярод яўрэйскай моладзі¹. Такое становішча, на наш погляд, тлумачыцца тым, што сам камсамол у гэты час складаўся ў пераважнай большасці з яўрэяў. Тым не менш пераадолець адасоблены лад жыцця яўрэйскіх юнакоў і дзяўчат не ўдавалася нават у камсамольскім асяроддзі.

Польскае бюро ЦК камсамола ССРБ вяло працу сярод беспартыйных маладых палякаў праз правядзенне канферэнцый, арганізацыю чытальняў, палітычных і спартыўных гурткоў. Бюро было арга-

¹Рас. дзярж. арх. сац.-паліт. гісторыі. Ф. М1. Воп. 23. Спр. 68. Л. 65.

нізавана некалькі спектакляў на карысць палітвязняў у Польшчы. Але ўся гэта дзейнасць разгортвалася толькі ў Мінску, бо ў паведах не было адпаведных работнікаў².

Разам з тым пытанне неабходнасці беларусізацыі і пашырэння тэрыторыі ССРБ у рамках этнаграфічных межаў беларусаў турбавала ў пачатку 1920-х гг. многіх беларускіх дзеячаў, у тым ліку і камуністаў [3, с. 20–21].

Аднак на практыцы беларусізацыя навучальных устаноў, стварэнне новых культурна-асветніцкіх асяродкаў адбывалася дзякуючы намаганням у першую чаргу маладых беларусаў. Большасць з іх былі беспартыйнымі, хаця таксама прымалі ўдзел у гэтай справе нямала камуністаў і эсэраў. Розная партыйная прыналежнасць не перашкаджала ім у супольнай беларускай працы [4, с. 173].

Доўгі час уся беларуская нацыянальная справа ў савецкай Беларусі трымалася выключна на нешматлікіх маладзёжных гуртках, вакол якіх аб'ядноўваліся вучні старэйшых класаў школ, а таксама навучэнцы і студэнты мясцовых педагагічных і іншых навучальных устаноў [4, с. 206]. Дзейнічалі і беларускія вясковыя культурна-асветніцкія гурткі, у якія ўваходзіла таксама ў асноўным моладзь³.

Пры гэтым сувязь і праца Камуністычнага саюза моладзі Беларусі (КСМБ, з 1924 г. – Ленінскі камуністычны саюз моладзі Беларусі, ЛКСМБ) з беларускай моладдзю ў пачатку 1920-х гг. заставаліся слабымі, што сведчыць аб наданні недастатковай увагі гэтаму пытанню і можа быць растлумачана тым, што з-за перавагі сярод членаў саюза юнакоў і дзяўчат яўрэйскай нацыянальнасці адпаведна пераважалі іх інтарэсы.

Пэраломным для савецкай нацыянальнай палітыкі стаў 1923 г., калі ў красавіку на XII з'ездзе РКП(б) была звернута ўвага на неабходнасць вырашэння нацыянальнага пытання ў СССР. У рэалізацыі гэтай задачы павінен быў актыўна ўдзельнічаць і камсамол краіны.

У выніку на VI з'ездзе КСМБ, які адбыўся 4–8 мая 1923 г. у Мінску, упершыню з'явіліся афіцыйныя дакументы саюза на беларускай мове. На з'ездзе было абмеркавана пытанне «Быт і мова ў выхаваўчай рабоце камсамола»⁴. Так у саюзе з'явіліся першыя парасткі беларусізацыі. Неабходна адзначыць, што да гэтага з'езда нацыянальнае пытанне ў камсамоле ССРБ ніколі канкрэтна не ставілася.

Ужо 19 ліпеня 1923 г. пры бюро ЦК КСМБ (першы сакратар – М. Кузеніц) была створана спецыяльная камісія для працы з камсамольцамі і моладдзю розных нацыянальнасцей. На думку ўдзельнікаў ліпеньскага Пленума ЦК КСМБ, беларусізацыю трэба было весці павольна⁵.

Аднак у працы КСМБ на той час важную ролю адводзілі ідыш і польскай мове, а да беларускай мовы адносіны былі аб'ектавыя. Увогуле, нягледзячы на тое, што з канца жніўня 1923 г. у ячэйках саюза прыярытэтнай стала праца з моладдзю на яе роднай мове, рэальна яна амаль не вялася⁶.

У гэтым жа годзе ў БДУ быў уведзены абавязковы залік для студэнтаў па беларускай мове⁷. Адзначаўся рост нацыянальнай свядомасці беларускай моладзі і ў Гомельскай губерні⁸.

З мэтай інтэрнацыянальнага выхавання маладога пакалення ў камсамольскіх клубах ладзіліся адпаведныя выставы, чыталіся лекцыі, праводзіліся вечарыны. У Мінску у 1923 г. быў нават створаны інтэрнацыянальны клуб моладзі, які арганізоўваў вечары інтэрнацыянальнай дружбы, сустрэчы з вядомымі дзеячамі міжнароднага камуністычнага руху, знаёміў з жыццём юнакоў і дзяўчат іншых краін. Усе камсамольцы былі членамі Міжнароднай арганізацыі дапамогі рэвалюцыянерам (МАДР), ЦК якога на чале з Ю. Мархлеўскім у красавіку 1923 г. звярнуўся з заклікам да савецкай моладзі аб дапамозе «ахвярам капіталу». У выніку камсамольскія арганізацыі правялі нядзельнікі, а заробленыя на іх грошы былі перададзены МАДР. Камсамольскія структуры савецкай Беларусі вялі рэгулярную перапіску, мелі сталыя сувязі з камсамольскімі арганізацыямі Заходняй Беларусі, Польшчы і Літвы. У прыватнасці, выканкам Камуністычнага інтэрнацыяналу моладзі на чале з В. Вуёвічам у снежні 1923 г. адобрыў садружнасць камсамольскіх арганізацый БССР і Літвы [5, с. 147–148].

Тым не менш да верасня 1924 г. інтэрнацыянальнае выхаванне маладога пакалення і нацыянальная праца сярод яго вяліся эпізодычна⁹.

Пры гэтым у актывістаў ЛКСМБ адзначалася адсутнасць дастатковай увагі да ўліку нацыянальных момантаў у працы (пытанне аб мове). Праца на родных мовах яўрэйскай, палякаў і латышоў у саюзе амаль не вялася. Мала займаліся камсамольскія ячэйкі і беларусізацыяй¹⁰.

Сярод моладзі (нават камсамольцаў) назіраліся незадаволенасць і супярэчнасці паміж палякамі

²Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 18. Л. 52; Рас. дзярж. арх. сац.-паліт. гісторыі. Ф. М1. Воп. 23. Спр. 68. Л. 52.

³Дзярж. арх. Мінскай вобласці. Ф. 324. Воп. 1. Спр. 395. Л. 5; Там жа. Спр. 398. Л. 1; Там жа. Спр. 413. Л. 5.

⁴Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 19. Л. 48–49.

⁵Там жа. Спр. 22. Л. 34, 36, 73; Там жа. Спр. 24. Л. 2.

⁶Там жа. Спр. 22. Л. 72, 82–83.

⁷Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 12. Л. 6.

⁸Дзярж. арх. Гомельскай вобласці. Ф. 24. Воп. 1. Спр. 310. Л. 2–3.

⁹Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 33. Л. 157–158; Там жа. Спр. 37. Л. 28, 31.

¹⁰Там жа. Спр. 46. Л. 3; Там жа. Спр. 49. Л. 79.

і беларусамі, антысемітызм (асабліва сярод маладых рабочых-беларусаў), нацыянальная абмежаванасць (асабліва сярод яўрэйскіх юнакоў і дзяўчат), шавінізм¹¹.

У Мінску 12–14 мая 1924 г. адбыўся VIII з’езд КП(б)Б, які рэкамендаваў камсамолу БССР весці працу сярод юнакоў і дзяўчат на іх роднай мове, спрыяць развіццю нацыянальнай культуры [5, с. 164].

У выніку з 26 ліпеня 1924 г. ЦК ЛКСМБ, які ўзначаліў М. Арэхва, упершыню пачаў карыстацца беларускамоўнай пячаткай¹². Аднак рэальная беларусізацыя ішла маруднымі тэмпамі. У ячэйках саюза праца вялася на нацыянальнай мове толькі ў тых рэдкіх выпадках, калі ўсе члены ячэйкі былі адной нацыянальнасці. Таму большасць камсамольскіх ячэек працавалі на рускай мове [5, с. 184].

Напрыканцы года пры большасці акруговых камітэтаў (АК) ЛКСМБ былі створаны гурткі беларусазнаўства. Аднак у некаторых АК да іх ставіліся несур’ёзна, і гурткі распадаліся (так адбылося, напрыклад, у Магілёве). На беларускую мову перайшлі ячэйкі педтэхнікумаў і партшкол. На вёсцы гурткі беларусазнаўства ахоплівалі 50 % камсамольскіх ячэек¹³.

Беларусізацыю актыўна падтрымала беларуская моладзь, асабліва вясковая. Маладыя беларускія патрыёты з энтузіязмам адгукаліся на заклікі Народнага камісарыята асветы БССР, Інстытута беларускай культуры і маладзёжнага літаратурнага аб’яднання «Маладняк», ехалі ў правінцыю, займалі пасады загадчыкаў раённых аддзелаў народнай адукацыі, культурна-асветніцкіх клубаў, бібліятэк, настаўнікаў, рэдактараў беларускамоўных газет [4, с. 217–218].

Пэўная колькасць навучэнцаў і студэнтаў – галоўным чынам не беларусы ці беларусы з гарадоў – пад уплывам праціўнікаў беларусізацыі з ліку выкладчыцкага саставу выступалі супраць выкладання прадметаў на беларускай мове, але большасць прыхільна ставіліся да беларусізацыі навучальна-выхаваўчага працэсу, бо лічылі яе важным сродкам падрыхтоўкі нацыянальна свядомай інтэлігенцыі, якой не хапала [3, с. 47, 103; 4, с. 216].

З 1924/25 навучальнага года ў тэхнікумах і ВНУ быў уведзены ўступны экзамен па беларускай мове. Беларусізацыі сярэднеспецыяльных і вышэйшых навучальных устаноў таксама спрыяла палітыка іх пралетарызацыі, бо павелічэнне колькасці рабочых, і ў першую чаргу сялян, сярод студэнтаў непазбежна цягнула за сабой памяншэнне колькасці

яўрэяў і рост колькасці беларусаў сярод іх [1, с. 82; 6, с. 117].

Адной з важкіх падстаў для правядзення палітыкі беларусізацыі ў сярэдзіне 1920-х гг. з’яўляліся сур’ёзныя адносіны маладых камуністаў на месцах да нацыянальнага пытання [7, с. 13; 8, с. 57].

Аднак у асяроддзі камсамольцаў савецкай Беларусі не было яснасці і адзінства ў пытанні неабходнасці беларусізацыі. На пленумах камсамола Віцебшчыны і Гомельшчыны ў верасні 1924 – студзені 1925 г. адзначалася, што некаторыя камсамольцы не разумелі сутнасці нацыянальнай палітыкі кампартыі, а частка актыву саюза нават адкрыта супраціўлялася беларусізацыі¹⁴.

Тым не менш пры камсамольскіх камітэтах і ячэйках у гарадах БССР дзейнічалі гурткі па вывучэнні беларускай мовы і беларусазнаўству, у якіх займаліся актывісты саюза. Камсамольскія арганізацыі практыкавалі правядзенне вечарын беларускага мастацтва. Маладзёжнае літаратурнае аб’яднанне «Маладняк», якое курыраваў камсамол, за 1924–1925 гг. выдала каля 30 зборнікаў вершаў і прозы на беларускай мове [5, с. 183–184].

Асноўная праца структур ЛКСМБ сярод маладых яўрэяў вялася на рускай мове. Разам з тым функцыянавалі пункты ліквідацыі непісьменнасці на ідыш. Яўрэйскія бюро дзейнічалі пры кожным камсамольскім АК. Аднак сакратары гэтых бюро часта змяняліся. Гэта вельмі перашкаджала працы галоўнага яўрэйскага бюро ЦК ЛКСМБ. Да 1925 г. колькасць ячэек саюза, якія працавалі на ідыш, вырасла да 35. Дзейнічалі каля 100 камсамольскіх яўрэйскіх палітгурткоў, якімі кіравалі былыя навучэнцы і настаўнікі яўрэйскіх школ, партшкол і тэхнікумаў. Яўрэйскія прапагандысцкія калектывы дзейнічалі ў Мінску (Мінскі калектыў налічваў 50 чалавек і з’яўляўся самым буйным), Бабруйску, Віцебску, Магілёве, Оршы, Полацку і Слуцку¹⁵.

Значныя праблемы назіраліся ў дзейнасці польскага бюро ЦК ЛКСМБ: слаба былі вывучаны колькасць і настроі маладых палякаў, праца сярод іх ішла дрэнна, асабліва на вёсцы, адсутнічала сувязь з польскім бюро ЦК РЛКСМ¹⁶.

Праца структур камсамола сярод латышскай моладзі першапачаткова вялася толькі ў Віцебскім АК, але 15 верасня 1924 г. латышкае бюро было ўтворана пры ЦК ЛКСМБ. Хаця ў саюзе на канец года мелася толькі 1 латышская ячэйка з 4 членаў у Бабруйскай акрузе, але дзейнічалі 19 латышскіх драматычных, сельскагаспадарчых і палітычных гурткоў¹⁷.

¹¹Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 44. Л. 4 ; Там жа. Спр. 46. Л. 29 ; Там жа. Спр. 53. Л. 36.

¹²Там жа. Спр. 33. Л. 114.

¹³Там жа. Спр. 37. Л. 29.

¹⁴Баталко Т. И. Строительство белорусской национальной школы в условиях политики белорусизации. 1921–1930 годы (общественно-политический аспект) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01. Минск, 1993. С. 19–20.

¹⁵Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 37. Л. 48–49.

¹⁶Там жа. Воп. 1. Спр. 33. Л. 153 ; Там жа. Воп. 1. Спр. 35. Л. 53.

¹⁷Там жа. Воп. 1. Спр. 33. Л. 166 ; Там жа. Воп. 1. Спр. 35. Л. 11 ; Там жа. Воп. 2. Спр. 150. Л. 1.

Увогуле толькі ў 1925 г. перад камсамолам былі пастаўлены канкрэтныя задачы па прыцягненні моладзі нацыянальных меншасцей у дзейнасць па эканамічным і культурным адраджэнні краіны, сціранні любой нацыянальнай розні. У выніку праца структур ЛКСМБ у гэтым кірунку ўзмацнілася і была аформлена арганізацыйна¹⁸.

У 1925 г. ЦК ЛКСМБ пад кіраўніцтвам А. Самыхвалава выпусціў 20 розных выданняў агульным тыражом 117 500 экзэмпляраў, з іх на беларускай мове – 13 (88 000 экзэмпляраў), на ідыш – 5 (20 500 экзэмпляраў), на польскай мове – 2 (7000 экзэмпляраў)¹⁹. Як бачым, прыярытэт мелі выданні на беларускай мове.

Тым не менш беларусізацыя ў камсамоле БССР ішла марудна і часта фармальна зводзілася толькі да пераводу апарата на беларускую мову. Адсутнічалі планамернасць, кантроль і арганізаванасць, не хапала палітычнай і камсамольскай літаратуры на беларускай мове. Рабочыя-беларусы недастаткова вылучаліся ў кадры раённага і акруговага камсамольскага актыву. У горадзе слаба вялася праца па тлумачэнні неабходнасці вывучэння беларускай мовы²⁰.

У парадку змяншэння ступені беларусізацыі ішлі спачатку ячэйкі, раённыя камітэты (РК), АК, а потым ЦК ЛКСМБ, які толькі часткова дасылаў матэрыялы на месцы на беларускай мове²¹. Як бачым, працэс беларусізацыі саюза адбываўся пераважна знізу.

Увогуле ў БССР таксама назіраліся фармальныя адносіны да беларусізацыі часткі навуковых работнікаў і студэнцтва, слабая актыўнасць кіруючых органаў ВНУ і студэнцкіх арганізацый у адносінах да беларусізацыі. Многія студэнты нават на старэйшых курсах не ведалі беларускай мовы²².

Тым не менш з сярэдзіны 1920-х гг. выкладанне ў БДУ паступова пераводзілася на беларускую мову. Выпускнікі ўніверсітэта, якія не паспелі асвоіць беларускую мову падчас навучання, абавязаны былі на працягу года наведваць спецыяльныя курсы, каб здаць залік па беларускай мове і атрымаць пасведчанне [4, с. 203].

Паступова пашыралася нацыянальная праца сярод яўрэйскіх юнакоў і дзяўчат. На жнівень 1925 г. у БССР 80 камсамольскіх ячэек (35 гарадскіх, 32 мястачковых, 13 вясковых) і больш 100 палітгурткоў

працавалі на ідыш. Акрамя таго, у Мінску і Бабруйску дзейнічалі 2 яўрэйскія рабочыя ўніверсітэты і 5 вясэрніх школ для яўрэйскай моладзі²³.

Разам з тым афіцыйна адмаўлялася, што папярэднікамі ЛКСМБ з'яўляліся «Югендбунд» і «Кляйнбунд»²⁴, што сведчыць аб імкненні пазбавіцца погляду на камсамол як на пераважна яўрэйскую маладзёжную арганізацыю.

Нацыянальная праца сярод маладых палякаў і латышоў у БССР ажыццяўлялася ў 1925 г. дрэнна з-за адсутнасці штатных адзінак у АК камсамола. Каб вырашыць гэту праблему, у акругах і раёнах, дзе мелася польская ці латышская моладзь, замацоўваліся адпаведныя камсамольскія ўпаўнаважаныя для арганізацыі працы сярод яе, але часта рэальнай дзейнасці яны не вялі. Як вынік, у ЛКСМБ толькі 5 ячэек працавалі на польскай і 3 на латышскай мове²⁵.

Пры гэтым маладыя палякі ў большасці дрэнна адносіліся да камсамола. Толькі з другой паловы 1925 г. пачаўся пералом іх настрояў у бок прыхільнасці да савецкай улады і камсамола. Канферэнцыі польскай моладзі сталі ладзіцца камітэтамі і ячэйкамі ЛКСМБ не толькі ў раёнах, але і ў асобных вёсках. Увогуле расла грамадская актыўнасць юнакоў і дзяўчат нацыянальных меншасцей: удзел у культурна-асветніцкіх гуртках, падрыхтоўцы на сценных газет і карэспандэнцый у друкаваныя выданні і г. д.²⁶

У Гомельскай губерні ў першай палове 1920-х гг. камсамольская газета «Набат моладзежы» шмат увагі надавала агітацыйнай працы сярод яўрэйскай моладзі [2, с. 95]. Аднак камсамольскія структуры Гомельшчыны ўпарта адмаўляліся ад прапаноў весці працу на ідыш, нават у мястэчках, дзе 90 % камсамольцаў былі яўрэямі і зусім не валодалі рускай мовай²⁷, што можа сведчыць як аб іх нежаданні абмяжоўваць сваю дзейнасць вузканациональнымі рамкамі, так і аб недахопе камсамольскага актыву, які б добра валодаў ідыш.

На Гомельшчыне фактычна не вялася і нацыянальная праца сярод беларускай моладзі²⁸. Больш таго, некаторых юнакоў і дзяўчат нават выключалі з камсамола за спробы весці беларусізацыю [8, с. 185].

У 1926 г. па-ранейшаму агітацыйна-прапагандысцкая праца структур ЛКСМБ сярод яўрэйскіх, польскіх, латышскіх і літоўскіх юнакоў і дзяўчат вя-

¹⁸Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 39. Л. 62 ; Там жа. Воп. 1. Спр. 46. Л. 27.

¹⁹Там жа. Воп. 1. Спр. 54. Л. 97.

²⁰Там жа. Спр. 37. Л. 9 ; Там жа. Воп. 1. Спр. 42. Л. 14 ; Там жа. Воп. 1. Спр. 46. Л. 28 ; Там жа. Воп. 1. Спр. 49. Л. 194.

²¹Там жа. Воп. 1. Спр. 44. Л. 8 ; Там жа. Воп. 1. Спр. 64. Л. 50.

²²Там жа. Воп. 3. Спр. 11. Л. 369–370 ; Там жа. Воп. 1. Спр. 214. Л. 1.

²³Там жа. Воп. 1. Спр. 53. Л. 47 ; Там жа. Воп. 2. Спр. 84. Л. 136.

²⁴Там жа. Воп. 1. Спр. 51. Л. 72.

²⁵Там жа. Спр. 37. Л. 5–6 ; Там жа. Воп. 1. Спр. 59. Л. 20 ; Там жа. Воп. 2. Спр. 127. Л. 23 ; Там жа. Воп. 2. Спр. 144. Л. 25.

²⁶Там жа. Воп. 1. Спр. 55. Л. 37 ; Там жа. Воп. 2. Спр. 122. Л. 70 ; Там жа. Воп. 2. Спр. 144. Л. 24.

²⁷Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Гомельскай вобласці. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 1713. Л. 69.

²⁸Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 64. Л. 116.

лася слаба [7, с. 84]. У «Чырвонай зьмене» недастаткова асвятляліся пытанні дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі²⁹.

Кастрычніцкі Пленум ЦК КП(б)Б прыняў рашэнне перавесці ўсю працу апарата ЛКСМБ на беларускую мову к 1 студзеня 1927 г. [7, с. 87]. Для кожнага члена, кандыдата і работніка ЦК саюза быў вызначаны асабісты тэрмін авалодвання ёй. У выніку большасць раённага, акруговага і цэнтральнага камсамольскага актыву асвоіла беларускую мову, а «Чырвоная зьмена» цалкам перайшла на яе. Значная колькасць камсамольцаў-актывістаў была вылучана з ліку беларусаў³⁰.

Узмацнілася праца па беларусізацыі і сярод яўрэйскай моладзі ў Калініна, Мазыры, Оршы, Слуцку. Разам з тым частка маладога пакалення па-ранейшаму выступала супраць беларусізацыі³¹.

Развівалася беларусізацыя і ў адукацыйнай сферы. У сярэднеспецыяльных і вышэйшых навучальных установах яна праводзілася паступова і сістэматычна, але больш марудна, чым у школах. Выкладанне ў педагагічных і сельскагаспадарчых тэхнікумах удалося беларусізаваць на 63 %, у іншых тэхнікумах – на 12–38 %, у сельскагаспадарчых школах – на 67 %, школах прафесійнага навучання – на 60 %, рабфаках – на 69 %, у ВНУ – на 17,5 %, у БДУ – на 31 %, у школах рабочай моладзі – на 100 %. К 1927 г. толькі педтэхнікумы цалкам перайшлі на беларускую мову [1, с. 88; 3, с. 56–57; 10, с. 138; 11, с. 146].

У 1927 г. з 14 педагагічных тэхнікумаў на беларускай мове працавалі 10, на ідыш – 3, на польскай – 1, дзейнічалі таксама яўрэйскае і польскае аддзяленні ў БДУ³².

Кіраўніцтва ЛКСМБ на чале з А. Бараннікавым пашырала нацыянальную працу сярод маладых яўрэяў. У 1926–1927 гг. большасць местачковых камсамольскіх палітшкол была пераведзена на ідыш³³.

Аднак у 1927 г. структуры камсамола БССР па-ранейшаму слаба ўплывалі на польскую моладзь, якая знаходзілася пад значным ідэалагічным уплывам каталіцкага духавенства³⁴.

Увогуле ў ЛКСМБ адсутнічала стройная сістэма нацыянальнай працы сярод маладых палякаў. У АК саюза не хапала адпаведных штатных работнікаў. У польскім бюро ЦК саюза мелася толькі штат-

ная адзінка сакратара [12, с. 25]. Усяго 11 ячэек саюза вялі працу на польскай мове (1 – у горадзе і 10 – у сельскай мясцовасці). Не было і статыстычных даных аб колькасці польскай моладзі. Нават камсамольцы-палякі недакладна ўлічваліся³⁵.

Тым не менш цікавасць польскіх юнакоў і дзяўчат да нацыянальна-культурнага жыцця і камсамола павялічвалася. Паступова пашыралася сетка палітадукацыі на польскай мове, у першую чаргу на вёсцы. Маладыя палякі імкнуліся арганізоўваць розныя культурныя гурткі. Разам з тым пачасціліся выпадкі выхаду палякаў з ЛКСМБ з-за нежадання адмаўляцца ад сваіх рэлігійных перакананняў³⁶.

Праца структур саюза сярод латышскай моладзі па-ранейшаму вялася вельмі слаба. Аднак у Віцебскім АК камсамола з'явіўся штатны работнік для працы сярод маладых латышоў³⁷. Улады таксама накіроўвалі камсамольцаў у латышскія школы БССР у якасці настаўнікаў [12, с. 115].

Разам з тым сярод камсамольцаў і моладзі адзначаўся рост выпадкаў нацыянальнай варожасці і абмежаванасці, шавінізму, пасіўнага супраціўлення беларусізацыі (асабліва сярод маладых яўрэяў з мястэчак)³⁸.

Тым не менш праца ЛКСМБ па беларусізацыі значна ўзмацнілася. К канцу 1927 г. увесь апарат саюза быў пераведзены на беларускую мову з адначасовым абслугоўваннем моладзі нацыянальных меншасцей на іх роднай мове. У пачатку 1928 г. праца АК, РК і значнай часткі ячэек камсамола вялася на беларускай мове. На ёй у большасці праводзіліся камсамольскія акруговыя і раённыя канферэнцыі, быў выдадзены падручнік для палітнавучання камсамольцаў і несаюзнай моладзі, пры значнай частцы ячэек саюза (асабліва вясковых) дзейнічалі беларускія гурткі, ва ўсіх камсамольскіх палітшколах праводзіліся заняткі па беларусазнаўству, вялікай папулярнасцю сярод юнакоў і дзяўчат карыстаўся часопіс «Маладняк»³⁹.

Аднак практычныя дасягненні структур ЛКСМБ у галіне беларусізацыі былі нераўнамернымі. Цалкам толькі Калінінская камсамольская арганізацыя перайшла на беларускую мову. У шэрагу структур саюза тэмпы беларусізацыі аслабелі, тыраж «Чырвонай зьмены» моцна знізіўся⁴⁰.

²⁹Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 60. Л. 71.

³⁰Там жа. Воп. 1. Спр. 59. Л. 14; Там жа. Воп. 1. Спр. 64а. Л. 588; Там жа. Воп. 2. Спр. 251. Л. 8.

³¹Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 4п. Воп. 3. Спр. 25. Л. 49–51; Там жа. Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 59. Л. 19.

³²Баталко Т. И. Строительство белорусской национальной школы в условиях политики белорусизации. 1921–1930 годы (общественно-политический аспект) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01. Минск, 1993. С. 21.

³³Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 69. Л. 12.

³⁴Там жа. Воп. 2. Спр. 174. Л. 207, 211; Там жа. Воп. 2. Спр. 364. Л. 13.

³⁵Там жа. Воп. 2. Спр. 363. Л. 1–2.

³⁶Там жа. Воп. 1. Спр. 66. Л. 29; Там жа. Воп. 2. Спр. 363. Л. 5–6.

³⁷Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 4п. Воп. 12. Спр. 36. Л. 38; Там жа. Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 174. Л. 206.

³⁸Там жа. Воп. 1. Спр. 66. Л. 27; Там жа. Воп. 2. Спр. 174. Л. 171; Там жа. Воп. 2. Спр. 297. Л. 2.

³⁹Там жа. Воп. 1. Спр. 78. Л. 3; Там жа. Воп. 1. Спр. 81. Л. 297; Там жа. Воп. 2. Спр. 174. Л. 209.

⁴⁰Там жа. Воп. 2. Спр. 306. Л. 76; Там жа. Воп. 2. Спр. 364. Л. 11–12.

К 1928 г. беларуская мова стала асноўнай пры выкладанні ў сельскагаспадарчых і педагогічных тэхнікумах, частцы прафтэхвучылішчаў, у школах рабочай і сялянскай моладзі. Паслядоўна пераводзіліся на беларускую мову лекцыйныя курсы і семінары ў ВНУ, перш за ўсё ў БДУ. Беларусізаваліся Камуністычны ўніверсітэт, савецка-партыйныя школы, сістэма партыйна-палітычнага навучання [7, с. 18–19].

Маладыя беларускія пісьменнікі актыўна праводзілі публічныя гутаркі аб беларускай мове і культуры з мэтай іх папулярызацыі⁴¹.

Разам з тым адміністрацыйныя формы і метады ажыццяўлення нацыянальнай палітыкі ў сярэднеспецыяльных і вышэйшых навучальных установах прывялі да пэўнай напружанасці ў міжнацыянальных адносінах сярод навучэнцаў і студэнтаў БССР⁴² [6, с. 61].

Так, значная частка студэнцтва была незадаволена рашэннем аддзела агітацыі і прапаганды ЦК КП(б)Б аб тым, што выпускнікамі ВНУ лічылі толькі тых студэнтаў, якія добра валодалі беларускай мовай. На гэтай падставе ў студэнцкім асяроддзі ўзніклі нават канфлікты⁴³.

Увогуле кіраўніцтва ЛКСМБ на чале з П. Галавачом недаацэньвала палітычнае значэнне задач беларусізацыі⁴⁴. У выніку складанасці ў яе правядзенні выкарыстоўваліся палітычнымі праціўнікамі савецкай улады для пашырэння пратэстных настрояў сярод навучэнцаў і студэнтаў, што прыводзіла да ўмяшальніцтва Аб'яднанага дзяржаўна-палітычнага ўпраўлення (АДПУ) у працу навучальных устаноў [4, с. 228].

Тым не менш к 1929 г. структуры камсамола БССР дасягнулі значных поспехаў у галіне беларусізацыі, развіцці беларускай культуры і рабоце з моладдзю нацыянальных меншасцей.

Аднак з 1929 г. праца па беларусізацыі ў гарадскіх арганізацыях і рабочых ячэйках ЛКСМБ пачала слабець. У часткі камсамольскіх актывістаў назіралася пасіўнасць у яе ажыццяўленні, а акруговыя актыўны нават супраціўляўся беларусізацыі, бо не валодаў беларускай мовай. У 1930 г. у саюзе ўжо меліся нават цэлыя камітэты і ячэйкі, якія сабатавалі беларусізацыю⁴⁵. Такое становішча мож-

на растлумачыць крызіснымі з'явамі ў камсамоле ў сувязі з разгортваннем масавай прымусовай калектывізацыі.

Тым не менш ЦК ЛКСМБ на чале з М. Паляковым імкнуўся выправіць сітуацыю. Так, у снежні 1930 г. структуры саюза ўдзельнічалі ў месячніку беларусізацыі, абвешчаным ЦК КП(б)Б, які ў той час узначальваў К. Гей⁴⁶.

Цікава, што праявы беларусізацыі назіраліся і ў РСФСР. Так, з 1929/30 навучальнага года там дзейнічалі 10 беларускіх школ, настаўнікаў для якіх рыхтаваў Томскі педтэхнікум. У гэтай рэспубліцы ва ўстановах са значнымі групамі беларускага студэнцтва прадугледжвалася выкладанне беларускага і беларускай мовы [1, с. 404–405].

Афіцыйна ў 1930 г. у ЛКСМБ адзначалася адчувальнае ўмацаванне міжнацыянальнага адзінства, але ў рэчаіснасці структуры саюза слаба вялі нацыянальна-культурную працу ў маладзёжным асяроддзі і інтэрнацыянальнае выхаванне моладзі⁴⁷.

З мэтай выпраўлення сітуацыі ЦК ЛКСМБ быў абвешчаны трохмесячнік беларускай пралетарскай культуры і пралетарскай культуры нацыянальных меншасцей [13, с. 3–4].

Камсамольскі друк прапагандаваў ідэі інтэрнацыяналізма, дружбы і ўзаемадапамогі [2, с. 96]. Але пры гэтым «Чырвоная змена» і «Юнгер арбэтэр» недастаткова асвятлялі нацыянальную працу ЛКСМБ⁴⁸.

Адначасова сярод камсамольцаў (нават актывістаў) і моладзі БССР пашырыліся праявы шавінізму і антысемітызму⁴⁹, што сведчыць аб значных хібах у інтэрнацыянальным выхаванні маладога пакалення.

Увогуле другая палова 1920-х гг. характарызавалася ўзмацненай барацьбой з антысемітызмам, які набыў шырокія маштабы і ў маладзёжным асяроддзі⁵⁰.

Нягледзячы на захады кіраўніцтва ЛКСМБ, у самім саюзе з 1931 г. пачало скарачацца выкарыстанне актывам беларускай мовы, адзначалася адмоўнае стаўленне да яе. У нізавых камсамольскіх звёнах мала ўвагі надавалася карэнізацыі актыву. Пасля 1933 г. справа беларусізацыі ўвогуле не ўзгадвалася ў дакументах камсамола⁵¹.

⁴¹Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 701. Воп. 1. Спр. 89. Л. 2–7.

⁴²Соколов М. Н. Студенчество высшей школы Беларуси 20-х годов XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Минск, 2002. С. 4, 17.

⁴³Евдокименко Н. Л. Проблемы становления и развития высшей школы Белоруссии (на материалах государственных и общественно-политических организаций (1921–1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Минск, 1993. С. 21.

⁴⁴Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Воп. 2. Спр. 396. Л. 128.

⁴⁵Там жа. Воп. 1. Спр. 88. Л. 6 ; Там жа. Воп. 1. Спр. 93. Л. 139–140, 161, 180 ; Там жа. Воп. 2. Спр. 448. Л. 142 ; Там жа. Воп. 2. Спр. 523. Л. 63.

⁴⁶Там жа. Воп. 1. Спр. 105. Л. 215.

⁴⁷Там жа. Воп. 1. Спр. 88. Л. 6 ; Там жа. Воп. 2. Спр. 448. Л. 142 ; Там жа. Воп. 2. Спр. 462. Л. 87 ; Там жа. Воп. 2. Спр. 523. Л. 63.

⁴⁸Рубенчык. Тэзісы да дакладу т. Рубенчыка аб нац.-культ. будаўніцтве на X з'ездзе ЛКСМБ. Менск: ЦК ЛКСМБ, 1931. С. 7–8.

⁴⁹Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 88. Л. 6 ; Там жа. Воп. 2. Спр. 421. Л. 28 ; Там жа. Воп. 2. Спр. 448. Л. 142.

⁵⁰Там жа. Воп. 1. Спр. 62. Л. 174, 185.

⁵¹Там жа. Воп. 1. Спр. 100. Л. 17 ; Там жа. Воп. 1. Спр. 110. Л. 254 ; Там жа. Воп. 1. Спр. 112. Л. 47 ; Там жа. Воп. 1. Спр. 114. Л. 164, 197 ; Там жа. Воп. 1. Спр. 116. Л. 85 ; Там жа. Воп. 1. Спр. 120. Л. 145 ; Там жа. Воп. 1. Спр. 134. Л. 53 ; Там жа. Воп. 2. Спр. 587. Л. 3.

Тым не менш моладзь БССР працягвала актыўна ўдзельнічаць у беларусізацыі на ніве адукацыі, кадры якой у падаўляючай большасці былі маладымі і беларускамоўнымі [3, с. 139].

Да сярэдзіны 1930-х гг. былі адкрыты і дзейнічалі нацыянальныя аддзяленні пры БДУ імя У. І. Леніна, педагагічных і настаўніцкіх інстытутах, працягвалі працу два яўрэйскія і адзін польскі педтэхнікумы, Мінскі настаўніцкі інстытут нацыянальных меншасцей, яўрэйскае і польскае аддзяленні ў Магілёўскім палітасветтэхнікуме, яўрэйскае аддзяленне ў саўпартшколе і сельскагаспадарчы яўрэйскі тэхнікум [1, с. 404].

Пры гэтым у 1930-я гг. ЛКСМБ імкнуўся выхоўваць маладое пакаленне БССР у духу інтэрнацыяналізму, дружбы з іншымі народамі СССР, са-

лідарнасці з моладдзю другіх краін, асабліва Заходняй Беларусі, Заходняй Украіны і Польшчы. Умацоўваліся сяброўскія сувязі саюза з камсамольскімі арганізацыямі савецкіх рэспублік. ЛКСМБ праводзіў кампаніі збору сродкаў у дапамогу маладзёжным камуністычным саюзам іншых краін і нават арганізаваў міжнароднае спаборніцтва паміж камсамольцамі Мінска і Лейпцыга. Сярод маладога пакалення шырока распаўсюдзіліся такія формы інтэрнацыянальнай салідарнасці, як удзел у міжнародным юнацкім дні, кампаніі салідарнасці з палітвязнямі ў іншых краінах⁵².

Увогуле напрыканцы разглядаемага перыяду КП(б)Б і ЛКСМБ паглыбілі працу па выхаванні маладога пакалення ў духу «брацкай садружнасці працоўных усіх нацыянальнасцей»⁵³ [14, с. 228].

Заклучэнне

Такім чынам, прыярытэт у дзяржаўнай нацыянальнай палітыцы сярод моладзі мела выхаванне яе ў духу інтэрнацыяналізма. Акрамя таго, нацыянальнае выхаванне было падпарадкавана ідэйна-палітычнаму.

З мэтай задавальнення адукацыйных патрэб беларускіх, яўрэйскіх, польскіх юнакоў і дзяўчат у савецкай Беларусі з пачатку 1920-х гг. і фактычна да канца разглядаемага перыяду дзейнічалі адпаведныя нацыянальныя ўстановы адукацыі розных узроўняў.

Нацыянальна-культурная праца сярод маладых яўрэяў вялася камсамолам савецкай Беларусі з пачатку 1920-х гг. даволі актыўна, хаця і не была пазбаўлена арганізацыйных недахопаў. Пры гэтым такая ж праца ў асяроддзі маладых палякаў і латышоў ажыццяўлялася з вялікімі цяжкасцямі і хібамі. Аднак пераадолець адасоблены лад жыцця яўрэйскай моладзі не ўдавалася нават у камсамольскім асяроддзі.

Пераломным для савецкай нацыянальнай палітыкі стаў 1923 г., калі кампартыя паставіла задачу вырашыць нацыянальнае пытанне ў СССР. Аднак да верасня 1924 г. інтэрнацыянальнае выхаванне маладога пакалення і нацыянальная праца сярод яго ў Савецкай Беларусі вяліся яшчэ эпізодычна. Толькі ў 1925 г. нацыянальна-культурная дзейнасць структур ЛКСМБ умацавалася і была арганізацыйна аформлена. Сярод моладзі нацыянальных меншасцей прыярытэт аддаваўся працы з яўрэямі, палякамі і латышамі. Пры гэтым кіраўніцтва саюза шмат увагі таксама звяртала на ажыццяўленне беларусізацыі. У выдавецкай дзейнасці камсамола БССР выразны прыярытэт мелі выданні на беларускай мове.

Увогуле з сярэдзіны 1920-х гг. назіралася актывізацыя ўдзелу ў нацыянальна-культурным жыцці БССР як беларускіх юнакоў і дзяўчат, так і моладзі нацыянальных меншасцей.

Свайго піку правядзенне беларусізацыі ў ЛКСМБ дасягнула ў 1928 г., а з 1929 г. яно пачало слабець, што можна патлумачыць унутраным крызісам у саюзе з-за абвастрэння грамадска-палітычнага і сацыяльна-эканамічнага становішча ў сувязі з правядзеннем масавай калектывізацыі. З 1934 г. беларусізацыя як палітычная кампанія ў камсамоле не ажыццяўлялася.

Напрыканцы 1920-х гг. з-за адсутнасці штату і недастатковай увагі кіраўніцтва ЛКСМБ нацыянальна-культурная праца ў асяроддзі юнакоў і дзяўчат нацыянальных меншасцей аслабела. К сярэдзіне 1930-х гг. адбыўся адыход ад ажыццяўлення спецыяльнай нацыянальна-культурнай працы сярод моладзі нацыянальных меншасцей.

З сярэдзіны 1930-х гг. дзяржаўныя і грамадскія структуры БССР адышлі ад палітызацыі моўнага пытання. Тым не менш, нягледзячы на згортванне палітыкі беларусізацыі, беларуская мова захоўвала дастаткова трывалыя пазіцыі ў жыцці рэспублікі, у тым ліку і ў маладзёжным асяроддзі.

Удзел камсамольскіх структур у нацыянальна-культурным будаўніцтве фактычна да канца 1930-х гг. разгортваўся з цяжкасцямі: непрацягла ўздымы змяняліся спадамі. Толькі напрыканцы разглядаемага перыяду КП(б)Б і ЛКСМБ рэальна паглыбілі працу па выхаванні маладога пакалення ў духу інтэрнацыяналізму.

У цэлым ва ўдзеле моладзі ў нацыянальна-культурным будаўніцтве ў міжваенны перыяд можна выдзеліць наступныя этапы:

⁵²Бендин А. Ю. Деятельность Компартии Белоруссии по идейно-политическому воспитанию студенческой молодежи (1928–1937 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01. Минск, 1989. С. 20 ; Пикульский Е. В. Деятельность комсомола Белоруссии по военно-патриотическому воспитанию молодежи в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01. Минск, 1975. С. 20–21.

⁵³Пераклад наш. – В. Д.

- 1) 1921–1924 гг. – пераважна пасіўны ўдзел;
- 2) 1925–1928 гг. – актывізацыя ўдзелу юнакоў і дзяўчат у нацыянальна-культурным будаўніцтве і выразнае арганізацыйнае афармленне нацыянальна-культурнай працы ЛКСМБ у маладзёжным асяроддзі;
- 3) 1929–1934 гг. – спад тэмпаў нацыянальна-культурнай працы сярод моладзі з-за грамадска-палітычных і сацыяльна-эканамічных праблем;
- 4) 1935–1939 гг. – развіццё нацыянальна-культурнай працы сярод юнакоў і дзяўчат у напрамку ўмацавання інтэрнацыяналізму.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Крот МС, рэдактар. *Народная адукацыя і педагагічная навука ў Беларусі (1917–1945)*. Мінск: Народная асвета; 1993. 494 с.
2. Слука ОГ. *Голос революционной молодежи: проблемы становления и развития молодежной печати Белоруссии*. Мінск: Издательство БГУ; 1978. 141 с.
3. Лыч Л. *Міжваенная беларусізацыя і яе ўрокі*. Мінск: [б. в.]; 2014. 233 с.
4. Ляхоўскі У. *Ад гоманаўцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX ст. – 1-й палове XX ст. (да 1939 г.)*. 2-е выданне. Смаленск: Інбелкульт; 2015. 479 с.
5. Журов А. *Под руководством партии. Деятельность КПБ по созданию и руководству комсомолом Белоруссии (1918–1925 гг.)*. Мінск: Беларусь; 1970.
6. Шаўчук П. *Гуманітарныя навукі ў сацыяльнай гісторыі Беларусі (20–30-я гады XX ст.)*. Брэст: Выдавецтва БрДУ; 2007. 279 с.
7. Платонаў РП, Коршук УІ, рэдактары. *Беларусізацыя. 1920-я гады. Дакументы і матэрыялы*. Мінск: БДУ; 2001. 270 с.
8. Касцюк М. *Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі*. Мінск: Экаперспектыва; 2000. 307 с.
9. Касцюк М, рэдактар. *Гісторыя Беларусі: у 6 тамах. Том 5. Беларусь у 1917–1945 гг.* Мінск: Экаперспектыва; 2006. 613 с.
10. Głogowska H. *Białoruś 1914–1929. Kultura pod presją polityki*. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne; 1996. 213 s.
11. Король АС. *Белоруссизация. В: Страницы истории Компартии Белоруссии: суждения, аргументы, факты*. Мінск: Университетское; 1990. с. 136–155.
12. Пушкін І. *Нацыянальныя меншасці БССР у грамадска-палітычным і культурным жыцці (20-я гады XX ст.)*. Магілёў: МДУ імя А. Куляшова; 2004. 168 с.
13. *За пролетарскую культуру. Як праводзіць трохмесячнік пролетарскай беларускай культуры і пролетарскай культуры нацменшасцяў*. Мінск: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва; 1930.
14. Журов АЕ, Анисов СГ, Антипов ГП. *Очерки истории Ленинского комсомола Белоруссии*. Мінск: Беларусь; 1975. 534 с.

References

1. Krot MS, editor. *Narodnaja adukacyja i pedagogicznaja navuka w Belarusi (1917–1945)* [National education and pedagogical science in Belarus (1917–1945)]. Minsk: Narodnaja asveta, 1993. 494 p. Belarusian.
2. Sluka OG. *Golos revolyutsionnoi molodezhi: problemy stanovleniya i razvitiya molodezhnoi pechati Belorussii* [Voice of revolutionary youth: problems of formation and development of youth press in Belarus]. Minsk: Publishing House of the Belarusian State University; 1978. 141 p. Russian.
3. Lych L. *Mizhvaennaja belarusizacyja i jae wroki* [Interwar Belarusization and its lessons]. Minsk: [publisher unknown]; 2014. 233 p. Belarusian.
4. Ljahouski U. *Ad gomanawcaw da gajsakow. Chynnasc' belaruskich maladzjovych organizacyj u 2-j palove XIX st. – 1-j palove HH st. (da 1939 g.)* [From gomanawcy to gajsaki. Activity of Belarusian youth organizations in the 2nd half of the XIX century – the 1st half of the XX century (until 1939)]. 2nd edition. Smalensk: Inbelkul't; 2015. 479 p. Belarusian.
5. Zhurov A. *Pod rukovodstvom partii. Deyatel'nost' KPB po sozdaniyu i rukovodstvu komsomolom Belorussii (1918–1925 gg.)* [Under the leadership of the party. The activities of the CPB for the creation and leadership of the Komsomol of Belarus (1918–1925)]. Minsk: Belarus'; 1970. Russian.
6. Shauchuk P. *Gumanitarnyja navuki w sacyjal'naj gistoryi Belarusi (20–30-ja gady XX st.)* [Humanities in the social history of Belarus (20–30s of XX century)]. Brest: Publishing House of the Brest State University; 2007. 279 p. Belarusian.
7. Platonaw RP, Korshuk UI, editors. *Belarusizacyja. 1920-ja gady. Dakumenty i matjeryjaly* [Belarusization. The 1920s. Documents and materials]. Minsk: Belarusian State University; 2001. 270 p. Belarusian.
8. Kascjuk M. *Bal'shavickaja sistjema wladny na Belarusi* [Bolshevik system of power in Belarus]. Minsk: Jekaperspektyva, 2000. 307 p. Belarusian.
9. Kascjuk M, editor. *Gistoryja Belarusi: u 6 tamah. Tom 5. Belarus' u 1917–1945 gg.* [History of Belarus: in 6 volumes. Volume 5. Belarus in 1917–1945]. Minsk: Jekaperspektyva; 2006. 613 p. Belarusian.
10. Głogowska H. *Belarus 1914–1929. Culture under political pressure*. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne; 1996. 213 p. Polish.
11. Korol' AS. *Belorussization. In: Stranitsy istorii Kompartii Belorussii: suzhdeniya, argumenty, fakty: sbornik statei* [Pages of the Communist party of Belarus history: judgments, arguments, facts]. Minsk: Universitetskoe; 1990. p. 136–155. Russian.
12. Pushkin I. *Nacyjanal'naja menshasci BSSR u gramadska-palitychnym i kul'turnym zhycci (20-ja gady XX st.)* [National minorities of the BSSR in social, political and cultural life (20s of XX century)]. Mogilev: Mogilev State University named after A. Kuleshov; 2004. 168 p. Belarusian.
13. *Za proletarskuju kul'turu. Jak pravodzić trohmiesjachnik proletarskaj belaruskaj kul'tury i proletarskaj kul'tury nacmen-shas'cjaj* [For proletarian culture. How to spend the three months of the proletarian Belarusian culture and the proletarian culture of national minorities]. Minsk: Belaruskoe dzjarzhaŭnae vydavectva; 1930. Belarusian.
14. Zhyrov AE, Anisov SG, Antipov GP. *Ocherki istorii Leninskogo komsomola Belorussii* [Essays on the history of the Lenin Komsomol of Belarus]. Minsk: Belarus'; 1975. 534 p. Russian.

УДК 94(476)

ПРИНЦИП ТРУДА В БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

С. Н. ХОДИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В центре внимания – представления белорусов о справедливости. Определяется, в какой степени белорусским советским государством были учтены традиции, которые складывались веками и характеризовали белорусскую нацию в предшествующий период. Исследование проведено с использованием модернизационной парадигмы, которая позволяет утверждать, что изменения исторических условий не вызывают быстрых (почти автоматических) изменений в социальной жизни общества. Показано, что базисным элементом понимания справедливости у белорусского крестьянства являлся труд. Через отношение к нему формировалось понимание собственности, прежде всего собственности на землю, социальный статус человека. Сделан вывод о том, что принцип труда, который утвердился в ментальности белорусов как понимание справедливости, нашел свое отражение в высокой степени участия белорусских крестьян в коллективном труде в 1930-х гг.

Ключевые слова: трансформационные процессы; модернизация; традиция; национальная идея; социальная психология крестьянства; аграрные отношения; ментальность; принцип труда; социальная справедливость.

ПРЫНЦЫП ПРАЦЫ Ў БЕЛАРУСКАЙ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ІДЭІ

С. М. ХОДЗІН^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

У цэнтры ўвагі – уяўленні беларусаў аб справядлівасці. Вызначаецца, у якой ступені беларускай савецкай дзяржавай былі ўлічаны традыцыі, што складваліся на працягу стагоддзяў і характарызавалі беларускую нацыю ў папярэдні перыяд. Даследаванне праведзена з выкарыстаннем мадэрнізацыйнай парадигмы, якая дазваляе меркаваць, што змены гістарычных умоў не выклікаюць хуткіх (амаль аўтаматычных) змен у сацыяльным жыцці грамадства. Паказана, што базісным элементам разумення справядлівасці ў беларускага сялянства з’яўлялася праца. Праз адносіны да яе вызначалася разуменне ўласнасці, перш за ўсё ўласнасці на зямлю, сацыяльны статус чалавека. Зроблена выснова пра тое, што прынцып працы, які зацвердзіўся ў ментальнасці беларусаў як выяўленне справядлівасці, трансліраваўся і на новыя формы гаспадарання. Менавіта гэта прадвызначыла параўнальна высокія вынікі працы сельскагаспадарчых калектываў БССР 1930-х гг.

Ключавыя словы: трансфармацыйныя працэсы; мадэрнізацыя; традыцыя; нацыянальная ідэя; сацыяльная псіхалогія сялянства; аграрныя адносіны; ментальнасць; прынцып працы; сацыяльная справядлівасць.

Образец цитирования:

Ходзин СМ. Прынцып працы ў беларускай нацыянальнай ідэі. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2018;4:28–35.

For citation:

Khodzin SM. Labour principle in the Belarusian national idea. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;4:28–35. Belarusian.

Автор:

Сергей Николаевич Ходин – доктор исторических наук, доцент; проректор по учебной работе и интернационализации образования.

Author:

Siarhei M. Khodzin, doctor of science (history), docent; vice-rector for academic affairs and internationalization of education.
skhodzin@mail.ru

LABOUR PRINCIPLE IN THE BELARUSIAN NATIONAL IDEA

S. M. KHODZIN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article focuses on the ideas of Belarusians about justice and considers the extent to which the Belarusian Soviet state took into account the peculiarities and traditions that had been formed over the centuries and characterized the Belarusian nation in the previous period. The study was conducted using the modernization paradigm, which suggests that changes in historical conditions raise no rapid (almost automatic) transformations in the social life of society. The basic element of the understanding of justice among the Belarusian peasantry was labor. An understanding of property, above all, land ownership, a man's social standing, were formed through the attitude to work. The labor principle, which established itself in the mentality of the Belarusians as an understanding of justice, was reflected in the high degree of participation of Belarusian peasants in collective labor in the 1930s.

Key words: transformation processes; modernization; tradition; national idea; social psychology of the peasantry; agrarian relations; mentality; labour principle; social justice.

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Н. А. Некрасов. Железная дорога.

Стагоддзем падзей, якія адбываліся пад уздзеяннем Першага Усебеларускага з'езда, адзначаны 2018 і 2019 гг. Нацыя, якая мела глыбокія карані дзяржаўнасці, 100 гадоў таму распачынала непасрэднае дзяржаўнае будаўніцтва, і разгортвалася яно на савецкай аснове. Ці было гэта выпадковасцю, якое месца займае савецкі перыяд у гісторыі нашай дзяржаўнасці – гэтыя пытанні актуалізуюцца і ў навуковай думцы, і ў грамадскай свядомасці. Нараджэнне савецкай беларускай рэспублікі праходзіла ў складаных геапалітычных умовах. Той, хто звяртае ўвагу на супярэчлівы характар гэтага перыяду, вымушаны прызнаць, што папярэднія падзеі таксама маюць неадназначныя ацэнкі. У савецкі час былі створаны беларуская вышэйшая школа, навукова-даследчыя ўстановы, тэатр і кіно; беларусы ў страшнай вайне супольна з іншымі народамі адстаялі сваё права на існаванне; беларуская дзяржава стала сузаснавальніцай Арганізацыі Аб'яднаных Нацый.

Гісторыкі маюць справу не з нейкай абстрактнай чалавечай істотай, а з асобай, якая жыве ў пэўны час у канкрэтнай мясцовасці, валодае ўласным жыццёвым і генетычна перанятым вопытам продкаў [1; 2]. Сучасныя формы эканамічнага, сацыяльнага і культурнага развіцця грамадства абапіраюцца на традыцыі, гістарычна сфарміраваныя ўяўленні пра справядлівасць і маральныя абавязкі. Трансфармацыйныя працэсы па-рознаму ўздзейнічаюць на чалавека ў залежнасці ад яго ўзросту, полу, узроўню адукацыі і культуры, прыналежнасці да пэўнай сацыяльнай групы. У выніку вылучаецца множнасць мадэрнізацый, якая спараджае значную колькасць камбінацый, фарміруе сінергетычны эфект ці стварае новыя супярэчнасці [3].

Надзвычай цікавым уяўляецца пытанне пра тое, у якой ступені беларускай савецкай дзяржавай былі ўлічаны асаблівасці і традыцыі, што складваліся на працягу стагоддзяў і характарызавалі беларускую нацыю ў папярэдні перыяд. Такую характарыстыку можна лічыць больш дакладнай, калі яна ахоплівае пэўныя рысы прадстаўнікоў самай вялікай сацыяльнай групы (страты) беларускага грамадства, таму даследаванне сацыяльнай псіхалогіі сялянства і яе ўліку ў палітыцы беларускага савецкага кіраўніцтва бачыцца надзвычай важным і актуальным. Вёска да сярэдзіны XX ст. заставалася не толькі месцам, дзе жыла выключная большасць беларускага насельніцтва, але і цэнтрам захавання, трансляцыі традыцый нашага грамадства. Без вывучэння працэсаў трансфармацыі вёскі немагчыма вызначыць кірункі, тэндэнцыі і асаблівасці гістарычнага развіцця Беларусі. Роля аграрнага фактару з'яўляецца выключнай для ўмацавання стабільнасці дзяржавы, яе жыццяздольнасці і бяспекі. Аграрныя адносіны нельга акрэсліваць толькі як формы зямельнай уласнасці або землекарыстання. Іх неабходна асэнсоўваць у цеснай узаемасувязі з працоўнай этыкай, з улікам базавых каштоўнасцей (праца, справядлівасць), якія выяўляюцца ў культуры і ментальнасці беларусаў.

Да лета 1918 г., а ў шэрагу выпадкаў і пазней, значны ўплыў на аграрную палітыку савецкай Расіі, часткай якой становіцца падзеленая лініяй фронту Беларусь, мелі левыя эсэры. На пачатку снежня 1917 г. народным камісарам земляробства РСФСР стаў левы эсэр А. Л. Калягаеў. На месцах уплыў партыі эсэраў быў яшчэ большым. У гэты перыяд зямельныя аддзелы нярэдка прымалі рашэнні аб тым, што «ўсе хутары і адрубы як на надзельнай,

так і на купленай зямлі пераходзяць у абшчыны. Пры гэтым заможныя хутаране павінны былі перанесці свае пабудовы за свой кошт»¹ [4, с. 86]. Панаваў выключна «ўраўняльны фетышызм» [4, с. 95, 96]. Да 1920-х гг. расійскае сялянства вярнула ў абшчынную ўласнасць больш за 90 % зямлі. Як пісаў І. А. Кірылаў, «сялянства захапіла ўсю зямлю і ўраўняльна яе падзяліла. Мара цэлага шэрагу пакаленняў ажыццявілася, але вынікі гэтай усерасійскай дзялёжкі сталіся значна меншымі, чым чакалі многія» [4, с. 112].

Ва ўмовах ваенных дзеянняў ураўняльныя тэндэнцыі не атрымалі такога распаўсюджвання на тэрыторыі Беларусі. Рэквізіцыі закранулі найперш сярэднія і заможнае насельніцтва і садзейнічалі агульнаму збядненню насельніцтва. Ды і настроі вяскоўцаў тут былі іншыя, пра што сведчаць вынікі апытання, праведзеныя на мяжы 1920–1921 гг. ва ўсходняй частцы Беларусі [4, с. 112]. Спроба бальшавікоў захаваць буйныя гаспадаркі праз арганізацыю саўгасаў і камун сустрэла жорсткае супрацьдзеянне вёскі. Бальшавіцкае кіраўніцтва захапала памяць пра гэтыя падзеі, што ў далейшым істотна паўплывала на палітыку ў вёсцы. Пазней у спрэчцы з Д. Ф. Прышчэпавым першы сакратар ЦК КП(б)Б А. І. Крыніцкі заклікаў дзейнічаць больш рашуча ў ажыццяўленні патрабаванняў сялянства, «не чакаць, пакуль загрузочуць кранштацкія гарматы»².

Перадумовы для фарміравання нацыянальнай мадэлі мадэрнізацыі складваліся ў выніку вымушанай адаптацыі тэарэтыкамі бальшавіцкай партыі палажэнняў марксізму да рэчаіснасці краіны з пераважна сялянскім насельніцтвам у 1921–1923 гг. Кардынальны перагляд эканамічнай палітыкі, неабходнасць якога канстатавалася ў снежні 1920 г. на VIII Усерасійскім з'ездзе Саветаў, не быў рэалізаваны рашэннямі X з'езда РКП(б) і абмежавалася пераходам да прадуктаабмену. Вядома, што першай і галоўнай рэзалюцыяй X з'езда РКП(б) стала рэзалюцыя «Аб адзінстве партыі». Вызначальным фактарам паступовага руху да рыначных адносін была пагроза новай сялянскай вайны. Пачатак новай эканамічнай палітыкі пад уздзеяннем рашэнняў IX Усерасійскага з'езда Саветаў (снежань 1921 г.) выявіўся найперш у беларускіх паведах, што да ўзбуднення БССР уваходзілі ў склад РСФСР [1]. У шасці паведах адроджанай БССР ва ўмовах істотных разбурэнняў і пагранічнага становішча рэалізоўвалася іншая палітыка. Наркам земляробства БССР А. С. Славінскі лічыў памылкай ліквідацыю саўгасаў і калгасаў, створаных на аснове былых памешчыцкіх маёнткаў, маючы на ўвазе традыцыйнае размяшчэнне прамысловых прадпрыемстваў у беларускай вёсцы. Адмена над-

звычайнага становішча, умацаванне дзяржаўных інстытутаў, падрыхтоўка да ўзбуднення тэрыторыі БССР выклікалі неабходнасць выпрацоўкі асобнага зямельнага заканадаўства і пашыралі магчымасці для вызначэння альтэрнатыўных падыходаў да мадэрнізацыі [5; 6].

Мадэрнізацыйная і цывілізацыйная парадыгмы дазваляюць сцвярджаць міждысцыплінарную інтэграцыю, запатрабаваную гісторыяй як навукай пра чалавека. Мадэрнізацыя грамадства вызначаецца як працэс сістэмных змен і прадугледжвае дакладна сфармуляваныя мэты, што стаяць перад грамадствам, неабходнасць палітычнай волі і наяўнасць пэўнай групы людзей, якія гэтыя мэты вызначаюць і рэалізоўваюць. Важную ролю ў працэсах мадэрнізацыі адыгрываюць традыцыі, падрыхтаваныя гаспадарчай эліты да змен, наяўнасць распрацаванай навуковай канцэпцыі. У сярэдзіне 1920-х гг., з умацаваннем інстытутаў БССР, акрэсліўся фактар, які можна было б назваць фактарам дзяржаўнасці: інтарэсы рэспублікі як асобнага дзяржаўнага арганізма нярэдка не супадалі з інтарэсамі саюзнага цэнтра і прымушалі рэспубліканскія ўлады прымаць пад увагу найперш патрэбы Беларусі, што вызначаліся і ўласнымі інтарэсамі рэспубліканскай партыіна-гаспадарчай эліты, якая складвалася ў гэты перыяд.

На працягу 1920-х гг. у фарміраванні нацыянальнай палітыкі мадэрнізацыі істотная роля належала суб'ектыўнаму фактару асабістай пазіцыі наркамаў земляробства, найперш Д. Ф. Прышчэпава. Дзейнасць Народнага камісарыята земляробства БССР (далей – НКЗ БССР) разгортвалася з удзелам вядучых аграрнікаў і эканамістаў краіны (Г. І. Гарэцкі, А. А. Смоліч, І. А. Кісякоў і інш.) на аснове тэарэтычных і практычных распрацовак, якія ажыццяўляліся пры створаных сярэдніх і вышэйшых навучальных установах, даследчых станцыях і навукова-даследчым інстытуце. Найважнейшай рысай эканамічнай палітыкі ў Беларусі была апора на ўласныя рэсурсы. Абгрунтаўваючы неабходнасць максімальнага ўліку прыродна-геаграфічных умоў, А. А. Смоліч распрацаваў тэорыю рацыянальнага размяшчэння гаспадарчых комплексаў (эканом-геаграфічных ландшафтаў) [7].

Значнай праблемай для савецка-партыйнай улады стаў пошук форм сацыяльнай арганізацыі сялянства з мэтай пераходу да калектывізацыі. Павелічэнне колькасці партыйцаў з ліку сялян, а таксама рабочых у першым пакаленні садзейнічала пашырэнню меркаванняў пра тое, што менавіта абшчына ўтрымлівае парасткі новага сацыяльнага ладу. У сярэдзіне 1920-х гг. у СССР разгортваецца дыскусія пра ролю абшчыны ў трансфармацыі вёскі. Прыхільнікі калектывнай

¹Тут і далей пераклад наш. – С. Х.

²Стенограмма заседания Пленума ЦК КП(б)Б от 2–8 мая 1925 г. // Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1992. Л. 91–97.

гаспадаркі меркавалі, што пры дыктатуры пралетарыята абшчына, пазбаўленая ранейшых патрыярхальных рыс, стане найважнейшым элементам будучага сацыялістычнага грамадства [6, с. 24–28]. Супраць такіх сцверджанняў выступіў прафесар М. П. Макараў, які ў асобнай манаграфіі даследаваў аспекты эканамічнай эфектыўнасці калектыўных гаспадарак БССР у параўнанні з іншымі формамі землекарыстання [8].

У 1926 г. кіраўніцтва БССР (старшыня ЦВК А. Р. Чарвякоў і старшыня СНК І. А. Адамовіч), адстойваючы раўнапраўны статус Беларусі ў саюзнай супольнасці, не згадзілася з праектам «Агульныя асновы землекарыстання і землеўладкавання Саюза ССР», бо ён пакідаў на вырашэнне асобных саюзных рэспублік толькі выкананне зямельнага заканадаўства Саюза [9, с. 77–80]. Пра неабходнасць уліку спецыфікі сацыяльна-эканамічнага развіцця Беларусі пры вызначэнні падаткаабкладання казаў на VIII Усебеларускім з'ездзе Саветаў наркам земляробства БССР Д. Ф. Прышчэпаў. Адстойваючы пазіцыі БССР, А. І. Крыніцкі (першы сакратар ЦК КП(б)Б у 1924–1927 гг.) у сувязі са стварэннем Заходняй вобласці пісаў І. Сталіну: «Беларусь – самастойная рэспубліка. Яна мае права мець упаўнаважанага пры Урадзе БССР, а не ў Смаленску»³.

У савецка-партыянай гістарыяграфіі менавіта Д. Ф. Прышчэпаў стаў увасабленнем радыкальных падыходаў да рэалізацыі новай эканамічнай палітыкі ў Беларусі. Аднак высокіх тэмпаў патрабавала партыйнае кіраўніцтва. На Пленуме ЦК КП(б)Б 3 мая 1925 г. А. І. Крыніцкі сцвярджаў, што ў гаспадарчай палітыцы і практыцы работы на вёсцы занадта шмат перажыткаў «ваеннага камунізму» і найпершай задачай «з'яўляецца цяпер рост накаплення ў вёсцы, узбагачэння дробнага гаспадарка»⁴. У спрэчцы з А. І. Крыніцкім Д. Ф. Прышчэпаў падкрэсліваў, што, прызнаючы за селянінам права выбару, дзяржава не можа цалкам адмовіцца ад права заахвочваць тую ці іншую форму землекарыстання. Наконт пераацэнкі кааперацыі ён адзначаў: «Мы не пераацанілі. Мы недаацанілі. Зараз тэмпы кааперацыі даволі хуткія. Дзяржава ўклала вялікія сродкі, менавіта таму не трэба кідацца ў крайнасці... Кааперацыя не выключае павышэння таварнасці. Наадварот, гэтыя рэчы ўзаемазвязаныя»⁵. Кааперацыя, заснаваная на ўліку працы кожнага з яе ўдзельнікаў, на думку Д. Ф. Прышчэпава, павінна была вырастаць з ініцыятывы вяскоўцаў. Наркам земляробства адказваў партыйнаму кіраўніку

па-сялянску: «Гэта не кармавая рэпа, якую вясною пасадзіш, а восенню яна ўжо вырасла. <...> На натуральна-спажывецкім фундаменце сялянскай гаспадаркі кааперацыя не будзе развівацца»⁶. Між тым у сярэдзіне 1920-х гг. узрасла спажыванне хлеба самімі сялянамі, павялічваліся выдаткі на корм жывёле. У 1928 г. Д. Ф. Прышчэпаў пісаў: «Такі ўзрост сельскай гаспадаркі, які пакуль што ідзе ў жылот, нас задаволіць не можа, таму што недахоп прадуктаў сельскагаспадарчай вытворчасці адаб'еца на рэканструкцыі ўсёй народнай гаспадаркі»⁷ [10, с. 54].

У 1924 і 1926 гг. адбываецца вяртанне ўсходніх беларускіх зямель у склад савецкай рэспублікі. Аб'яднальным фактарам для беларускіх тэрыторый з'яўлялася наяўнасць грамады («зямельнай грамады») як важнага сацыяльнага інстытута. Статыстычныя даныя за першыя гады савецкай улады адсутнічаюць, аднак звесткі аб праведзеных у пачатку 1920-х гг. нарадах савецкіх работнікаў паказваюць, што абшчыннага землекарыстання, і найперш перадзелаў зямлі, ва ўсходняй частцы Беларусі не было⁸. Аднак гэта не сведчыць пра адсутнасць у значнай часткі шматсямейнага насельніцтва ўраўняльных настрояў, якія аднавіліся падчас знаходжання ў складзе РСФСР, дзе абшчыннае землекарыстанне на працягу 1920-х гг. прызнавалася зямельным кодэксам РСФСР. У падтрыманні сацыяльнай структуры традыцыйнага грамадства, ва ўзнікненні радыкальных ураўняльных і сацыялістычных рухаў заўсёды была заўважнай роля такой эмоцыі, як зайздрасць [11]. Рыначны тып паводзін ствараў шэраг магчымасцей і перспектыв, але для яго рэалізацыі неабходным было выкананне шэрагу ўмоў, як з боку дзяржавы, так і з боку селяніна.

Наркам земляробства Д. Ф. Прышчэпаў актыўна ўдзельнічаў у распрацоўцы зямельных кодэксаў БССР 1924 і 1925 гг. Вяртанне ўсходняй часткі Беларусі ў склад БССР, па яго меркаванні, акрэсліла задачу аднаўлення ранейшых традыцый землекарыстання. У 1927 г. у газеце «Звязда» ён пісаў: «Калі мы ў нас правядзём абшчынны парадак землекарыстання, мы адразу прыдушым гаспадарчую ініцыятыву сялянства, пры якой цяпер досыць шпарка праходзіць перабудова сельскай гаспадаркі... Прыклад некаторых губерняў РСФСР нам сведчыць аб тым, што яны доўгі час прасядзелі на абшчыне і, акрамя перадзелаў зямлі, нічому новаму не навучыліся... Дробнабуржуазную вёску і належаў настрой сялянства мы ліквідуем не абшчын-

³Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1500. Л. 279–280.

⁴Стенограмма заседания Пленума ЦК КП(б)Б от 2–8 мая 1925 г. // Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1992. Л. 2–3.

⁵Там жа. Л. 91–97.

⁶Стенограмма X съезда КП(б)Б от 3–10 января 1927 г. 708 л. // Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3083. Л. 550–551.

⁷Тут і далей цытаты прыводзяцца ў адпаведнасці з сучаснымі нормамі беларускай мовы. – С. Х.

⁸Протоколы [подлинные] 3-й сессии ЦИК СССР 3-го созыва. Февраль 1927 г. // Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 3316. Оп. 3. Д. 266. Л. 24.

ным перадзелама зямель, а моцным развіццём сельскай гаспадаркі, яе пагалоўным вытворчым каапераваннем і індустрыялізацыяй» [12]. Разглядаючы захаванне абшчынных адносін на вёсцы як пэўны перажытак часу, Д. Ф. Прышчэпаў садзейнічаў землеўпарадкаванню і не ідэалізаваў ні хутарскую, ні калектыўную форму гаспадарання. У 1928 г. у серыі «Працы Беларускага навукова-даследчага Інстытута сельскае і лясное гаспадаркі» І. А. Кіслякоў пры падтрымцы Д. Ф. Прышчэпава і Г. І. Гарэцкага выдаў сваё найбольш вядомае даследаванне «Пасёлкі (оптымум тэрыторыі і эффект землеўпарадкавання)» [13]. У гэтай працы аўтар дыскутуе з К. Я. Кіндзеевым аб вызначэнні тэрміна «пасёлак» і ўвогуле выказвае крытычнае стаўленне да расійскай універсітэцкай землеўпарадкавальнай навукі [13, с. 37–38].

З прычыны колькаснай перавагі сялянскага насельніцтва ўласныя падыходы да мадэрнізацыі вызначаюцца менавіта ў справе пераўтварэння беларускай вёскі. Асабліва заўважнымі сталі адрозненні ў галіне зямельнай палітыкі і зямельнага заканадаўства БССР і РСФСР. Станаўленне дзяржаўнасці прадвызначыла з’яўленне Зямельнага кодэкса БССР, які ствараўся з улікам назапашаных традыцый [14]. Рэалізуючы працоўны прынцып землекарыстання, беларускія кодэксы абмяжоўвалі магчымасці здаваць зямлю ў арэнду пэўнымі ўмовамі і тэрмінамі. У адрозненне ад расійскага заканадаўства, Зямельны кодэкс БССР не прадугледжваў прымусовы выдзел па патрабаванні меншасці, накіраваны галоўным чынам супраць абшчыны. Адмова ад ураўняльнага падыходу выяўлялася ва ўстанаўленні максімальных і мінімальних норм працоўнага землекарыстання, у захаванні і падтрымцы паказальных («культурных») гаспадарак, у адмаўленні ад абшчыны і вызначэнні функцый грамады. У якасці важных крыніц развіцця мадэрнізацыйных працэсаў разглядаліся людскія рэсурсы вёскі і працавітасць беларускага сялянства, якія маглі быць задзейнічаны пры ўмове стварэння спрыяльных умоў для эфектыўнага гаспадарання на зямлі.

Базісным элементам разумення справядлівасці ў беларускага сялянства з’яўлялася праца. Праз адносіны да яе вызначалася разуменне ўласнасці, перш за ўсё ўласнасці на зямлю, фарміраваўся сацыяльны статус чалавека. Менавіта гэты фактар ва ўмовах малаўрадлівай глебы, невысокай аддачы ад укладання сіл у сельскую гаспадарку, складаных прыродна-кліматычных умоў і спецыялізацыі на мяса-малочнай жывёлагадоўлі вызначаўся як найважнейшы. На сходах сялянства часцей за ўсё выступала салідарна, сцвярджаючы, што нельга лічыць кулакамі тых, хто стварыў свае набыткі

за кошт уласнай працы на зямлі⁹. У сялянскім асяроддзі найбольш прыслухоўваліся да слова тых, хто меў поспех у сваёй гаспадарцы. На сходах беднаты многія выступалі досыць актыўна, а на агульных сходах многія маўчалі. Аднак партыйныя кіраўнікі адзначалі, што сітуацыя пачала паступова змяняцца, хоць тэмп гэтых змен не быў занадта хуткім. Найбольш актыўна выступалі жанчыны, ракурс параўнання сітуацыі на аснове паўсядзённых спраў выяўляўся ў такім выпадку найбольш яскрава. Так, сялянка з Полацкага раёна адзначала, што пазбаўленне «кулачкі» голасу для яе асабіста нічога не змяняе: «...будзе яна сядзець дома ў шаўковым плацці, сытая і ў цёплай кватэры, а я прасядзела тут да пяці гадзін і прыйду дадому ў халодную хату, якую няма чым выпаліць, дзяцей і жывёлу пакарміць, так што мне да таго, што я маю голас, а сама галодная і халодная, лепш бы савецкая ўлада дапамагла»¹⁰. Заможнае сялянства займала больш актыўную пазіцыю на сходах, адстойваючы свае інтарэсы. Беднякі ж, наадварот, імкнуліся ўхіліцца ад работы, якая не аплачвалася.

Для разумення гісторыі фарміравання грамадзянскай супольнасці ва Усходняй Еўропе неабходна прымаць да ўвагі той факт, што калектыўная памяць пра зямлю (некалі даступную ўсім) мела вырашальнае значэнне ў фарміраванні звычайнага права і, наадварот, у шэрагу выпадкаў – у непрыняцці грамадзянскага права ў заходнееўрапейскім яго разуменні. Ва ўсходнееўрапейскім гістарычным працэсе на працягу стагоддзяў фарміраваліся іншыя адносіны да ўласнасці. У лісце, адрасаваным П. А. Сталыпіну, Л. М. Талстой пісаў: «Несправядлівасць менавіта ў тым, што як не можа існаваць права аднаго чалавека валодаць іншым (рабства), так і не можа існаваць права аднаго, якога б ні было чалавека, багатага ці беднага, цара ці селяніна, валодаць зямлёю як уласнасцю. Зямля ёсць набытак усіх, і ўсе людзі маюць аднолькавае права карыстацца ёю» [15, с. 243]. У 1915 г. М. І. Туган-Бараноўскі падкрэсліваў: «Ідэя права на зямлю неабходна супрацьпаставіць як бясспрэчна найвышэйшую сацыяльную ідэю – ідэю права на зямлю (роўна як і на ўсе сродкі вытворчасці) зусім не кожнага асобнага грамадзяніна, а ўсяго грамадства ў сукупнасці» [16, с. 330]. Паводле М. В. Доўнар-Запольскага, «народнае разуменне працы і яе права на пазямельную ўласнасць рэзка адрозніваецца ад разумення ўласнасці, якое зацвердзілася ў культурных сляях» [17, с. 276]. Знакаміты беларускі гісторык падкрэсліваў: «Зямля – самы каштоўны прадмет для беларуса. Ва ўсіх яго шматлікіх абрадах, песнях, казках, якія вызначаюцца старажытнасцю поглядаў, адлюстроўваецца глыбокае пачуццё павагі да зямлі. Гэта зразумела, бо зямля шмат стагоддзяў карміла

⁹Бланки, отчеты, сведения. 1 января 1925 – 31 декабря 1925 // Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2292. Л. 56, 58.

¹⁰Протоколы, сведения // Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2766. Л. 12–13.

яго і корміць зараз. З уяўленнямі аб зямлі цесна звязана ўяўленне аб родзе. <...> Мы бачылі, як даражыць беларус сваім родам, і калі не мае сына, ён імкнецца зараней узяць прыёмыша, зяця-прымака, каб гэты працягваў яго род» [18, с. 43–44]. Зямля звязвалася ў свядомасці селяніна з родам, вечнасцю, працу на зямлі вясковец лічыў самай значнай. З прычыны розных умоў гаспадарання і перакрывавання традыцый у Беларусі ў кірунку з усходу на захад усё мацней вызначалася імкненне да індывідуалізацыі, адмаўлення ад абшчынных форм гаспадарання, ураўняльнага падыходу і г. д. Разам з тым захоўвалася супадзенне ў асноўным падыходзе да зямлі як да агульнай каштоўнасці, якая павінна належаць усяму грамадству. Пры ўсіх разыходжаннях базавыя дакументы БНР і БССР выяўляюць адзінства ў адмаўленні прыватнай уласнасці на зямлю.

Істотную ролю грамады акрэсліваў М. В. Доўнар-Запольскі, паказваючы сялянскія ўзаемаадносіны. Нягледзячы на тое, што традыцыйныя рысы абшчынных адносін, уключаючы перадзелы зямлі як сведчанне ўраўняльнасці, паступова знікаюць, грамада ў Беларусі захоўвала значныя функцыі, акрэсленыя звычайным правам, што было ўлічана ў зямельных кодэксах як РСФСР, так і БССР. Але прынцып ураўняльнасці ў беларускім зямельным заканадаўстве сярэдзіны 1920-х гг. адсутнічаў. «Недастаткова мець права на зямлю па нараджэнні, – неабходна, каб гэта права падтрымлівалася працай», – адзначаў М. В. Доўнар-Запольскі і прыводзіў шмат сведчанняў таго, як зямлю, якая пуставала, грамада перадавала таму, хто яе апрацоўваў [18, с. 45–46]. Разуменне такога падыходу мы знаходзім у аграрных праграмах беларускіх партый.

У 1920-я гг. размеркаванне зямлі найчасцей ажыццяўлялася па фактычным землекарыстанні. Пэўнае адлюстраванне працоўнае карыстанне зямлёй знайшло і ў вызначэнні мінімальнай і максімальнай норм землекарыстання, якія залежалі ад наяўнасці рабочых рук у сям’і. Пры разліку максімальнай нормы меркавалася «пакінуць двару такую колькасць зямлі, каб ён мог апрацаваць яе сіламі сваёй сям’і пры ўмове, што гаспадарка будзе весціся не менш інтэнсіўна, чым дазваляюць натуральныя і эканамічныя ўмовы раёна». У аснову вылічэння максімальных норм былі пакладзены даныя рахункаводчых і агранамічных абследаванняў, атрыманых ад аддзела сельскай гаспадаркі і эканомікі НКЗ БССР. Для іх разліку былі вызначаны два месяцы – жнівень і верасень, калі на вядзенне гаспадаркі затрачвалася найбольш працы. У якасці асновы для разлікаў бралі сярэдняю сялянскую сям’ю (6 чалавек) у перакла-

дзе на працоўныя каэфіцыенты: мужчыны і жанчыны звыш 16 гадоў – 1 працоўная адзінка; падлеткі (12–16 гадоў) – 0,5 адзінкі; дзеці да 12 гадоў – 0,25 адзінкі. Згодна з адзначанымі крытэрыямі, сям’я з шасці душ адпавядала 4 працоўным адзінкам. Пры разліках бралася пад увагу, што адна працоўная адзінка была занята ў хатняй гаспадарцы (гатаванне ежы і г. д.). Таксама ўлічваліся працоўныя нормы па раллі і сенакосе. Гаспадаркі, якія змяшчалі лішкі зямлі, падлягалі абрэзцы з мэтай забеспячэння зямлёй беззямельных і малазямельных сялян у адпаведнасці з мінімальнай нормай надзялення [18]. Дбайныя разлікі, зрэшты, не пазбавілі кіраўнікоў НКЗ БССР ад абвінавачанняў у скажэнні «класавай лініі». Малазямельныя шматдзетныя сем’і, відавочна, разлічвалі на магчымасць павелічэння землекарыстання пры размеркаванні па едаках. Малапісьменныя вясцоўцы выяўлялі сумненне ў справядлівасці такіх складаных падлікаў. Гэту незадаволенасць сялян у далейшым выкарысталі для абгрунтавання рэпрэсій супраць кіраўніцтва БССР.

Можна сцвярджаць, што прынцып працы, які склаўся ў ментальнасці беларусаў як выяўленне справядлівасці, трансліраваўся і на новыя формы гаспадарання. У калектыўных гаспадарках БССР ужо ў 1920-я гг. вызначыўся больш істотны адыход ад ураўняльнага прынцыпу размеркавання, чым у іншых савецкіх рэспубліках. Улік выдаткаванай працы пры аплаце практыкаваўся тут шырэй (22,5 % супраць 17,2 %). Размеркаванне ж даходаў «па едаках» і «па патрэбах» прымянялася значна радзей (11,7 і 6,0 % супраць 53,6 і 10,5 % адпаведна)¹¹. Пераважную частку кіраўнікоў сельскагаспадарчых калектываў, створаных у 1920-я гг. (амаль выключна на былых памешчыцкіх землях) бяднейшым насельніцтвам, складалі сераднякі. Сяляне лічылі, што той, хто не змог наладзіць працу ў сваёй прыватнай гаспадарцы, і ў абагуленай нічога не зможа палепшыць. «Камуністы для сялян на вёсцы не прыклад, бо не ўмеюць весці сваю гаспадарку», – сведчылі даследчыкі вёскі сярэдзіны 1920-х гг. [19, с. 11]. Вызначаючы ролю беларускага гаспадары, М. В. Доўнар-Запольскі заўважаў, што пры ўсёй сваёй выключнасці ён «можа і павінен рабіць толькі тое, што адпавядае агульным інтарэсам сям’і» [17, с. 11]. Гаспадар, згодна з сабранымі М. В. Доўнар-Запольскім матэрыяламі, мусіў быць прыкладам, каб навучаць іншых.

Акцэнт на прымусовых метадах калектывізацыі абумовіў паступовы адыход ад аплаты працы з улікам той маёмасці (паю), якая была ўнесена селянінам пры ўступленні ў калгас. Урэшце ў 1930-я гг. у калгасах сераднякі апынуліся пад пагрозай рэпрэсій. Аднак пытанне матывацыі становілася

¹¹Рос. гос. арх. эканомікі. Ф. 4106. Оп. 14. Д. 39. Л. 36.

адным з самых істотных ва ўмовах малаўрадлівай глебы, невысокай аддачы ад укладання сіл у сельскую гаспадарку, складаных прыродна-кліматычных умоў і спецыялізацыі ў галіне тэхнічных культур раслінаводства і жывёлагадоўлі пры нізкай ступені механізацыі. Разгортвалася барацьба супраць «лайдакоў» у калгасах. Рэалізаваліся і ўдасканальваліся брыгадны прынцып арганізацыі працы, рахункаводства, падрыхтоўка спецыялістаў. Менавіта гэта прадвызначыла параўнальна высокія вынікі гаспадарання калектывных форм ужо на працягу другой паловы 1930-х гг. Паводле звестак па 13 абласцях, краях і рэспубліках СССР, складзеных на аснове зводных вынікаў бюджэтаў калгаснікаў, адной калгаснай сям'ёй у 1935 г. у сярэднім было выпрацавана 462 працадні. У шэрагу рэгіёнаў –

Ленінградскай і Днепропетровскай абласцях, Азова-Чарнаморскім і Заходнесібірскім краях – выпрацоўка вагалася паміж 500 і 550 працаднямі, а ў БССР перавышала 600 працадзён [20]. Можна меркаваць, што імклівыя тэмпы пасляваеннага развіцця БССР ва ўмовах нізкай механізацыі працы ў многім грунтаваліся на прытоку ў горад працавітай сялянскай моладзі.

Як адзначае І. А. Марзалюк, «любая нацыянальная ідэя – гэта адказ на тры фундаментальныя для кожнага народа пытанні: адкуль мы? хто мы? куды мы ідзем?» [21]. Для беларусаў сацыяльныя пытанні заўсёды суседнічалі з нацыянальнымі. Мы ішлі ў грамадзе як нацыя, якая сцвярджае, што ў аснове ацэнкі кожнага чалавека павінна быць праца. Праца на карысць сябе, сваёй сям'і, сваёй дзяржавы.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Ходін С. «Я из деревни». К вопросу о самосознании белорусов. *Беларуская думка*. 2014;1:83–89.
2. Ходзін СМ. Мадэрнізацыйныя працэсы ў Беларусі: трансфармацыя сялянскай псіхалогіі і традыцыйных сялянскіх інстытутаў (першая палова XX ст.). У: Каваленя АА, рэдактар. *Гістарычна-археалагічны зборнік*. Мінск: Беларуская навука; 2016. Выпуск 31. с. 72–78.
3. Ходзін СМ. Працэсы трансфармацыі беларускай вёскі ў кантэксце тэорыі мадэрнізацыі. *Беларускі гістарычны часопіс*. 2015;12:5–11.
4. Кириллов ИА. *Очерки землеустройства за три года революции (1918–1920 гг.)*. Петроград: Издательство Народного комиссариата земледелия; 1922. 260 с.
5. Ходин СН. Аграрная политика в контексте традиций белорусской деревни: компаративные аспекты (первая четверть XX в.). *Исторический журнал: научные исследования*. 2015;6:727–736.
6. Ходин С. Кодекс наркома. Традиции и личность в процессах советской модернизации Беларуси (на примере 1920-х годов). *Беларуская думка*. 2015;12:24–28.
7. Смоліч А. *Сельскагаспадарчыя раёны Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі ў 1927–1928 гадах: папярэдняя схема і метадалагічны ўвагі*. Мінск: [б. в.]; 1930. 138 с.
8. Макараў МП. *Спроба вывучэння эфектыўнасці форм землекарыстання ў БССР*. Мінск: [б. в.]; 1929. 112 с. (Працы Беларускага навукова-даследчага інстытута сельскай і лясной гаспадаркі пры СНК БССР; том 7, выпуск 5).
9. Краткая объяснительная записка к проекту «Общие начала землепользования и землеустройства Союза Правительств Белорусской ССР». *На аграрном фронте*. 1926;10:77–80.
10. Прышчэпаў З. Задачы рэканструкцыі сельскай гаспадаркі ў сёлетнюю пасеўкампанію. *Советское строительство*. 1928;3–4:53–62.
11. Шек Г. *Зависть: теория социального поведения*. Москва: Ирисэн; 2008. 536 с.
12. Прышчэпаў З. Зямельная палітыка на далучанай тэрыторыі і нашы задачы (па Гомельшчыне). *Звязда*. 1927. 28–29 ліпеня.
13. Кісялёў Я. *Пасёлкі (оптымум тэрыторыі і эфект землеўпарадкавання)*. Мінск: Беларускі навуковы-даследчы інстытут сельскай і лясной гаспадаркі; 1928. 256 с.
14. Ходзін С. М. Этапы савецкай мадэрнізацыі і сацыякультурныя змены ў беларускай вёсцы (1921–1939). *Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права*. 2016;3:32–39.
15. Толстой ЛН. Письма 1907 г. В: Толстой ЛН. *Полное собрание сочинений. Том 7*. Москва: Художественная литература; 1956. с. 3–339.
16. Туган-Барановский МИ. *Социальные основы кооперации*. Москва: Экономика; 1989. 496 с.
17. Довнар-Запольский МВ. *Исследования и статьи. Том 1. Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность*. Киев: А. П. Сапунов; 1909. 488 с.
18. Довнар-Запольский М. Очерки обычного семейственного права крестьян Минской губернии. *Этнографическое обозрение*. 1897;2:1–16.
19. Большаков АМ. *Советская деревня (1917–1925 гг.): экономика и быт*. 2-е издание, значительно дополненное. Ленинград: Прибой; 1925. 264 с.
20. Хейнман С. Бюджет колхозника. *Правда*. 1936. 15 марта.
21. Марзалюк И. А хто там ідзе? Что такое белорусская национальная идея?.. *Советская Белоруссия*. 2014. 21 июня.

References

1. Khodzin S. [«I am from the village». To a question about the identity of Belarusians]. *Belaruskaja dumka*. 2014;1:83–89. Russian.

2. Khodzin SM. Modernization processes in Belarus: the transformation of peasant psychology and traditional peasant institutions (first half of the XX century). In: Kavalenya AA, editor. *Gistarychna-arhealagichny zbornik* [Historical-archaeological collection]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2016. Issue 31. p. 72–78.
3. Khodzin SM. The processes of the Belarusian village of transformation in the context of modernization theory. *Belaruski gistarychny chasopis* [Belarusian historical journal]. 2015;12:5–11. Belarusian.
4. Kirillov IA. *Ocherki zemleustroistva za tri goda revolyutsii (1918–1920 gg.)* [Land management essays for the period of three years of revolution (1918–1920)]. Petrograd: Editorial and Publishing Committee of the People's Committee for Agriculture; 1922. 260 p. Russian.
5. Khodzin SM. Agricultural policy in the context of the tradition of the Belarusian village: comparative aspects (first quarter of the XX century). *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya* [History journal: research]. 2015;6:727–736. Russian.
6. Khodzin S. [The Code of the People's Commissar: traditions and personality in the processes of the Soviet modernization of Belarus (on the example of the 1920s)]. *Belarususkaja dumka*. 2015;12:24–28. Russian.
7. Smolich A. *Sel'skagaspadarchyja rajony Belaruskaj Saveckaj Sacyjalistychnaj Rjespubliki w 1927–1928 gadah: papjarjednaja shema i mjetadalagichnyja vvagi* [Agricultural areas of the Belarusian Soviet Socialist Republic in 1927–1928 years: the provisional scheme and methodological remarks]. Minsk: [publisher unknown]; 1930. 138 p. Belarusian.
8. Makarov MP. *Sproba vyvuchjen'nja jefektywnasci form zemlekarystannja w BSSR* [An attempt to study the effectiveness of land use in the BSSR]. Minsk: [publisher unknown]; 1929. 112 p. (Pracy Belaruskaga navukova-dasledchaga instytutu sel'skaj i ljasnoj gospadarki pry SNK BSSR; volume 7, issue 5). Belarusian.
9. [A brief explanatory note to the project «Common beginnings of land use and land management of the Union of the Government of the Belarusian SSR»]. *Na agrarnom fronte*. 1926;10:77–80. Russian.
10. Prishchepov Z. [Tasks of reconstruction of agriculture during the current sowing campaign]. *Sovetskoe stroitel'stvo*. 1928;3–4:53–62. Belarusian.
11. Schoeck G. *Zavist': teoriya sotsial'nogo povedeniya* [Envy: a theory of social behavior]. Moscow: IRISEN; 2008. 536 p. Russian.
12. Prishchepov S. [Land policy in the returned territory and our tasks (in the Gomel region)]. *Zvjazda*. 1927 July 28–29. Belarusian.
13. Kisljakow Y. *Pasjolki (optimum tjerytory i jefekt zemleuparadkavannja)* [Settlements Villages (optimum territory and the effect of land management)]. Minsk: Belarusian Research Institute of Agriculture and Forestry; 1928. 256 p. Belarusian.
14. Khodzin SM. The stages of the Soviet modernization and socio-cultural changes in the Belarusian village (1921–1939). *Vesnik BDU. Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava*. 2016;3:32–39. Belarusian.
15. Tolstoy LN. [Letters 1907]. In: Tolstoy LN. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 7*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1956. p. 3–339. Russian.
16. Tugan-Baranovsky MI. *Sotsial'nye osnovy kooperatsii* [Social foundations of cooperation]. Moscow: Ekonomika; 1989. 496 p. Russian.
17. Dovnar-Zapolsky MV. *Issledovaniya i stat'i. Tom 1. Etnografiya i sotsiologiya, obychnoe pravo, statistika, belorusskaya pis'mennost'* [Studies and articles. Volume 1. Ethnography and sociology, customary law, statistics, Belarusian writing]. Kiev: A. P. Sapunov; 1909. 488 p. Russian.
18. Dovnar-Zapolsky M. [Essays on customary family law of the peasants of the Minsk province]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 1897;2:1–16. Russian.
19. Bolshakov AM. *Sovetskaya derevnya (1917–1925 gg.): ekonomika i byt* [Soviet village (1917–1925): economy and life]. 2nd edition, greatly enhanced. Leningrad: Priboi; 1925. 264 p. Russian.
20. Heinman S. [The budget of the collective farmer]. *Pravda*. 1936 March 15. Russian.
21. Marzalyuk I. [«Ahto tam idze?» What is the Belarusian national idea?..]. *Sovetskaya Belarussiya*. 2014 June 21. Russian.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 94(476)

КРЕСТЬЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ВОЛОСТНЫЕ СУДЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Д. П. БРИГАДИН¹⁾

¹⁾Государственный институт управления и социальных технологий БГУ,
ул. Обойная, 7, 220004, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются вопросы становления и эволюции крестьянского самоуправления во второй половине XIX – начале XX в. Анализируется влияние политики властей после подавления восстания 1863–1864 гг. на модернизацию белорусской деревни. Раскрываются формы крестьянского самоуправления, изучается роль волостных судов в поддержании правопорядка в крестьянской среде. Исследуется порядок формирования волостных судов, их компетенция, особенности судопроизводства. Отмечается, что в пореформенные десятилетия волостные суды представляли собой совмещение традиции (применение обычного права, сословный характер судопроизводства) и модерна (независимость судов от исполнительной власти, выборность судей, презумпция невиновности).

Ключевые слова: крестьянское самоуправление; волостное судопроизводство; правопорядок; общественная модернизация.

Образец цитирования:

Бригадин ДП. Крестьянское самоуправление и волостные суды во второй половине XIX – начале XX в. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018;4:36–43.

For citation:

Brigadin DP. The peasant self-government and the volost courts in the second half of the XIX – early XX century. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;4:36–43. Russian.

Автор:

Денис Петрович Бригадин – кандидат исторических наук; декан факультета повышения квалификации и переподготовки.

Author:

Denis P. Brigadin, PhD (history); dean of the faculty of advanced studies and retraining.
denisbrigadin@gmail.com

СЯЛЯНСКАЕ САМАКІРАВАННЕ І ВАЛАСНЫЯ СУДЫ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

Д. П. БРЫГАДЗІН^{1*}

^{1*}Дзяржаўны інстытут кіравання і сацыяльных тэхналогій БДУ, вул. Шпалерная, 7, 220004, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца пытанні станаўлення і эвалюцыі сялянскага самакіравання ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Аналізуецца ўплыў палітыкі ўлад пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг. на мадэрнізацыю беларускай вёскі. Раскрываюцца формы сялянскага самакіравання, вывучаецца роля валасных судов у падтрымцы правапарадку ў сялянскім асяроддзі. Даследуецца парадак фарміравання валасных судов, іх кампетэнцыя, асаблівасці судаводства. Адзначаецца, што ў паслярэформенныя дзесяцігоддзі валасныя суды ўяўлялі сабой сімбіёз традыцыі (ужыванне звычаёвага права, саслоўны характар судаводства) і мадэрну (незалежнасць судов ад выканаўчай улады, выбарнасць суддзяў, прэзумпцыя невінаватасці).

Ключавыя словы: сялянскае самакіраванне; валасное судаводства; правапарадак; грамадская мадэрнізацыя.

THE PEASANT SELF-GOVERNMENT AND THE VOLOST COURTS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

D. P. BRIGADIN^a

^aState Institute of Management and Social Technologies, Belarusian State University,
7 Špaliernaja Street, Minsk 220004, Belarus

The article deals with the formation and evolution of peasant self-government in the second half of the XIX – early XX century. The author analyzes the influence of the state policy after the suppression of the uprising of 1863–1864 on the modernization of the Belarusian rural society. The article reveals the forms of peasant self-government, studies the role of volost courts in maintaining law and order in a peasant environment. The author examines the procedure for the formation of volost courts, their competence, and the specifics of judicial proceedings. It is noted that in the post-reform decades the volost courts represented a symbiosis of tradition – the application of customary law, the class nature of the judiciary, and modernity – the independence of courts from executive power, the election of judges, the presumption of innocence.

Key words: peasant self-government; volost litigation; law and order; social modernization.

Введение

Реформы второй половины XIX в. внесли изменения в традиционный уклад жизни крестьянства, усилили социальную фрагментарность общества. Формирование новых общественных отношений происходило в условиях сохраняющего устойчивости традиционного аграрного общества. Экономические и социокультурные изменения, реализация многих провозглашенных свобод находились в зависимости от центральной и местной адми-

нистрации и помещиков, которые сохраняли влияние на селе и после отмены крепостного права. Существовавшая прямая зависимость сельского общества от действий властных структур создавала определенную турбулентность социума. Правовая регуляция отношений была вторичным фактором сельской жизни, первичным было мнение сельского общества, которое выступало главным регулятором отношений.

Основная часть

После отмены крепостного права обеспечение правопорядка в белорусской деревне во многом зависело от крестьянского самоуправления. В соответствии с «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» создавалась двухуровневая система крестьянского самоуправления [1]. На первом уровне находилось сельское общество (громада), которое состояло из крестьян, проживающих на землях одного помещика. Как правило, это были жители одного селения либо нескольких близлежащих небольших деревень, ху-

торов, застенков, имеющих общие хозяйственные дела. Несмотря на различия в формах землепользования (в Виленской, Гродненской и Минской губерниях преобладало подворное землевладение, а в Витебской и Могилёвской – общинное), сельское общество представляло собой базовый институт общественного управления, осуществляемого сельским сходом и избранным им сельским старостой. Сельский сход был уполномочен проводить выборы сельских должностных лиц, определять состав выборных на волостной сход, выносить при-

говоры об удалении из общества нарушителей правопорядка и принимать новых членов, разрешать семейные разделы имущества, определять размер сборов на мирские расходы, распределять и контролировать подати, земские и мирские денежные сборы и натуральные повинности.

Решения на сходе принимались большинством голосов и были правомочны в том случае, когда не менее половины крестьян участвовало в голосовании при обязательном присутствии сельского старосты. Двумя третями голосов решались пределы мирских земель, замена общинного землепользования подворным, удаление из сельского общества ведущих порочный образ жизни крестьян. Приговоры схода утверждались мировым посредником.

Сельский сход избирал сельского старосту, который исполнял приговоры схода, волостного правления и мирового учреждения. Он осуществлял контроль за исправным состоянием дорог и мостов, за исполнением податей, порядком в деревне. Как отмечалось в законе, староста обязан был «принимать меры для охранения благочиния, порядка и безопасности лиц и имущества от преступных действий, а равно предупреждать, чтобы не было потрав хлеба, побоя травы, лесных пожаров и порубок в лесах» (ст. 60 «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г.» (далее – Положение 1861 г.) [1]). В обязанности старосты входило проведение в случае совершения преступления предварительного дознания в присутствии понятых, задержание виновных до прибытия полиции или судебного следователя.

Вторым уровнем местного самоуправления являлось волостное управление, которое состояло из волостного схода, волостного правления, волостного старшины и волостного крестьянского суда. Должностные лица и органы волостного самоуправления избирались на волостном сходе представителей сельских обществ (один представитель от 10 крестьянских дворов). Примечательно, что для Виленской, Гродненской, Минской губерний, а также для 4 уездов Витебской губернии было сделано исключение. На волостной сход батракам и бобылям разрешалось направлять по одному выборному от 20 взрослых работников (ст. 72 Положения 1861 г. [1]).

Волостной сход проводил выборы членов волостного правления, должностных лиц и судей волостного суда, определял назначение и размеры мировых сборов и повинностей. Решения схода принимались большинством голосов. Волостное правление состояло из старшины, его помощников и всех сельских старост на территории волости. Особая роль в обеспечении правопорядка отводилась старшине, который был обязан «охранять благочиние в общественных местах и безопасность лиц и имущества от преступных действий, а также

принимать первоначальные меры для восстановления тишины, порядка и безопасности, вплоть до распоряжения земской полиции» (ст. 83 Положения 1861 г. [1]). Он контролировал паспортный режим, информировал полицию о самовольно отлучившихся из волости, о преступлениях и беспорядках. При необходимости волостной старшина должен был пресекать преступления и задерживать виновных. Он обладал правом подвергать людей, виновных в совершении маловажных проступков, взысканию в размерах, определенных законом для сельского старосты.

В сословном самоуправлении была задействована значительная часть крестьянского населения. Например, в 1881 г. Минская губерния, состоявшая из 9 уездов, разделялась на 209 волостей и 1734 сельских общества, сформированных на базе 5535 населенных мест [2, с. 5]. Местное самоуправление было важным фактором обеспечения правопорядка и разрешения конфликтных ситуаций в деревне. Однако оно само нередко становилось источником правонарушений недобросовестных должностных лиц. Как писал А. Е. Богданович, «выдача паспортов отходникам составляла немаловажную доходную статью для волостного писаря и старшины, от которых это зависело» [3, с. 218].

Восстание 1863–1864 гг. внесло изменения в характер деятельности волостных учреждений. В условиях военного положения им вменялось в обязанности контролировать поведение сельчан, информировать уездное начальство о подозрительных лицах и проявлении оппозиционности властям.

Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев инициировал формирование в подведомственном ему крае жандармских команд численностью около 30 человек в каждом уезде в дополнение к расположенным в губерниях армейским подразделениям и казачьим формированиям. Жандармские команды были переданы в распоряжение местной уездной администрации. В июне 1863 г. было начато создание сельской вооруженной стражи, численность которой в некоторых уездах доходила до 2 тыс. человек. Помещики были обложены особым контрибуционным сбором на содержание стражи. За время нахождения на службе каждый стражник получал продовольствие и жалованье в размере 10 копеек в сутки [4, с. 431].

В это же время М. Н. Муравьев поручил губернским властям провести досрочные выборы в учреждения крестьянского самоуправления. Эта кампания проводилась под контролем уездных военных начальников. Однако избрание на должности благонадежных лиц православного вероисповедания оказалось трудновыполнимой задачей. В Гродненской губернии, например, было переизбрано 686 человек, в том числе 129 католиков, а новых должностных лиц было избрано 1228 человек, из которых 364 человека являлись католиками [5, с. 79].

В целях усиления контроля за деятельностью органов местного самоуправления и уменьшения затрат на их содержание власти на постоянной основе вели политику укрупнения волостей. Так, из 921 волости, сформированной в 35 уездах белорусских губерний в 1864 г., к 1891 г. осталось 683 волости [6, с. 114].

Необходимо отметить, что крестьяне вынуждены были направлять на содержание сельских и волостных учреждений самоуправления значительные суммы. В 1881 г., например, крестьяне Могилёвской губернии оплатили мирской сбор в размере 377 994 руб., что составило 13,2 % от суммы всех платежей. А в 1889 г. общая сумма волостных и сельских расходов составила 622 505 руб. Из этой суммы 236 207 руб. (37,9 %) шло на нужды сельских учреждений и 386 298 руб. (62,1 %) – на нужды волостных учреждений [7, с. 32].

Анализ финансовых затрат свидетельствует о том, что деньги распределялись по различным видам расходов. Так, на содержание сельских должностных лиц в Могилёвской губернии в 1889 г. направлялось 27,9 % средств местных бюджетов, на школьное дело – 14,7 %, почтовые и канцелярские расходы – 12,6 %, содержание общественных зданий – 9 %, финансирование церкви – 8,7 %, содержание дорожной и подводной повинностей – 6,6 %, содержание полиции – 5,7 %, финансирование больниц – 1 % [7, с. 32].

Прямые финансовые затраты на обеспечение правопорядка на селе не превышали 10 % средств местных бюджетов. Эти деньги шли на выплаты сотским и десятским полицейской службы, содержание помещений для полицейских урядников, оплату смотрителям сельских хлебозапасных магазинов, а также лесным и полевым сторожам. В 1870 г. в белорусских губерниях выполнением полицейских функций было занято 2,7 тыс. сотников и 14,5 тыс. десятников. К концу 1880-х гг. численность увеличилась до 4,5 тыс. сотских и 31,8 тыс. десятских [6, с. 119].

В пореформенные годы крестьянское самоуправление претерпевало серьезные изменения. Являясь органом сословного самоуправления, волостное правление постепенно превращалось в административную структуру, обслуживающую не только крестьян, но и представителей иных сословий, проживающих на территории волости. Оно выполняло те функции государственного бюрократического аппарата, которые ранее осуществляли помещики. Прежде всего это проведение до 1870-х гг. рекрутских наборов, обеспечение выплаты казенных податей и выполнение других повинностей.

Земская реформа, начало которой было положено 1 января 1864 г. утверждением «Положения о губернских и уездных земских учреждениях», проводилась с 1860-х гг. до первой половины 1870-х гг.

в губерниях европейской России. Исключением стали западные губернии. Власть не допускала проявления гражданской инициативы, возникновения элементов выборности в белорусских губерниях. Даже после 40-летней кампании ограничения польского влияния в Беларуси министр финансов С. Ю. Витте в конце XIX в. утверждал, что в земских учреждениях собственники земли польского происхождения могут составлять большинство [8, с. 178–179].

Только 2 апреля 1903 г. было утверждено Положение об управлении земским хозяйством в губерниях Виленской, Витебской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилёвской и Подольской, которое на первом этапе вводилось только в Витебской, Минской и Могилёвской губерниях. Учреждая земства в трех белорусских губерниях, центральная власть в очередной раз выразила недоверие землевладельцам этих губерний. Вместо выборных земских учреждений вводились назначаемые губернские и уездные комитеты по делам земского хозяйства. Деятельность земских учреждений жестко контролировалась губернаторами и Министерством внутренних дел Российской империи. Только 14 марта 1911 г. были сняты ограничения, связанные с выборностью земств. Положение о земских учреждениях в редакции 1890 г. было распространено на Витебскую, Минскую и Могилёвскую губернии. Что касается Гродненской и Виленской губерний, то земская реформа в них не была реализована даже в самом ограниченном виде.

В поддержании должного правопорядка в деревне важную роль играли институты судебной власти и прежде всего их первичный уровень – волостной суд, который являлся выборным судебным органом для рассмотрения незначительных уголовных и гражданских дел. Свою работу волостной суд строил на основе Сельского судебного устава 1839 г. и Устава о благоустройстве в казенных селениях 1857 г. Положениями последнего, в частности, определялись базовые принципы судебного процесса: презумпция невиновности, доказательность вины, зависимость тяжести наказания от степени вины, а также иные правила судопроизводства [9, с. 78–80].

В Положении 1861 г. была определена структура и принципы функционирования волостного крестьянского суда. Так, судьи волостного суда численностью от 4 до 12 человек ежегодно избирались волостным сходом из числа законопослушных крестьян-домохозяев старше 25 лет. Сход, если считал нужным, назначал вознаграждение судьям. Заседания проходили, как правило, раз в две недели (ст. 93 Положения 1861 г. [1]).

Волостной суд являлся внутрисословным органом. В его компетенцию входили имущественные споры между крестьянами с суммой иска до

100 руб. Кроме того, он выносил решения по незначительным уголовным преступлениям, совершенным крестьянами против представителей этого же сословия. Волостной суд мог приговорить виновных к общественным работам на срок до 6 дней, денежному штрафу до 3 руб., аресту до 7 дней, а лиц, к которым были применимы телесные наказания, – к 20 ударам розгами (ст. 95–102 Положения 1861 г. [1]).

Элементом, характеризующим определенную независимость местной судебной власти от власти исполнительной, являлось положение о том, что волостной старшина и староста не должны вмешиваться в производство волостного суда и не должны присутствовать при обсуждении дел (ст. 104 Положения 1861 г. [1]).

Принципиальной особенностью волостного судопроизводства было применение при рассмотрении споров не статутного, а обычного права, т. е. местных обычаев, правил, принятых в крестьянском быту. Такая мера была вынужденной ввиду сложности включения крестьян в гражданское правовое общество. Правосознание сельских жителей находилось в зачаточном состоянии, многие преступления и проступки не считались таковыми в крестьянском сообществе. Например, домашнее насилие считалось внутрисемейным делом, а работа в дни религиозных праздников вызывала общественное осуждение. Драка и нанесение оскорблений традиционны не считались в крестьянской среде подсудными деяниями.

В пореформенные годы отношение крестьян к защите своих прав стало меняться. Статистические картины волостного судопроизводства в разных губерниях отличаются ввиду отсутствия единых стандартов материального и процессуального права, однако можно сделать вывод о том, что в начале XX в. резко увеличилась численность проступков, рассмотренных волостными судами. Например, в Витебской губернии в 1887 г. волостные суды рассмотрели 7331 дело уголовного характера [10, с. 77], в 1897 г. – 9188 дел [11, с. 85], а к 1903 г. количество разбирательств возросло до 23 242 [12, с. 54]. Волостные суды Виленской губернии в 1885 г. рассмотрели 4477 дел по проступкам [13, с. 28], в 1897 г. – 4789 дел [14, с. 94–95], а в 1907 г. – 18 455 [15, с. 94].

В большинстве случаев поводами для судебного разбирательства служили личные обиды: драки, оскорбления. Например, в 1905 г. волостными судами Гродненской губернии было разрешено 27 402 дела, из которых 14 686 касались личных обид, а также 3774 дела о кражах и обманах, 989 дел о нарушении строительного устава, 976 дел о посягательствах на порядок управления, 289 дел о брако-

ньерстве, 126 дел о нарушении паспортного устава, 39 дел о нарушении порядка во время богослужения и 6523 дела, не подпадающего ни под одну из вышеупомянутых категорий¹.

Рост числа дел в волостном судопроизводстве объясняется введением в белорусских губерниях в начале XX в. Положения о земских участковых начальниках и установлением административного контроля за волостными судами. Однако не в последнюю очередь, как нам представляется, подобные перемены предопределялись ростом чувства собственного достоинства сельских жителей. Сам факт участия в судебном заседании повышал самооценку крестьянина. Как справедливо отмечает А. А. Загорнов, крестьяне в пореформенный период стали равнодушны ко всему, что носило печать законности [16, с. 48].

Судебные процедуры производились в устной форме, так как подавляющее большинство крестьян были неграмотны. В большинстве мелких споров судья выступал в роли медиатора, стремящегося к примирению сторон. Многие споры частного характера заканчивались мировым соглашением, либо разбирательство прекращалось ввиду неявки стороны обвинения. В 1897 г. в Гродненской губернии из 34 273 гражданских дел 43,3 % были прекращены [5, с. 101].

Процент мировых соглашений по уголовным делам в волостном судопроизводстве во многом определялся местными обычаями и подходами к судебному процессу. Например, в Витебской губернии в период с 1895 г. по 1901 г. 9,8 % уголовных дел, рассмотренных в волостных судах, закончились мировым соглашением [11, с. 85; 17, с. 100; 18, с. 114; 19, с. 91; 20, с. 47; 21, с. 80; 22, с. 74]. В Виленской губернии в период с 1899 по 1903 г. этот показатель составил 24,3 % [23, с. 96; 24, с. 98; 25, с. 91; 26, с. 89; 27, с. 91].

Как подчеркивал правовед А. Ф. Брандт, волостные суды не видели разницы между уголовными и гражданскими делами: «Частные сделки между преступником и потерпевшим с целью оставления дела без судебного разбора встречаются не только при обидах, но и при нанесении сильных побоев, при искалечении и при изнасиловании. <...> Если выкуп, вопреки уговору, не будет уплачен, то дело доходит до судебного разбирательства» [28, с. 115].

Губернская статистика позволяет зафиксировать определенные изменения в назначаемых судом наказаниях за проступки. В Могилевской губернии за 1888 г. из 10 133 осужденных к штрафу были приговорены 5014 человек (49,5 %), к аресту до 7 дней – 2087 (20,6 %), телесному наказанию – 1845 (18,2 %), общественным работам – 831 (8,2 %), выговор получили 356 (3,5 %) крестьян

¹Нац. ист. арх. Беларуси в Гродно. Ф. 18. Оп. 1. Д. 80. Л. 16–17.

[5, с. 100]. Однако в XX в. наиболее распространенным наказанием, назначаемым волостным судом, стал арест. В 1900 г. суды Могилёвской губернии к аресту приговорили 40 % осужденных [29, с. 58], а в 1904 г. – уже 67 % [30, с. 59–60]. В начале XX в. вместе с увеличением количества обращений крестьян в волостные суды наблюдался и рост доли оправдательных приговоров. Если в 1883 г. в Могилёвской губернии 2451 оправданный подсудимый приходился на 7749 осужденных (24 % от общего числа подсудимых) [29, с. 31–32], а в 1889 г. – 3513 оправданных на 10 975 осужденных (24,2 %) [7, с. 19], то в 1904 г. было вынесено 23 186 оправдательных приговоров на 17 243 обвинительных (57,3 %) [30, с. 59–60]. Данная динамика сохранялась и в последующие годы.

Приговоры волостных судов протоколировались волостным писарем и являлись окончательными. Они приводились в исполнение сельскими старостами или помощниками волостного старшины, если волость состояла из одного сельского общества (ст. 109–110 Положения 1861 г. [1]).

Введение в 1901 г. в Витебской, Минской и Могилёвской губерниях, а в 1903 г. в Виленской и Гродненской губерниях института земских начальников [31; 32] изменило порядок формирования волостных правлений и судов. Земские начальники получили право включать в состав волостных судов 4 из 12 судей, назначать председателя суда. Ими контролировалась правильность принятия решений.

Очевидно, что такие принципы судебной реформы 1864 г., как бессословность, применение закона в качестве источника права входили в противоречие с деятельностью волостных судов. Тем не менее власть не решилась на упразднение волостных судов, так как это означало бы, что значительная часть населения оставалась вне правового поля. Крестьяне осознавали себя в первую очередь участниками общинных правоотношений, а не полноправными субъектами гражданского и уголовного права. Волостная юстиция продолжала функционировать в качестве необходимой временной меры.

В отчете исполняющего обязанности витебского губернатора В. В. Левашова за 1895 г. отмечалось, что «введение судебно-мирового института без согласования с общим строем административного управления, рядом с волостным судом, свободным

от проверки его решений по существу и при самом поверхностном надзоре со стороны уездных присутствий, ввело в народную жизнь новое воззрение, будто без постановления суда никакая власть не может иметь применения. <...> В народе развелось сутяжничество» [33, с. 809]. На наш взгляд, термин «сутяжничество» в данном контексте неприменим. Стремление крестьян к применению законных средств защиты прав являлось, скорее, позитивной тенденцией, свидетельствующей о формирующемся правосознании населения.

Отмена крепостного права не могла в одночасье изменить криминальную обстановку в крестьянской среде. На смену Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которое закрепляло за помещичьим судом такие виды наказаний, как розги (до 40 ударов), палки (до 15 ударов), заключение в сельскую тюрьму (до 2 месяцев), заключение в смиренный дом (до 3 месяцев), направление в арестантские роты (до 6 месяцев), сдача в рекруты, высылка в отдаленные районы, пришла новая правовая практика. Крестьяне получили личные свободы: возможность самостоятельно вести хозяйство, заниматься торговлей, заключать юридические соглашения, вести судебные дела, защищать свои права всеми дозволенными законом способами. В законе подчеркивалось, что «крестьяне не могут быть подвергаемы никакому наказанию иначе, как по судебному приговору или по законному распоряжению поставленных над ними правительственных и общественных властей» (ст. 25 Положения [1]).

Однако на практике произвол помещика был заменен произволом сельской администрации, общества, хозяина двора. Административная опека с правом подвергать крестьянина наказанию по усмотрению сельской администрации без всякого следствия сдерживала формирование правового общества. В «Трудах местных комитетов Минской губернии» отмечалось: «Это “обычное право”, а также отсутствие прав личности человека породили взяточничество как со стороны волостных писарей, судей, старшин, так и других должностных лиц, недоверие ко всякому начальству, сутяжнический дух, подпольную адвокатуру, подбивающую мужика на совершенно невозможные и бессмысленные процессы» [33, с. 684–685].

Заключение

Таким образом, в процессе экономической, социальной и культурной модернизации традиционного белорусского общества изменилась роль местного крестьянского самоуправления в обеспечении правопорядка на селе. В этот период сельское и волостное самоуправление, местная судебная власть

столкнулись с новыми вызовами: ростом имущественных преступлений и преступлений против личности [34]. Вместе с тем сельское общество все больше включалось в сферу новых правоприменительных практик, формирующих правосознание сельских жителей.

Библиографический список:

1. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, 19 февраля 1861 г. В: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Том 36. Отделение 1.* Санкт-Петербург: Типография второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1863. с. 141–169.
2. *Обзор Минской губернии за 1881 г.* Минск: Губернская типография; 1882.
3. Богданович АЕ. *Я всю жизнь стремился к свету. Книга 1.* Минск: Літаратура і мастацтва; 2012.
4. Муравьев МН. Об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа в 1863–1865 гг. *Русская старина.* 1882;36(11):387–432.
5. Токць СМ. *Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст.* [аўтарэферат]. Мінск: [б. в.]; 2016.
6. Каваленя АА, рэдактар. *Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пач. XXI ст. Книга 1.* Мінск: Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі; 2011.
7. *Отчет о состоянии Могилёвской губернии за 1889 г.* Могилёв: [б. и.]; 1890.
8. Витте СЮ. *Самодержавие и земство. Записка Б. Министра финансов стас-секретаря С. Ю. Витте.* Санкт-Петербург: Типография В. Безобразовик; 1908.
9. Устав о благоустройстве в казенных селениях. В: *Свод законов Российской империи. Том 12. Часть 2.* Санкт-Петербург: Типография второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1857. с. 1–110.
10. *Обзор Витебской губернии за 1887 г.* Витебск: [б. и.]; 1888.
11. *Обзор Витебской губернии за 1897 г.* Витебск: [б. и.]; 1898.
12. *Обзор Витебской губернии за 1903 г.* Витебск: [б. и.]; 1904.
13. *Обзор Виленской губернии за 1885 г.* Вильна: Губернская типография; 1886.
14. *Обзор Виленской губернии за 1897 г.* Вильна: Губернская типография; 1898.
15. *Обзор Виленской губернии за 1907 г.* Вильна: Губернская типография; 1908.
16. Загорнов АА. Отмена крепостного права и трансформация правового сознания крестьян Беларуси. В: Коршук УК, рэдактар. *Працы гістарычнага факультэта БДУ.* Мінск: БДУ; 2014. с. 39–50.
17. *Обзор Витебской губернии за 1895 г.* Витебск: [б. и.]; 1896.
18. *Обзор Витебской губернии за 1896 г.* Витебск: [б. и.]; 1897.
19. *Обзор Витебской губернии за 1898 г.* Витебск: [б. и.]; 1899.
20. *Обзор Витебской губернии за 1899 г.* Витебск: [б. и.]; 1900.
21. *Обзор Витебской губернии за 1900 г.* Витебск: [б. и.]; 1901.
22. *Обзор Витебской губернии за 1901 г.* Витебск: [б. и.]; 1902.
23. *Обзор Виленской губернии за 1899 г.* Вильна: Губернская типография; 1900.
24. *Обзор Виленской губернии за 1900 г.* Вильна: Губернская типография; 1901.
25. *Обзор Виленской губернии за 1901 г.* Вильна: Губернская типография; 1902.
26. *Обзор Виленской губернии за 1902 г.* Вильна: Губернская типография; 1903.
27. *Обзор Виленской губернии за 1903 г.* Вильна: Губернская типография; 1904.
28. *Сборник сведений по России за 1884–1885 гг.* Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел; 1887.
29. *Обзор Могилёвской губернии за 1900 г.* Могилёв: Могилёвский губернский статистический комитет; 1901.
30. *Обзор Могилёвской губернии за 1904 г.* Могилёв: Могилёвский губернский статистический комитет; 1905.
31. О распространении законоположений 12 июля 1889 г. о преобразовании крестьянских и судебных учреждений на губернии Витебскую, Минскую и Могилёвскую, 12 июня 1900 г. В: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Том 20. Отделение 1.* Санкт-Петербург: Типография второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1902. с. 762–764.
32. О распространении законоположений 12 июля 1889 г. о преобразовании крестьянских и судебных учреждений на губернии Виленскую, Гродненскую и Ковенскую и об ассигновании необходимых на сие кредитов, 8 июня 1903 г. В: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Том 23. Отделение 1.* Санкт-Петербург: Типография второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1905. с. 687–689.
33. *Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. Том 2.* Мінск: Выдавецтва АН БССР; 1940.
34. Бригадин ДП. Динамика и структура преступности в Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. В: Коршук УК, рэдактар. *Працы гістарычнага факультэта БДУ.* Мінск: БДУ; 2016. с. 16–26.

References

1. [Regulations Concerning Peasants Leaving Serf Dependence, 1861 February 19]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sbornik 2. Tom 36. Otdelenie 1.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Volume 36. Branch 1]. Saint Petersburg: Tipografiya vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1863. p. 141–169. Russian.
2. *Obzor Minskoi gubernii za 1881 g.* [Overview of the Minsk province for 1881]. Minsk: Gubernskaya tipografiya; 1882. Russian.
3. Bogdanovich AE. *Ya vsyu zhizn' stremilsya k svetu. Kniga 1* [All my life I have been longing for the light. Book 1]. Minsk: Litaratura i Mastactva; 2012. Russian.
4. Muravyov MN. [On the management of the North-West Territory and the suppression of the insurrection in it in 1863–1865]. *Russkaya starina* [Russian antiquity]. 1882;36(11):387–432. Russian.
5. Tokts' SM. *Sacyjal'nyja i kul'urnyja pracjesy w belaruskaj vjoscy w drugoj palove XIX – pachatku XX st.* [Social and cultural processes in the Belarusian village during the second half of XIX – early XX century] [autoreferat]. Minsk: [publisher unknown]; 2016. Belarusian.
6. Kavaliienya AA, editor. *Gistoryja belaruskaj dzjarzhawnasci w kancy XVIII – pach. XXI st. Kniga 1* [The history of the Belarusian statehood in the late XVIII – early XXI century. Book 1]. Minsk: Institute of history of the National academy of sciences of Belarus; 2011. Belarusian.

7. *Otchet o sostoyanii Mogilevskoi gubernii za 1889 g.* [Report on the state of the Mogilev province for 1889]. Mogilev: [publisher unknown]; 1890. Russian.
8. Witte SYu. *Samoderzhavie i zemstvo. Zapiska B. Ministra finansov stas-sekretarya S. Yu. Vitte* [Autocracy and Zemstvo. Note of Syu. Witte]. Saint Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazovik; 1908. Russian.
9. [The Charter of Improvement in State Settlements]. In: *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Tom 12. Chast' 2* [Code of Laws of the Russian Empire. Volume 12. Part 2]. Saint Petersburg: Tipografiya vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1857. p. 1–110. Russian.
10. *Obzor Vitebskoi gubernii za 1887 g.* [Overview of the Vitebsk province for 1887]. Vitebsk: [publisher unknown]; 1888. Russian.
11. *Obzor Vitebskoi gubernii za 1897 g.* [Overview of the Vitebsk province for 1897]. Vitebsk: [publisher unknown]; 1898. Russian.
12. *Obzor Vitebskoi gubernii za 1903 g.* [Overview of the Vitebsk province for 1903]. Vitebsk: [publisher unknown]; 1904. Russian.
13. *Obzor Vilenskoi gubernii za 1885 g.* [Overview of the Vilna province for 1885]. Vilna: Gubernskaya tipografiya; 1886. Russian.
14. *Obzor Vilenskoi gubernii za 1897 g.* [Overview of Vilna province for 1897]. Vilna: Gubernskaya tipografiya; 1898. Russian.
15. *Obzor Vilenskoi gubernii za 1907 g.* [Overview of the Vilnius province for 1907]. Vilna: Gubernskaya tipografiya; 1908. Russian.
16. Zagornov AA. [The abolition of serfdom and the transformation of the legal consciousness of the peasants of Belarus]. In: Korshuk UK, editor. *Pracy gistorychnaga fakul'tjeta BDU* [Works of the history faculty of the Belarusian State University]. Minsk: Belarusian State University; 2014. p. 39–50. Russian.
17. *Obzor Vitebskoi gubernii za 1895 g.* [Overview of the Vitebsk province for 1895]. Vitebsk: [publisher unknown]; 1896. Russian.
18. *Obzor Vitebskoi gubernii za 1896 g.* [Overview of the Vitebsk province for 1896]. Vitebsk: [publisher unknown]; 1897. Russian.
19. *Obzor Vitebskoi gubernii za 1898 g.* [Overview of the Vitebsk province for 1898]. Vitebsk: [publisher unknown]; 1899. Russian.
20. *Obzor Vitebskoi gubernii za 1899 g.* [Overview of the Vitebsk province for 1899]. Vitebsk: [publisher unknown]; 1900. Russian.
21. *Obzor Vitebskoi gubernii za 1900 g.* [Overview of the Vitebsk province for 1900]. Vitebsk: [publisher unknown]; 1901. Russian.
22. *Obzor Vitebskoi gubernii za 1901 g.* [Overview of the Vitebsk province for 1901]. Vitebsk: [publisher unknown]; 1902. Russian.
23. *Obzor Vilenskoi gubernii za 1899 g.* [Overview of the Vilna province for 1899]. Vilna: Gubernskaya tipografiya; 1900. Russian.
24. *Obzor Vilenskoi gubernii za 1900 g.* [Overview of the Vilna province for 1900]. Vilna: Gubernskaya tipografiya; 1901. Russian.
25. *Obzor Vilenskoi gubernii za 1901 g.* [Overview of the Vilna province for 1901]. Vilna: Gubernskaya tipografiya; 1902. Russian.
26. *Obzor Vilenskoi gubernii za 1902 g.* [Overview of the Vilna province for 1902]. Vilna: Gubernskaya tipografiya; 1903. Russian.
27. *Obzor Vilenskoi gubernii za 1903 g.* [Overview of the Vilna province for 1903]. Vilna: Gubernskaya tipografiya; 1904. Russian.
28. *Sbornik svedenii po Rossii za 1884–1885 gg.* [Collection of information on Russia for 1884–1885]. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del; 1887. French.
29. *Obzor Mogilevskoi gubernii za 1900 g.* [Overview of the Mogilev province for 1900]. Mogilev: Mogilevskii gubernskii statisticheskii komitet; 1901. Russian.
30. *Obzor Mogilevskoi gubernii za 1904 g.* [Overview of the Mogilev province for 1904]. Mogilev: Mogilevskii gubernskii statisticheskii komitet; 1905. Russian.
31. [Regulations on the extension of the legal provisions of 12 July 1889 on the transformation of peasant and judicial institutions in the provinces of Vitebsk, Minsk and Mogilev, June 12, 1900]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3. Tom 20. Otdelenie 1* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. Volume 20. Branch 1]. Saint Petersburg: Tipografiya vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1902. p. 762–764. Russian.
32. [Regulations on the extension of the legal provisions of 12 July 1889 on the transformation of peasant and judicial institutions in the provinces of Vilna, Grodno and Kovno and the allocation of necessary credits, June 8, 1903]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3. Tom 23. Otdelenie 1* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection. 3. Volume 23. Branch 1]. Saint Petersburg: Tipografiya vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1905. p. 687–689. Russian.
33. *Dokumenty i materyjaly pa gistoryi Belarusi. Tom 2* [Documents and materials on the history of Belarus. Volume 2]. Minsk: Vydavectva AK BSSSR; 1940. Belarusian.
34. Brigadin DP. [Dynamics and structure of criminality in Belarus in the second half of the XIX – early XX centuries]. In: Korshuk UK, editor. *Pracy gistorychnaga fakul'tjeta BDU* [Works of the history faculty of the Belarusian State University]. Minsk: Belarusian State University; 2016. p. 16–26. Russian.

УДК 338(476)(091)«18/19»(043.3)

ПИВОВАРНЯ С ОСОБЕННОЙ ИСТОРИЕЙ: УЧРЕЖДЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИНСКОГО ПИВОВАРЕННОГО ЗАВОДА ФРУМКИНЫХ – ЧАПСКОГО – ЛЕКЕРТОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

А. В. БУРАЧОНОК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основе материалов делопроизводства, статистических и законодательных источников Российской империи всесторонне исследуется деятельность одного из крупнейших пивоваренных заводов на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Выявлены основные этапы в развитии предприятия и их особенности. Приведена социальная характеристика владельцев завода. Отражена роль графа К. Чапского, семейств Фрумкиных и Лекертов в развитии предприятия. На примере конкретного промышленного учреждения показано влияние предпринимательской деятельности на трансформационные процессы в белорусском обществе во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: предпринимательство; Беларусь; промышленность; пивоварение; модернизация; трансформация общества; Российская империя.

БРОВАР З АДМЕТНАЙ ГІСТОРЫЯЙ: ЗАСНАВАННЕ І ДЗЕЙНАСЦЬ МІНСКАГА ПІВАВАРНАГА ЗАВОДА ФРУМКІНЫХ – ЧАПСКАГА – ЛЕКЕРТАЎ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

А. В. БУРАЧОНАК^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На аснове матэрыялаў справаводства, статыстычных і заканадаўчых крыніц Расійскай імперыі ўсебакова даследуецца дзейнасць аднаго з буйнейшых пиваварных заводаў на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Выяўлены асноўныя этапы ў развіцці прадпрыемства і іх асаблівасці. Прыведзена сацыяльная характарыстыка ўладальнікаў завода. Адлюстравана роля графа К. Чапскага, сямействаў Фрумкіных і Лекертаў у развіцці прадпрыемства. На прыкладзе канкрэтнай прамысловай установы паказаны ўплыў прадпрымальніцкай дзейнасці на трансфармацыйныя працэсы ў беларускім грамадстве ў другой палове XIX – пачатку XX ст.

Ключавыя словы: прадпрымальніцтва; Беларусь; прамысловасць; пиваварэнне; мадэрнізацыя; трансфармацыя грамадства; Расійская імперыя.

Образец цитирования:

Бурачонок АВ. Бровар з адметнай гісторыяй: заснаванне і дзейнасць мінскага пиваварнага завода Фрумкіных – Чапскага – Лекертаў у другой палове XIX – пачатку XX ст. *Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2018;4:44–53.

For citation:

Burachonak AV. Brewery with distinctive history: establishment and operation of Frumkins' – Chapski's – Lekerts' Minsk brewing plant in the second half of the XIX – early XX century. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;4:44–53. Belarusian.

Автор:

Александр Вячеславович Бурачонок – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Aliaksandr V. Burachonak, PhD (history), docent; associate professor at the department of Modern and Contemporary history of Belarus, faculty of history.
burumag@gmail.com

BREWERY WITH DISTINCTIVE HISTORY: ESTABLISHMENT AND OPERATION OF FRUMKINS' – CHAPSKI'S – LEKKERTS' MINSK BREWING PLANT IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

A. V. BURACHONAK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Activity of one of the largest breweries on the territory of Belarus in the second half of XIX – early XX century is thoroughly investigated based on official records, legal and statistical sources of the Russian Empire period. Main stages of enterprises development are revealed and characterized. Social characteristics of the brewery owners are outlined. Special consideration is given to the role that count K. Chapski, Frumkins and Lekkerter families played in enterprise development. The impact which entrepreneurship activities had on transformation processes in Belarusian society in the second half of the XIX – early XX century is demonstrated using the example of specific industrial establishment.

Key words: entrepreneurship; Belarus; industry; brewing; modernization; transformation of society; Russian Empire.

На сучасным этапе развіцця нашай дзяржавы прамысловасць з'яўляецца найбуйнейшай галіной і флагманам эканомікі Рэспублікі Беларусь. Нягледзячы на абмежаванасць уласных паліўна-энергетычных рэсурсаў і важных відаў сыравіны, рэспубліка працягвае захоўваць свой прамысловы патэнцыял. Неабходна адзначыць, што прамысловасць Беларусі мае свае багатыя традыцыі. Шэраг прадпрыемстваў, якія сёння актыўна ажыццяўляюць вытворчасць рознай па сваім характары прадукцыі, былі заснаваны яшчэ ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Сярод іх варта ўзгадаць адно з найбуйнейшых дрэваапрацоўчых беларускіх прадпрыемстваў «Пінскдрэў», якое вядзе адлік сваёй дзейнасці з заснавання ў 1880 г. у Пінску фанернай фабрыкі ганаровымі грамадзянамі Аляксандрам і Леапольдам Лур'е; знакаміты далёка па-за межамі нашай рэспублікі сваімі вырабамі шклозавод «Нёман», гісторыя якога пачалася ў 1883 г. з адкрыццём памешчыкам Зянонам Ленскім невялікай гуты; вядомую многім пакаленням савецкіх і беларускіх школьнікаў сваёй прадукцыяй Добрушскую папяровую фабрыку, якая была заснавана яшчэ ў 1870 г. князем Фёдарам Паскевічам, і шэраг іншых.

Пэўныя аспекты дзейнасці названых прадпрыемстваў у дарэвалюцыйны час ужо знайшлі сваё адлюстраванне ў айчынным гістарыяграфіі. Разам з тым на сёння ў рэспубліцы налічваецца значная колькасць вытворчых аб'ектаў з багатымі векавымі традыцыямі, якія амаль цалкам застаюцца па-за ўвагай даследчыкаў эканамічнай гісторыі Беларусі. Да такіх аб'ектаў належыць і завод з гісторыяй больш чым у паўтары стагоддзі, які і сёння працягвае дзейнічаць у Мінску. З 1994 г. дадзенае прадпрыемства мае назву «Аліварыя» і, як і ў другой палове XIX – пачатку XX ст., працягвае спецыялізавацца ў традыцыйнай для беларускіх зямель яшчэ з эпохі Сярэднявечча галіне – вытворчасці піва. Варта

адзначыць, што асобныя старонкі дарэвалюцыйнай гісторыі названага завода знайшлі адлюстраванне ў працах З. В. Шыбекі, Н. І. Палятаевай, В. Р. Кукуні [1–3] і інш. Дасягненне пастаўленай аўтарам артыкула мэты – усебакова прааналізаваць працэс заснавання і дзейнасці прадпрыемства Фрумкіных – Чапскага – Лекертаў, выявіць пэўныя адметныя рысы ў яго развіцці – было б немагчыма без выкарыстання дакументаў справаводства, якія захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі, матэрыялаў афіцыйнай статыстыкі і крыніц заканадаўчага характару.

Заснаванне разглядаемага піваварнага завода звязана з іменем мінскай мяшчанкі Рохлі Фрумкінай. 28 студзеня 1864 г. яна накіравала прашэнне на імя расійскага імператара Аляксандра II з мэтай атрымаць дазвол на ўзвядзенне будынка з далейшай арганізацыяй там вытворчасці піва. У той жа дзень Рохля Фрумкіна прадставіла ў Мінскую будаўнічую і дарожную камісію Галоўнага ўпраўлення шляхоў зносін і публічных будынкаў Міністэрства шляхоў зносін Расійскай імперыі праект будучага бровара, які быў зацверджаны 29 студзеня 1864 г. Заснаванне новага прадпрыемства планавалася на ўчастку зямлі, які знаходзіўся на перакрываўанні вуліц Загараднай (сучасная Кісялёва) і Аляксандраўскай (сучасная Максіма Багдановіча)¹. Варта адзначыць, што гэты зямельны надзел агульнай плошчай звыш 5,33 тыс. м² па кантракце ад 9 жніўня 1828 г. знаходзіўся ў вечна-чыншавым валоданні бацькі будучай уладальніцы завода – Сімона Мінекера. Пасля яго смерці ўся зямля з пабудовамі перайшла ў спадчыну да яго адзінай дачкі².

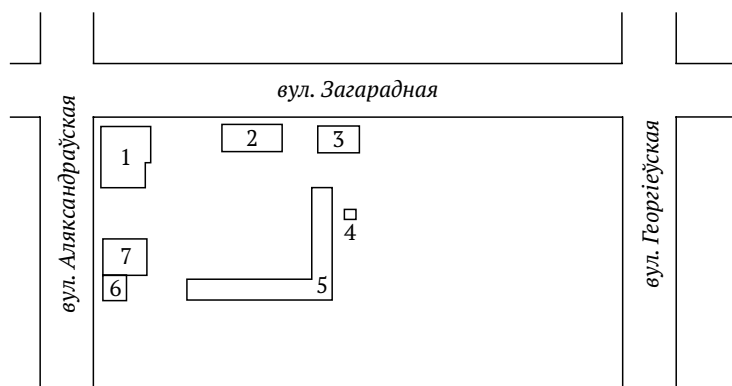
Атрымаўшы дазвол на заснаванне свайго прадпрыемства, Рохля Фрумкіна не спяшалася яго рэалізаваць. Цягам наступных чатырох месяцаў у першапачатковы праект завода былі ўнесены пэўныя ўдасканаленні, і 21 мая 1864 г. на імя Аляксандра II было накіравана новае прашэнне. Адначасова з гэ-

¹Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 447. Воп. 1. Спр. 211. Арк. 1–4.

²Там жа. Ф. 183. Воп. 3. Спр. 1553. Арк. 13–14.

тым у Мінскую будаўнічую і дарожную камісію быў прадстаўлены новы чарцёж бровара (мал. 1), які быў зацверджаны 26 мая 1864 г.³ Фактычна з гэтага часу можна адлічваць пачатак дзейнасці

піваварнага завода Фрумкіных у губернскім горадзе Мінску, у якім у сярэдзіне 1860-х гг. акрамя названага існавала яшчэ шэсць прадпрыемстваў⁴, якія спецыялізаваліся ў гэтай галіне.

Мал. 1. Схема размяшчэння будынкаў на зямельным участку Р. Фрумкінай (1864 г.):
1, 2, 7 – драўляныя пабудовы (дамы); 3 – драўляны бровар;
4 – калодзеж; 5 – драўляны навес; 6 – лядоўня.
Крыніца: Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 447. Воп. 1. Спр. 211. Арк. 5
Fig. 1. The layout of buildings on the R. Frumkina's land plot (1864):
1, 2, 7 – wooden buildings (houses); 3 – wooden brewery;
4 – water well; 5 – wooden open shed; 6 – ice house.
Source: National Historical Archives of Belarus. F. 447. Inv. 1. F. 211. Sh. 5

Варта адзначыць, што дакументаў, якія ўтрымліваюць пэўныя звесткі аб дзейнасці піваварнага завода пад кіраўніцтвам Рохлі Фрумкінай, амаль не захавалася. Вядома, што ў 1868 г. на ім было выраблена звыш 14,7 тыс. дэкалітраў піва на суму 12 тыс. рублёў⁵. Разам з тым матэрыялы справаводства, якія змяшчаюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі, даюць магчымасць аднавіць жыццёвы шлях уладальніцы завода. Яна нарадзілася ў 1816 г. у Мінску. Па веравызнанні была іўдзейкай. На момант атрымання зямельнага надзела ў спадчыну ад бацькі Рохлі Мінекер ўжо была замужам за мінскім мяшчанінам Борухам Фрумкіным. У шлюбе ў іх нарадзіліся чатыры дачкі і дзесяць сыноў⁶. Аднак сямейныя абавязкі не перашкодзілі таму, каб на працягу больш чым дзесяці гадоў Рохля Фрумкіна займалася ўсімі справамі завода. Знаходжанне жанчыны на чале такой вытворчасці ў тых часы можа ўжо само па сабе лічыцца адной з адметнасцей разглядаемага прадпрыемства. Зразумела, што ў сучасных умовах, калі гендарная роўнасць уяўляе звыклую для нашага грамадства з'яву, гэта можа і не ўспрымацца як нешта асаблівае. Але паўтары стагоддзі таму сітуацыя

была крыху іншай. Безумоўна, у Расійскай імперыі, у адрозненне ад краін Заходняй Еўропы таго часу, на баку жанчыны было камерцыйнае заканадаўства, паводле якога не існавала гендарных абмежаванняў у занятках прадпрымальніцтвам. Істотным крокам у гэтым кірунку стала прыняцце 10 чэрвеня 1857 г. заканадаўчага акта, паводле якога прадстаўніцы купецкага саслоўя маглі атрымліваць пасведчанні на ажыццяўленне прадпрымальніцкай дзейнасці, якая не абавязкова была звязана са справай іх мужоў⁷. Крыху менш чым праз шэсць гадоў гендарная роўнасць у занятках прадпрымальніцтвам распаўсюдзілася на ўсе саслоўі. У адпаведнасці з артыкулам 21 Палажэння аб пошлінах за права гандлю і іншых промыслаў ад 1 студзеня 1863 г. пасведчанні на занятка прадпрымальніцкай дзейнасцю маглі набывацца незалежна ад саслоўнага паходжання асобамі абодвух палоў, якія мелі расійскае або замежнае падданства⁸. Але нават нягледзячы на той факт, што расійскае права, якое рэгламентавала асновы прадпрымальніцкай дзейнасці, было ліберальным у адносінах пола-ўзроставых прыкмет заснавальнікаў прадпрыемстваў, доля жанчын у прамысловай вытворчасці заставалася нязнач-

³Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 295. Воп. 1. Спр. 1935. Арк. 97–97 адв.

⁴Там жа. Ф. 21. Воп. 1. Спр. 14. Арк. 44–44 адв.

⁵Там жа. Ф. 295. Воп. 1. Спр. 1935. Арк. 97–97 адв.

⁶Там жа. Ф. 147. Воп. 1. Спр. 25105. Арк. 6, 13.

⁷Высочайше утвержденное мнение государственного Совета от 10 июня 1857 г. № 31974 «О дозволении выдавать купеческим женам свидетельства для производства отдельной от мужей их торговли» // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2 : в 55 т. СПб., 1858. Т. 32 : 1857, отд. 1. С. 531.

⁸Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов от 1 января 1863 г. № 39118 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2 : в 55 т. СПб., 1866. Т. 38 : 1863, отд. 1. С. 7.

най. Так, у 1879 г. па ўсёй Расійскай імперыі толькі 1045 з 26 067 прадпрыемстваў (4 %) належалі жанчынам. Да 1897 г. удзельная вага «жаночых» прамысловых устаноў павялічылася да 4,8 % [4, с. 203], але гэты паказчык усё адно быў нязначным.

Заснавальніца піваварнага завода кіравала ім на працягу 12 гадоў. За гэты час яна стала ўдавой, а 10 лютага 1876 г. ва ўзросце 60 гадоў і сама памерла ад пухліны галаўнога мозга. Варта адзначыць, што да моманту ўзнікнення спадчынных правоў дажылі толькі 12 з 14 дзяцей Рохлі і Боруха Фрумкіных. Двум з іх – Арону і Неваху – астатнія дзесяць прамых спадкаемцаў саступілі свае правы на ўсю рухомую і нерухомую маёмасць⁹. З гэтага часу пачынаецца новы этап у развіцці гэтага прадпрыемства. Браты Фрумкіны энергічна працягвалі справу сваёй маці. Напрыканцы 1870-х гг. сярод 15 піваварных заводаў Мінскай губерні іх прадпрыемства заняло другое месца па аб'ёме вытворчасці. У 1879 г. на бровары братоў Фрумкіных было выраблена амаль 24 тыс. дэкалітраў піва на суму 18 тыс. рублёў¹⁰. У гэты час іх галоўнымі канкурэнтамі былі ўладальнікі самых магутных на той час піваварных заводаў у пяці беларускіх губернях – віленскія купцы першай гільдыі Вільгельм Шапэн і Ілля Ліпскі. У 1879 г. на заводзе В. Шапэна ў раёне Лукішак было выраблена звыш 263 тыс. дэкалітраў піва, а агульны аб'ём вытворчасці ў грашовым выражэнні склаў 193 тыс. рублёў, на заводзе І. Ліпскага – 123 тыс. дэкалітраў піва агульным коштам 80 тыс. рублёў. У канцы XIX – пачатку XX ст. гэтыя прадпрыемствы працягвалі нарошчваць сваю магутнасць шмат у чым дзякуючы пераходу ад аднаасобнай да асацыіраванай формы вядзення прадпрыемальніцкай дзейнасці. У 1902 г. было заснавана акцыянернае таварыства паравога піваварнага завода «І. Е. Ліпскі». На Лукішскім жа бровары ўвогуле змяніўся гаспадар. Ім стаў віленскі купец першай гільдыі Мордух Эпштэйн. У 1897 г. ён разам са сваім сынам Венямінам і баронам Феліксам фон-Гейманам заснаваў «Віленскае акцыянернае таварыства «Шапэн»». Рэарганізацыя бізнесу дазволіла прадстаўнікам дзелавой эліты Віленшчыны захаваць лідзіруючыя пазіцыі ў вытворчасці піва. Так, у 1910 г. на заводзе І. Ліпскага было выраблена прадукцыі на суму звыш 500 тыс. рублёў, на заводзе М. Эпштэйна – амаль на 417 тыс. рублёў¹¹.

Узрастаючая канкурэнцыя з боку віленскіх вытворцаў піва вымушала братоў Фрумкіных шукаць шляхі да пашырэння вытворчых магчымасцей свайго прадпрыемства. Для гэтага ў 1879 г. Арон і Невах заключылі 4 дагаворы з Мінскай гарадской управай, паводле якіх атрымалі ў арэнднае карыстанне на 30 гадоў чатыры сумежныя зямельныя надзелы агульнай плошчай звыш 9,28 тыс. м². Размяшчаліся яны на перакрываванні вуліц Загараднай і Аляксандраўскай – на процілеглым баку (у дыяганальным вектары) ад іх бровара¹². На арэндных землях з цягам часу былі ўзведзены гаспадарчыя і вытворчыя пабудовы, у тым ліку саладоўня і лядоўня, якія былі неабходны для ўдасканалення працэсу піваварэння. Вынікі зробленых братамі Фрумкінымі пераўтварэнняў уражваюць. У 1885 г. на іх прадпрыемстве было выраблена звыш 98 тыс. дэкалітраў піва, што ў 4 разы больш у параўнанні з паказчыкам 1879 г. Сумарны кошт вырабленай прадукцыі склаў 52 тыс. рублёў¹³. У разглядаемы час прадпрыемальніцкая дзейнасць давала магчымасць пэўным прамыслоўцам, гандлярам ці крэдыторам не толькі ўзбагаціцца, але і ўзняцца па іерархічнай лесвіцы [5, с. 157]. Адпаведна з ростам вытворчых паказчыкаў бровара змяніўся і сацыяльны статус Арона і Невахы Фрумкіных. Калі ў 1879 г. яны фігуравалі як прадстаўнікі мяшчанскага саслоўя, то ў 1885 г. – ужо як мінскія купцы другой гільдыі, што, безумоўна, сведчыць аб іх сацыяльным узвышэнні.

У 1890 г. прадпрыемства братоў Фрумкіных заняло першае месца па аб'ёме вырабленай прадукцыі сярод піваварных заводаў Мінскай губерні і чацвёртае месца ў піваварнай вытворчасці пяці беларускіх губерняў, якая на той час аб'ядноўвала 113 адпаведных прамысловых аб'ектаў¹⁴. Дасягненне пэўных вышынь не спыніла дзелавой актыўнасці гаспадароў разглядаемага прадпрыемства. 29 лістапада 1892 г. Арон і Невах Фрумкіны аформілі на сваіх жонак Дразну і Шэйну даверанасці, згодна з якімі жанчыны сталі не толькі паверанымі сваіх мужоў, але і атрымлівалі права здзяйсняць купчыя і закладныя крэпасці, заключаць кантракты і атрымліваць па іх грошы, кіраваць прадпрыемствам, а пры неабходнасці – прадаць і закласці ў поўным аб'ёме як рухомую, так і нерухомую маёмасць гэтага вытворчага комплексу, здаць яго ў арэнду¹⁵ і г. д. Уяўляецца, што дадзеныя дакумен-

⁹Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 147. Воп. 1. Спр. 25105. Арк. 6–7 адв. ; Там жа. Ф. 183. Воп. 3. Спр. 1553. Арк. 14.

¹⁰Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским: материалы для фабрично-заводской статистики / под ред. П. А. Орлова. СПб., 1881. С. 536.

¹¹Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским: материалы для фабрично-заводской статистики. С. 528 ; Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов : в 2 т. / под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1905. Т. 1. С. 159, 170 ; Список фабрик и заводов Российской Империи : в 2 ч. / под ред. В. Е. Варзара. СПб., 1912. Ч. 2. С. 139, 141.

¹²Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 183. Воп. 3. Спр. 1552. Арк. 3–6 адв. ; Там жа. Спр. 1553. Арк. 4–9.

¹³Там жа. Ф. 21. Воп. 1. Спр. 34. Арк. 74.

¹⁴Указатель фабрик и заводов Европейской России : материалы для фабрично-заводской статистики / под ред. П. А. Орлова, С. Г. Будагова. СПб., 1894. С. 656–660, 669–670.

¹⁵Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 2489. Арк. 2–2 адв.

ты былі аформлены з мэтай павысіць мабільнасць уладальнікаў завода, паколькі дасягненне поспехаў у занятках прадпрымальніцтвам было немагчымым без ведання месцаў, шляхоў і сродкаў збыту прадукцыі, запатрабаванняў спажывцоў у розных мясцовасцях, спрыяльнага часу для куплі сыравіны і продажу гатовай прадукцыі. Зразумела, што, пастаянна знаходзячыся на прадпрыемстве, атрымаць такую інфармацыю на той час было амаль немагчымым.

Менш чым праз месяц пасля афармлення даверанасцей Дразна і Шэйна Фрумкіны звярнуліся ў Мінскую гарадскую ўправу з прашэннем аб выкупе двух зямельных участкаў агульнай плошчай 3,64 тыс. м², якія з 1879 г. знаходзіліся ў арэндным карыстанні іх мужоў. Перашкод з боку выканаўчага органа мясцовага самакіравання не ўзнікла. 28 студзеня 1893 г. было прынята рашэнне аб выдачы Шэйне і Дразне Фрумкіным натарыяльнага акта (купчай крэпасці) аб набыцці ва ўласнасць адпаведнага надзелу зямлі пасля выплаты імі 1020 рублёў срэбрам. Аднак, як высветлілася, патрэбнай сумы грошай у прасіцеляў не было, таму яны звярнуліся за пазыкай у банкірскую кантору «Вейсбрэм і Поляк», якая была самай старэйшай і найбуйнейшай на той час у Мінску. Атрымаўшы гарантыі ад крэдытораў, павераныя братоў Фрумкіных накіравалі новае прашэнне ў Мінскую гарадскую ўправу. У сувязі з тым, што 895 з неабходных 1020 рублёў будучы ўнесены прадстаўнікамі банкірскай канторы, Шэйна і Дразна Фрумкіны прасілі выдаць натарыяльны акт на імя Вейсбрэма і Поляка¹⁶. Грошы былі ўнесены ў гарадскую казну, аднак купчая так і не была выдадзена. Прычынай гэтага стаў той факт, што 11 лютага 1893 г. Мінскай гарадской управай была распачата працэдура па спыненні зямельных арэндных адносін з Фрумкінымі і прызнанні за градамі права ўласнасці на зямлю, якую арэндавалі з 1879 г. піваварныя заводчыкі. 31 сакавіка 1893 г. служачы Мінскага акружнага суда разам з павераным Мінскай гарадской управы правялі апытанне мяшчан, якія жылі на землях, размешчаных побач з часовымі ўладаннямі Фрумкіных. У пратаколах адзначалася, што гараджане, якіх апытвалі, ведалі аб тым, што гэтыя зямельныя надзелы здаўна належалі Мінскай гарадской управе, але на працягу апошніх амаль 15 гадоў знаходзіліся ў арэндным карыстанні Фрумкіных. Фактычна гэтага хапіла для таго, каб спыніць дзеянне дагавораў ад 1879 г.¹⁷ Такім чынам, уладальнікі прадпрыемства страцілі не толькі частку зямельнага надзела, але і важныя для вытворчасці піва пабудовы – саладоўню і лядоўню, што не магло не адбіцца на іх далейшай дзейнасці.

Дарэчы, названыя прадпрымальнікі былі не адзінымі, з кім датэрмінова спынялі арэндныя зямельныя адносіны мінскія ўлады. Так, уладальнік найбуйнейшага на той час на тэрыторыі Беларусі чыгуналіцкага і машынабудаўнічага завода Нісан Якабсон ажыццяўляў сваю дзейнасць на землях, якія знаходзіліся ў трыццацігадовым арэндным карыстанні па кантрактах з Мінскай гарадской управай ад 1881, 1885 і 1887 г. 1 лютага 1893 г. мінскія ўлады распачалі працэдуру спынення арэндных адносін і з гэтым прамыслоўцам, якая адбывалася па такім жа сцэнарыі, як з Фрумкінымі. Падставай для скасавання дагавораў арэнды стала быццам бы пастанова Мінскай гарадской думы ад 25 верасня 1889 г.¹⁸ Аднак пры ўважлівым азнаямленні з кнігай нарматыўна-прававых актаў названага прадстаўнічага органа ўлады за 1889 г., якая захоўваецца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі¹⁹, адзначанае пастанаўленне выяўлена не было. Можна выказаць толькі меркаванне, што датэрміновае спыненне арэндных адносін ставіла сваёй мэтай павышэнне зямельнай рэнты і прыцягненне дадатковых сродкаў у гарадскі бюджэт. І зразумела, што буйныя прадпрымальнікі, такія як Н. Якабсон, маглі пайсці і ішлі на заключэнне кантрактаў на арэнду зямлі на новых умовах. Разам з тым для Фрумкіных, у якіх відавочна ў пачатку 1890-х гг. узніклі пэўныя фінансавыя цяжкасці, такія змены маглі прывесці да страты сямейнага бізнесу. Яны страцілі адзіную магчымасць атрымання сталага прыбытку, а у 1893 г. за пазыкі розным асобам уся рухомая і нерухомая маёмасць братоў Арона і Неваха, у тым ліку спадчыныя і былыя арэндныя зямельныя надзелы, былі выстаўлены на публічныя таргі.

Паваротным момантам у далейшым развіцці прадпрыемства з'яўляецца 28 ліпеня 1893 г., калі новым уладальнікам бровара стаў граф Караль Ян Аляксандр Гутэн-Чапскі – вядомы дзяржаўны дзеяч, прадпрымальнік, філантроп, Мінскі гарадскі галава ў 1890–1901 гг. За 32 тыс. рублёў срэбрам ён набыў два зямельныя надзелы агульнай плошчай звыш 17 тыс. м², якія знаходзіліся на процілеглых баках перакрываўнага вуліц Старажоўскай (былой Загараднай) і Аляксандраўскай. Акрамя таго, ва ўласнасць Каралю Эмерыкавічу Чапскага перайшоў піваварны завод, які размяшчаўся на момант продажу ў двух драўляных карпусах, а таксама ўсе неабходныя для вытворчасці піва пабудовы і абсталяванне: саладоўні, лядоўні, вадакачка, каменная сушыльня, млын, медныя катлы, чаны, краны, драўляныя бочкі, каля 2 тыс. бутэлек, 4 падводы²⁰ і інш. Пры гэтым у снежні 1893 г. набытыя графам Чапскім зямельныя ўладанні па тэрміну даўнасці

¹⁶Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 2489. Арк. 1, 3, 4.

¹⁷Там жа. Ф. 183. Воп. 3. Спр. 1552. Арк. 1, 13–20 адв.

¹⁸Там жа. Ф. 183. Воп. 3. Спр. 1563. Арк. 1–3, 5, 6, 8, 11, 21.

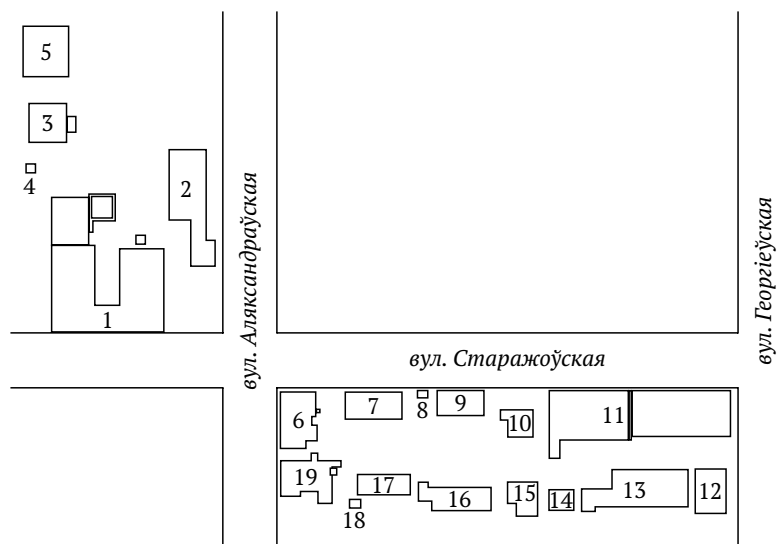
¹⁹Там жа. Ф. 24. Воп. 1. Спр. 3592.

²⁰Там жа. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 2489. Арк. 6–7.

былі прызнаны ўласнасцю г. Мінска²¹, за карыстанне якой Караль Эмерыкавіч павінен быў штогод у гарадскую казну ўносіць арэндную плату.

Перыяд, калі піваварным заводам валодаў граф Караль Чапскі, бадай што самы папулярызаваны ў айчыннай гістарыяграфіі. Не апошняю ролю ў гэтым адыграў яскравы вобраз мэра-наватара, пры якім адбылося ўдасканаленне інфраструктуры г. Мінска, з'яўленне электрычнага асвятлення і распаўсюджанне тэлефоннай сеткі, заснаванне шэрагу ўстаноў для сацыяльна неабароненых катэгорый насельніцтва; скончана будаўніцтва Першага гарадскога тэатра, велатрэка і стадыёна з комплекснымі спартыўнымі збудаваннямі ў Губернатарскім парку і інш. Граф Чапскі рашуча ўзяўся і за мадэрнізацыю набытага ім бровара. Па яго ініцыятыве быў падрыхтаваны план пабудовы новага каменнага корпуса завода, які адпавядаў тагачасным тэхнічным патрабаванням. У дадатак да гэтага павінны былі з'явіцца новыя вытворчыя

будынкі, памяшканні для працоўных, падземны трубаправодны канал і г. д., якія ў сукупнасці з існаваўшымі пабудовамі Фрумкіных павінны былі скласці аснову новага вытворчага комплексу (мал. 2). Дарэчы, захаванне старой піваварні, каменнай саладоўні з драўлянай адрынай і свірнам і іншых пабудоў, якія былі ўзведзены пры ранейшых уладальніках, былі абавязковай умовай для атрымання пазыкі ў пазямельным банку, за якой у 1894 г. звярнуўся павераны графа Чапскага Ксаверый Ельскі. Пасля атрымання графам Каралем Чапскім 14 красавіка 1894 г. дазволу на ўзвядзенне ўсіх неабходных пабудоў пачынаецца праца па рэалізацыі плана ўдасканалення дадзенага прадпрыемства. У выніку на перакрываванні вуліц Старажоўскай і Аляксандраўскай з'явіўся новы корпус завода, які ў 1896 г. быў аснашчаны паравым рухавіком. У гэтым жа годзе прадпрыемства атрымала назву «Паравы піваварны завод “Багемія” Гр. К. Э. Чапскага ў Мінску»²².

Мал. 2. Схема размяшчэння будынкаў на зямельных участках К. Чапскага (1894 г.):

- 1 – каменны піваварны завод з сушыльным і саладоўням; 2, 16 – драўляныя льядоўні; 3 – каменнае памяшканне для закісання піва; 4 – калодзеж;
- 5 – зямляная льядоўня; 6, 19 – жылыя памяшканні для рабочых і кіраўніцтва завода; 7 – службовае памяшканне для рабочых; 8 – вадакачка;
- 9 – памяшканне для мыцця посуду і тары; 10 – каменная саладоўня;
- 11, 13 – драўляныя ледавікі (былыя карпусы піваварнага завода Фрумкіных);
- 12, 14, 17 – драўляныя адрывы; 15 – драўляны стайня;
- 18 – прыбіральня.

Крыніца: Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 2724. Арк. 43 адв.

Fig. 2. The layout of buildings on K. Chapski's land plots (1894):

- 1 – stone brewery with drying chamber and a malt house; 2, 16 – wooden ice houses; 3 – stone brewery fermentation room; 4 – water well; 5 – in-ground ice house; 6, 19 – residential accommodation for factory workers and management;
- 7 – service space building for workers; 8 – pump-house; 9 – washing room for dishes and containers; 10 – stone malt house; 11, 13 – wooden ice houses (former buildings of Frumkin's brewery factory); 12, 14, 17 – wooden barns;
- 15 – wooden stable; 18 – restroom.

Source: National Historical Archives of Belarus. F. 1. Inv. 1. F. 2724. Sh. 43 rev.

²¹Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 183. Воп. 3. Спр. 1553. Арк. 31–32.

²²Там жа. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 2724. Арк. 42–43 ; Там жа. Ф. 299. Воп. 1. Спр. 729. Арк. 53–54 адв. ; Там жа. Ф. 311. Воп. 1. Спр. 133. Арк. 3.

Мадэрнізацыя вытворчасці, якая адбылася ў 1894 г., дала настолькі магутны імпульс для далейшага развіцця піваварні, што пэўныя даследчыкі нават пазначаюць гэты год у якасці часу заснавання прадпрыемства [1, с. 213]. Аднак уяўляецца, што факт узвядзення па ініцыятыве Караля Чапскага каменнага будынка завода не варта разглядаць у якасці новай кропкі адліку дзейнасці прадпрыемства, бо перанос асноўных вытворчых плошчаў пры захаванні функцыянальнага прызначэння старой вытворчасці не азначае спынення дзейнасці прадпрыемства, як і адбылося ў дадзеным выпадку. Больш за тое, граф Чапскі пры вырабе сваёй прадукцыі выкарыстоўваў не толькі вытворчы вопыт, але і функцыянальныя магчымасці піваварнага комплексу братоў Фрумкіных, у тым ліку пераабсталяваўшы ўзведзеную ім каменную саладоўню ў лядоўню, якая пры дапамозе падземнага трубаправоднага канала была звязана з вытворчым цэхам у новым будынку завода.

Граф Караль Чапскі заставаўся ўладальнікам прадпрыемства да моманту яго продажу ў 1898 г. баварскім падданым братам Мікалаю, Адаму і Францу Францавічам Лекертам²³. На той момант гэтаму сямейству ўжо належалі два заводы ў Магілёўскай губерні. Першы быў заснаваны ў 1862 г. іх бацькам Францам Міхайлавічам Лекертам у Магілёве, другі – ім жа ў 1886 г. у Гомелі. У 1900 г. на двух названых прадпрыемствах было выраблена амаль 245,5 тыс. дэкалітраў піва на суму 177,2 тыс. рублёў²⁴. З набыццём у графа Чапскага яго піваварнага завода браты Франц і Адам засяродзіліся ў асноўным на справах прадпрыемстваў у Магілёўскай губерні, а кіраўніцтва «Багемія» было сканцэнтравана ў руках Мікалая Лекерта.

Да нашага часу захавалася не так шмат звестак аб асобе гэтага прадпрымальніка, але іх дастаткова, каб скласці яго сацыяльны партрэт. Нарадзіўся будучы загадчык піваварнага завода «Багемія» 19 лістапада 1872 г. у Магілёве ў сям’і Франца і Магдалены Лекертаў. Нягледзячы на тое, што дзяцінства яго прайшло ў Расійскай імперыі, як баварскі падданы, ён адслужыў унтэр-афіцэрам у Другім уланскім палку Германскай арміі²⁵. Паводле адных звестак, пасля выканання свайго вайсковага абавязку перад імперыяй Вільгельма II у 1898 г. ён прыняў расійскае падданства²⁶. Паводле

іншых, падданым Расійскай імперыі ён стаў толькі ў 1903 г., пасля таго як ажаніўся з дачкой ковенскага мяшчаніна Паўлай-Адэліяй Шлінгензіпен. У выніку гэтага міжканфесійнага шлюбу (Мікалай быў рыма-католікам, Паўла – лютэранкай) у іх у 1904 г. нарадзіўся сын Мікалай-Адам-Макс, а ў 1906 г. – дачка Ільза. У 1907 г. яны ўсім сямействам былі прылічаны да купецкага саслоўя²⁷.

Варта адзначыць, што гэты шлюб, акрамя ўсяго іншага, заклаў аснову своеасаблівага сямейнага прадпрымальніцкага тандэма, у якім Паўла-Адэлія займалася справамі на месцы, а Мікалай дамаўляўся аб пастаўках сыравіны, новага абсталявання, збыце прадукцыі і г. д. На пачатку XX ст. кіраўніцтва заводам неаднаразова пераходзіла ад мужа да жонкі і наадварот. Аднак апошняя ўладальніцай «Багеміі», як і яе заснавальніцай, была жанчына. Цяжка вызначыць канкрэтную дату, калі завод канчаткова перайшоў ва ўласнасць Паўлы Лекерт. Так, у спісе прамысловых прадпрыемстваў Расійскай імперыі за 1908 г. у якасці ўладальнікаў бровара пазначаны браты Лекерты²⁸. З 1909 г. на афіцыйных бланках прадпрыемства замест эмблемы з надпісам «Піваварны завод «Багемія» Братоў Лекерт» з’явілася эмблема «Правы піваварны завод «Багемія» П. Ю. Лекерт»²⁹. Паўла-Адэлія фігуруе ў якасці ўладальніцы і ў спісах прамысловых устаноў Расійскай імперыі за 1910 г.³⁰

Аб’ём вытворчасці на прадпрыемстве Лекертаў у 1900–1913 гг. павялічваўся. Калі ў 1900 г. на «Багеміі» было выраблена прадукцыі на суму амаль 120 тыс. рублёў, то ў 1908 г. – на 250 тыс. рублёў. У 1913 г. аб’ём вытворчасці ў грашовым выражэнні дасягнуў 350 тыс. рублёў пры аптovým кошце піва ад 5,5 да 8 капеек за літр (у залежнасці ад гатунку). Напярэдадні Першай сусветнай вайны мінская «Багемія» ўяўляла сабой дастаткова буйное прадпрыемства, якое было аснашчана пяццю паравымі і электрычным рухавікамі³¹. У гэты час уладанні сямейства Лекертаў уключалі ў сябе не толькі вытворчыя пабудовы (корпус завода, соладасушыльні, брадзільня, лядоўня і г. д.), будынак канторы завода, флігель для машыніста, бухгалтара і клермаистра, але і памяшканні (мал. 3), у якіх жылі працоўныя завода, яго ўладальнікі, а таксама іншыя асобы, якія проста мелі патрэбу ў каротка-і доўгатэрміновай арэндзе жылля³².

²³ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 1424. Воп. 3. Спр. 27. Арк. 149 адв.

²⁴ Спісок фабрик и заводов Европейской России / под ред. В. Е. Варзара. СПб., 1903. С. 584.

²⁵ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 2389. Воп. 1. Спр. 15. Арк. 155 ; Там жа. Ф. 295. Воп. 1. Спр. 7282. Арк. 100 адв. – 101.

²⁶ Там жа. Ф. 295. Воп. 1. Спр. 9328. Арк. 8.

²⁷ Там жа. Ф. 380. Воп. 1. Спр. 580. Арк. 413–414.

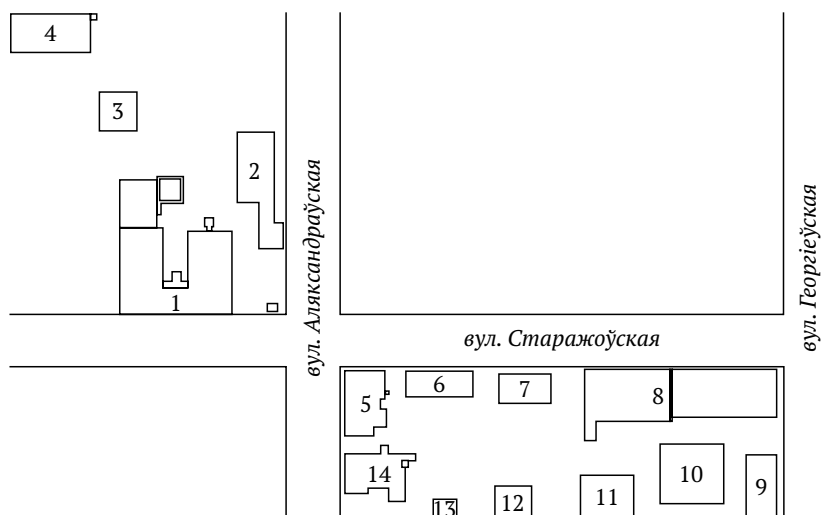
²⁸ Спісок фабрик и заводов России. М., 1910. С. 601.

²⁹ Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 311. Воп. 1. Спр. 133. Арк. 82.

³⁰ Спісок фабрик и заводов Российской Империи. С. 196.

³¹ Спісок фабрик и заводов Европейской России. С. 577 ; Спісок фабрик и заводов России. С. 601 ; Фабрично-заводские предприятия Российской империи / ред. Ф. А. Шобер. Пг., 1914. № 6974Д.

³² Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 4934. Арк. 30–36 ; Там жа. Спр. 4953. Арк. 122–128

Мал. 3. Схема размяшчэння будынкаў

на зямельных участках сямейства Лекертаў (1910 г.):

- 1 – каменны піваварны завод з сушыльнай і саладоўняй; 2 – драўляная лядоўня; 3, 5, 14 – жылыя памяшканні; 4 – палісаднік; 6 – бандарня; 7 – памяшканне для мыцця посуду і бочак; 8, 10, 11, 13 – адрыны; 9 – флігель; 12 – памяшканне для мыцця бутэлек і разліву піва.

Крыніца: Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 4934. Арк. 30–36; Там жа. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 4953. Арк. 122–128

Fig. 3. The layout of the placement

of buildings on the Lekkerts' family land plots (1910):

- 1 – stone brewery with drying chamber and a malt house; 2 – wooden ice house; 3, 5, 14 – residential accommodation; 4 – front garden; 6 – cooperage; 7 – washing room for dishes and kegs; 8, 10, 11, 13 – barns; 9 – outbuilding; 12 – room for washing bottles and beer bottling.

Source: National Historical Archives of Belarus.

F. 1. Inv. 1. F. 4934. Sh. 30–36; Ibidem. F. 1. Inv. 1. F. 4953. Sh. 122–128

Павелічэнне вытворчых магутнасцей адбывалася паралельна з ростам колькасці занятых на прадпрыемстве працоўных. Калі ў 1900 г. штат рабочих піваварнага завода складаў 33 чалавекі, то ў 1913 г. – ужо 75. Няўхільнае павелічэнне колькасці рабочих на прадпрыемстве вымагала ад прадпрымальнікаў правядзення адмысловай сацыяльнай палітыкі, у тым ліку і ў адпаведнасці з патрабаваннямі працоўнага заканадаўства. Так, з 1898 г. работнікі «Багеміі» маглі атрымаць медыцынскую дапамогу ў сценах завода або ў хатніх умовах, пры сур'ёзных захворваннях – маглі быць шпіталізаваны ў гарадскую бальніцу за кошт уладальнікаў завода. Пры гэтым ім выплачвалася грашовая дапамога па хваробе ў памеры 50 % ад заробку³³. Уладальнікі піваварнага завода прытрымліваліся і норм закона «Аб працягласці і размеркаванні працоўнага часу ва ўстановах фабрычна-заводскай прамысловасці» ад 2 чэрвеня 1897 г., паводле якога працоўны час не павінен быў перавышаць 11,5 гадзіны ўдзень і 10 гадзін уначы³⁴. У 1904 г. рабочыя мінскай «Багеміі», якія былі заняты ў бесперапынных працэсах, працавалі ў дзве змены па 10 гадзін у суткі,

астатнія – у адну змену 11 гадзін у суткі. Пры такой працягласці працоўнага дня не дапамагаў нават дармавы куфаль піва, які, згодна з правіламі ўнутранага распарадку, рабочыя маглі ўжыць на тэрыторыі завода. Паляпшэнне ўмоў працы стала магчымым толькі падчас падзей Першай расійскай рэвалюцыі. 19 лютага 1905 г. на піваварным заводзе пачаўся страйк. Рабочыя патрабавалі скарачэння працоўнага дня на 2 гадзіны, павелічэння дзённай аплаты працы на 10 капеек, а таксама выплаты дапамогі ў выпадку хваробы ў памеры 100 % ад іх заробку. У такіх умовах прадпрымальнікі вымушаны былі пайсці насустрач страйкерам. Аднак задаволілі Лекерты патрабаванні толькі часткова – працягласць працоўнага дня была зменшана на 1 гадзіну, аплата працы была павялічана на 3,33 капейкі ў дзень, а дапамога ў выпадку хваробы засталася на ранейшым узроўні. Тым не менш гэтым крокам заводчыкі здолелі з 28 лютага 1905 г. вярнуць пралетарыят на яго працоўнае месца. Варта адзначыць, што пасля заканчэння рэвалюцыйных падзей працягласць працоўнага часу была ўсталявана на ранейшым узроўні³⁵.

³³Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 311. Воп. 1. Спр. 133. Арк. 14.

³⁴Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» от 2 июня 1897 г. № 14231 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 3 : в 33 т. СПб., 1900. Т. 17 : 1897. С. 355–356.

³⁵Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 311. Воп. 1. Спр. 133. Арк. 48, 57–59, 97.

Саступкі працоўным, якія былі зроблены Лекертамі ў лютым 1905 г., дазволілі ім на працягу далейшых рэвалюцыйных гадоў упэўнена рухацца да павелічэння вытворчасці і нарошчвання аб'ёмаў збыту прадукцыі, які адбываўся пры дапамозе розных піцейных устаноў. Толькі ў сакавіку – кастрычніку 1905 г. гэтыя прадпрымальнікі атрымалі дазвол на адкрыццё 10 новых гандлёвых кропак у розных населеных пунктах Мінскай губерні³⁶. Калі звярнуцца да кніг разліку з прыказчыкамі піўных лавак, якія належалі Лекертам, то можна ўбачыць, што геаграфічна яны размяшчаліся не толькі ў межах Мінскай губерні, але і на суседніх тэрыторыях. Прадукцыя мінскай «Багеміі» была запатрабавана мясцовым насельніцтвам. Найбольш папулярнымі гатункамі сярод спажывцоў былі «Пільзенскае», затым «Сталовае» і «Царскае», а найменш папулярным было традыцыйнае нямецкае моцнае піва «Бокбір». Аптovy кошты «Сталовага» вагаўся ад 5,5 да 6,5 капеек, «Пільзенскага» – ад 6,5 да 7,5 капеек, «Царскага» і «Бокбір» ад 7 да 8 капеек за літр³⁷. Збыт ажыццяўляўся не толькі ў піцейных установах, але і пры дапамозе пасрэднікаў, якія займаліся продажам прадукцыі Лекертаў у Гданьску, Волме, амаль ва ўсіх цэнтрах беларускіх губерняў і большасці павятовых гарадоў у межах сучаснай Беларусі. Для транспарціроўкі прадукцыі ў суседнія губерні выкарыстоўвалася чыгунка³⁸.

Як ужо адзначалася, у 1913 г. півавараў завод «Багемія» ўяўляў сабой дастаткова буйное прадпрыемства. Па аб'ёме вытворчасці ён займаў першае месца ў Мінскай і трэцяе ў пяці беларускіх губернях, саступаючы толькі акцыянернаму таварыству півавараўнага завода «І. Е. Ліпскі» і віленскаму акцыянернаму таварыству півавараўна «Шапэн», на кожным з якіх у гэты час было выраблена прадукцыі на суму 1 млн рублёў³⁹. Аднак Першая сусветная вайна, якая пачалася ў ліпені 1914 г., унесла істотныя карэктывы ў далейшае развіццё мінскай «Багеміі».

Як вядома, ва ўмовах Першай сусветнай вайны на большасці фабрычна-заводскіх устаноў у беларускіх губернях быў зменшаны аб'ём вытворчасці па прычыне цяжкасцей у збыце прадукцыі і атрымання новага абсталявання, а таксама з-за недахопу сыравіны. Негатыўна адбілася на дзейнасці прадпрыемстваў асноўных падаткафарміруючых галін прамысловасці Беларусі ўвядзенне сухога

закона. У першыя месяцы вайны піва не трапіла ў спіс забароненай для выпуску прадукцыі, таму Лекерты працягвалі займацца вытворчасцю традыцыйных на іх заводзе гатункаў «Ідэал», «Сталовае», «Пільзенскае», «Бокбір», «Мюнхенскае» і «Царскае». Для транспарціроўкі прадукцыі яны выкарыстоўвалі чыгунку⁴⁰, нягледзячы на тое, што з абвясчэннем усеагульнай мабілізацыі многія станцыі спынілі прыём і адпраўленне прыватных грузаў. Аднак прыняцце 31 снежня 1914 г. распараджэння ўрада «Аб павышэнні акцызу з півавараўна»⁴¹ вымусіла прадпрымальнікаў перапрафіляваць вытворчасць. Варта адзначыць, што яшчэ з верасня 1914 г. Лекерты паралельна з вытворчасцю піва ажыццяўлялі выраб сухароў⁴², якія карысталіся попытам ва ўмовах ваеннага часу. Павышэнне ж акцызаў на піва прывяло да таго, што 30 студзеня 1915 г. Паўла Лекерт звярнулася ў Мінскае гарадское праўленне з прашэннем аб адкрыцці на тэрыторыі завода цэха для вытворчасці газіраваных фруктовых вод і ліманаду. Прашэнне было задаволена 1 красавіка 1915 г.⁴³

Набліжэнне лініі фронту ў кастрычніку 1915 г. да Мінскай губерні ўнесла карэктывы і ў далейшае сямейнае жыццё прадпрымальнікаў. Зачыстка прыфрантавой зоны ад шпіёнаў і ворагаў імперыі закрнула і Лекертаў. Былы баварскі падданы Мікалай Лекерт, як і яго цесць Юліус Шлінгензіпен, былі запозданы ў сувязях з германскай разведкай. Нягледзячы на ўсе прашэнні Паўлы-Адэліі, 29 чэрвеня 1916 г. яе муж і бацька былі сасланы ў Іркуцкую губерню⁴⁴. Але гэты факт не спыніў дзейнасць мінскай «Багеміі». Вытворчасць на ёй працягвалася да пачатку так званай «другой акупацыі тэрыторыі Беларусі» ў лютым 1918 г. Аднавілася дзейнасць прадпрыемства бліжэй да вызвалення тэрыторыі Беларусі ад нямецкіх акупантаў⁴⁵, аднак гэта ўжо была новая старонка ў гісторыі прадпрыемства, якая звязана з яго далейшай нацыяналізацыяй і развіццём на тэрыторыі савецкай Беларусі.

Такім чынам, развіццё мінскага півавараўнага завода Фрумкіных – Чапскага – Лекертаў мела шэраг адметнасцей. На працягу большасці гадоў свайго існавання ў дарэвалюцыйны перыяд дадзенае прадпрыемства з'яўлялася лідарам у півавараўнай вытворчасці Мінскай губерні. У пяці беларускіх губернях яно саступала віленскім вытворцам піва, але ў сучасных межах Беларусі па аб'ёме вытворчасці

³⁶Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 295. Воп. 1. Спр. 7528. Арк. 251, 257, 275; Там жа. Спр. 7529. Арк. 85, 86, 119, 141, 153.

³⁷Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 453. Воп. 1. Спр. 72. Арк. 2–174; Там жа. Спр. 84. Арк. 14–401.

³⁸Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 453. Воп. 1. Спр. 85. Арк. 1–30; Там жа. Спр. 39. Арк. 1–130.

³⁹Фабрично-заводские предприятия Российской империи. № 6567Д, 6576Д, 6974Д.

⁴⁰Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 453. Воп. 1. Спр. 39. Арк. 93–135.

⁴¹Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Петроград, 1915. Отд. 1. № 3543.

⁴²Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 311. Воп. 1. Спр. 133. Арк. 175 адв.

⁴³Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 299. Воп. 3. Спр. 1787. Арк. 1–3.

⁴⁴Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 295. Воп. 1. Спр. 9328. Арк. 8, 9, 13, 16, 17, 26.

⁴⁵Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 453. Воп. 1. Спр. 39. Арк. 2–26.

ў грашовым выражэнні ў канцы XIX – пачатку XX ст. роўных яму не было. Адметнымі былі і ўладальнікі бровара, якія па сваіх сацыяльных характарыстыках адносіліся да розных катэгорый насельніцтва. Аднак ні прыналежнасць да пэўнага саслоўя ці канфесіі, ні полава-ўзроставыя адрозненні не былі перашкодай для ўваходжання ў склад дзелавага свету тагачаснай Беларусі. Выключна актыўная прадпрыемальніцкая дзейнасць гэтых суб'ектаў га-

спадарання з'яўлялася перадумовай дасягнення імі поспехаў у эканамічнай сферы жыцця. Усё гэта дазваляе зрабіць выснову аб тым, што развіццё прадпрыемальніцтва ў другой палове XIX – пачатку XX ст. у сукупнасці з іншымі фактарамі аказала істотны ўплыў на трансфармацыйныя змены ў беларускім грамадстве, якія сталі сацыяльнай асновай нацыянальна-дзяржаўных працэсаў на тэрыторыі Беларусі ў пачатку XX ст.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Шыбека ЗВ. *Мінск сто гадоў таму*. Мінск: Беларусь; 2007. 304 с.
2. Полетаева НИ. *Купечество Беларуси: 60-е гг. XIX – начало XX вв.* Минск: БГЭУ; 2004. 247 с.
3. Кукуня О. Старейший пивоваренный завод в Минске. В: *Жыццё айчыне, гонар нікому: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 180-годдзю з дня нараджэння Эмерыка фон Гутэн-Чапскага; Мінск, Беларусь, 16–18 сакавіка 2009 г.* Мінск; 2010. с. 67–69.
4. Ульянова ГН. Государство и женщины-предприниматели в Российской империи в XIX в. В: *Российская государственность: опыт 1150-летней истории: материалы Международной научной конференции; Москва, Россия, 4–5 декабря 2012 г.* Москва; 2013. с. 199–210.
5. Кахановіскі АГ. *Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.)*. Мінск: БДУ; 2013. 335 с.

References

1. Shybeka ZV. *Minsk sto gadou tamu* [Minsk a hundred years ago]. Minsk: Belarus; 2007. 304 p. Belarusian.
2. Poletaeva NI. *Kupechestvo Belarusi: 60-e gg. XIX – nachalo XX vv.* [Merchants of Belarus: 60th years XIX – the beginning of XX centuries]. Minsk: Belarusian State Economic University; 2004. 247 p. Russian.
3. Kukunya O. [The oldest brewery in Minsk]. In: *Zhyccjo ajchyne, gonar nikomu: matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferencyi, prysvechanaj 180-goddzju z dnja naradzhennja Jemeryka fon Gutjen-Chapskaga; Minsk, Belarus', 16–18 sakavika 2009 g.* [The Life to the Fatherland, the Honor to anyone: materials of the international scientific conference dedicated to the 180th anniversary of the birth of Emerick von Gutten-Chapsky; Minsk, Belarus, 2009 March 16–18]. Minsk; 2010. p. 67–69. Russian.
4. Ul'yanova GN. [Public Policy Towards Female Entrepreneurs in Nineteenth-Century Russian Empire]. In: *Rossiiskaya gosudarstvennost': opyt 1150-letnei istorii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; Moskva, Rossia, 4–5 dekabrya 2012 g.* [Russian Statehood: the 1150-Year Experience: materials of the International Scientific conference; Moscow, Russia, 2012 December 4–5]. Moscow; 2013. p. 199–210. Russian.
5. Kakhanouski AG. *Satsyyal'naya transformatsyya belaruskaga gramadstva (1861–1914 gg.)* [Social transformation of the Belarusian society (1861–1914)]. Minsk: Belarusian State University; 2013. 335 p. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 25.06.2018.
Received by editorial board 25.06.2018.

УДК 94(476)«18/19»+343.35(476)(091)«18/19»

СЛУЖЕБНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАРУШЕНИЯ УЕЗДНЫХ ЧИНОВНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

А. Р. ЛУДИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается проблема злоупотребления властью уездными чиновниками на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Определены основные причины чиновничьего произвола со стороны уездной администрации. Раскрыты основные виды чиновничьих преступлений на государственной службе на территории Беларуси (превышение полномочий или бездействие власти, нанесение обид и истязания, преступное пользование государственным имуществом, взяточничество, служебные подлоги). Изучены меры борьбы со злоупотреблениями властью уездными чиновниками, определены формы и методы противодействия коррупции в белорусских губерниях. Охарактеризована административная и уголовная ответственность служащих за должностные преступления согласно законодательству Российской империи.

Ключевые слова: государственный аппарат; уездное чиновничество; злоупотребления властью; чиновничий произвол; коррупция; взяточничество; казнокрадство; служебные подлоги.

СЛУЖБОВЫЯ ЗЛАЧЫНСТВЫ І ПАРУШЭННІ ПАВЯТОВЫХ ЧЫНОЎНІКАЎ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

А. Р. ЛУДЗІЧ^{1*}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца праблема злоўжыванняў уладай павятовымі чыноўнікамі на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Вызначаны асноўныя прычыны чыноўніцкага свавольства з боку павятовай адміністрацыі. Раскрыты асноўныя віды чыноўніцкіх злачынстваў на дзяржаўнай службе на тэрыторыі Беларусі (перавышэнне паўнамоцтваў або бяздзейнасць улады, нанясенне крыўд і катаванняў, злачыннае карыстанне дзяржаўнай маёмасцю, хабарніцтва, службовыя падлогі). Вывучаны па барацьбе са злоўжываннямі ўладай павятовымі чыноўнікамі, вызначаны формы і метады барацьбы з карупцыяй у беларускіх губернях. Ахарактызавана адміністрацыйная і крымінальная адказнасць служачых за злачынствы згодна з заканадаўствам Расійскай імперыі.

Ключавыя словы: дзяржаўны апарат; павятовае чыноўніцтва; злоўжыванні ўладай; службовыя парушэнні; чыноўніцкае свавольства; карупцыя; хабарніцтва; казнакрадства; службовыя падлогі.

Образец цитирования:

Лудич АР. Служебные преступления и нарушения уездных чиновников на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2018;4:54–63.

For citation:

Ludich AR. The abuse of power by county officials in the territory of Belarus in the second half XIX – early XX century. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2018;4:54–63. Russian.

Автор:

Андрей Романович Лудич – аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. Г. Кохановский.

Author:

Andrei R. Ludich, postgraduate student at the department of Modern and Contemporary history of Belarus, faculty of history.
aludich@mail.ru

THE ABUSE OF POWER BY COUNTY OFFICIALS IN THE TERRITORY OF BELARUS IN THE SECOND HALF XIX – EARLY XX CENTURY

A. R. LUDICH^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

This study considers the problem of abuse of power by county officials in the territory of Belarus in the second half of the XIX – early XX century. It also determines the essential causes of bureaucratic arbitrariness committed by the local administration. The author discloses the main types of bureaucratic crimes in the civil service in the territory of Belarus (such as abuse of authority, inaction of power, infliction of offenses and tortures, criminal use of the state property, bribery, official forgeries). The basic aim of the work is to study the fight against the abuses of county officials as well as to determine the forms and methods of countering corruption in the Belarusian provinces. Besides, the article describes the administrative and criminal responsibility of authorities for official crimes in accordance with the Russian Empire law.

Key words: state apparatus; district officials; abuses of power; bureaucratic arbitrariness; corruption; bribery; embezzlement; official forgery.

Введение

История чиновничьих злоупотреблений властью неразрывно связана с развитием системы государственного управления и, более того, обусловлена становлением аппарата власти. Преступления на государственной службе как отдельная черта бюрократии существует в любом административном аппарате. Уровень коррупции на белорусских землях изменялся в различные периоды истории. В период нахождения Беларуси в составе Российской империи данная проблема стала наиболее опасной: коррупция распространилась на все сферы жизнедеятельности и стала своеобразной нормой и традицией, она снижала эффективность деятельности государственного аппарата и являлась острой социальной проблемой. Злоупотребления властью должностными лицами делают усилия государства в борьбе с преступностью ничтожными, препятствуют экономическому росту, провоцируют напряженность в обществе, усиливают пессимистические настроения и апатию, подавляют предприимчивость наиболее активной части населения. Целью данного исследования является определение причин и видов служебных преступлений, совершаемых уездными чиновниками, установление методов борьбы и видов ответственности за должностные нарушения на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.

Данная тема еще не привлекала должное внимание ни отечественных, ни зарубежных историографов, однако анализ определенных аспектов можно найти у нескольких авторов. Одной из первых внимание на проблему чиновничьих злоупотреблений обратила С. М. Самбук. Исследователь отметила, что внутренняя политика после восстания 1863–1864 гг. проводилась непоследовательно, что выражалось в проявлении чиновничьего произвола [1]. Интересными фактами о моральных качествах чиновников, поступивших на службу в западные губернии после восстания 1863–1864 гг., изобилует исследование Л. Е. Горизонтова [2]. А. А. Комзолова также показала плохое моральное состояние прибывших чиновников, что наряду с противоречивым курсом администрации края подрывало авторитет правительства среди местного населения [3]. М. Д. Долбилов и А. Ф. Смоленчук показали негативное отношение местного населения к многочисленным фактам русификации и переводам в православие, доказывая это примерами злоупотреблений властями своим положением при проведении реформ [4; 5]. А. Д. Кузьмин занимается исследованием положения чиновничества, однако он рассмотрел и вопрос ответственности служащих за злоупотребления властью. Из всех видов нарушений исследователь выделяет исключительно взяточничество [6].

Основная часть

Злоупотребления властью являются одной из важнейших проблем в государственном аппарате белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX в. Сложное политическое положение белорусских земель после восстания 1863–1864 гг., проведение жесткой и непоследовательной политики правительства, отсутствие надлежащего контроля за деятельностью правительственного аппарата

порождали беззаконие и приводили к многочисленным случаям произвола со стороны чиновников. Наиболее важными причинами, повлиявшими на нарушения закона служащими, оказались низкий уровень дохода на государственной службе и высокие цены на товары, а также незнание населением своих прав и обязанностей, некомпетентность бюрократии.

Несмотря на постепенное увеличение финансирования, материальное положение большей части чиновничества оставалось трудным. А. Д. Кузьмин привел цены начала XX в. на основные продукты питания и предметы личного пользования. Один пуд сахара стоил 5 руб. 35 коп., ветчины – 5 руб., колбасы – 8 руб., ведро картофеля – 5 коп., костюм-тройка – 4 руб. 95 коп., серебряные часы – от 4 до 12 руб., 100 папирос «Меркурий» – 30 коп., швейная машинка – 25 руб., граммофон – 36 руб. [6, с. 99]. Дороговизна продуктов питания и бытовых предметов, необходимых чиновнику и его семье, в белорусских губерниях стала немаловажным фактором того, что взятки, хищения казенных сумм и незаконные обогащения представлялись бюрократии своеобразной компенсацией за невозможность государства достойно обеспечивать их жизнь.

Следует сказать, что низкие жалования отталкивали наиболее образованных и квалифицированных специалистов. Нехватка средств для оплаты труда влекла за собой дефицит профессиональных кадров на государственной службе. Председатель Бобруйского сиротского суда Е. И. Гаврилов, обвиненный в 1910 г. в небрежном отношении к службе, приведшем к возникновению беспорядка в делопроизводстве, сообщал: «У меня так мало людей и средств для наведения порядка в огромном количестве дел. Я за работу по текущим делам плачу из личных средств и один совершенно не в состоянии всем заниматься, а город средств на канцелярию не дает»¹.

Незнание своих прав и обязанностей местным населением только усугубляли чиновничий произвол в уездах. Это подтверждают жалобы на неправильное взимание податей, невыплату денег со стороны государственных учреждений, превышение полномочий властями. Мещанин Новогрудка И. Ословский в 1896 г. подал жалобу на начальника местного полицейского управления, который отказался заплатить ему за составление архивных описей в уездном управлении. И. Ословский признает, что «при заключении устного согласия на помощь в составлении архива управления даже не знал, что за это предусматриваются выплаты»², чем и воспользовались уездные полицейские, оставив труд мещанина без денежного вознаграждения. И. Ословский через полтора года все же отправил жалобу на неправомерные действия полицейских служащих. В другом случае житель Мозыря М. Голосов в апреле – мае 1914 г. подал три жалобы на городничего Мильковского, который описал все имущество мещанина, а некоторые вещи и предметы мебели повез продавать на базарную площадь³. М. Голосов сообщает, что производил регулярные

выплаты государственного налога и оценочного сбора, но не был осведомлен о том, что необходимо было предоставить квитанцию о погашении налога, это и обернулось последующими неприятностями⁴.

Профессиональные и моральные качества большинства чиновников находились на низком уровне. В связи с этим виленский генерал-губернатор Э. Т. Баранов отмечает, что в белорусских губерниях «злоупотребление чинами дошло до такой степени, когда его нельзя искоренить только законами» [7, с. 275–276]. По оценке виленского генерал-губернатора А. Л. Потапова при массовой смене чиновников с местных на русских в край приезжали главным образом «дилетанты, неумехи, которыми не дорожили на предыдущих местах работы» и хотели бы от них избавиться [2, с. 142]. Новому чиновничьему корпусу была дана следующая характеристика: «У таких людей не было ни собственного достоинства, ни выдержки, ни навыка к работе. Притянутые в край только карманным расчетом, связанные с ним только ежемесячным окладом и надбавками, эти люди почувствовали пространство и свободу. <...> Они с самоуверенностью и надменностью рушили семейный покой, развращали население, криводушничали, брали незаконную дань, славилась своей жестокостью...» [5, с. 87–88]. Такой административный аппарат дискредитировал и политику самодержавия, и в целом данную форму правления.

Комиссии, проводившие ревизии государственных учреждений белорусских губерний, свидетельствовали о том, что у уездных чиновников существовали проблемы с документооборотом. Сложный порядок делопроизводства приводил к тому, что многие дела велись годами, накапливались тонны бумаг, что создавало порой непреодолимые сложности в сути их понимания. Отсюда и возникла неразбериха, приводившая к волоките, бесконтрольности и злоупотреблениям чиновниками властью.

Проводивший 18–19 января 1910 г. ревизию Бобруйского сиротского суда советник Минского губернского правления Ведринский докладывал в рапорте в правление: «Настольный реестр ведется неаккуратно и не заполняется сведениями о положении дел: из двенадцати дел за 1909 г. заполнено только три. В реестре имеются пометки карандашом, что запрещено. <...> Дела за прошедший год не приведены в порядок и, чтобы разобраться в них, пришлось затратить много времени и труда. Журналы подписаны лишь двумя членами суда, сложены в одну пачку и к каким делам относятся трудно определить. <...> Денежная книга

¹Нац. ист. арх. Респ. Беларусь. Ф. 299. Оп. 2. Д. 14778. Л. 15.

²Там же. Д. 10512. Л. 25.

³Нац. ист. арх. Беларуси. Ф. 299. Оп. 2. Д. 16017. Л. 9.

⁴Там же. Л. 10.

ведется неаккуратно, статья прихода записана неясно. В денежном ящике хранится сумма 4 руб. 36 коп., которая не учтена в ведомости. В ящике также хранятся незаписанные документы и вещи: закладная крепость, контракты, извещения, векселя, золотые украшения (броши, браслеты, кольца). <...> Вообще, все производство Бобруйского сиротского суда несет в себе следы бессистемности, дела ведутся небрежно, и во всем отмечается отсутствие канцелярского порядка»⁵.

О фактах беспорядка в делопроизводстве, о бумажной волоките и излишнем бюрократизме свидетельствует дело служащих Пинского городского магистрата, которое тянулось с 1863 по 1875 г. Еще в 1848 г. почетный гражданин А. М. Бондарев подал в магистрат иск на еврея М. Фридмана. Истец продал ответчику соль за 3428 руб., но последний не смог рассчитаться наличными, поэтому предложил вексель с дальнейшей гарантией возврата денег. Однако М. Фридман так и не выплатил сумму, за что А. М. Бондарев подал в городской магистрат иск. Решение дела в итоге затянулось на 15 лет. В 1863 г. А. М. Бондарев в докладной записке на имя министра юстиции В. Н. Панина отмечал: «В делопроизводстве городского магистрата творится полный беспорядок... из-за которого М. Фридман похитил со стола с горой документов данный иск... и дело остановилось. Служащие магистрата не позабо-

тились положить жалобу в сундук, чем и воспользовался Фридман»⁶. По указу министра юстиции в отношении М. Фридмана было возбуждено дело, а в магистрат отныне должны были ежегодно прибывать ревизоры. Нерадивых чиновников вскоре уволили со службы. В итоге иск А. М. Бондарева решился в его пользу только в 1875 г., когда М. Фридман возместил всю сумму наличными деньгами⁷.

К основным видам служебных преступлений чиновников необходимо отнести:

- истязания, побои, нанесение обид и противозаконное лишение свободы;
- растрата, преступное пользование казенным имуществом и небрежность при его хранении;
- служебные подлоги;
- взяточничество;
- неисполнение указов, превышение полномочий и бездействие власти, неправоудие, нарушение особых правил исполнения служебных обязанностей.

Данная классификация служебных злоупотреблений была выбрана исходя из материалов статистики «Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений» за 1887–1912 гг.⁸ и статей нарушений в «Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных» на государственной службе [8; 9].

Количество чиновников осужденных окружными судами за различные виды злоупотреблений властью по губерниям (1887–1912)

Number of officials of convicted district courts for various types of abuses of power in the provinces (1887–1912)

Вид злоупотребления властью	Виленская губерния	Витебская губерния	Гродненская губерния	Минская губерния	Могилёвская губерния	Общее число осужденных по видам злоупотребления, чел. (%)
Невыполнение указов, превышение полномочий или бездействие	410	258	454	579	115	1816 (66,4)
Причинение истязаний, нанесение обид	83	60	43	105	70	361 (13,2)
Растрата казенного имущества, преступное пользование им	108	70	80	87	54	399 (14,6)
Взяточничество	42	7	26	30	8	113 (4,1)
Служебные подлоги	10	8	8	15	5	46 (1,65)
Общее число осужденных по губерниям, чел. (%)	653 (23,8)	403 (14,8)	611 (22,3)	816 (29,8)	252 (9,2)	2735 (100)

⁵Нац. ист. арх. Беларуси. Ф. 299. Оп. 2. Д. 14778. Л. 14.

⁶Там же. Д. 6001. Л. 95.

⁷Там же. Л. 101.

⁸Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений. Петроград : Министерство юстиции, 1873 ; Там же. 1887. С. 26–27 ; Там же. 1888. С. 24–25 ; Там же. 1889. С. 32–33 ; Там же. 1890. С. 32–33 ; Там же. 1891. С. 54–55 ; Там же. 1897. С. 52–53 ; Там же. 1898 г. С. 52–53 ; Там же. 1907. С. 41–42 ; Там же. 1910. С. 37–38 ; Там же. 1912. С. 35–36.

Одним из наиболее распространенных видов злоупотреблений властью среди уездного чиновничества было причинение истязаний, побоев и противозаконное лишение свободы. По данному виду служебных преступлений за 1887–1912 гг. был вынесен 361 приговор, что составляло 13,6 % от всех рассмотренных дел (см. таблицу). По сведениям современников, этот вид служебных проступков остро проявился после восстания 1863–1864 гг. во время проведения политики русификации и принудительного перевода католического населения в православие. Редактор «Виленского вестника» А. Г. Киркор этот процесс описывал так: «Военный начальник является сам, поит крестьян водкой, подавая личный пример, уговаривает, целует, упрасивает и находит охотников получить 5 руб. за желание перейти в православие. Потом уезжает, предоставляя право действовать полицейским чинам. Непокорных же стараются обратить на путь истины разными принудительными мерами, по возможности избегая телесных внушений. Например, запирают на ночь в комнате, где обыкновенно ставят покойников; обливают холодной водой и сажают на ночь в ледник и т. п.» [4, с. 389]. В 1863–1868 гг. усилиями служащих и военных в православие в Минской, Гродненской и Виленской губерниях, по официальным данным, было переведено более 70 тыс. человек [4, с. 367].

Особое усердие в массовых переводах в православие проявил мировой посредник Волковысского уезда Гродненской губернии П. М. Щербов. Он обвинялся в целом ряде преступлений: от подкупа крестьян до погружения тех, кто отказался, в колодцы или замораживания их в кадках. П. М. Щербов содействовал переходу в православие более чем 10 тыс. белорусских крестьян Гродненской губернии, но в апреле 1868 г. был уволен [4, с. 430]. Так действия чиновников описывали современники: «Что эти господа делают, в особенности с крестьянами-католиками для обращения их в православие! Как их мучают, секут розгами, запирают в холодные церкви, отнимают у матерей детей и несут к священнику для миропомазания, в особенности в Волковысском уезде, и после публикуют в газетах, что столько-то тысяч приняли православие» [4, с. 430].

В другом случае в ноябре 1885 г. пристав первого стана Слуцкого уезда Куколевский проводил расследование о снятии печатей, наложенных на строящуюся ветряную мельницу. Трем крестьянам, находившимся на строительстве, В. Толпеко, В. Молочко и Д. Олешко, было приказано прибыть в ста-

новую квартиру в м. Старобин для дачи показаний. Однако они эти требования выполнить отказались, пояснив, что хозяин мельницы, еврей Швейдель, за такую отлучку снизит оплату работы⁹. Крестьяне признавали, что не отказывались дать показания уряднику, но не хотели для этого идти в станковую квартиру за полверсты. Через непродолжительное время явился пристав Куколевский, избил крестьян и продержал их в холодном склепе два дня из-за того, что те не прибыли своевременно по требованию. Свидетели Сарока и Януковский подтвердили слова потерпевших, рассказав, «что Толпеко, Молочко и Олешко пришли туда в десять часов вечера, потому что не могли бросить работу»¹⁰. Производившие следствие урядники потребовали объяснений от пристава за нанесенные побои, дело было передано на рассмотрение в губернское правление, а затем в суд. Однако суд отказался выносить обвинительный приговор против пристава Куколевского, сославшись на недостаточные доказательства по данному делу¹¹.

Большой процент дел (14,6 %), заведенных на чиновников белорусских губерний, выпадает на такую категорию злоупотреблений, как растрата казенного имущества и преступное пользование им. Некоторые уездные чиновники, как показывают материалы архивных дел, «запускали руку в казну» на государственных должностях с первых дней службы. Держатель казенной винной лавки в д. Пузово Слуцкого уезда К. Кононович, назначенный на эту должность в 1908 г., был уличен в растрате государственных денег. К. Кононович, которому на тот момент было 32 года, обвинялся в том, что с 1 января по 13 октября 1909 г. «обратил в свою пользу сумму, вырученную от продажи казенных питей и израсходовал на свои надобности 957 руб. 29 коп.»¹². В следственной сводке указано, что К. Кононович не пожелал вернуть данную сумму даже после обнаружения полицией злоупотребления. Помимо этого, держатель лавки 31 октября 1909 г. совершил поджог казенного магазина, подложив комок зажженной пакли на чердак, но пожар был своевременно потушен посторонними лицами в начале возгорания¹³. Согласно вынесенному приговору К. Кононович был лишен всех сословных привилегий, он вернул присвоенную сумму и получил 1,5 года тюремного заключения. После отбытия срока над бывшим держателем было установлено 4 года полицейского надзора, также ему было запрещено проживать в Слуцком уезде¹⁴.

Случай К. Кононовича был далеко не единственным. Секретарь Несвижской городской думы М. Ве-

⁹Нац. ист. арх. Респ. Беларусь. Ф. 299. Оп. 2. Д. 9027. Л. 17.

¹⁰Там же. Л. 18.

¹¹Там же. Л. 21.

¹²Нац. ист. арх. Респ. Беларусь. Ф. 299. Оп. 2. Д. 1548. Л. 10–11.

¹³Там же. Л. 12.

¹⁴Там же. Л. 15.

чинский в 1861 г. похитил из казенного сундука рагуши 64 руб. 21 коп. серебром и гербовую бумагу на сумму 24 руб. 50 коп.¹⁵ Председатель Борисовской мещанской управы Лисовский в 1886 г. вывел из казны 127 руб. 75 коп. на личные нужды, а в дополнение к этому присвоил еще 53 руб. 20 коп. из доходов учреждения¹⁶. В 1910 г. околоточный надзиратель Минской городской полиции А. В. Попов взыскал с плательщиков 13 выплат на общую сумму 259 руб. 80 коп., но не внес полученные деньги под запись¹⁷. Всего в 1887–1912 гг. за казнокрадство окружные суды пяти белорусских губерний привлекли к ответственности 399 служащих (см. таблицу).

По словам очевидцев, взяточничество было обычным делом для любого чиновника, но, согласно материалам статистики, за данный вид злоупотреблений служащие редко несли наказание. Это подтверждают цифры: в 1887–1912 гг. суды вынесли лишь 113 приговоров за «мздоимство и лихоимство» (см. таблицу). Данные факты говорят о том, что правительство во многом понимало природу взяточничества и закрывало глаза на многочисленные взятки «бедствующих чинов» пусть и на незначительные суммы.

Еще с первой половины XIX в. взяточничество прочно укоренилось в административном аппарате белорусских земель, о распространенности этого явления многократно писали в отчетах и губернаторы. Общественное мнение к этому явлению относилось спокойно. По мнению современников, «чиновник, не берущий взятку, был чем-то вроде белой вороны. <...> Взятки просто считались благодарностью за труд, недостаточно оплачиваемый государством. Получение взятки считалось хорошим условием выполнения служебных полномочий. Берущих без вымогательства даже не считали за взяточников, а за таковых признавали только вымогателей» [7, с. 233]. С другой стороны, взяточничество из необходимой меры перешло в разряд средства обогащения.

Мещане Бобруйска в 1863 г. жаловались губернатору на взяточничество и злоупотребление властью городничего Волчанинова¹⁸. Старший заседатель Пинского уездного полицейского управления И. П. Правосудич пригрозил крестьянам старовской окружной местности уголовным делом за разбой, который они на самом деле не совершали. Крестьяне, боясь ответственности, дали чиновнику взятку на сумму 53 руб., чтобы дело не возбуждалось¹⁹. Пинский полицмейстер С. Красиков в рапорте от

14 июня 1900 г. просил привлечь администрацию городской тюрьмы к ответственности за незаконные сборы на покрытие расходов тюрьмы с прибывающих арестантов²⁰.

Наиболее показательное дело, отражающее коррумпированность и продажность отдельных служащих местных органов власти было заведено в Пинском уезде в 1899 г. Толчок к расследованию дала жалоба крестьян д. Лунинец. Крестьяне просили о выселении еврейских семей из Лунина, а также рассказали, что «уездная полиция, особенно пристав 1-го стана Морозов, творит невиданное беззаконие и преступления хуже преступников и мошенников, и тех жуликов, которые по своей ловкости обирают людей. Пристав прописал в селе около 200 еврейских семей, которым запрещено здесь проживать по законам. Евреи промышляют здесь разными преступлениями, а Морозов покрывает все злоупотребления после получения взяток. <...> Главный доход пристава Морозова – выручка за еврейскую синагогу, за которую евреи пополняют “кассу” пристава каждую неделю. Каждый еврейский поселенец по списку духовного раввина и кассира Дятловицкого вносит “плату” 30 руб. ежегодно. <...> За каждую кражу, которая остается без следствия, пристав получает не меньше 50 руб. Так что селение Лунинец наполняется разного рода ворами. В дополнении всего Морозов неоднократно хвастался, что “его воры сделали приставом и он им, вора, обязан служить пользой”»²¹.

Чиновники нарушали закон, осуществляя служебные подлоги в делопроизводстве. Служебным подлогом называлось внесение должностным лицом заведомо ложных сведений в официальные документы либо их злонамеренная подделка или переправка, а также составление и выдача ложных документов, совершенные в корыстных целях или из иной личной заинтересованности. Однако такой вид проступков был редким случаем среди уездных служащих: в 1887–1912 гг. в 5 губерниях было осуждено лишь 46 чиновников (см. таблицу), малое количество судебных дел говорит о том, что служебные подлоги было достаточно тяжело выявить.

В Минском губернском правлении 29 сентября 1863 г. завершилось рассмотрение дела по составлению подлогов чиновниками Несвижской городской думы. Было установлено, что девятью служащими городской думы за неполных три года было сфабриковано 85 документов²². В них чиновники указывали неверные данные об описях государ-

¹⁵ Нац. ист. арх. Респ. Беларусь. Ф. 299. Оп. 2. Д. 5685. Л. 8.

¹⁶ Там же. Д. 8998. Л. 20–21.

¹⁷ Нац. ист. арх. Респ. Беларусь. Ф. 299. Оп. 2. Д. 14731. Л. 9–10.

¹⁸ Там же. Д. 5441. Л. 7.

¹⁹ Там же. Д. 9025. Л. 30.

²⁰ Там же. Д. 10995. Л. 9.

²¹ Там же. Д. 10950. Л. 6–8.

²² Там же. Д. 5685. Л. 8.

ственного имущества, неверную оценку недвижимого имущества. Были зафиксированы ложные данные в отчетах по городским расходам и доходам, поставкам материалов для отопления и освещения городских зданий и учреждений²³. Эти служащие, в числе которых секретарь думы М. Вечинский, были также уличены в неоднократном получении взяток от несвижских торговцев и городского населения за указанный период²⁴.

В составлении подлогов в 1890 г. обвинили председателя Мещанской управы в Борисове Лисовского. В рапорте от 2 декабря 1886 г. служащие управы просили губернское правление возбудить дело против начальника, так как «не могут больше выносить этого беззакония и не хотят понести коллективную ответственность за своего председателя»²⁵. По материалам следствия было выявлено, что Лисовский по подложной квитанции присвоил 61 руб. 14 коп., еще 12 руб. 23 коп. он выдал сообщнику по злоупотреблению сборщику податей Касперовичу. Следствие также указало на выдачу паспортов мещанам, не принадлежавшим к Борисовской мещанской управе, и на допущенные ошибки в денежной документации за прошедший год²⁶.

Однако наиболее массовыми чиновничьими злоупотреблениями были нарушения, связанные с неисполнением указов, превышением полномочий и бездействием власти, нарушением правил исполнения государственной службы. Чиновники данной категории составляли 66,4 % от всех наказанных (см. таблицу). Превышением властных полномочий законодательство считало «выход за пределы круга полномочий, которые ему были приписаны по званию, должности или особенному поручению... или присвоении себе права самовольно решить какое-либо дело, в том числе без разрешения на то высшего начальства» [8, с. 414]. Только за этот раздел служебных проступков на территории Беларуси в 1887–1912 гг. было осуждено 1816 чиновников (см. таблицу).

В 1888 г. старший заседатель Пинского уездного полицейского управления И. П. Правосудич, обвиненный в невыполнении приказов начальства, был подвергнут строгому выговору с внесением в послужной список и вычетом шести месяцев из срока службы²⁷. И. П. Правосудича привлекли к ответственности за то, что он не выполнил предписание мирового судьи о заключении под арест на 20 дней еврея Ц. Филькенштейна. Чиновник вызвал провинившегося еврея в станковую квартиру, но по просьбе Ц. Филькенштейна отсрочить наказание

по случаю наступающих праздников отпустил виновного на две недели. Явившийся в указанный срок еврей не смог заплатить судебные издержки, а И. П. Правосудич отпустил его и в этот раз к семье в Луцк, сделав при этом запись в журнале о том, что Ц. Филькенштейн отправлен под арест²⁸.

Со второй половины XIX в. правительство прикладывало немало усилий для борьбы со злоупотреблениями властью как на территории Беларуси, так и в целом по всей империи. Успех напрямую зависел от проводимой внутренней политики государства, в результате было усовершенствовано законодательство в местах, касающихся борьбы со злоупотреблениями властью государственными служащими, был усилен надзор за деятельностью чиновников путем проведения регулярных ревизий уездных учреждений, а также постоянно повышалось жалование служащих белорусских губерний разных чинов для обеспечения необходимого материального достатка. Решить веками существующую проблему только путем установления ответственности было невозможно. Основная задача правительства заключалась в осуществлении мер профилактического характера. В первую очередь необходимо было воздействовать на причины, порождающие должностные преступления.

Позитивную роль в борьбе с коррумпированными преступлениями играло повышение уровня материальной обеспеченности государственных служащих. Правительство неоднократно увеличивало оклады чиновников, давало преимущества в белорусском крае приезжим из русских губерний служащим. Например, служащие русского происхождения имели право на прибавку к жалованью в 50 %, им вне зависимости от занимаемых должностей выдавались прогоны на проезд на службу в западные губернии, а также подъемные деньги [6, с. 35].

Важным фактором в борьбе с кражами на государственной службе оказались система открытой публикации имущественного положения чиновников. Ежегодно выходила книга «Список гражданским чинам военного ведомства, где была приведена информация о службе чиновника, его наградах, штрафах, о размере жалования и наличии недвижимой собственности. Для обеспечения сохранности казны применялась следующая мера защиты от присвоения денег служащими: при назначении на должность казначея с него брали денежный или имущественный залог и расписку, что ни он, ни члены его семьи не будут отчуждать или присваивать государственное имущество. Причем

²³ Нац. ист. арх. Респ. Беларусь. Ф. 299. Оп. 2. Д. 5685. Л. 8–10.

²⁴ Там же. Л. 8.

²⁵ Нац. ист. арх. Респ. Беларусь. Ф. 299. Оп. 2. Д. 8998. Л. 2.

²⁶ Там же. Л. 19–22.

²⁷ Нац. ист. арх. Респ. Беларусь. Ф. 299. Оп. 2. Д. 9025. Л. 39.

²⁸ Там же. Л. 10.

имущество указывалось не только личное, но и «состоящее за женой», а также наследственное и приобретенное. Контроль за деятельностью уездного казначейства осуществлялся посредством внезапных или срочных (плановых) проверок ревизионной комиссией. Уездным полицейским чинам было предписано при каждом получении денег с обывателей на месте выдавать квитанцию (получение средств без выданной квитанции или под расписку запрещалось), отмечать поступление суммы в книгу, а деньги выдавать приставу под расписку²⁹.

Законодательство разделяло взяточничество на два вида: *мздоимство* и *лихоимство*. *Мздоимство* – незаконное получение государственным служащим денег и материальных ценностей [9, с. 78]. Чиновник, признанный виновным в мздоимстве, наказывался денежным штрафом, сопровождавшимся отрешением от должности. *Лихоимство* имело более тяжкий состав преступления. Это нарушение трактовалось как «незаконные поборы под видом государственных податей; вымогательство вещами, деньгами или припасами» [9, с. 79]. По лихоимству существовали более жесткие санкции: служащий мог быть лишен свободы на 1,5–3 года с отбыванием в исправительных арестантских отделениях, он лишался всех прав и привилегий государственного служащего [8, с. 432]. Обвиненный в вымогательстве мог быть приговорен к тюремному заключению на срок от 5 до 6 лет с лишением всех особых прав и преимуществ. При наличии более тяжелых обстоятельств чиновника могли привлечь к лишению прав государственного служащего и приговорить к каторжным работам на срок от 6 до 8 лет [8, с. 435–436].

Помимо ответственности за взяточничество, законами очень строго карались нарушения за неисполнение служебных указов, предписаний и требований. Степень тяжести наказания зависела от невыполнения указов согласно иерархии государственного управления. Например, если служащий не выполнил приказ прямого начальника, то ему объявлялся строгий выговор, из времени его службы вычитали от трех месяцев до года, что замедляло продвижение по табелю о рангах [8, с. 412]. За неисполнение указов сената без объяснения причин согласно ст. 330 «Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных» от 1885 г. (далее – Уложение) чиновники снимались с занимаемой должности или увольнялись с государственной службы [8, с. 412]. Самая тяжелая степень наказания предусматривалась за неисполнение указов императора. По ст. 329 Уложения, когда служащий намеренно не выполнил приказ, его лишали всех прав служащего и ссылали на каторжные работы на срок от 10 до 12 лет. Однако если служащий провинился по «легкомыслию или недостатку внима-

ния к столь важной обязанности», то нарушителя снимали с должности или увольняли со службы [8, с. 412]. В двух последних случаях при доказательствах корыстных или других личных мотивов провинившегося служащего его могли отправить в арестантские отделения на срок от 4 до 5 лет с лишением всех прав и привилегий государственного чиновника [8, с. 413].

Степень тяжести наказания виновных в превышении властных полномочий или бездействии по Уложению зависела от «важности дела и сопровождавших его обстоятельств», провинившийся мог быть подвергнут снятию с должности или исключению со службы, или заключению в тюрьму на срок от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев [8, с. 435]. В особо тяжелых случаях обвиняемый лишался всех прав служащего или отбывал от 2 лет и 8 месяцев до 4 лет в тюремных отделениях [8, с. 68, 435].

За причинение истязаний и нанесение обид со стороны чиновника законодательство предусматривало следующие санкции в зависимости от тяжести увечий и других обстоятельств дела:

- тюремное заключение на срок от 4 до 8 месяцев;
- лишение всех прав и тюремное заключение на срок от 1 года и 4 месяцев до 2 лет;
- лишение всех прав и тюремное заключение на срок от 4 до 6 лет;
- ссылка на каторжные работы на срок от 6 до 8 лет с лишением всех прав [8, с. 67, 437].

За нанесение оскорбления словом или поступком нарушитель приговаривался к строгому выговору с внесением в послужной список [8, с. 438].

Разносторонней была ответственность служащих по законодательству о казнокрадстве, где также тяжесть наказания во многом зависела от обстоятельств дела. Например, за небрежное хранение денег и казенного имущества виновный подвергался строгому выговору, или вычету от трех месяцев до года из времени службы, или увольнению со службы. В случае утраты денег и имущества виновный должен был также возместить нанесенный ущерб [8, с. 441–442]. Если кто-либо из чиновников пользовался казенным имуществом и средствами в своих личных целях, но добровольно и своевременно все вернул, то он наказывался денежным взысканием, не превышающим растраченную или присвоенную сумму, со снятием с занимаемой должности [8, с. 442–443].

Те чиновники, которые совершили кражу на сумму, не превышающую 300 руб., раскрыли преступление добровольно, но не вернули присвоенное или растраченное имущество, подвергаются более тяжелому наказанию: тюремному заключению на срок от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев с лишением всех прав и привилегий [8, с. 70, 443]. Однако если

²⁹Нац. ист. арх. Респ. Беларусь. Ф. 299. Оп. 2. Д. 14731. Л. 12.

ущерб составлял более 300 руб., то это влекло за собой лишение всех прав и привилегий и тюремное заключение на срок от 4 до 5 лет [8, с. 67, 443].

Решительно правительство боролось и со служебными подлогами. За заведомо ложные сведения в документах чиновники могли быть наказаны:

- лишением всех прав и преимуществ и тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет;
- лишением всех прав и преимуществ с отправкой на каторжные работы на срок от 6 до 8 лет, если вследствие подлога пострадали или понесли наказание невинные лица [8, с. 67, 452].

Надо признать, что многие сведения о злоупотреблениях властью чиновничеством на территории Беларуси иногда вымышлялись с целью дискредитировать служащих. Согласно заключению виленского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана, большая часть жалоб после проверки была несправедливой: «Жалобы на администрацию возникают преимущественно от подстрекательства местного населения к подаче оных лицами, не сочувствующими распоряжениям правительства» [3, с. 248]. Например, 14 января 1899 г. в Минское губернское правление поступила жалоба о взяточничестве полицейского урядника четвертого стана

Бобруйского уезда Ф. Бинкевича. В объяснительной записке от 27 января 1899 г. урядник указал следующее: «Я взятки ни в деньгах, ни в вещах от них никогда не брал и не требовал. <...> Жалоба подана за то, что я сделал донесения на ряд лиц еврейского происхождения за различные виды нарушений, за что они были подвергнуты наказанию мирового судьи по моей вине. Евреи мне всегда говорили, что будут свидетельствовать в суде против меня, обвинять в получении взятки. Этим угрозам я никогда не придавал значения, так как взятки не брал»³⁰.

Недостаток борьбы со злоупотреблениями заключался в полумерах, которые прописывали многие законодательные нормы. Оговорка законов, гласящая, что чиновник не повергался административному или уголовному наказанию при возврате взятки в нужный срок, во многом делала усилия по борьбе с коррупцией ничтожными и давала возможность взяточникам брать «подарки» многократно. Борьба со взяточничеством могла быть более успешной в том случае, если наказанию подвергались бы и лица, дающие служащему взятку. В случаях, когда к ответственности привлекается и взяткодатель, должна быть полностью доказана неосведомленность чиновника.

Заключение

Таким образом, для уездного чиновничества был характерен высокий уровень служебных злоупотреблений, которые были обусловлены экономическими, политическими, социальными и культурно-психологическими факторами. Важными причинами, повлиявшими на многочисленные нарушения закона местными служащими, были низкий уровень дохода на государственной службе по сравнению с высокими ценами на товары, незнание большинством населения своих прав и обязанностей, профессиональная некомпетентность и низкий уровень служебной нравственности, излишний бюрократизм в организации государственной власти. Самыми распространенными видами служебных злоупотреблений являлись неисполнение указов, превышение полномочий и бездействие власти, по которым выносилось около двух третей всех судебных приговоров (64,9 %).

Успех в борьбе со злоупотреблениями властью зависел от проводимой политики, в результате было усовершенствовано законодательство по борьбе со служебными злоупотреблениями, усилен надзор за деятельностью чиновников путем проведения регулярных ревизий учреждений, а также повышено жалование служащих. Основными являлись гражданская, дисциплинарная и уголовная формы ответственности. Тяжесть наказания провинившегося лица зависела от вида нарушения и сопутствующих обстоятельств. Усовершенствование норм и законов, направленных на искоренение служебных злоупотреблений, позволило лишь сократить долю чиновничьего произвола, но проблема так и осталась нерешенной. Злоупотребления властью служащими приводили к дискредитации администрации перед населением и подрывали доверие к самодержавию.

Библиографические ссылки

1. Самбук СМ. *Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в.* Минск: Наука и техника; 1980. 223 с.
2. Горизонтов ЛЕ. *Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше.* Москва: ИНДРИК; 1999. 270 с.
3. Комзолова АА. *Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ.* Москва: Наука; 2005. 383 с.
4. Долбилов МД. *Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II.* Москва: Новое обозрение; 2010. 999 с.
5. Смялянчук АФ. *Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864–1917.* Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы; 2001. 322 с.

³⁰Нац. ист. арх. Респ. Беларусь. Ф. 299. Оп. 2. Д. 10980. Л. 9.

6. Кузьмин АД. Социокультурный облик чиновничества белорусских губерний (1864–1914 гг.) [диссертация]. Могилёв: [б. и.]; 2017. 187 с.
7. Захарьин ИН. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864–1870 гг. (из записок мирового посредника). В: Захарьин ИН. *Тени прошлого. Рассказы о бывших делах*. Санкт-Петербург: А. С. Суворин; 1885. с. 162–324.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. VIII. 17-е издание. Санкт-Петербург: Н. С. Таганцев; 1913. 1226 с.
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Типография второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1845. 259 с.

References

1. Sambuk SM. *Politika tsarizma v Belorussii vo vtoroi polovine XIX v.* [The policy of tsarism in Belarus in the second half of the XIX century]. Minsk: Nauka i technika; 1980. Russian.
2. Horizontov LE. *Paradokсы imperskoi politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'she* [Paradoxes of imperial policy: the Poles in Russia and the Russians in Poland]. Moscow: INDRIK; 1999. 270 p. Russian.
3. Komzolova AA. *Politika samoderzhaviya v Severo-Zapadnom krae v epokhu Velikikh reform* [The policy of autocracy in the Northwest Territory in the era of the Great Reforms]. Moscow: Nauka; 2005. Russian.
4. Dolbilov MD. *Russkii krai, chuzhaya vera: etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian land, another's faith: the ethno-confessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow: Novoe obozrenie; 2010. Russian.
5. Smaljančuk AF. *Pamizh krajovascju i nacyjanal'naj idziejaj. Pol'ski ruh na belaruskich i litowskich zemljach 1864–1917* [Between Kraovost and national idea. Polish movement on Belarusian and Lithuanian lands. 1864–1917]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno; 2001. Belarusian.
6. Kuzmin AD. *Sotsiokul'turnyi oblik chinovnichestva belorusskikh gubernii (1864–1914 gg.)* [Sociocultural image of the bureaucracy of the Belarusian provinces (1864–1914)] [dissertation]. Mogilev: [publisher unknown]; 2017. Russian.
7. Zakhar'in IN. [Memories of service in Belarus in 1864–1870]. In: Zakhar'in IN. *Teni proshlogo. Rasskazy o bylykh delakh*. Saint Petersburg: A. S. Suvorin; 1885. Russian.
8. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1885 g. VIII* [The law of penalties for penal and correctional, 1885 year. VIII]. 17th edition. Saint Petersburg: N. S. Tagantsev; 1913. Russian.
9. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh* [The law of penalties for penal and correctional]. Saint Petersburg: Tipografiya vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1845. 259 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.06.2018.
Received by editorial board 08.06.2018.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 737(08)

БОГИНЯ СЕГЕТИЯ НА РЕВЕРСЕ МОНЕТ ИМПЕРАТРИЦЫ САЛОНИНЫ

А. А. КЛЮЧЕК¹⁾

¹⁾Институт истории Силезского университета в Катовицах, ул. Банковская, 11, 40-007, г. Катовице, Польша

Отмечено, что древние римляне знали божество по имени Сегеста/Сегетия (*Segesta/Segetia*). В Галлии существовал культ богини Сегеты (*Segeta*). Связь между ними в современных интерпретациях фиксируется монетами типа DEAE SEGETIAE, которые использовались при Валериане и Галлиене и выпускались в честь императрицы Салонины (258–260 гг. н. э.). По мнению некоторых исследователей, фигурой на реверсах монет является Сегеста – богиня, которой поклонялись в Риме. Другие считают, что культ богини Сегеты происходил из Галлии. Сторонники обоих взглядов отмечают, что единственное определенное представление этого божества, известного по имени в денежной легенде, – это ее образ в иконографии монеты. Богиня Сегетия представлена на монетах как синкретическая фигура, обладающая широкими полномочиями, на это указывает и то, что она получила очень обширную иконографическую форму. Представлен обзор различных интерпретаций содержания монет типа DEAE SEGETIAE, выпускавшихся в честь Салонины Августы – жены римского императора Галлиена. За исключением данной серии монет имя Сегесты больше нигде не появляется в имперской чеканке, а образ этой богини на указанных монетах сочетает в себе несколько черт, которые чаще встречаются в представлениях других божеств.

Ключевые слова: *Segetia; Segeta; Segesta*; римские монеты; денежная иконография.

Образец цитирования:

Ключек АА. Богиня Сегетия на реверсе монет императрицы Салонины. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018;4:64–74 (на англ.).

For citation:

Kluczek AA. Dea Segetia on Reverse of Coins of Empress Salonina. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;4:64–74.

Автор:

Агата Александровна Ключек – доктор исторических наук; профессор кафедры древней истории.

Author:

Agata A. Kluczek, doctor of science (history); professor at the department of Ancient History.
agata.kluczek@us.edu.pl

БАГІНЯ СЯГЕЦІЯ НА РЭВЕРСЕ МАНЕТ ІМПЕРАТРЫЦЫ САЛАНІНЫ

А. А. КЛЮЧАК^{1*}

^{1*}Інстытут гісторыі Сілезскага ўніверсітэта ў Катовіцах, вул. Банкаўская, 11, 40-007, г. Катовіцы, Польшча

Адзначаецца, што старажытныя рымляне ведалі бажства Сягеста/Сягеція (*Segesta* ці *Segetia*). У Галіі існаваў культ багіні Сягеты (*Segeta*). Сувязь паміж імі ў сучасных інтэрпрэтацыях фіксуецца манетамі тыпу DEAE SEGETIAE, якія выкарыстоўваліся пры Валер'яне і Галіене і выпускаліся ў гонар імператрыцы Саланіны (258–260 гг. н. э.). На думку некаторых даследчыкаў, фігурай на рэверсах манет з'яўляецца Сягеста – багіня, якой пакланяліся ў Рыме. Іншыя лічаць, што культ багіні Сягеціі паходзіць з Галіі. Прыхільнікі абодвух поглядаў адзначаюць, што адзіная вызначаная выява гэтага бажства, вядомага па імені ў грашовай легендзе, – гэта яе вобраз у іканаграфіі манеты. Багіня Сягеція прадстаўлена на манетах як сінкрэтычная фігура, якая валодае шырокімі паўнамоцтвамі, пра гэта сведчыць тое, што яна атрымала шырокую іканаграфічную форму. Прадстаўлены агляд розных інтэрпрэтацый зместу манет тыпу Deae Segetiae, якія выпускаліся ў гонар Саланіны Аўгусты – жонкі рымскага імператара Галіена. За выключэннем адной серыі манет імя Сягеты больш нідзе не з'яўляецца ў імператарскай чаканцы, а вобраз гэтай багіні на згаданых манетах спалучае ў сабе некалькі рысаў, якія часцей сустракаюцца ў выявах іншых багоў.

Ключавыя словы: *Segetia*; *Segeta*; *Segesta*; рымскія манеты; грашовая іканаграфія.

DEA SEGETIA ON REVERSE OF COINS OF EMPRESS SALONINA

A. A. KLUCZEK^a

^aInstitute of History, University of Silesia in Katowice, 11 Bankowa Street, Katowice 40-007, Poland

The Ancient Romans knew a deity named Segesta and Segetia. In Gallia there was a cult of dea Segeta. A link between them in the contemporary interpretations became the antoniniani of DEAE SEGETIAE type issues under Valerian and Gallienus for empress Salonina (258–260 AD). According to some researchers, the figure on its reverses is Segesta/Segetia, a deity worshipped in Rome itself. Others suggest that dea Segeta, originates from Gallia. The advocates of both these views notice, however, that the only certain representation of this deity – known by name in the monetary legend – is her image in the coin iconography. Dea Segetia represented on the coins as a syncretic figure which possessed broad competences, all the more so that it received a very comprehensive iconographic form. The article is an overview of various interpretations put on the contents of aurei and antoniniani of DEAE SEGETIAE type, emitted for Salonina Augusta, the wife of the Roman Emperor Gallienus (253–268). Except for this case, the name of Segetia does not appear anywhere else in the imperial coinage while the image of the goddess on these coins combines several features more frequently found in the representations of other deities.

Key words: *Segetia*; *Segeta*; *Segesta*; Roman coins; monetary iconography.

The inscription DEAE SEGETIAE distinguishes itself from banal and topical epigraphs placed on the Roman imperial coins¹. It was used once only, on the reverses of *aurei* and *antoniniani*, emitted around the year 258–260 AD [1, p. 108, nos. 1, 5; 2, no. 902] (cf. fig. 1) struck for Salonina Augusta (Cornelia Salonina²), the wife of emperor Gallienus (P. Licinius Egnatius Gallienus, 253–268 AD).

In the coinage related to the name of Salonina the number of deities is relatively small especially if compared to more numerous personifications [3, p. 240]. So the uniqueness of DEAE SEGETIAE coins attracts

even more the researchers' attention and the questions concerning the sense of the reverse contents and the motivation for such a choice of theme in connection with the person of Salonina often recur³. Still the circumstances in which the coins were emitted are only generally known as they are poorly elucidated in the sources.

The Ancient Romans knew a deity named Segesta and Segetia. The name of Segetia was mentioned by a few antique authors, who refer it to one of the old agrarian deities, worshipped by the Ancient Romans. Saint Augustine, the bishop of Hippo Regius (354–430 AD)

¹For analysis and discussion on the DEAE SEGETIAE type, see recent my study [4, p. 9–36], with further bibliography.

²Augusta from 254 AD [5, p. 71; 6, p. 180] or 253 AD [1, p. 14].

³The fact that DEAE SEGETIAE coins are rare is indicated in the works [1, p. 35; 6, p. 189; 7, p. 483; 8, p. 77]; as well as in other works quoted in this article. Cf. also the imitations with the name and the portrait of Tetricus I [9, p. 163, no. N165]. Earlier the coins of DEAE SEGETIAE type were attributed to Valerianus I and to Saloninus [10, p. 135–137] (VALERIANVS P F AVG / DEAE SEGETIAE and VALERIANVS CAES AVG / DEAE SEGETIAE); the *antoniniani* «SALONINA AVG / CERES SEGESTAE, Cérés dans un temple à quatre colonnes» [11, p. 499, no. 23, 500, note 1; 12, p. 108, note 1].

Fig. 1. Antoninianus of Gallienus for Salonina, Cologne, 258–260, P. H. Webb, *The Roman Imperial Coinage*, London 1968, vol. 5.1, p. 108, no 5. Av.: SALONINA AVG, Diademed, draped bust; Rv.: DEAE SEGETIAE, Goddess in tetrastyle temple. Source: http://www.forumancientcoins.com/moonmoth/coins/pics/salonina/salonina_011.jpg

wrote, that the period of growth was presided over by Segetia (Aug. *De civ. D.* 4.8; cf. *ibid.* 4.24 and 6; 5.21). But the goddess alone was not enough to take care of the sown seeds and the collected corn. So among her companions there were also Seia, who protected the seed once sown in the earth, Volutina, the goddess in charge of the coverings of the follicles, Patelana – the goddess presiding over the follicles when the open so that the ears may emerge, Tutulina/Tutilina – the goddess who watches over the harvested and stored grain.

Macrobius (Ambrosius Theodosius Macrobius, IV/V century), the Roman erudite writer, also mentions the name of Segetia among other agrarian deities in *Saturnalia* (Macr. *Sat.* 1.16.8). On the other hand, the earlier author Pliny the Elder (C. Plinius Secundus, 23–79 AD) in his *Naturalis Historia* used the name Segesta in relation to the goddess in charge of the sprouting shoots. He also pointed to a long-standing presence of this deity in the traditional Roman beliefs and her widespread appeal (Plin. *Nat.* 18.2.7–8). The hypothesis concerning the existence of a Dea Segesta originating from the Sicilian town of Segesta is a current attempt to explain the variants of her name [12, p. 57].

One of the places of worship, connected with the cult of the agrarian deities in Rome, was in the space of Circus Maximus [13, p. 425–426; 14, p. 93–94]. Among them there were such deities as Messiae, Seiae, Tutilinae listed by Tertulian (Q. Septimius Florens Tertulianus, 160–220 AD) in *De spectaculis*. There was also the Segetia/Segesta, who watched over the harvests when they were sprung from the soil (Tert. *Spect.* 8.3). Some contemporary authors associate Segetia with Messia, still others sometimes see her as one of the embodiments or even an archetype of Ceres [10, p. 134; 15, p. 37; 14, p. 93; 16, p. 124]. There is also an interesting hypothesis that the significance of Segetia may have been broader than just taking care of the sprouting blades: together with other agrarian deities she may have symbolized the idea of Circus Maximus as

a place of transition and change [17, p. 62; 18, p. 75]. Yet the data concerning the representations of such a Segetia are rather scarce.

Former authors, while mentioning Segetia/Segesta, directed their attention to the valley of Circus Maximus. During the Republic the complex was adorned i. a. with columns topped with statues of various deities (cf. Val. Max. 4.4.8; Liv. 40.2.1–3; Obs. 5). In the materials concerning the period of the Roman Empire there definite information about it. These columns, erected *in circo (medio)* (Plin. *Nat.* 18.2.8; Prob. *Buc.* 6.31), or on the *spina*, formed «particular ornaments of the circus» (Tert. *Spect.* 8.3: *singula ornamenta Circi*; cf. Prob. *Buc.* 6.31). Among the statues of the deities placed on top of these columns there were Messiae, Seiae, Tutilinae (Tert. *Spect.* 8.3) as well as the statue, *simulacrum*, of Segesta, which *in circo videmus* (Plin. *Nat.* 18.2.8).

So there are grounds to believe that the representations preserved in Circus Maximus are the images of Segetia. In the Roman art, in the mosaics, reliefs of sarcophagi, on lamps we also find the *circenses* scenes, which among other elements include statues on columns [16, p. 280–283; 17, p. 267–268; 19, p. 197–201]. Some of them are interpreted as representations of agrarian deities e. g. Seia, Messia, Tutulina/Tutilina⁴. However, they are elements of secondary importance so their size is rather small and their details remain hard to identify. It is not always possible to determine whom a definite statue, in a given case, represents. Recognizing Segetia among the statues on the columns is all the more difficult, that she may basically be identified by the scope of her duties and by the connotations with her name and her duties: the name of Segetia *vel* Segesta was derived from *seges* (Plin. *Nat.* 18.2.8: *Segestam a segetibus appellabant*; cf. Aug. *De civ. D.* 4.24). Augustine wrote at length about the competencies of Segetia: «Nec saltem potuerunt unam Segetiam talem invenire, cui semel segetes commendarent, sed sata frumenta, quamdiu sub terra essent, praepositam voluerunt habere deam Seia; cum vero iam essent super terram et segetem facerent, deam Segetiam <...>. Cui non sufficere videretur illa Segetia, quamdiu seges ab initiis herbidis usque ad aristas aridas perveniret?» (Aug. *De civ. D.* 4.8). It was, however, difficult to find iconographic expression for the idea of protection of corn and other grain *supra terram* attributed to the deity and to transmit it through a gesture or an attribute characteristic exclusively for Segetia and, at the same time, different from the gestures and attributes of other agrarian deities. It causes problems by distinguishing the possible representations of the goddess from other deities that were also honoured with statues in Circus Maximus.

The relics, most probably relating to Segesta/Segetia, were detailed by Francesco Marcattili [16, p. 127–128]. They are a Campana plaque (Musée d'Art

⁴ See, e. g., relief, Museo Gregoriano Profano ex Lateranense, Musei Vaticani (II century AD) [16, cat. 12; 17, p. 138–140, 177, 263–264], and Foligno relief, Museo di Palazzo Trinci (III century AD) [16, cat. 15; 17, p. 246–248, 277–278].

et Histoire, Genève), dating from the era of Augustus' reign [16, cat. 1; 17, p. 182; cf. fig. 2], a lamp with the inscription TERES (Antikesammlung Staatliche Museen, Berlin), dating from the years 30–70 AD [16, cat. 95; 17, p. 187; cf. fig. 3], and a sarcophagus with Erotes' racing chariots (Museo Archeologico Nazionale di Napoli), coming from the period of the Antonine dynasty [16, cat. 34; 17, p. 279; cf. fig. 4]. In the reliefs decorat-

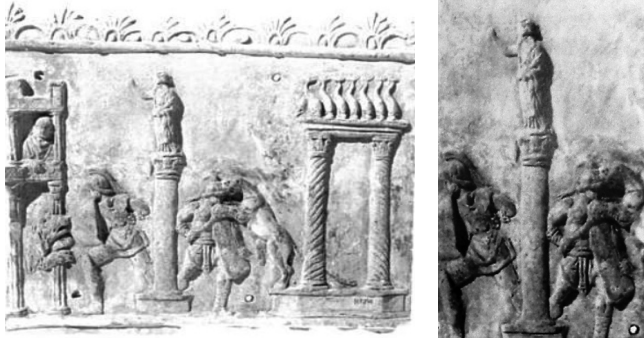

Fig. 2. Campana plaque, Geneva Musée d'Art et d'Histoire, detail. J. H. Humphrey, *Roman Circuses. Arenas for Chariot Racing*, Berkeley – Los Angeles 1986, fig. 86

Fig. 3. Lamp, Antikesammlung Staatliche Museen, Berlin. *Fontes ad topographiam veteris urbis Romae pertinentes*, cur. I. Lugli, [F. Grosso], Romae 1962, T. 8.20, tabl. 23.3

ing these three relics there is, among other elements, a female figure in a long dress which personifies a deity. This *simulacrum* was set on an isolated column, whose position toward the other illustrated elements of the installations in Circus Maximus varies: on the plaque it is to the left of *delphini*, on the lamp – to their right, on the sarcophagus – between an obelisk and an altar (of the Sun?). A common element of all these variant images is a gesture made by the figure. She rises high up her right arm. It may be a way to illustrate Segetia as the protectress of grain sprouting through the soil.

A statue on a column with her arms raised high could also be found in the scene of a chariot race in the mosaic from Gafsa (Musée National du Bardo, Tunis), dating from VI century [16, cat. 86; 17, p. 244–246; 19, p. 204–205; cf. fig. 5]. In the figure, standing frontally with her arms outstretched and raised high up, like an acroterion of a small temple on the arena of a circus, some researchers see Segetia [16, p. 128; 20, p. 416–417, 451]. They believe, the figure on the reverse of DEAE SEGETIAE coins, assuming a similar posture and making a similar gesture, confirms their supposition and identification. However, it is only on coins that she received an identifying name: Dea Segetia. In other cases the identity ascribed to a definite representation is only a matter of interpretation.

On the other hand, the Maffei relief (IV century?), now missing, known from the drawing Vat. Lat. 3439 and Onofrio Panvini's engravings, shows three female deities on the podium erected before *aedicula* in Circus Maximus [16, cat. 17; 17, p. 246–248; 20, p. 407–408; 21, p. 24–26; cf. fig. 6]. They are identified as the triad of agrarian deities which may be in sequence: Sessa (or Seia), Segetia and Tutulina with a long spear indicating her function of watching over the collected and stored crops [16, p. 129–130; 22, tabl. 18.1].

The above considerations show, that the representations identified with Segetia appear both in isolation – like a statue on a column situated in various places on the *spina* of the circus or a statue in a temple – and in context – within a group of deities on a podium. It is difficult to decide, how much fantasy and convention these images contain and to what extent they truly reflect the topography of Circus Maximus

Fig. 4. Sarcophagus, Museo Archeologico Nazionale di Napoli

Fig. 5. Mosaic, from Gafsa, Musée National du Bardo, detail.
Source: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Gafsa_cirque_Bardo.jpg

and the appearance of the decorative elements located in it.

It cannot be excluded, however, that some works, unknown to us – mentioned by Tertulian (*Spect.* 8.3) – may have been conducted around the statues on the existing columns already in the II/III century, which could explain another arrangement of the representations created in later times. It is believed that either the statue of Segetia remained on the column, [17, p. 268, 291] or, which seems less probable, an *aedicula* with columns and a statue of the deity was built [23, p. 415–417]. Yet it is only the iconography of Salonina coins which provides a trace that such an *aedicula* could have been erected. This architectural structure attracts attention of the researchers, who classify it as one of the building monuments of the Ancient Rome [15, p. 37; 24, no. 202].

By linking the data relative to Segetia, as one of the agrarian deities, with the representation of the goddess standing in a temple, an attempt was made to explain the meaning of *deae Segetiae* theme on Salonina coins. The empress supposedly erected a temple (*templum*) in Circus Maximus, as e.g. Giuseppe Lugli and

Fulvio Grosso remarked in their commentary to the coin: «Salonina dicitur Segetiae extruxisse templum» [22, p. 374, no. 484, note 1]. Similarly, Philippe V. Hill states that: «Segetia [...] had only an altar in the Circus Maximus <...>. Salonina may have built the shrine adjacent to the altar» [15, p. 37; 25, p. 62]⁵. However, Brigitte Klein [6, p. 189] rightly noted that apart from the image on the coin there are no other sources referring to that shrine. Trying to explain the motives behind this initiative attributed to the empress Percy H. Webb suggested that: «Segetia or Segestia presided over wheat and corn, and the empress having concerned herself in ensuring the food supply of the city of Rome is said to have erected there a temple to that deity» [1, p. 35]. Why did Segetia and not just Tutulina, who watched over the collected and stored crops, gained special attention of Salonina as the only one from among the agrarian deities of Circus Maximus? It is difficult to find reasons why just Segetia was singled out from the group of minor agrarian deities and honoured with a special emission of coins.

Also Jean Gagé pointed to a special relation between the empress Salonina and Segetia, which is suggested

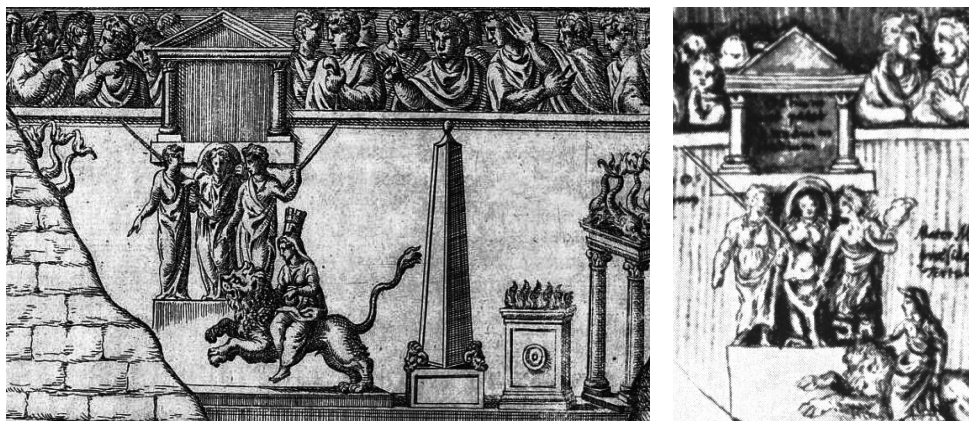

Fig. 6. Maffei relief, detail. Onuphrii Panvini Veronensis *De ludis circensibus libri II*, Venetiis 1600; G. Rodenwaldt, *Römische Reliefs. Vorstufen zur Spätantike*, Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. *Archäologischer Anzeiger* 55, 1940, Abb. 10

⁵See briefly [27, p. 133; 28, col. 1072; 29, p. 73]. According to Pennestrì [20, p. 415], *sacellum di Segetia* is a better designation than a *shrine* used by Hill [15, p. 37].

by the contents of DEAE SEGETIAE emissions. He abandoned the association of Segetia with an agrarian deity from Circus Maximus in Rome. In his theory Segetia was a *signum* of the empress, indicating her possible connection with a definite place in the territory of the Empire. It would not be, however, an allusion to the Sicilian town of Segesta but to Segesta/Segestika/Siscia – a town in the Danube Region (cf. Strab. 7.5.2). Although an imperial mint was established there at a later time, there may have been some connections between Salonina and this region. So, the researcher assumed, that it was the empress herself who was represented on the reverse iconography [26, p. 838]. Yet, his hypothesis remained isolated⁶.

Still, the idea of setting Dea Segetia, represented on Salonina coins, in the geographical scenery other than Rome, has many supporters. Their attention is drawn by the similarity of her name with that of a goddess, worshipped in Gallia, who preserved her 'native' name: Segeta [31, col. 1071–1072; 32, p. 74–79; 33, p. 94–99; 34, p. 317–320].

Segeta is known from three Roman inscriptions. In the first and the oldest one, founded in 1879, dating back to the 1st century and coming from Bussy-Albieux (Loire, near Boën-sur-Lignon), Segeta appears together with the goddess Dunisia: «(f)il(ius) A? (ci) vitat(is) (Segusiavi?) (pr)aeffecto tem(puli?) deae Segetae Fo(ri) allecto aquae (te)mpuli Dunisiae (pr)aeffectorio ma(ximo) ejusdem tem(puli) pag(us) ...blocnus» [35, CIL 13.1646]⁷. The inscription, though incomplete and rather unclear, suggest the existence of Segeta's shrine. The name 'Fori' which follows that of Segeta, should be referred to Forum Segusiavorum, chief city of Segusiavi, the present day Feurs, where – as suggested by the contents – supposedly Segeta's temple was located. Another inscription, referring to Segeta was found in 1525 in Feurs. It was a dedication engraved on a bronze weight of ten Roman pounds, dated from the II or III century. The inscription is the following: «Deae Seg(etae) F(ori) [or F(orensium?)] / p(on-do) X» [35, CIL 13.1641]⁸. The third inscription comes from Aquae Sege(s)tae, in the territory of the Senones, known in the Roman times and localized on Tabula Peutingeriana (1B5), a copy of the original IV century map⁹. This inscription was found in the early 1970's together with the statues of *matres* and Venus Anady-

omene, in the complex of monuments dated to the I century, consisting of a temple and a several water sanctuary comprising baths, canals, pools *etc.* During the excavations, a big marble disc was unearthed with an engraved dedication to Segeta on the obverse and schematic drawings of two vases, fish and waves on the reverse of a disk. The inscription reads: «Aug(us-tae) deae / Segetae / T(itus) Marius Priscinus / v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito) / efficiendum curav(i)t / Maria Sacra fil(ia)» [36, p. 423; 37, 304–305; 38, p. 192–193; 39, p. 11; 40, p. 56–57].

The remains revealed in Feurs and Sceaux-en-Gâtinais also testify to the existence of baths and water sanctuaries, that enjoyed great popularity in the Roman times [39, p. 7–12; 40, p. 50–66; 41, p. 54; 42, p. 109–164]. That, in turn, shows the significance of Segeta as the healing goddess, confirmed by the above mentioned dedications and by the anatomical ex-votos found in the sanctuaries. Yet this water goddess was also a goddess of action, deed and war according to the sense of her name, whose etymology, as Noémie Beck explains, connects it with the celtic *sego-*: «victory», «strength», and with the Indo-European *segh-*: «to subject», «to conquer», «to vanquish». The name of Segeta can be interpreted as «the Victorious One». The goddess is the one who ensures victory [34, p. 130, 317, 534]¹⁰. So, there is a *hiatus* between the meaning of her name as the goddess of victory and her function as the goddess of healing. It seems the *hiatus* reveals the complexity of Segeta's character but also points to the broadness of her competencies.

According to Daniel Nony [23, p. 244–246; 48, p. 64–65], the identification of Segetia with a celtic deity Segeta is more satisfying than associating the goddess represented on Dea Segetia coins with an enigmatic deity from Circus Maximus in Rome. This view is more widely accepted and relatively older [10, p. 133–135; 29, p. 77; 32, p. 74–79; 33, p. 94–99].

The place where Salonina coins were struck and a broader look at the whole series to which they belonged, are crucial for the present considerations. The Imperial mint was localized in the west, by some in Colonia Claudia Agrippina Augusta (Cologne)¹¹, by others in Lugdunum (Lyon)¹². On the coins struck there (cf. table 1) Gallienus, Augustus *iunior*, who was in charge of the West of the Roman Empire and whose military vic-

⁶For discussion see [6, p. 179, 189; 8, p. 77; 30, p. 102].

⁷Cf. [43, p. 102].

⁸Cf. [10, p. 135; 44, p. 75]. Cf. also [42, p. 109–164].

⁹Aquis Segete, between Forum Segusiavorum (now Feurs) and Segodunum (now Rodez): Tab. Peut. 1B5, http://www.euratlas.net/cartogra/peutinger/1_gallia/gaul_7_3.html, or Aquae Segetae – now Saint-Galmier, Montbrison (Loire) – cf. [6, p. 135; 48, p. 166] or – more exactly – Moingt, Saint-Galmier – cf. [23, p. 244; 38, p. 192; 42, p. 159; 45, p. 173–174]. Aquis Segeste between Agedincum (now Sens) and Cenabum (now Orléans): Tab. Peut. 1A4 [Electronic resource]. URL: http://www.euratlas.net/cartogra/peutinger/1_gallia/gaul_6_2.html (date of access: 27.04.2017). Aquae Segestae – now Sceaux-du-Gâtinais – cf. [10, p. 135; 38, p. 192; 40, p. 51, 65; 46, p. 166]: Aquis Segeste. Cf. [47, p. 1–15].

¹⁰Cf. [23, p. 244; 49, p. 4].

¹¹E. g. [23, p. 245; 29, p. 73; 50, p. 9–17 and 24–25, nos 96, 99; 51 p. 47, p. 99–100; 51, tabl. 26; 59, p. 124, no. 202]. The mint worked from 256 AD [52, p. 415–418; 10, p. 251; 11, p. 244–245]. Cf. Gallic mint opened at Treveri (Trier) – e. g. [55, p. 23–25].

¹²E. g. [1, p. 17, 108; 10, p. 138–139; 20, p. 415].

tories, e. g. *Germanicus maximus V, victoria Germanica*, were also noted, was named *restitutor Galliarum* while his father Valerianus I, Augustus *senior*, was associated with the victory over the Persians. There are more military references, e. g. *fides militum* and *Gallienus cum exercito suo*. Both these Augusti were endowed with the *virtus* of fortitude, courage and bravery (*virtus Augustorum, virtus Gallieni Augusti*) and the period of their rule induced (or required) stunning with prosperity slogans, e. g. *securitas perpetua, felicitas publica, felicitas Augustorum*). There are also numerous references to deities on the coins of the emperors and *caesares*, e. g. *Oriens Augustorum, Deo Volcano, Deo Marti, Iovi*

Crescenti, Iovi Victori and on Salonina coins: *Deae Segetiae, Venus Felix, Venus Victrix, Vesta*.

Within this short overview of the following issues emerge: the use of original slogans and mottoes, the introduction of local geographic themes and motifs, the creation of a complete image of potential and actual deeds of dynasty members, additionally supported by the presence of gods and deities. Besides, the series composed of Valerianus I, Gallienus and Salonina coins distinguishes itself by introducing three gods, their names preceded with *deo/deae* and their statues placed in *aediculae*: DEO MARTI¹³, DEO VOLKANO¹⁴ and DEAE SEGETIAE¹⁵.

Colonia Agrippinensis (Cologne): 1st and 2nd emissions

Em.	Valerianus I	Gallienus	Salonina	Valerianus junior	Saloninus
1	GALLIENVS CVM EXER SVO (Ant: G 867) ORIENS AVGG (Ant: G 868) SALVS AVGG (Ant: G 880) SECVRIT PERPET (Ant: G 869) VICT PARTICA (Ant: G 881)	FIDES MILITVM (Ant: G 871) GERMAN MAX TER (Ant: G 883) GERMANICVS MAX V (Ant: G 872) IOVI VICTORI (Ant: G 870) RESTIT(VTOR) GAL- LIAR(VM) (Ant: G 876–879) VICT(ORIA) GERMANICA (Ant: G 873–875) VIRTVS AVGG (Ant: G 882)	VENVS FELIX (Au/ Ant: G 898) VENVS VICTRIX (Ant: G 899) VESTA (Ant: G 900, 901)	IOVI CRESCENTI (Au/Ant: G 907) PIETAS AVGG (Ant: G 908) PRINC IVVENT- VTIS (Ant: G 905, 906)	
2	DEO VOLKANO (Au/ Ant: G 884, 885) ORIENS AVGG (Au/Ant: G 886) VIRTVS AVGG (Au/Ant: G 887)	DEO MARTI (Ant: G 889) P M TR P VII COS III PP (Ant: G 888) VICT GERMANICA (Au/Ant: G 891–893) VIRT GALLIENI AVG (Ant: G 890)	DEAE SEGETIAE (Au/Ant: G 902) FELICITAS PVBLICA (Au/Ant: G 903) VENVS VICTRIX (Au/Ant: G 904)	CONSACRATIO (Ant: G 909–912)	FELICITAS AVGG (Ant: G 916) PRINCIPI IV- VENTVTIS (2Au/ Au/Ant: G 913) PIETAS AVG (2Au/ Ant: G 914) SPES PVBLICA (Ant: G 915, 917)

Note: Au = aureus, Ant = antoninianus, G = R. Göbl. *Die Münzprägung der Kaiser Valerianus I., Gallienus, Saloninus (253/268), Regalianus (260) und Macrianus, Quietus (260/262)*. Wien 2000.

It is a really unconventional composition, all the more striking that contrary to Mars, whose image appeared frequently in the Roman coinage¹⁶, the representation of Vulcan was simply rare¹⁷. And Segetia was a novelty in this company. We can find local embodiments corresponding to each deity of the triad. Dea Segetia was identified with the local Segeta. Such a solution offers a possibility of defining a deeper sense of the whole series, which was – through the presence of these local deities – to evoke the idea of power as such, war and fight as well as wealth, abundance, health and success. In this way, a turn of the Ro-

man emperors toward Gallia provinces of the Empire and their recognition of the importance of regional culture was announced¹⁸.

Unfortunately, an iconographic representation of Segeta remains unknown to me. However, in Gallia the representations of Vulcan and Mars are put together, which can be seen in the reliefs from Paris [56, p. 228–230, no. 3147], and in Vien-en-Val (Loiret), stone pillars were decorated with the representations of several deities [48, p. 65; 57, p. 211–220; 58, p. 195–210]. On the first pillar they are Apollo, Minerva, Hercules and Sirona and on the second we can see Jupiter, Mars, Vulcan

¹³[1, p. 69, no. 10; 51, no. 889].

¹⁴[1, p. 38, nos. 1, 5; 51, nos. 884–885].

¹⁵[1, p. 108, nos. 1, 5; 51, nos. 902].

¹⁶Cf. [44, p. 115–121, 283–291]. Cf. also the inscriptions: [35, CIL 12.1566, 5832, CIL 13.209–213, 420, 3103, 6540 (Mars), CIL 13.1676, 2940 (Mars, Vesta, Vulcan)].

¹⁷See, e.g., [59, nos. 262.2, 266.2, 298, 314; 60, p. 1312, no. 2; 61, vol. 2, p. 35, no. 65; 64, no. 838]. Cf. [59, no. 415.1 (anvil, pincers, hammer, cap of Vulcan)]. Cf. also the inscriptions [35, CIL 12.1342, CIL 13.1676, 2940, 3106, 3164, 6454]. The cult of Vulcan in Gallia and Germania [38, p. 69–79; 62].

¹⁸Cf. [8, p. 208; 23, p. 245–246; 29, p. 71–87; 32, p. 74–79; 48, p. 63–65].

and Venus with a Cupid. On the third pillar, however, there are Virtus, Mars, Vulcan and a goddess, adorned with with a diadem and a veil, holding a cornucopia, referred to as «Abundantia». So, Mars and Vulcan have female companions here yet the associations evoked by the iconography of these feminine characters do not fall into the category of war or healing within which Segetia was placed.

The image of *aedicula* devoted to Segetia can be found on DEAE SEGETIAE coins. Conventionally outlined, shown frontally, the structure is raised on two blocks and supported by four columns (*tetrastylum*) with clearly marked capitals, scarcely decorated with balls at the top and in the acroterions, with a semicircular pediment over a recessed space (niche) where the goddess' statue is placed. The statue is disproportionately large and overfills the space.

Dea Segetia is a feminine figure, standing frontally. Robert Göbl [51, no. 902] described her as Aphrodite standing in the temple. The details of her appearance, including her garment and her attributes seem fairly elaborated. Hill [15, p. 37] noticed that: «the archaic form of the statue seems to indicate some accuracy in its treatment»¹⁹.

Still, there are obscurities regarding certain elements of the representation and different comments on the iconographic details. She stands with her arms outstretched and uplifted in a gesture of prayer²⁰. On some variants of the coins she holds such attributes as an apple²¹ or may be ears of wheat²². Dea Segetia is clad in a long robe whose hem, in some variants, falls down onto her feet. The goddess appears with her head *capite velato*²³, usually surrounded by a *nimbus*²⁴. She is depicted with the crescent of the moon above her forehead, yet there are some representations without it. There is a drape or a cloak floating (*velificans*) on her shoulders²⁵. An interpretation like that can only be applied to certain samples of DEAE SEGETIAE coins (cf. fig. 7).

Comparing different variants of reverse designs we can see that the bottom element of a tympanum, slightly curved to form of an arch and seemingly intended as an architectural element, sometimes turns into to a floating «cloak» (*velificans*)²⁶. It seems that was the actual direction of change, and not *vice versa*. So the detail described as a 'draper' or a 'cloak' (*velificans*) developed from an overdrawn semicircular, more and more embowed construction element of the *aedi-*

Fig. 7. DEAE SEGETIAE antoniniani. Rv. (detail): Goddess in tetrastyle temple

¹⁹Cf.: «La gaucherie de la présentation laisserait supposer une absence de tradition iconographique» [23, p. 245]; «...das Bild ist konventionell: eine Frau, die ihren Schleier mit beiden Händen über dem Kopf hält» [28, col. 1072].

²⁰E. g. «...with both hands raised in prayer» [15, p. 37; 25, p. 62]; «Elle (scil. Segetia) a l'attitude de Pietas, le bras ouverts pour la prière» [29, p. 72].

²¹«hält in beiden Händen seitlich ausgestreckt je einen Apfel» [50, no. 96]; cf. [55, p. 163, N165].

²²«probabilità delle spighe» [20, p. 416]; «les mains levées tiennent chacune un fruit rond (un grain?)» [10, p. 133].

²³«Segetia steht capite velato v. v. in einem Tempel mit je einem Apfel in beiden ausgestreckten Händen» [55, p. 163, N165]; «eine Frau, die ihren Schleier mit beiden Händen über dem Kopf hält» [28, col. 1072].

²⁴«Ségétia <...> nimbée, tenant des deux mains son voile au-dessus de sa tête» [11, 500, no. 35]; «elle (scil. Segetia) est nimbée» [29, p. 72]; «un nimbo spigato» [20, p. 416]; «un crescendo lunare sopra il fronte, un nimbo intorno al capo» [16, p. 128; 63, p. 17].] «Elle (scil. Segetia) possède une coiffure à coque ou à auréole, hérissée de rayons (faut-il y voir des épis?)» [23, p. 245]. «La coiffure comporte-t-elle des épis dressés? Nous n'osons l'affirmer, mais cela n'aurait rien de très étonnant pour une déesse dont le nom évoque pour tout esprit cultivé par sa racine même la céréaliculture» [48, p. 64].

²⁵«il mantello sollevato sulle spalle (velificans)» [16, p. 128]; «il mantello velificans» [63, p. 17]; «Der wehende Schleier» [64, p. 705].

²⁶See, for an example: «...les deux bras levés: tiennent-ils une pomme ou, plus probablement, retiennent-ils un voile qui, au-dessus de la tête, a fait disparaître la barre de l'entablement du fronton?» [23, p. 245]; «C'est vraisemblablement pour mettre en valeur ce nimbe de Segetia que l'architrave de son temple est interrompue par une arcature» [29, p. 73]; «...the architrave is broken. In lieu of the architrave is a curved line above her (scil. goddess) head that denotes an aureola» [27, p. 122].

cula. It is difficult to say if the effect was intentionally introduced by the ancient engravers or just resulted from their inaccuracy or misinterpretation of the image.

On the one hand our considerations show that there are certain difficulties in identifying the elements composing the image of Dea Segetia in the coin iconography. Not only are the small objects, held by the goddess, defined in various ways but, for some researchers, the elements of her garment become a component part the temple architecture. On the other hand, Segetia was attributed with such iconographic features which make that she is perceived as an aquatic, solar, lunar, chthonic deity and at the same time as the one responsible for good harvest and healing. Some iconographic solutions applied and found on the coins can actually link her with some deities of the Roman art which appear in *circenses* scenes, therefore with Segesta/Segetia. Besides, the crescent moon adorning her forehead and a windblown coat evoke similarity with Luna, known from *tondo* of the Arch of Constantine in Rome (IV century) or from a bronze statuette (1st century, Staatliche Museen, Berlin). Her frontal orientation and her gestures also resemble that of Tarpeia, pictured on the Basilica Aemilia frieze

in the Forum Romanum. There were no attributes nor gestures typical solely for Segetia. Quite on the contrary: she shared certain iconographic features with other deities. Moreover, on the coins, where she appears incidentally after all, her iconographic scheme was treated quite freely. Her pose and the gesture of the raised hands belong to the canon of her representations.

A distinguishing characteristic of the deity remains her name: Dea Segetia. Its form could have been the result of, either intended or unintended, wrong transcription of the name of the goddess from Gallia or a repetition of the name of the goddess from Rome, introduced into the imperial coinage just because it resembled the name of Segeta. From an iconographic viewpoint this rather unspecific Dea Segetia offers a number of possibilities, which all together make her a deity known by many attributes, which become unproportionally extensive in relation to Segesta/Segetia's relatively narrow competencies; they are also compatible with Segeta's prerogatives. Such a Dea Segetia successfully conveys the ideas of abundance resulting from a good harvest, associated with health, welfare as well as success and victory in war.

References

1. Webb PH. *The Roman Imperial Coinage. Volume 5. Part 1*. London: Robert Stockwell Ltd; 1968.
2. Göbl R. *Die Münzprägung der Kaiser Valerianus I., Gallienus, Saloninus (253/268), Regalianus (260) und Macrianus, Quietus (260/262)*. Wien: VÖAW; 2000. Latin.
3. Ferrari M. La monetazione di Salonin. *Quaderni Ticinesi di Numismatica e Antichità Classiche*. 1975;4:239–248. Italian.
4. Kluczek AA. O wieloznaczności monet typu DEAE SEGETIAE albo Segetia versus Segeta. *Studia Europaea Gnesnensia* 2016;13:9–36. Polish.
5. Kuhoff W. *Herrschaft und Reichskrise: die Regierungszeit der römischen Kaiser Valerianus und Gallienus (253–268 n. Chr.)*. Bochum: Studienverlag Brockmeyer; 1979. German.
6. Klein B. *Tranquillina, Otacilia, Etruscilla, Salonina. Vier Kaiserinnen des 3. Jhd. n. Chr.* [dissertation]. Saarbrücken: [herausgeber unbekannt]; 1998. German.
7. Kaczanowicz W. Several Remarks on Ideas Expressed on Reverse of Coins of Empress Salonina. In: Dąbrowa E, Dzielska M, Salamon M, Sprawski S, redactor. *Hortus Historiae. Księga pamiątkowa ku czci Profesora Józefa Wolskiego w setną rocznicę urodzin*. Kraków: Historia Iagellonica; 2010. s. 481–489. Polish.
8. Geiger M. *Gallienus*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 2013. German.
9. Schulzki H.-J. *Die Antoninianprägung der gallischen Kaiser von Postumus bis Tetricus (AGK). Typenkatalog der regulären und nachgeprägten Münzen*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt; 1996. German.
10. Blanchet A. Une émission de monnaies en Gaule sous Gallien. *Revue Belge de Numismatique et de la Sigillographie*. 1902;58:129–142. French.
11. Cohen H. *Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées médailles impériales. Volume 5*. Paris: Paris M. Rollin; 1885. French.
12. Albanese B. Su interrogativo su Segesta. In: Fontana MJ, Piraino MT, Rizzi FP, editori. *Miscellanea di studi classici in onore di Eugenio Manni*. Roma: G. Bretschneider; 1980. p. 53–55. Italian.
13. Bariviera Ch. Regione XI. Circus Maximus. In: Carandini A, Carafa P. *Atlante di Roma antica: biografia e ritratti della Città 1*. Milano: Electa; 2012. p. 421–445. Italian.
14. Ciancio Rossetto P. Tutulina loca. In: Steinby EM, editori. *Lexicon Topographicum Urbis Romae. Volume 5*. Roma: Oxford University Press; 1997. p. 93–94. Italian.
15. Hill PhV. *The Monuments of Ancient Rome as Coin Types*. London: Numismatic Fine Arts Intl; 1989.
16. Marcattili F. *Circo Massimo. Architetture, funzioni, culti, ideologia*. Roma: L'Erma di Bretschneider; 2009. Italian.
17. Humphrey JH. *Roman Circuses. Arenas for Chariot Racing*. London: University of California Press; 1986.
18. Green C. The Gods in the Circus. In: Bell S, Nagy H, editors. *New Perspectives on Etruria and Early Rome*. Madison: University of Wisconsin Press; 2009. p. 65–78.
19. Blázquez Martínez JM. El Circo Máximo de Roma y los mosaicos circenses de Barcelona, Gerona e Itálica. In: Nogales T, Sánchez Palencia FJ, editori. *El Circo en Hispania Romana*. Mérida: Ministerio de Educación. Subdirección General de Documentación y Publicaciones; 2001. p. 197–215. Spanish.

20. Pennestrì S. Note sull'iconografia monetale del Circo Massimo e dei suoi monument. *Archeologia Classica*. 1989;41: 397–419. Italian.
21. Rodenwaldt G. Römische Reliefs. Vorstufen zur Spätantike. *Archäologischer Anzeiger*. 1940;55:12–43. German.
22. Lugli G. *Fontes ad topographiam veteris urbis Romae pertinentes. Volume 8.20*. Roma: Università di Roma, Istituto di topografia antica; 1962. Latin.
23. Nony D. À la recherche de Segeta. *Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France*. 1978–1979;244–246. French.
24. Stoll R. *Architektur auf römischen Münze. Kulturgeschichtliches im Spiegel der antiken Numismatik*. Trier: R. Stoll; 2000. German.
25. Hill PhV. The Buildings and Monuments of Rome on the Coins of AD 217–294. *Rivista Italiana di Numismatica e Scienze Affini*. 1981;83:47–74.
26. Gagé J. Programme d'«italicité» et nostalgies d'hellénisme autour de Gallien et Salonine. Quelques problèmes de «paideia» impériale au IIIe siècle. In: Temporini H, Herausgeber. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. Part II*. Berlin, New York: [publisher unknown]; 1975. s. 828–852. French.
27. Elkins NT. *Monuments in Miniature: Architecture on Roman Coinage*. New York: American Numismatic Society; 2015.
28. Latte K. Segetia. In: Wissowa G, Herausgeber. *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Band II A, 1. Col. 1072*. Stuttgart: Metzler; 1921. German.
29. Turcan R. Gallien et la Gaule, Signification politique et sociale d'une série monétaire. In: *La patrie gauloise d'Agrippa au VIe siècle*. Lyon: L'Hermès; 1983. p. 71–87. French.
30. Turcan R, Delcor M, Doignon J. Chronique. *Revue de l'histoire des religions*. 1989;206(1):99–107. French.
31. Keune. Segeta. In: *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Band II A, 1. Col. 1071–1072*. Stuttgart: Metzler; 1921. German.
32. Lajoye P. Ucuëtis, Cobannos et Volkanus: les dieux de la forge en Gaule. *Mythologie française*. 2008;233:69–79. French.
33. Lajoye P. Une déesse gauloise au secours de l'Empire Romain: Segeta. *Religions and Histoire*. 2006;9:74–79. French.
34. Beck N. *Goddesses in Celtic Religion, Cult and Mythology: A Comparative Study of Ancient Ireland, Britain and Gaul* [dissertation]. Lyon, Dublin: [publisher unknown]; 2009. French.
35. *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Berolini, Paris: [publisher unknown]; 1863. Latin.
36. *L'Année Épigraphique. Revue des publications épigraphiques relatives à l'Antiquité romaine*. Paris: Presses Universitaires de France; 1974. French.
37. Picard G-Ch. Circonscription du Centre. *Gallia*. 1974;32(2):299–317. French.
38. Picard G-Ch. Une dédicace à la déesse Segeta. *Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France*. 1972:192–193. French.
39. Roncin M. Nouvelles découvertes archéologiques à Sceaux du Gâtinais. *Bulletin de la Société d'émulation de l'arrondissement de Montargis*. 1974;27:7–12. French.
40. Roncin M. Un sanctuaire gallo-romain de la déesse Segeta à Sceaux-du-Gâtinais. *Bulletin de la Société Archéologique et Historique de l'Orléanais*. 1976;47(7):50–66. French.
41. Facchinetti G. Offrire nelle acque: bacini e altre strutture artificiali. In: Di Giuseppe H, Serlorenzi M. *I riti del costruire nelle acque violate*. Roma: Bardi Editore; 2010. p. 43–67. Italian.
42. Valette P, Guichard V. Le forum gallo-romain de Feurs (Loire). *Gallia*. 1991;48:109–164. French.
43. Bérard F. Épigraphie latine du monde romain. *L'Antiquité Classique*. 2011;142:97–102. French.
44. Manders E. *Coining Images of Power: Patterns in the Representation of Roman Emperors on Imperial Coinage, A.D. 193–284*. Leiden: BRILL; 2012.
45. Grand JP. Moingt à l'époque gallo-romaine, Revue. *Archéologique du Centre de la France*. 1977;16(1):173–174. French.
46. Peréz Agorreta MJ, Rodríguez Morales J. Las Stationes con aquae en la Tabula de Peutinger. *Espacio, Tiempo y Forma. Serie I, Nueva época. Prehistoria y Arqueología*. 2011;4:153–170. Spanish.
47. Soyer J. Aquis Segestae de la table de Peutinger: son véritable emplacement, son véritable nom (Le Preau, commune de Sceaux-du-Gâtinais, Loiret). *Bulletin de la Section de géographie*. 1917;32:1–15. French.
48. Nony D. Gallien à Cologne, Une propagande provincialiste. *Revue des Études Anciennes*. 1980;82:60–70. French.
49. Roncin M. À propos de nom antique de Sceaux du Gâtinais... Soyer avait raison! *Bulletin de la Société d'émulation de l'arrondissement de Montargis*. 1973;25:2–5. French.
50. Elmer G. Die Münzprägung der gallischen Kaiser in Köln, Trier und Mailand. *Bonner Jahrbücher*. 1941;146:1–106. German.
51. Göbl R. *Die Münzprägung der Kaiser Valerianus I., Gallienus, Saloninus (253/268), Regalianus (260) und Macrianus, Quietus (260/262)*. Wien: VÖAW; 2000. German.
52. Bourgeois A., Christol M. À propos d'antoninianus inédit de Valérien de Jeune provenant du trésor de Chézelles (Indre): la date d'ouverture de l'atelier de Cologne. *Bulletin de la Société Française de Numismatique*. 1973;28(7):415–418. French.
53. Christol M. Effort de guerre et ateliers monétaires de la périphérie au IIIe s. ap. J.-C. L'atelier de Cologne sous Valérien et Gallien. *Armées et fiscalité dans le monde antique*. 1977;936:235–275. French.
54. Christol M. Les déplacement du collège impérial de 256 à 258. *Cologne, capitale impériale, Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 1997;8:243–253. French.
55. Schulzki H-J. *Die Antoninianprägung der gallischen Kaiser von Postumus bis Tetricus (AGK). Typenkatalog der regulären und nachgeprägten Münzen*. Bonn: Habelt, R; 1996. German.
56. Espérandieu E. *Recueil général des bas-reliefs, statues et bustes de la Gaule romaine. Volume 4*. Paris: Impr. nationale; 1911. French.
57. Debal J. Les découvertes de Vienne-en-Val (Loiret) en mai 1968. *Revue Archéologique du Centre de la France*. 1969;8(3): 211–220. French.

58. Picard G.-Ch. Le Vulcain à la proue de Vienne-en-Val (Loiret). *Revue Archéologique du Centre de la France*. 1969;8(3): 195–210. French.
59. Crawford MH. *Roman Republican Coinage*. London: Cambridge University Press; 1974.
60. Nicolas ÉP. *De Néron à Vespasien. Études et perspectives historiques suivies de l'analyse, du catalogue, et de la reproduction des monnaies «oppositionnelles» connues des années 67 à 70*. Paris: Masculin; 1979.
61. Gnechi F. *I medaglioni romani, descritti ed illustrati*. Milano: Milano U. Hoepli; 1912. Italian.
62. Brommer F. *Der Gott Vulkan auf provinzial Römischen Reliefs*. Köln, Wien: Böhlau Verlag; 1973. German.
63. Marcattili F. Moles Martis, il turpe sepulcrum di Tarpea e la Luna dell'Arx. *Bullettino della Commissione Archeologica Comunale di Roma*. 2011–2012;112:7–30. Italian.
64. Simon E. Segetia. In: L. Kahil, editor. *Lexicon iconographicum mythologiae classicae. Volume 7*. Zürich, München: Artemis; 1994. p. 705.

Received by editorial board 24.09.2018.

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ ПОДВЕСОК

С. Н. ТЕМУШЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается проблема функционального назначения трапециевидных подвесок, обнаруживаемых археологами на территории Восточной Европы и датированных X–XI вв. Металлические или (реже) костяные подвески содержат изображения княжеских родовых знаков, которые позволяют выяснить их атрибуцию – принадлежность известным по летописным источникам правителям Древнерусского государства. Появление трапециевидных подвесок связывается с функционированием одной из отраслей государственного управления – налогово-даннической системой. Подвески являлись своеобразными верительными грамотами представителей княжеской администрации, вступавших в отношения с местным населением в качестве судей и сборщиков налогов/дани, т. е. в тех сферах, которые относились к княжеским полномочиям. Прекращение использования трапециевидных подвесок необходимо связывать с изменениями, произошедшими в форме государственного устройства Древнерусского государства и вместе с тем в организации взимания материальных благ у подвластного населения. Изображения княжеских знаков на подвесках позволяют сделать определенные выводы об особенностях осуществления управления на территории Древней Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь; государственное управление; налогово-данническая (фискальная) система; князь Рюриковичи; трапециевидные подвески; родовые знаки; знаки собственности (тамги); данники и вирники.

ДА ПЫТАННЯ АБ ПРЫЗНАЧЭННІ СТАРАЖЫТНАРУСКІХ ГЕРАЛЬДЫЧНЫХ ПАДВЕСАК

С. М. ЦЕМУШАЎ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца праблема функцыянальнага прызначэння трапецападобных падвесак, якія выяўляюцца археолагамі на тэрыторыі Усходняй Еўропы і датуюцца X–XI стст. Металічныя або (радзей) касцяныя падвескі ўтрымліваюць выявы княжацкіх радавых знакаў, якія дазваляюць высветліць іх атрыбуцыю – прыналежнасць вядомым па летапісных крыніцах уладарам Старажытнаруускай дзяржавы. З’яўленне трапецападобных падвесак звязваецца з функцыянаваннем адной з галін дзяржаўнага кіравання – падаткова-данніцкай сістэмай. Падвескі з’яўляліся своеасаблівымі «даверчымі граматамі» прадстаўнікоў княжацкай адміністрацыі, што ўступалі ў адносіны з мясцовым насельніцтвам у якасці суддзяў і зборшчыкаў падаткаў/данаў, гэта значыць у тых сферах, якія адносіліся да княжацкіх паўнамоцтваў. Спыненне выкарыстання трапецападобных падвесак неабходна звязваць са зменамі, якія адбыліся ў форме дзяржаўнага ладу Старажытнаруускай дзяржавы і разам з тым у арганізацыі збірання матэрыяльных выгодаў у падудаднага насельніцтва. Выявы княжацкіх знакаў на падвесках дазваляюць зрабіць пэўныя высновы аб асаблівасцях ажыццяўлення кіравання на тэрыторыі Старажытнай Русі.

Ключавыя словы: Старажытная Русь; дзяржаўнае кіраванне; падаткова-данніцкая (фискальная) сістэма; князі Рюрыкавічы; трапецападобныя падвескі; радавыя знакі; знакі ўласнасці (тамгі); даннікі і вірнікі.

Образец цитирования:

Темушев С.Н. К вопросу о назначении древнерусских геральдических подвесок. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018;4:75–82.

For citation:

Tsemushau SN. To the question of the appointment of old Russian heraldic pendants. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;4:75–82. Russian.

Автор:

Степан Николаевич Темушев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России исторического факультета.

Author:

Stsiapan N. Tsemushau, PhD (history), docent; associate professor at the department of history of Russia, faculty of history.
stepnik_bsu@tut.by

TO THE QUESTION OF THE APPOINTMENT OF OLD RUSSIAN HERALDIC PENDANTS

S. N. TSEMUSHAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The problem of the functional purpose of trapezoidal pendants, which are discovered by archaeologists in the territory of Eastern Europe and dated to the X–XI centuries, is considered. Metal or (more rarely) bone pendants contain images of princely patrimonial signs that make it possible to ascertain their attribution – belonging to the rulers of the Old Russian state, known from chronicle sources. The appearance of trapezoidal pendants is associated with the functioning of one of the branches of public administration – the tax-tributary system. Pendants acted as a kind of «credentials» representatives of the prince's administration, who entered into relations with the local population as judges and tax collectors, that is, in those areas that belonged to the number of princely powers. The termination of the use of trapezoidal pendants must be associated with changes that occurred in the form of the state structure of the Old Russian state and at the same time in the organization of the collection of material goods from the subordinate population. Images of princely signs on pendants allow you to draw certain conclusions about the features of the implementation of management in the territory of Ancient Rus.

Key words: Ancient Rus'; public administration; tax-tributary (fiscal) system; princes of Rurikids; trapezoidal pendants; patrimonial signs; signs of ownership (tamghi); danniki and virniki.

Трапезиевидные подвески, изготовленные из серебра, меди или кости, на которых непременно присутствуют изображения древнерусских княжеских знаков, довольно давно попали в поле зрения исследователей истории Древней Руси. В основном данный вид сфрагистических памятников используется для изучения проблем возникновения древнейшей восточнославянской геральдики, в свою очередь, атрибуция отдельных геральдических знаков позволяет реконструировать политическую историю Древней Руси (см. [1, с. 79–91; 2, с. 143–144]). Между тем, несмотря на признаваемую почти всеми исследователями принадлежность трапезиевидных подвесок представителям княжеской администрации, эти свидетельства древнерусского прошлого практически не используются при рассмотрении проблем, связанных с функционированием важнейших отраслей государственного управления – судебной и фискальной.

По вопросу о назначении трапезиевидных подвесок с геральдическими знаками существует довольно значительный разброс мнений: от обнаружения в них простых украшений или «сакральных и даже специальных женских знаков» [3, с. 82] до признания их официального характера [4, с. 78]. Уже в самых ранних публикациях подвески рассматривались исследователями в качестве «отличительного знака, присвоенного какой-либо должности» (П. Н. Климковский)¹. Нечто большее, чем простое украшение, видел в подвесках и стоящий у истоков российской нумизматики и сфрагистики Н. П. Лихачев. Он сравнил древнерусские подвески (располагал сведениями всего о двух подвесках из Киева и Новгорода) с пластинками с геральдическими изображениями из средневековой Западной Европы, служившими украшениями сбруи коня

рыцаря [6, с. 171]. Из дальнейших размышлений исследователя понятно, что предметы с изображениями родовых знаков князей Рюриковичей он рассматривал как владельческие знаки, знаки собственности – тамги. Об официальном характере подвесок писал в свое время А. В. Орешников [7, с. 94, 95].

Одним из первых попытался определить назначение подвесок Б. А. Рыбаков. В статье 1940 г. историк провел аналогию между древнерусскими подвесками и татарскими пайцзами: и те, и другие имели сходный способ ношения и указывали на принадлежность правителю (посредством изображения знака древнерусского князя и имени ордынского хана соответственно). Таким образом, древнерусские подвески выступали в качестве своего рода верительных грамот, которыми наделялись княжеские посадники, даньщики, тиуны, вирники [8, с. 239].

Во второй половине XX в. значительное внимание изучению трапезиевидных подвесок уделил А. А. Молчанов. Признавая официальный характер подвесок, историк видел в них прежде всего купеческие «верительные грамоты» [4, с. 81–84]. По его мнению, скромные медные подвески никак не могут быть отнесены к атрибутам власти лиц великокняжеской администрации, служить знаками отличия для старших дружинников. Этот вывод подтверждает и концентрация находок подвесок в крупнейших городских центрах «вместо более или менее равномерного распределения по всей бывшей территории Киевского государства» [4, с. 79]. В целом возможной сферой применения подвесок может быть только «дипломатическое и внешнеторговое представительство, тоже имевшее общегосударственное значение» [4, с. 79]. Для выяснения функционального предназначения древнерусских подвесок

¹Это мнение П. Н. Климковский высказал в докладе на заседании нумизматического отделения Русского археологического общества 28 октября 1913 г. [5, с. 7].

большое значение имеют выводы А. А. Молчанова об их сходстве с известными из скандинавских источников *jartegnir* – специальными «верительными знаками», призванными удостоверить официальный характер миссии, возложенной правителем на их держателей [9, с. 184–186]. С характеристикой древнерусских подвесок как «верительных знаков» купцов не согласился В. Л. Янин. Крупнейший специалист по новгородским древностям однозначно усмотрел в подвесках «верительные знаки» сборщиков судебных пошлин – вирников [10, с. 154].

Новые находки трапециевидных подвесок с геральдическими знаками заставляли исследователей вновь обратиться к проблеме определения их назначения. В обнаруженных в ливских женских погребениях подвесках (датируются XII веком) В. П. Петренко видел женские украшения и считал, что изображенные на них трезубцы «использовались в качестве сакральных и даже специальных женских знаков» [11, с. 58, 59; 3, с. 82]. Находка серебряной подвески в погребении из Рождественского могильника в Прикамье стала основанием для подтверждения П. Б. Крыласовой мнения А. А. Молчанова о принадлежности подобных предметов купцам. В подтверждение своего мнения исследователь напомнила об упомянутом В. Н. Татищевым торговом договоре 1006 г., заключенном болгарскими с Владимиром Святославичем. Согласно данному сообщению болгарские купцы получили от киевского князя печати для беспрепятственной торговли [12, с. 195–196]. В погребении одного из этих болгарских купцов и была оставлена подвеска с княжеским родовым знаком. Не сомневались в интерпретации трапециевидных подвесок как «верительных княжеских знаков» исследователи подобной находки в Пскове в 1976 г. И. К. Лабутина и Э. В. Королёва [13, с. 23–24; 14, с. 171–195]². В то же время найденной на территории Латвии (городище Даугмале, слой XI в.) подвеске исследователь Е. Л. Назарова отказала в официальном характере: «Считать ее атрибутом официального лица начала XI в. без дополнительных подтверждений нет оснований» [16, с. 180].

Современные исследователи в целом сходятся во мнении об «официально-государственной принадлежности» трапециевидных подвесок, хотя имеются отличия в конкретизации сферы их употребления. Впрочем, во многих случаях в современных исследованиях трудно обнаружить конкретизацию предназначения древнерусских трапециевидных подвесок. Так, С. М. Михеев пишет, что официальные подвески со знаками Рюриковичей предположительно могли служить опознавательными значками вирников, тиунов или каких-либо других княжеских чиновников

[17, с. 59]. С. В. Белецкий в ряде работ последовательно проводит мысль о подвесках как о «верительных знаках официальных представителей великокняжеской власти» [18, с. 250]. Что касается конкретизации сферы их употребления, то исследователь, скорее, склоняется к купеческо-дипломатической сфере. Так, С. В. Белецкий отождествляет трапециевидные подвески с купеческими «печатами», упомянутыми в русско-византийском договоре 944 г., а также разделяет мнение историков о связи рассматриваемых сфрагистических памятников со скандинавской традицией употребления в дипломатических отношениях особых «верительных знаков» (*jartegnir*) [19, с. 268]. Значительный интерес представляют попытки историка атрибутировать геральдические знаки, присутствующие на трапециевидных подвесках. Так, наличие на подвесках лично-родовых знаков киевского великого князя и посаженного им на определенной территории наместника, по мнению С. В. Белецкого, свидетельствует о «полномочности держателя подвески выступать в своей деятельности от лица князя наместника, права которого определены верховным правителем государства» [2, с. 143]. К купеческо-дипломатическому характеру древнерусских подвесок склоняется и Т. Н. Джаксон, полностью отождествляющая их со скандинавскими «верительными знаками» (*jartegnir*). Подобными «охранными документами» наделялись либо иностранные купцы, либо лица, их сопровождавшие («сылы») [20, с. 121]. Предельно конкретен в своих выводах о предназначении древнерусских подвесок директор Института археологии Российской академии наук Н. А. Макаров. По мнению академика, трапециевидные подвески с княжескими знаками, выступающие в качестве символов власти, «атрибутируются как особые верительные знаки чиновников высокого ранга – сборщиков дани» [21, с. 54].

Представляется, что именно последнее мнение наиболее близко к истине. Данные предметы, несущие изображения княжеских знаков, необходимо рассматривать как особые «верительные грамоты» представителей княжеской администрации, а именно – данников (сборщиков дани) и тиунов (главным образом судебных чиновников). На это указывает география находок подвесок (в том числе на периферии Древнерусского государства) и время их бытования (не учитывая позднейшие имитации – подвески-реплики, которые также сами по себе показательны) [22, с. 24]. В то же время нет оснований говорить об иерархии в «средней и мелкой великокняжеской администрации» [4, с. 78–79] или относить подвески к атрибутам «чиновников высокого ранга» [21, с. 54]. Крайне примитивный

²С такой характеристикой согласен и С. В. Белецкий, резко выступивший против ранней датировки (первая половина XI в.) этой уникальной находки [15, с. 92–97].

государственный аппарат X – первой половины XI в. не имел какой-либо иерархии и в том числе в связи с этим нуждался в наглядных «верительных грамотах».

К настоящему времени количество находок геральдических подвесок – металлических или костяных предметов трапециевидной или фигурно-трапециевидной формы с ушком для подвешивания, на одной или обеих сторонах которых изображены княжеские знаки [22, с. 24] – приближается к двум сотням [22, с. 215–229]. При этом еще недавно в каталоге, подготовленном С. В. Белецким к 2004 г., насчитывалось 53 подвески, включая поздние подвески-реплики [18, с. 245–247]. К 2015 г. были учтены сведения уже о 163 геральдических подвесках и имелась информация о находках еще 13 подобных предметов [22, с. 24, 30]. К сожалению, все более частыми становятся случаи обнаружения рассматриваемых предметов (как и множества других) непрофессионалами, грубо нарушающими принципы археологических исследований и не публикующими в последующем ценнейшие источники (не говоря уже о соблюдении соответствующего законодательства).

Чрезвычайно важно отметить, что в настоящее время исследователи четко разделяют два периода бытования в Древней Руси геральдических подвесок. Если в первый период (X–XI вв.) подвески-оригиналы представляли собой «верительные знаки» княжеских «чиновников», то созданные во второй период (XII–XIII вв.) подвески-реплики являлись престижными женскими украшениями [24, с. 31–32]. В целом историю геральдических подвесок следует ограничить первым периодом существования Древнерусского государства (условно именуемым в новейшей литературе «дружинным») [25], также обнаруживается прямая связь между бытованием рассматриваемых предметов и особенностями политического строя Древней (Киевской) Руси. Эти особенности заключались в безусловном верховенстве киевского князя над всем древнерусским регионом и в осуществлении управления главным образом с помощью дружинной организации [25, с. 22; 26, с. 128–135]. В этот же период укладываются и два этапа функционирования налогово-даннической системы Древней Руси, на протяжении которых киевский князь выступал в качестве адресата дани со всей древнерусской территории (за исключением, по всей видимости, с 988 г. Полоцкой земли) [27, с. 5–8]³. Применительно к раннему периоду развития государственности справедлива мысль о том, что власть как раз и заключалась в легитимной возможности навязывать населению определенные обязательства и правила

поведения (в соответствии с обычным, а затем и письменно зафиксированным правом).

Предполагаемое использование подвесок в качестве главным образом «верительных грамот» княжеских сборщиков дани позволяет дать наиболее убедительное объяснение ограниченному времени их функционирования. Назначение древнерусских трапециевидных подвесок не вызывает сомнений: они были призваны удостоверять официальный, санкционированный верховной (княжеской, т. е. государственной) властью характер деятельности их держателей. В свое время А. А. Молчанов отметил, что «назначением рассматриваемых подвесок было нести великокняжескую эмблему, а причиной их появления явилась возникшая необходимость исполнения такой функции» [4, с. 79]. Потребность в этой функции возникла вследствие усложнения княжеского аппарата. Если при первых князьях Рюриковичах важнейшие функции управления, в том числе непосредственный сбор налогов/дани, как и осуществление суда, концентрировал в своих руках сам князь, то уже с середины X в. (после реформ княгини Ольги) часть этих функций была передана доверенным лицам. На местах сбор дани концентрируется в специально созданных пунктах – погостах [28]. Известно, насколько важным для раннесредневековых государств являлось личное присутствие верховного правителя при осуществлении властных полномочий. Особое значение имела передача населением правителю материальных благ. Сама возможность этого акта появлялась вследствие закрепления традиции подношения даров либо через завоевание [29]. И в первом, и во втором случае личное присутствие князя было необходимо. Однако с определенного времени это стало невозможным. «Княжие мужи», которые наделялись частью полномочий князя, с помощью «верительных знаков» наглядно демонстрировали право осуществлять эти полномочия. Речь, безусловно, шла о сборе налогов (дани) и осуществлении суда.

Все обнаруженные «официальные» подвески с княжескими знаками относятся к X – первой половине (или даже четверти) XI в. Вероятно, они выходят из употребления уже при Ярославе Владимировиче, после чего становятся предметом подражания [17, с. 59]. Таким образом, время бытования рассматриваемых предметов как раз укладывается в период «дружинного государства». К середине XI в. произошли серьезные трансформации в налогово-даннической системе Древней Руси, формируется постоянный княжеский административный аппарат, возможно, сбор дани концентрируется главным образом в городах, оформляется

³Однако это утверждение, безусловно принимаемое белорусской исторической наукой, может быть оспорено в связи с интереснейшими наблюдениями С. В. Белецкого над подвесками со знаками новгородского князя Владимира Ярославича и полоцкого князя Брячислава Изяславича [2, с. 144].

децимальная система. Население с этих пор постоянно вступает в фискальные и юридические отношения с одними и теми же лицами – княжескими «чиновниками» (тиунами). В особых визуальных «верительных знаках», княжеских эмблемах, они уже не нуждались. В это время отмечаются и симптомы политической децентрализации Древней Руси. Если судить по известному из летописи эпизоду с отказом новгородского на тот момент князя Ярослава Владимировича передавать 2/3 сборов со своей земли Киеву (известие под 1014 г.) [30, с. 58], то уже в первой половине XI в. проявляется стремление к переносу адресата дани из Киева в центры отдельных княжеств-земель. В итоге это станет основной причиной явления, известного как политическая раздробленность [31, с. 56–60].

Исследователи, вероятно, правы, обнаруживая истоки самой идеи использования визуальных отличительных знаков в скандинавской традиции *jartegnir*. Тот факт, что «скандинавской культуре довикинговского и викингского времени несвойственен сам принцип владельческих знаков, которые появлялись в форме руноподобных тамг не ранее XII в.» [32, с. 241], на что указывает Е. А. Мельникова, ничуть не противоречит подобному предположению. Проблема происхождения древнерусских подвесок может рассматриваться отдельно от проблемы происхождения княжеских знаков. Вполне определенно скандинавская традиция более древняя, чем период бытования трапецевидных подвесок на Руси. Так, из жития святого Ансгария известно, что Ансгар с подобным значком (*signum*) датского конунга Хорика в 850 г. путешествовал к конунгу шведов Олаву [33, с. 475]. Но в то же время был прав и А. А. Молчанов, который утверждал, что сама форма рассматриваемых подвесок не обнаруживает каких-либо следов заимствования [4, с. 79]. Весьма убедительно выглядят и предположения о заимствовании подобных предметов с установленным их функциональным назначением у финно-угорских народов [4, с. 77] или у ирано-тюркского населения [32, с. 248; 34, с. 439, 445].

Происхождение самих знаков Рюриковичей – отдельная проблема, но отметим вполне очевидную их связь со знаками собственности – тамгами (древнерусскими «знамениями», «пятнами»), на что указывал еще Н. П. Лихачев [6, с. 195]. В этом отношении вполне логично, что княжеские знаки оказывались на пломбах или деревянных цилиндрических замках [35, с. 18–19]. На трапецевидных же подвесках княжеские знаки имели другое значение. Однако и в данном случае можно обнаружить указание на принадлежность самого должностного лица князю. Возможно, в этом обнаруживается известная из источников личная несвобода высокопоставленных лиц из княжеского окружения.

Утверждение о принадлежности рассматриваемых предметов прежде всего сборщикам дани (данникам) и судебных пошлин (вирникам) вполне убедительно объясняет и географию их находок. Открытие новых подвесок позволяет опровергнуть мнение А. А. Молчанова об их концентрации исключительно в «крупнейших городских центрах вместо более или менее равномерного распределения по все бывшей территории Киевского государства» [4, с. 78–79]. Видимо, как раз о равномерном их распределении в ареале древнерусской этнополитической общности и следует говорить. «Даннической» функциональной принадлежностью подвесок можно объяснить и раннее появление одной из них в низовьях р. Даугавы, на землях ливов (датируется не позднее 1010 г.). С. В. Белецкий предположил, что эта подвеска из Даугмальского городища являлась купеческим «верительным знаком», поскольку интересы Руси в земле ливов в это время были чисто экономическими [18, с. 290]. Представляется, что не менее важным «экономическим» интересом Руси была заинтересованность в сборе дани с периферийных территорий. Этим же обстоятельством могут быть объяснены находки древнерусских подвесок на северо-восточной (на р. Каме) и северо-западной (на р. Луге) периферии. География находок позволяет сделать еще один важный вывод о повсеместном распространении на всей территории Древней Руси, включая и Полоцкую землю, одинаковых принципов и механизмов организации власти и управления. Тем самым опровергается широко распространенное в последнее время мнение (характерное и для дореволюционной историографии) [36, с. 3, 5] об изначальном самостоятельном развитии отдельных древнерусских земель.

Исследователи не раз обращали внимание на, казалось бы, странное присутствие на одной подвеске двух княжеских знаков (на разных сторонах) [37, с. 139; 19, с. 250; 2, с. 143]. Эта характерная черта может быть вполне убедительно объяснена особенностями политической ситуации, а также организацией государственного фиска в Древней Руси. Так, геральдический знак на одной из сторон мог принадлежать киевскому «великому князю» – главному адресату дани, а второй знак – правителю отдельной земли, т. е. непосредственному сборщику дани, который в силу своего подчиненного («вассального») положения должен был отчислять 2/3 общих сборов в пользу верховного правителя, т. е. киевского князя. В эту схему хорошо вписываются уверенно атрибутированные знаки на подвесках, принадлежащие, например, Владимиру Святославичу и Ярославу Владимировичу [37, с. 139]. Весьма показательна также подвеска, обнаруженная в мужском погребении № 37 Рождественского могильника в Прикамье (та, которая Н. Б. Крыласовой приписана болгарскому купцу) [12, с. 195–196]. На одной

стороне данной подвески присутствует изображение трезубца Владимира Святославича, а на другой – «изображение меча, соединенного с молотом бога Тора» [18, с. 258]. С. В. Белецкий предположил, что держатель подвески выступал одновременно представителем Владимира Святославича и второго лица, который был современником киевского князя, принадлежал к числу выходцев из Скандинавии и обладал на Руси широкими полномочиями, равными статусу сыновей Владимира Святого. Таким возможным владельцем знака с молотом Тора мог быть Олав Трюггвасон [18, с. 158–259]. Как бы то ни было, и в данном случае можно увидеть указание на «вассальные» отношения двух князей с разным статусом. Такой же характер отношений можно усмотреть и на обнаруженной в Пскове подвеске (Мстислав Владимирович Тмутараканский и Судислав Владимирович) [1, с. 90].

Таким образом, должностное лицо, носившее трапецевидную подвеску с двумя геральдическими знаками, получало свои властные полномочия одновременно и от верховного правителя, и от князя, посаженного (как правило, отцом) на местный престол [2, с. 141]. Однако исследователи отмечают и ряд случаев, когда геральдические знаки на одной подвеске принадлежали равным по статусу князьям (например, псковскому князю

Судиславу Владимировичу и новгородскому князю Владимиру Ярославичу [18, с. 267–270] или тому же новгородскому князю и полоцкому князю Брячиславу Изяславичу [2, с. 144]). Данное обстоятельство (безусловно, если правильно атрибутированы геральдические знаки) требует внести некоторые коррективы в общепринятое представление о политической структуре Древней Руси.

В целом представляется возможным использовать весь комплекс данных, связанных с геральдическими подвесками (география находок, распределение по времени, владельческая принадлежность), для изучения проблемы функционирования налогово-даннической системы Древней Руси. Высказанное предположение о характере взаимоотношений лиц, которым принадлежат геральдические знаки на разных сторонах подвесок, может быть полезно при попытках их атрибуции, установлении принадлежности конкретным персонажам древнерусской истории. Вполне определенно носители трапецевидных подвесок являлись княжескими должностными лицами, чьи властные полномочия по сбору дани или осуществлению суда (что также было непосредственно связано с осуществлением финансовых процедур), требовали особой визуальной санкции в виде специального знака.

Библиографические ссылки

1. Королёва ЭВ. Подвеска с княжескими знаками из раскопок 1976 г. в Пскове (в продолжение дискуссии). В: Гайдуков ПГ, Закурина ТЮ, Косточук ЛЯ, Королёва ЭВ, Лабутина ИК, редакторы. *Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 61-го заседания семинара имени академика В. В. Седова; 14–16 апреля 2015 г.; Псков, Санкт-Петербург, Москва, Россия. Выпуск 31*. Москва: Институт археологии Российской академии наук; 2016. с. 79–91.
2. Белецкий СВ. Геральдическая подвеска № 101 и несколько замечаний о правовом статусе держателей подвесок. *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2014;5:139–145.
3. Петренко ВП. *Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья*. Санкт-Петербург: Наука; 1994.
4. Молчанов АА. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы. В: Валк СН, редактор. *Вспомогательные исторические дисциплины. Том VII*. Ленинград: Наука, 1976. с. 69–91.
5. Археологическая хроника. I. Деятельность ученых учреждений и обществ. *Известия Археологической Комиссии. Прибавление к выпуску*. 1914;52:3–59.
6. Лихачев НП. *Избранные труды. Том 1: Материалы для истории византийской и русской сфрагистики*. Москва: Языки славянской культуры; 2014.
7. Орешников АВ. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. *Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук*. 1930;2:87–112.
8. Рыбаков БА. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. *Советская археология*. 1940;6:227–257.
9. Молчанов АА. Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские *jartegnir*. В: Андреев ЮВ, Андреева ТВ, Барышников НН, Безрукова МИ, Берков ВП и др., редакторы. *X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Часть I*. Москва: Академия наук СССР; 1986. с. 184–186.
10. Янин ВЛ. Археологический комментарий к Русской правде. В: Колчин БА, Янин ВЛ, редакторы. *Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода*. Москва: Наука; 1982. с. 138–155.
11. Петренко ВП. Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладogi. *Краткие сообщения Института археологии*. 1977;150:55–62.
12. Крыласова НБ. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника. *Российская археология*. 1995;2:192–197.
13. Лабутина ИК, Кильдюшевский ВИ, Щапова ЮЛ. Раскопки в Пскове на ул. Ленина. В: Рыбаков ВА, редактор. *Археологические открытия 1976 г*. Москва: Наука; 1977. с. 23–24.
14. Лабутина ИК, Королёва ЭВ. К изучению подвески с княжескими знаками из раскопок 1976 г. в Пскове. В: Асташова НИ. *Славяне и иные языки... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. Труды Государственного исторического музея. Том 198*. Москва: Государственный исторический музей; 2014. с. 171–195.
15. Белецкий СВ. Еще раз о геральдической подвеске из раскопок в Пскове в 1976 г. В: Гайдуков ПГ, Занурина ТЮ, Косючук ЛЯ, Королёва ЭВ, Лабутина ИК, редакторы. *Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы*

61-го заседания семинара имени академика В. В. Седова; 13–14 апреля 2015 г.; Псков, Санкт-Петербург, Москва, Россия. Выпуск 31. Москва: Институт археологии Российской академии наук; 2016. с. 92–97.

16. Назарова ЕЛ. Из истории взаимоотношений ливов с Русью (X–XI вв.). В: Новосельцев АП. *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1985 г. Москва: Наука; 1986. с. 177–184.

17. Михеев СМ. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2014;4:45–63.

18. Белецкий СВ. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков. В: Мачинский М, редактор. *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург: Нестор-История; 2004. с. 243–319.

19. Белецкий СВ, Воронцова ИВ, Дмитриева ЗВ, и др. *Специальные исторические дисциплины*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2003.

20. Джаксон ТН. *Austr í Gǫrdum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках*. Москва: Языки славянской культуры; 2001.

21. Макаров НА, Носов ЕН, Янин ВЛ. Начало Руси глазами современной археологии. В: Садовничий ВА. *От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности*. Санкт-Петербург: Алетей; 2013. с. 43–57.

22. Белецкий СВ. Древнерусские геральдические подвески (дополнение к своду). *Русский сборник*. 2016;6(1): 24–32.

23. Белецкий СВ. Новые находки геральдических подвесок X–XI вв. *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2015;6:215–229.

24. Мугуревич Э. Знак Рюриковичей или подвески знатных ливских женщин. *Austrvegr*. 1996;2:31–32.

25. Мельникова ЕА. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы). В: Новосельцев АП, редактор. *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы*. Москва: Наука; 1995. с. 16–33.

26. Котляр НФ. *Древнерусское государство*. Санкт-Петербург: Алетей; 1998.

27. Темушев СН. О причинах политической обособленности Полоцкой земли. В: Касович АВ, Шупляк СП, Корзак АА, Великий АФ, редакторы. *Белорусская государственность: истоки, становление, развитие (IX–XXI вв.)*. Материалы Республиканской научно-теоретической конференции; 29 июня 2017 г; Минск, Беларусь. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2017. с. 5–8.

28. Платонова НИ. Древнерусские погосты – новая старая проблема. В: Мельникова ЕА, редактор. *Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: предпосылки и пути образования Древнерусского государства*. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке; 2012. с. 328–388.

29. Темушев СН. К вопросу о роли налогово-даннической системы в генезисе и развитии Древнерусского государства. В: Садовничий ВА, редактор. *От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности*. Санкт-Петербург: Алетей; 2013. с. 213–222.

30. Адрианова-Перетц ВП, редактор. *Повесть временных лет*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Наука; 1996.

31. Темушев СН. К вопросу о причинах политической раздробленности Древней Руси. В: Янин ВЛ, Арапов ДЮ, Борисов НС, Вдовина ЛН, Волонкова СВ, редакторы. *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Материалы к международной научной конференции; 21–23 ноября 2013 г.; Москва, Россия. Выпуск 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л. В. Милова*. Москва: [б. и.]; 2013. с. 56–60.

32. Мельникова ЕА. К вопросу о происхождении знаков Рюриковичей. В: Мельникова ЕА. *Древняя Русь и Скандинавия*. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке; 2011. с. 241–248.

33. Лебедев ГС. *Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси*. Санкт-Петербург: Евразия; 2005.

34. Молчанов АА. Знаки Рюриковичей: древнерусская княжеская эмблематика. В: Макаров НА, редактор. *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*. Москва, Вологда: Древности Севера; 2012. с. 436–447.

35. Янин ВЛ. Дары новгородской почвы. Находки и открытия в славянском центре на Волхове. *Родина*. 2006;4: 16–20.

36. Костомаров НИ. Начало единого государства в Древней Руси. В: Костомаров НИ. *Исторические монографии и исследования. Том 12*. Санкт-Петербург: Типография А. Транвиеля; 1872. с. 3–152.

37. Белецкий С. Лично-родовые знаки князей-Рюриковичей на металлических подвесках XI в. *Ruthenica*. 2002;1: 134–151.

References

1. Koroleva EV. Pendant with princely signs from the 1976 excavations in Pskov (in discussion continuation). In: Gaidukov PG, Zakurina TYu, Kostychuk LYa, Koroleva EV, Labukina IK, editors. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli. Materialy 61 zasedaniya seminara imeni akademika V.V. Sedova; 14–16 aprelya 2015 g.; Pskov, Sanki-Peterburg. Moskva, Rossia. Vypusk 31*. [Archeology and history of Pskov and Pskov land: Materials of 61 saddle of seminar bamed of academican V. V. Sedov; 2015 April 14–16; Pskov, Saint Petersburg, Moscow, Russia. Issue 31]. Moscow: Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences; 2016. p. 79–91. Russian.

2. Beletskii SV. Heraldic Pendant no 101 and some comments about the Legal Status of Pendants' Holders. *Stratum plus. Archaeology and cultural anthropology*. 2014;5:139–145. Russian.

3. Petrenko VP. *Pogrebal'nyi obryad naseleniya Severnoi Rusi VIII–X vv. Sopki Severnogo Povolkhov'ya* [Funeral rite of the population of Northern Russia VIII–X centuries. Hills of the Northern Volga]. Saint Petersburg: Nauka; 1994. Russian.

4. Molchanov AA. [Pendants with Rurikovich signs and the origin of the Old Russian bull]. In: Valk SH, editor. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. Tom VII*. Leningrad: Nauka; 1976. p. 69–91. Russian.

5. [Archaeological chronicle. I. Activities of scientists of institutions and societies]. *Izvestiya Arkheologicheskoi Komissii. Pribavlenie k vypusku*. 1914;52:3–59. Russian.

6. Likhachev NP. *Izbrannye trudy. Tom 1: Materialy dlya istorii vizantiiskoi i russkoi sfragistiki* [Selected works. Tom 1: Materials for the history of Byzantine and Russian Sphragistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2014. Russian.

7. Oreshnikov AV. [Classification of the oldest Russian coins according to patrimonial signs]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie gumanitarnykh nauk*. 1930;2:87–112. Russian.

8. Rybakov BA. [Signs of ownership in the princely economy of Kievan Rus X–XII centuries]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1940;6:227–257. Russian.

9. Molchanov AA. [Credentials of Kiev princes and Old Norse jarategnir]. In: Andreev YuV, Androsova TV, Baryshnikov MI, Bezrukova MI, Berkov VP, et al., editors. *X Vsesoyuznaya konferentsiya po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka Skandinavskikh stran i Finlyandii. Chast' I*. Moscow: Academician of Sciences of USSR; 1986. p. 184–186. Russian.
10. Yanin VL. [Archaeological Commentary on the Russian Truth]. In: Kolchin BA, Yanin VL, editors. *Novgorodskii sbornik. 50 let raskopok Novgoroda*. Moscow: Nauka; 1982. p. 138–155. Russian.
11. Petrenko VP. [Excavations of the hill in the tract Pobedische near Staraya Ladoga]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 1977;150:55–62. Russian.
12. Krylasova NB. [Suspension with a sign of Rurikovich from Christmas repository]. *Rossiiskaya arkheologiya*. 1995;2:192–197. Russian.
13. Labutina IK, Kil'dyushevskii VI, Shchapova YuL. [Excavations in Pskov on Lenin Street]. In: Rybakov VA, editor. *Arkheologicheskie otkrytiya 1976 g.* Moscow: Nauka; 1977. p. 23–24. Russian.
14. Labutina IK, Koroleva EV. [To study the suspension with princely marks from the excavations of 1976 in Pskov]. In: Astashova NI. *Slavyane i inye yazytsi... K yubileyu Natal'i Germanovny Nedoshivnoi. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Tom 198*. Moscow: State Historical Museum; 2014. p. 171–195. Russian.
15. Beletskii SV. [Once again about the heraldic suspension from excavations in Pskov in 1976]. In: Gaidukov PG, Zhanurina TYu, Kosyuchuk LYa, Koroleva EV, Labutkina IK, editors. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli. Materialy 61-go zasedaniya. Seminara imeni akademika V. V. Sedova; 13–14 aprelya 2015 g.; Pskov, Sankt-Peterburg. Moskva, Rossiya. Vypusk 31*. [Archeology and history of Pskov and Pskov land: Materials of 61 saddle of seminar bamed of academican V. V. Sedov; 2015 April 13–14; Pskov, Saint Petersburg, Moscow. Issue 31]. Moscow: Institute of Archeology, Russian academy of sciences; 2016. p. 92–97. Russian.
16. Nazarova EL. [From the history of Livonian relations with Rus' (X–XI centuries)]. In: Novosel'tsev AP. *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1985 g.* Moscow: Nauka; 1986. p. 177–184. Russian.
17. Mikheev SM. [To the problem of attribution of Rurikovich signs]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2014;4:45–63. Russian.
18. Beletskii SV. [Pendants with the image of ancient Russian princely symbols]. In: Machinskii D, editor. *Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniya pamyati Anny Machinskoi*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya; 2004. p. 243–319. Russian.
19. Beletskii SV, Vorontsova IV, Dmitrieva ZV, et al. *Spetsial'nye istoricheskie distsipliny* [Special historical disciplines: Textbook]. 2nd edition. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin; 2003. Russian.
20. Dzhakson TN. *Austr í Görðum: Drevnerusskie toponimy v drevneskandinavskikh istochnikakh* [Austr í Görðum: Old Russian toponyms in Old Norse sources]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2001. Russian.
21. Makarov NA, Nosov EN, Yanin VL. [The beginning of Russia through the eyes of modern archeology]. In: Sadovnichii VA. *Ot Drevnei Rusi k Rossiiskoi Federatsii: istoriya rossiiskoi gosudarstvennosti*. Saint Petersburg: Aleteiya; 2013. p. 43–57. Russian.
22. Beletskii SV. [Old Russian heraldic pendants (addition to the vault)]. *Russkii sbornik*. 2016;6(1):24–32. Russian.
23. Beletsky SV. New finds of Heraldic Pendants of the 10th–11th Centuries. *Stratum plus. Archaeology and cultural anthropology*. 2015;6:215–229. Russian.
24. Mugurevich E. [Sign of Rurikovich or suspension of noble Livonian women]. *Austrvegr*. 1996;2:31–32. Russian.
25. Mel'nikova EA. [To the typology of pre-state and early state formations in North and North-Eastern Europe (posing the problem)]. In: Novosel'tsev AP, editor. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. Materialy i issledovaniya. 1992–1993 gody*. Moscow: Nauka; 1995. p. 16–33. Russian.
26. Kotlyar NF. *Drevnerusskoe gosudarstvo* [The Old Russian State]. Saint Petersburg: Aleteiya; 1998. Russian.
27. Temushev SN. [On the reasons for the political isolation of the Polotsk land]. In: Kasovich AV, Shumpliak SP, Korzak AA, Velikii AF, editors. *Belorusskaya gosudarstvennost': istoki, stanovlenie, razvitie (IX–XXI vv.): Materialy Respublikanskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii; 29 iyunya 2017 g.; Minsk, Belarus*. Minsk: Republican Institute of Higher School; 2017. p. 5–8. Russian.
28. Platonova NI. [Old Russian pogosts – a new old problem]. In: Mel'nikova EA, editor. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2010 god: predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva*. Moscow: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke; 2012. p. 328–388. Russian.
29. Temushev SN. [On the Role of the Tax and Data System in the Genesis and Development of the Old Russian State]. In: Sadovnichii VA, editor. *Ot Drevnei Rusi k Rossiiskoi Federatsii: istoriya rossiiskoi gosudarstvennosti*. Saint Petersburg: Aleteiya; 2013. p. 213–222. Russian.
30. Adrianova-Peretts VP, editor. *Povest' vremennykh let* [The Tale of Past Years]. 2nd edition. Saint Petersburg: Nauka; 1996. Russian.
31. Temushev SN. [To the question of the reasons for the political fragmentation of Ancient Rus]. In: Yanin VL, Arapov DYu, Borisov NS, Vdovina LN, Volonkova SV, editors. *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Materialy k mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 21–23 noyabrya 2013 g.; Moskva, Rossiya. Vypusk 3: Tret'i chteniya pamyati akademika RAN L. V. Milova*. Moscow: [publisher unknown]; 2013. p. 56–60. Russian.
32. Mel'nikova EA. [On the origin of the signs of Rurikovich]. In: Mel'nikova EA. *Drevnyaya Rus' i Skandinaviya*. Moscow: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke; 2011. p. 241–248. Russian.
33. Lebedev GS. *Epokha vikingov v Severnoi Evrope i na Rusi* [The Age of Vikings in Northern Europe and in Russia]. Saint Petersburg: Evraziya; 2005. Russian.
34. Molchanov AA. [Signs of Rurikovich: Old Russian princely emblematic]. In: Makarov NA, editor. *Rus' v IX–X vekakh: arkheologicheskaya panorama*. Moscow, Vologda: Drevnosti Severa; 2012. p. 436–447. Russian.
35. Yanin VL. [Gifts of Novgorod soil. Findings and discoveries in the Slavic center on the Volkhov]. *Rodina*. 2006;4:16–20. Russian.
36. Kostomarov NI. [The beginning of the autocracy in Ancient Rus]. In: Kostomarov NI. *Istoricheskie monografii i issledovaniya. Tom 12*. Saint Petersburg: A. Tranvielya's tipograph; 1872. p. 3–152. Russian.
37. Beletskii S. [Personal-family signs of princes-Rurikovich on metal pendants of the XI century]. *Ruthenica*. 2002;1: 134–151. Russian.

ГОСУДАРСТВА КРЕСТОНОСЦЕВ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА ПЕРВЫХ МАМЛЮКОВ (1248/1250–1260 гг.)

А. А. ФИЛИППОВ¹⁾

¹⁾Институт повышения квалификации и переподготовки кадров
Белорусского государственного университета культуры и искусств,
ул. Калиновского 12, 220086, г. Минск, Беларусь

Рассматривается трансформация внешней политики Египта в отношении государств крестоносцев в начальный период правления мамлюков, в силу ряда причин данная политика до прихода к власти аз-Захира Бейбарса рассматривается в научных работах фрагментарно. Определяются причины и характер данной трансформации. Исследуются внешняя политика первых мамлюков до прихода к власти аз-Захира Бейбарса. Утверждается, что монгольское вторжение, предыдущая попытка Людовика IX атаковать Каир, а также конфликт между Венецией и Генуей привели к принятию мамлюками решения о необходимости полного уничтожения государств крестоносцев на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: мамлюки; государства крестоносцев; внешняя политика мамлюков; Война святого Саввы.

ДЗЯРЖАВЫ КРЫЖАНОСЦАЎ У ЗНЕШНЯЙ ПАЛІТЫЦЫ ДЗЯРЖАВЫ ПЕРШЫХ МАМЛЮКАЎ (1248/1250–1260 гг.)

А. А. ФІЛІПАЎ^{1*}

^{1*} Інстытут павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў,
вул. Каліноўскага, 12, 220086, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца трансфармацыя знешняй палітыкі Егіпта ў дачыненні да дзяржаў крыжаносцаў у пачатковы перыяд кіравання мамлюкаў, па шэрагу прычын дадзеная палітыка да прыходу да ўлады аз-Захіра Бейбарса разглядаецца ў навуковых працах фрагментарна. Вызначаюцца прычыны і характар такой трансфармацыі. Даследуецца знешняя палітыка першых мамлюкаў да прыходу да ўлады аз-Захіра Бейбарса. Сцвярджаецца, што мангольскае ўварванне на чужыя тэрыторыі, папярэдняя спроба Людовіка IX атакаваць Каір, а таксама канфлікт паміж Венецыяй і Генуяй падштурхнулі мамлюкаў да прыняцця рашэння аб неабходнасці поўнага знішчэння дзяржаў крыжаносцаў на Блізкім Усходзе.

Ключавыя словы: мамлюкі; дзяржавы крыжаносцаў; знешняя палітыка мамлюкаў; Вайна святога Савы.

Образец цитирования:

Филиппов АА. Государства крестоносцев во внешней политике государства первых мамлюков (1248/1250–1260 гг.). Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018;4:83–89.

For citation:

Filipau AA. The Crusader States in the foreign policy of the First Mamluks (1248/1250–1260). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;4:83–89. Russian.

Автор:

Александр Анатольевич Филиппов – кандидат политических наук; директор.

Author:

Aliaksandr A. Filipau, PhD (political science); director. alexfilippov1983@gmail.com

THE CRUSADER STATES IN THE FOREIGN POLICY OF THE FIRST MAMLUKS (1248/1250–1260)

A. A. FILIPAU^a

^a*Institute of Advanced Training and Further Education,
Belarusian State University of Culture and Arts,
12 Kalinouskaha Street, Minsk 220086, Belarus*

The article considers transformation of the Egyptian foreign policy towards the Crusader States in the first years after mamluks' coming to power. Due to different reasons the previous academic papers considered this policy to sufficient extent only after the beginning of the reign of al-Zahir Baybars. The aim of the article is to identify the reasons and nature of this transformation. The object of the research is the foreign policy of the first mamluks before al-Zahir Baybars's reign. Mongol invasion, the previous attempt of Louis IX to attack Cairo, as well as the conflict between Genoa and Venice resulted in mamluks' decision to eliminate completely the Crusader States in the Middle East.

Key words: mamluks; Crusader States; mamluks' foreign policy; War of Saint Sabas.

Введение

Мамлюкский период является ключевой эпохой в истории мусульманского Египта. Ему характерно доминирование тюрок в политической сфере. В русскоязычной историографии хронологические рамки периода определены 1250–1517 гг. [1, с. 271]. Первая дата связана с проникновением мамлюков в высшие эшелоны власти (соправление с последним египетским Айюбидом), вторая – с завоеванием Египта Османской империей и прекращением существования независимого мамлюкского государства. В настоящей статье нижняя граница сдвинута до 1248 г. – времени, когда мамлюкские эмиры вынуждены были практически самостоятельно отражать крестовый поход Людовика IX. Институционально мамлюкский период продолжался до начала XIX в., став самым продолжительным периодом в истории мусульманского Египта.

Политическая история этого периода кажется изученной в достаточной степени. Тем не менее многие аспекты политического развития, включая и внешнюю политику, особенно в хронологически небольших периодах (10–15 лет), освещаются историками не в полной мере. Это справедливо и по отношению к изучению внешней политики первых мамлюков. Сама политическая история этого периода до сих пор восстановлена не в полной мере. Это связано как со спецификой источников (как правило, они написаны позднее и излагают события в соответствии с определенной концепцией), так и с невысоким интересом мировой науки к событиям, которые кажутся незначительными и имеют исключительно региональное измерение.

Так, например, исследования отношений мамлюков и крестоносцев начинаются с анализа походов аз-Захира Бейбарса. Однако стратегия мамлюкского государства по отношению к христианским державам в Палестине была заложена до прихода правителя к власти. Более того, она коренным об-

разом отличалась от стратегии Айюбидского периода.

Источниками для написания настоящей работы выступили следующие исторические хроники: «Сливки мысли в истории хиджры» (*Zubdat al-Fikra fi Ta'rikh al-Hijra*) Бейбарса аль-Мансури ан-Насири (далее – «Сливки мысли...») [2]; «Книга путей для познания государств маликов» (*Kitāb al-Sulūk li-ma'rifat duwal al-mulūk*) Ахмада Ибн Али аль-Макризи (далее – «Книга путей...») [3], а также «Хроники Иерусалимского королевства» (*Regesta Regni Hierosolymitani*) (далее – «Хроники...») [4].

Изложение 709 г. х. (1309/1310 гг.) завершают «Сливки мысли...», 844 г. х. (1440/1441 гг.) – «Книга путей...», а 1291 г. – «Хроники...», последний является годом полного уничтожения христианских государств в Палестине.

Особый интерес представляют «Сливки мысли...», так как они написаны представителем высшей бахритской элиты наибом султана Бейбарсом аль-Мансури ан-Насири. Он принадлежал к числу мамлюков султана аль-Мансура Калауна, правившего в 1279–1290 гг., и выражал в своем сочинении видение мамлюкской элиты по отношению к событиям раннебахритского периода [5, р. XV].

Хронологические рамки работы охватывают период с 1248/1250 по 1260 г., т. е. от времени завершения крестового похода Людовика IX и прихода мамлюков к власти в Египте до битвы при Айн-Джалуте и прихода к власти аз-Захира Бейбарса. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что в данный период происходило становление мамлюкского государства, в том числе и его основных государственных институтов, которые могли быть или унаследованы без изменений у айюбидского периода, или трансформированы, или являться совершенно новыми, отражающими специфику мамлюков как социальной группы.

Исходная ситуация

В начале 1248 г. в непосредственной близости к Египту существовали следующие государства крестоносцев: княжество Антиохия со столицей в Антиохии и графство Триполи, которым правил князь Антиохии (причем территория графства была отделена от территории княжества мусульманским анклавом) [6, р. 459], Иерусалимское королевство, а также Кипрское королевство [7].

Помимо государств важное военно-политическое значение имели ордена госпитальеров, тамплиеров, а также Тевтонский орден [7].

В период до прихода к власти аль-Музаффар Кутуза государства крестоносцев не упоминаются в «Сливках мысли...», хотя регулярно встречаются на страницах других используемых в настоящей статье источников. Примечательно, что автором «Сликов мысли...» государства крестоносцев не упоминаются даже при характеристике политического положения, сложившегося в регионе после смерти Бату-хана (Батые) и накануне начала крупного военного похода Хулагу [2].

Важно и то, что во время распрей между мамлюком аль-Бахри и маликом аль-Муиззом, если судить по тексту Бейбарса аль-Мансури, ни одна из сторон не сделала попыток обратиться к государствам крестоносцев. Кроме того, в правление малолетних маликов (аль-Ашрафа Мусы и аль-Мансура Нур ад-Дина) существование этих государств не воспринималось как угроза. Причем именно неспособность возглавить войско против малика в Дамаске ан-Насира (в первом случае) и нашествия Хулагу (во втором) послужило декларируемой причиной отстранения их от власти [2; 3].

Впервые в рассматриваемый период (1248/1250–1260 гг.) государства крестоносцев упоминаются в «Сливках мысли...» в 658 г. х. (1260) в связи с походом Хулагу в Сирию и готовящимся походом в Египет. Согласно Бейбарсу аль-Мансури послы франков прибыли к Китбуге-нойну после взятия им Дамаска, уstraшенные тем, что монголы не двинулись на их страны, т. е. об альянсе между монголами и крестоносцами речи, как явствует из текста «Сликов мысли...», не шло. Более того, из страха перед монголами крестоносцы начали укреплять свои крепости [2].

Фактически, если верить автору «Сликов мысли...», государства крестоносцев отсутствовали как в повестке внешней политики первых мамлюков, так и в геополитическом осмыслении региона. Такой подход к отражению данного вопроса, безусловно, во многом был вызван особой исторической

концепцией, которой следовал автор [2]. Заключалась концепция в рассмотрении всемирной истории как борьбы ислама (прежде всего принявшие веру турки) с безбожниками (в большинстве угнетавшие турков монголы).

Бейбарс аль-Мансури впервые упоминает франков под 653 г. х. (1255/1256) в контексте событий в Магрибе, когда для борьбы с ними местные правители направились в аль-Андалус. Это упоминание укладывается в авторское видение исторического процесса как борьбы исламского мира с грозным немусульманским противником (в Египте – с монголами, в Магрибе – с христианами) [2].

Аль-Макризи дает больше информации о взаимодействии первых мамлюков с крестоносцами, пусть даже и не с представителями государств на Ближнем Востоке. Так, приход к власти мамлюков (в лице Шаджарат ад-Дурр) пришелся на момент завершения Седьмого крестового похода французского короля Людовика IX, вынужденного вести переговоры о капитуляции. Аль-Макризи называет французского короля стандартным для мамлюкских источников термином *ridāfarans* (*Roi de France*, «король Франции»). Очень важно, что аль-Макризи продолжает тему участия короля Франции в Крестовых походах, упоминая о следующем, Восьмом крестовом походе 1270 г. в Тунис [3, р. 460], а также о его результатах [3, р. 460–462]. Бейбарс аль-Мансури также упоминает этот поход, но без связи с предыдущим (668 г. х.) [2].

Интересно также, что автор «Книги путей познания...» ничего не упоминает о действиях, которые прибывший в Акку Людовик IX развернул против сирийских Айюбидов (действия короля Франции были в интересах египетских мамлюков) [8, р. 81]. Вероятно, именно соображениями этого союза и объясняется то, что мамлюки освободили (пусть и за выкуп) всех пленных крестоносцев, включая и тех, кто был пленен во времена правления маликов аль-Адиля¹, аль-Камиля и ас-Салиха. Всего, по данным аль-Макризи, было выкуплено 12 110 человек, включая и людей самого Людовика IX [3, р. 460].

Ни арабские (Бейбарс аль-Мансури, аль-Макризи), ни западные [4, р. 315; 8] источники не содержат прямых сведений о пакте между Людовиком IX и мамлюками, заключенном при освобождении короля и направленном против других мусульманских государств. Однако последующие события позволяют предполагать высокую вероятность наличия такого соглашения². Так, француз-

¹ В настоящей работе мы идентифицировали упоминаемого аль-Макризи малика аль-Адиля как аль-Адиля Ахмада ибн Айюба, а не правившего в 1238–1240 гг. малика аль-Адиля Абу Бакра Ибн Мухаммада. Это сделано исходя из перечисления маликов в тексте: аль-Адиль, аль-Камиль и ас-Салих. По-видимому, они перечисляются в порядке правления. Однако давность правления аль-Адиля Ахмада ибн Айюба от описываемых событий вряд ли гарантировала наличие множества оставшихся пленников, захваченных при его правлении.

ский король не вернулся во Францию, хотя часть двора подталкивала его к этому ввиду обостряющихся отношений с Англией и разгорающегося восстания пастушков. Он остался в Акке, откуда вел

войну с сирийскими Айюбидами. Безусловно, такая война была в интересах только что пришедших к власти мамлюков, постоянно ожидавших вторжения от своих сирийских противников.

Мамлюкский Египет, айюбидская Сирия и государства крестоносцев

Согласно миру, заключенному между Людовиком IX и мусульманами в мае 1252 г. (начало 650 г. х.) [5, р. 315], ряд пунктов отошел мусульманам. Это Газара (*Gazara, Gezer, Mont Gizar, Tall al-Jazar*), Гибелин (*Gibilino*)³, Грандигерино (Гран-Герен, *Grandigerino*), Дарон (*Daron*)⁴. Проблема заключалась в том, что, поскольку ситуация с передачей власти в Египте была неясна, эти земли были заняты султаном Халеба вместе с египетским войском. Впоследствии вопрос о принадлежности данных территорий стал одним из предметов конфликта между египетскими мамлюками и маликом в аш-Шаме ан-Насиром.

Также, по сведениям аль-Макризи, часть эмиров малика в Дамаске ан-Насира, отступая после его поражения от малика аль-Муизза в 648 г. х. [3, р. 469], ударили по «христианскому коридору»⁵.

Не обошли мамлюки своим вниманием и Александрию, которая воспринималась не только как важный торговый пункт, но, по-видимому, и как потенциальное место высадки войск при очередном Крестовом походе. В 652 г. х. (1254/1255) малик аль-Муизз Айбек вернул гавани Александрии в султанский хасс, как это и было прежде [2]. Такие же сведения передает и аль-Макризи [3, р. 484], но уточняет, что это было сделано после окончательного разгрома группировки Фарис ад-Дин Актая [3, р. 484]. В последующие годы египетские правители уделяли достаточно большое внимание Александрийским гаваням.

После поражения Фарис ад-Дин Актая в борьбе с маликом аль-Муиззом Айбеком мамлюки аль-Бахри бежали в Газу, где предложили себя на службу малику ан-Насиру, а затем, двигаясь к нему в Дамаск, грабили прибрежные территории крестоносцев [3, р. 484].

Тем не менее по договору, который аль-Муизз Айбек заключил с ан-Насиром при посредничестве посланника халифа, шейха аль-Бадираи, все земли до реки Иордан, включая Газу, Иерусалим, Наблус и побережье, закреплялись за Египтом [3, р. 479], что автоматически превращало государства крестоносцев, граничившие с этими территориями, в значимый фактор внешней политики Египта. Тем не менее территориальные вопросы при аль-Муиззе Айбеке урегулированы не были, так как малик ан-Насир требовал прибрежные территории в качестве икты для присоединившихся к нему мамлюков аль-Бахри [3, р. 485].

Любопытен тот факт, что сирийский малик аргументировал свои претензии тем, что «он их взял на побережье ради аль-Бахрия»⁶ [3, р. 485], т. е. крестоносцы заключали с ним договор (это подтверждает и текст «Хроник...»), по-видимому, считая его законным наследником Айюбидов.

Только после этого в 652 г. х. (1254/1255) аль-Муизз смог заключить перемирие на чуть более чем десять с половиной лет с «франками из Акки» [3, р. 485], т. е. с Иерусалимским королевством. Если аль-Макризи не нарушил сознательно хронологию изложения или не сообщил по какой-то причине недостоверные сведения, то, скорее всего, этот договор был заключен после 3 шаабана 652 г. х., т. е. после 23 сентября 1254 г., когда Людовик IX уже находился во Франции (король покинул Палестину 24 апреля 1254 г.). Более того, в арабских источниках король Франции последовательно называется «ридафаранс». Используемый в оригинале термин «господа Акки» позволяет однозначно идентифицировать данный договор как договор с Иерусалимским королевством.

Итальянский фактор

Прямо перемирие в «Хрониках...» не упоминается. Однако в труде содержится крайне важная информация об отношениях маликов аль-Муизза

и ан-Насира с венецианцами. Согласно тексту источника соглашение (*pactum*) с венецианцами осенью-зимой 1254 г. заключил малик ан-Насир,

²Михаил Кохлер в своей работе *Alliances and Treaties between Frankish and Muslim Rulers in the Middle East* (Лиден, Бостон, 2013) считает, что Людовик IX заключил такой договор, но не выполнил его условия до конца (с. 272), а Жан Ричард в работе *The Crusades* (Кембридж, 1999) рассматривает такой договор как факт (с. 486).

³Елефперополь / Бейт Гуврин / Бейт-Джибрин.

⁴Крепость около г. Газы.

⁵По-видимому, речь идет о полосе территории, соединявшей Иерусалим с морем, которая была передана крестоносцам в соответствии с Яфским договором 1229 г. между императором Фридрихом II и маликом аль-Камилем (Abu-Munshar M. Y. Sultan al-Kamil, Emperor Frederick II and the Submission of Jerusalem // *Int. J. Soc. Sci. Humanit.* 2013. Vol. 3, № 5. P. 443–447).

⁶Здесь и далее перевод наш. – А. Ф.

а в ноябре этого же года обширные привилегии венецианцам предоставил малик аль-Муизз Айбек [4, р. 321–322].

В декабре 1258 г. малик аль-Муизз Айбек обещал венецианскому послу Габриэлю Тревизскому удовлетворять поступающие от него прошения [4, р. 333].

Венецианцы играли важную роль в политических процессах на Ближнем Востоке. Помимо торговых, они преследовали и политические цели. Так, в рассматриваемый период в Италии активизировалась борьба между гибеллинами и гвельфами, поддерживавшими внука императора Фридриха II Гогенштауфена Конрадина. Последний под именем Конрада III с 1254 г. был номинальным королем Иерусалимского королевства. Регентшей до 1261 г. была королева-консорт и регент Кипрского королевства Плестанция Антиохийская [9, р. 289]. Еще одним претендентом выступал сын Плестанции малолетний король Гуго

II Лузиньян. Генуэзцы были склонны поддержать Конрадина, в то время как венецианцы поддерживали Плестанцию Антиохийскую [9, р. 291]. Эти события были своего рода отражением борьбы в Италии. Так, в 1256 г. Венеция оказала активную поддержку папскому Крестовому походу против сеньора Вероны, Падуи и Виченцы Эццелино да Романо, одного из лидеров гибеллинов [10, р. 176].

В Палестине между Венецией и Генуей с 1255/1256 г. вспыхнула настоящая война, получившая название «Война святого Саввы». Открытую поддержку Генуе оказали Тир, возглавляемый Филиппом де Монфором (фактически восставшим против Иерусалимского королевства), и орден госпитальеров. Также союзником генуэзцев на некоторое время стал и Арсуф. На сторону венецианцев склонилась Антиохия [9, р. 331–333], хотя сеньор Джебейла из генуэзского рода Эмбриако выступил на стороне генуэзцев⁷.

Монгольская угроза

После заключения мира между ан-Насиром и аль-Муиззом при посредничестве представителя халифа, шейха аль-Бадирай, крестоносцы исчезают из поля зрения авторов мамлюкских хроник [2; 3]. По-видимому, крестоносцы все же не рассматривались как самостоятельная сила вне альянсов с тем или иным региональным правителем.

Более того, во время перехода власти после убийства аль-Муизза к его сыну аль-Мансуру, а затем и к малику аль-Музаффару Кутузу, различные группировки и особы пытались обращаться за помощью либо к малику ан-Насиру в аш-Шаме, либо к малику аль-Мугису в Караке, но не к государствам крестоносцев [3, р. 493–496, 500].

Ситуация начала изменяться после захвата монголами Дамаска в начале 1260 г. и первых набегов до границ Египта (Газа, Бейт Джибрин, Хеврон) [3, р. 512]. Аль-Макризи отмечает, что христиане Дамаска стали «вести себя высокомерно по отношению к мусульманам» [3, р. 512]. Во многом это объяснялось тем, что наибом Хулагу в Дамаске был оставлен христианин и, вероятно, готовившийся к походу на Египет Китбуга-нойон, который вскоре был назначен наибом в Халебе. И Халеб, и Дамаск были захвачены при непосредственном участии антиохийских и армянских войск, что, естественно, вызвало соответствующую реакцию у мусульман [2]. Ранее франки были обвинены в пожаре, случившемся в Халебе в 650 г. х. (1252/1253) [3, р. 478]. После поражения монголов при Айн-Джалуте (1260 г.) и занятия Дамаска и мамлюки, и местные мусульмане в ответ стали активно грабить и притеснять христиан [3, р. 517–518].

В условиях приближающейся монгольской угрозы, а также в силу симпатий, проявляемых монгольскими правителями несторианам, христианские монархи активно искали контакты с монголами.

Так, «Хроники...» упоминают, что уже в 1248 г. папа римский, король Кипра и армяне (Киликийское армянское царство) пытались установить контакты с «императором татар» [4, р. 304–305]. Аналогичная попытка была предпринята папой Иннокентием IV в 1249 г. [4, р. 306]. Отметим, что эти посольства направлялись Святым престолом с 1245 г.

Судя по всему обмен посольствами произошел между монголами и Людовиком IX во время Крестового похода короля [7, р. 85].

В 1248 г. князь (*dux*) татар Илджидай написал находившемуся на Кипре Людовику IX письмо с обещанием дружить с ним и поддерживать [4, р. 306]. Современные исследователи отмечают, что данное письмо являлось военной хитростью, нацеленной на то, чтобы спровоцировать французского короля атаковать Египет, монголы в это время готовились к вторжению на территорию Багдадского халифата [9]. «Хроники...» ничего не упоминают о принятии христианства правителями монголов (татар), а также не характеризуют (описывая деяния постфактум) данный поступок как военную уловку [4].

Рашид ад-Дин отмечает, что каган Гуюк симпатизировал христианам [11]. На курултае 1245 г. Илджидай были поручены дела Рума, Грузии, Мосула, Халеба и Диярбекра, но не Аббасидского халифата [11].

⁷Впоследствии конфликт между Генуей и Венецией был интегрирован в еще более масштабный конфликт – столкновение между Золотой Ордой (поддерживаемой Венецией и мамлюками) и Ильханидами (поддерживаемыми Генуей).

В любом случае далеко не только монголы провоцировали направившегося в Крестовый поход Людовика IX на активные действия против Египта. Члены ордена рыцарей Храма также торопили французского короля воспользоваться нахождением малика ас-Салиха с войсками около Газы и конфликтом между ас-Салихом и маликом Халеба ан-Насиром Салах ад-Дином [4, р. 307]. Подобные переговоры и последовавшая за ними высадка Людовика IX на территории Египта не могли не укрепить мамлюков во мнении о реальной возможности создания альянса между крестоносцами и монголами.

Тем не менее христианский мир в целом и государства крестоносцев в частности рассматривали монголов как серьезнейшую угрозу, поскольку были напуганы жестокостью и масштабностью монгольских походов. Походы в Центральную Европу только укрепляли страх христианских государств. В этом контексте христиане Палестины были склонны вступить в союз в большей степени с мусульманами, с которыми они и до этого постоянно заключали соглашения, чем с монголами.

Так, «Хроники...» сообщают, что в то время как Антиохия и Триполи подчинились монголам (татарам), Акка, Тир и все замки орденов были настроены оказать монголам сопротивление. Монголы, в свою очередь, разослали письма с угрозами. Обо всем этом Фома, епископ Вифлеемский, известил европейские дворы [4, р. 337]. Об угрозе для Святой земли со стороны монголов сообщал и великий магистр ордена Тамплиеров Тома Берар в письме королю Англии Генриху III [4, р. 337–338]. Тем не менее Рим продолжал вести переговоры с отдельными монгольскими правителями [4, р. 339].

Аль-Макризи сообщает любопытные вещи. Так, путь малика аль-Музаффара Кутуза во время движения по территории Палестины пролегал через земли Иерусалимского королевства. Крестоносцы сами предложили египетскому правителю помощь, от которой он отказался, заключив договор о пол-

ном нейтралитете королевства [3, р. 516]. К сожалению, никаких подробностей об этом договоре источники не сообщают. Позиция регентши Плестанции Антиохийской и палестинских баронов отличалась от позиции князя Антиохии и графа Триполи Боэмунда VI [10, р. 349]. Безусловно, правитель Антиохии и Триполи опасался, что монголы могут просто уничтожить его государства. Кроме того, позиция правителя, направленная на заключение союза с монголами, во многом была вызвана как конфликтом между Боэмундом VI и Плестанцией, возникшей на почве регентства в Иерусалимском королевстве, так и борьбой между венецианцами, опасавшимися вторжения монголов и ранее заключивших союзы с ан-Насиром и аль-Муиззом, и генуэзцами, активно искавшими контакты с монголами. Позиция Боэмунда VI также отчасти была вызвана и действиями его тестя, царя киликийской Армении Хетума I, который в 1246 г. признал власть монголов [10, р. 350].

Кроме того, монголы начали способствовать сближению киликийской Армении, Антиохии и Триполи с Никейской империей, союзниками которой выступали генуэзцы. Союз всех этих государств с монголами был бы для мамлюков опасен не только изменением баланса сил на Ближнем Востоке, но, по-видимому, и угрозой торговле мальчиками и юношами из половецких степей через крымские порты, находившиеся под контролем генуэзцев.

Следует подчеркнуть, что мамлюки достаточно неплохо представляли себе отношения, складывавшиеся между христианскими государствами как минимум по причине наличия активных контактов с европейскими купцами.

Так, сведения о политических событиях в христианском мире имеются у аль-Макризи. В частности, он упоминает о смерти императора Священной Римской империи Фридриха II в 1250 г. [3, р. 472]. Несомненно, мамлюкских правителей встревожили и активные фортификационные работы, которые развернул в Палестине в 1250-х гг. Людовик IX [9, р. 312–313].

Выводы

Мамлюки не рассматривали государства крестоносцев на Ближнем Востоке в качестве отдельно значимых военно-политических субъектов. Более того, государства крестоносцев даже не вписывались в концепцию истории, которая начала формироваться у раннемамлюкских хронистов. Тем не менее мамлюки рассматривали государства на Ближнем Востоке как угрозу, которая потенциально, в контексте существовавших в то время международных отношений, находясь в союзе с другими силами, могла стать определяющей для судьбы мамлюкского государства. Этому способствовали Крестовый поход Людовика IX,

завершение которого пришлось на начало правление мамлюков; первоначальная ориентация христианских государств на сирийских Айюбидов как на единственных легитимных правителей; тесные связи Египта с венецианскими купцами и озабоченность генуэзской активностью в регионе, но самое главное – потенциальный союз между монголами и государствами крестоносцев. Опасность этого союза для Египта заключалась не столько в соединении военной мощи монголов и крестоносцев (последние, по-видимому, были мало способны к наступательной деятельности и даже к эффективной обороне), сколько в поддержке союза

европейскими государствами и специфических международных обстоятельствах: союз генуэзцев с монголами нес риски для торговли Египта с Европой, осуществляемой преимущественно через венецианских купцов, а также для путей поставок будущих мамлюков из южнорусских степей через крымские порты.

В этом контексте после разгрома монголов при Айн-Джалуте мамлюки приняли решение окончательно покончить с государствами крестоносцев. Характерно, что это радикальное изменение в политике Египта по отношению к христианским государствам в Палестине так и не было осознано крестоносцами.

Библиографические ссылки

1. Фильштинский ИМ. *История арабов и Халифата (750–1517 гг.)*. Москва: Муравей; 2001.
2. Baybars al-Mansūrī. *Zubdat al-Fikra fī Ta'rich al-Hijra*. Berlin-Beirut: Das Arabische Buch; 1998.
3. Al-Maqrizī Ahmad ibn 'Alī. *Kitāb al-Sulūk li-ma'rifat duwal al-mulūk* [Internet] [cited 2017 January 14]. Available from: <http://www.al-eman.com/islamlib>.
4. *Regesta Regni Hierosolymitani (MXCVII–MCCCXI)*. Berlin: Ibraria Academica Wageriana; 1893.
5. Richards DS. *Introduction, Baybars al-Mansūrī. Zubdat al-Fikra fī Ta'rich al-Hijra*. Berlin-Beirut: Das Arabische Buch; 1998.
6. Berger E, Israel GL, Miller C. *World History: culture. States and Societies to 1500*. Georgia: University of North Georgia Press; 2016.
7. Holt PM. *The Crusader States and their Neighbours: 1098–1291*. New York: Routledge; 2016.
8. Wagner K. *The Memoirs of the Lord John de Joinville*. New York: E. P. Putton and Co.; 1906.
9. Richard JLe. *Royame Latin de Jerusalem*. Paris: Universitaires; 1953.
10. Norwich JJ. *A History of Venice*. New York: Vintage Books; 1989.
11. Rashīd al-Dīn. *Jāme' al-tawārik*. Moscow: [publisher unknown]; 1980.

References

1. Filshtinskii IM. *Istoriya arabov i Khalifata (750–1517 gg.)* [The History of Arabs and Caliphate (750–1517)]. Moscow: Muravei; 2001. Russian.
2. Baybars al-Mansūrī. *Zubdat al-Fikra fī Ta'rich al-Hijra*. Berlin-Beirut: Das Arabische Buch; 1998. Arabic.
3. Al-Maqrizī Ahmad ibn 'Alī. *Kitāb al-Sulūk li-ma'rifat duwal al-mulūk* [Internet] [cited 2017 January 14]. Available from: <http://www.al-eman.com/islamlib>. Arabic.
4. *Regesta Regni Hierosolymitani (MXCVII–MCCCXI)*. Berlin: Ibraria Academica Wageriana; 1893. Latin.
5. Richards DS. *Introduction, Baybars al-Mansūrī. Zubdat al-Fikra fī Ta'rich al-Hijra*. Berlin-Beirut: Das Arabische Buch; 1998.
6. Berger E, Israel GL, Miller C. *World History: culture. States and Societies to 1500*. Georgia: University of North Georgia Press; 2016.
7. Holt PM. *The Crusader States and their Neighbours: 1098–1291*. New York: Routledge; 2016.
8. Wagner K. *The Memoirs of the Lord John de Joinville*. New York: E. P. Putton and Co.; 1906.
9. Richard JLe. *Royame Latin de Jerusalem*. Paris: Universitaires; 1953. French.
10. Norwich JJ. *A History of Venice*. New York: Vintage Books; 1989.
11. Rashīd al-Dīn. *Jāme' al-tawārik*. Moscow: [publisher unknown]; 1980. Farsi.

Статья поступила в редколлегию 20.09.2017.
Received by editorial board 20.09.2017.

УДК 94(476)«1915/1917»

НИКОЛАЙ II В МОГИЛЁВСКОЙ СТАВКЕ (АВГУСТ 1915 – МАРТ 1917 г.): ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ПОЛИТИКА

Д. С. ЛАВРИНОВИЧ¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

Раскрываются особенности пребывания Николая II в Могилёве в годы Первой мировой войны. Источники позволили составить представление о месторасположении, кадровом составе и образе жизни высших чинов Ставки Верховного главнокомандующего, а также дали возможность показать Николая II в роли высшего руководителя, его взаимоотношения с армейской элитой и особенности времяпрепровождения в Могилёве. Особое внимание обращается на попытки представителей либеральной оппозиции воздействовать на императора и его военное окружение. Рассматриваются деятельность великих князей, поведение высшего генералитета российской армии в критические для монархии дни в феврале – марте 1917 г.

Ключевые слова: Первая мировая война; Ставка Верховного главнокомандующего; Николай II; Могилёв; либеральная оппозиция; революция.

МІКАЛАЙ II У МАГІЛЁўСКАЙ СТАЎЦЫ (ЖНІВЕНЬ 1915 – САКАВІК 1917 г.): ШТОДЗЁННАСЦЬ І ПАЛІТЫКА

Д. С. ЛАЎРЫНОВІЧ^{1*}

^{1*}Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова,
вул. Касманаўтаў, 1, 212022, г. Магілёў, Беларусь

Раскрываюцца асаблівасці знаходжання Мікалая II у Магілёве ў гады Першай сусветнай вайны. Крыніцы дазволілі скласці ўяўленне пра месцазнаходжанне, кадравы склад і лад жыцця вышэйшых чыноў Стаўкі Вярхоўнага галоўнакамандуючага, а таксама паказаць Мікалая II у ролі Вярхоўнага галоўнакамандуючага, раскрыць яго ўзаемаадносіны з армейскай элітай і асаблівасці правядзення часу ў Магілёве. Асаблівая ўвага звяртаецца на спробы прадстаўнікоў ліберальнай апазіцыі ўздзейнічаць на імператара і яго ваеннае асяроддзе. Разглядаюцца дзейнасць вялікіх князёў, паводзіны вышэйшага генералітэту расійскай арміі ў крытычныя для манархіі дні ў лютым – сакавіку 1917 г.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна; Стаўка Вярхоўнага галоўнакамандуючага; Мікалай II; Магілёў; ліберальная апазіцыя; рэвалюцыя.

Образец цитирования:

Лавринович ДС. Николай II в Могилёвской ставке (август 1915 – март 1917 г.): повседневность и политика. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018;4:90–97.

For citation:

Lavrinovich DS. Nicholas II at the Mogilev headquarters (August 1915 – March 1917): life and politics. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;4:90–97. Russian.

Автор:

Дмитрий Сергеевич Лавринович – доктор исторических наук, профессор; первый проректор.

Author:

Dmitry S. Lavrinovich, doctor of science (history), full professor; first vice-rector.
lavrin-dmitrij@yandex.ru

NICHOLAS II AT THE MOGILEV HEADQUARTERS (AUGUST 1915 – MARCH 1917): LIFE AND POLITICS

D. S. LAVRINOVICH^a

^a*Mogilev State A. A. Kuleshov University, 1 Kasmanaŭtaŭ Street, Mogilev 212022, Belarus*

The article reveals the peculiarities of Nicholas II stay in Mogilev during the First World War. The sources made it possible to get an idea about the location, staffing, lifestyles in the higher ranks of the Headquarters, to show Nicholas II in the role of the Supreme Commander, his relations with the army elites, especially in Mogilev. Special attention is paid to the attempts of representatives of the liberal opposition to influence the Emperor and his military surrounding, the activities of the Grand Dukes, the Supreme Generals of the Russian army in the days critical for the monarchy in February – March 1917.

Key words: World War I; General Headquarters; Nicholas II; Mogilev; liberal opposition; revolution.

Введение

В годы Первой мировой войны Ставка Верховного главнокомандующего (далее – Ставка) являлась высшим органом управления действующей армией. После вступления Николая II в августе 1915 г. в должность Верховного главнокомандующего, Могилёв, где разместились Ставка, стал фактически вторым домом для императора.

В начале XX в. Могилёв был центром одноименной губернии. По данным переписи населения 1897 г., в городе проживало более 43 тыс. человек, из них около 21 тыс. евреев, около 19 тыс. православных и около 2 тыс. католиков. В 1913 г. работали 170 промышленных предприятий, на которых трудились 712 рабочих. В торговле и про-

мышленности преобладал еврейский капитал. В городе существовала линия конки, а с 1902 г. проходила железная дорога Санкт-Петербург – Одесса. В Могилёве работали учительский институт, пять гимназий, прогимназия, духовная семинария, епархиальное и реальное училища, другие учебные заведения [1, с. 9]. Политическая жизнь в Могилёве была развита слабо. К началу Первой мировой войны в городе действовал отдел Всероссийского национального союза. Местные октябристы и конституционные демократы в основном были связаны с образовавшимися в 1914 г. комитетами Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов.

Основная часть

С переездом Ставки в Могилёв жизнь города резко изменилась. Описывая первые впечатления после прибытия Верховного главнокомандующего, жительница Могилёва М. Белевская отмечала: «В городе стало торжественно и тихо. Чувствовалось деловое напряжение в Ставке и это передавалось обывателям» [2, с. 13]. Местом размещения Верховного главнокомандующего был выбран дом могилёвского губернатора. Первоначально в губернаторском доме остановились великий князь Николай Николаевич и начальник штаба Н. Н. Янушкевич, а с 27 августа 1915 г. там разместился Николай II, который до этого четыре дня жил в поезде недалеко от станции [3]. В бывшей резиденции губернатора, помимо Николая II, жили министр императорского двора В. Б. Фредерикс, гофмаршал В. А. Долгоруков, дворцовый комендант В. Н. Воейков, дежурный флигель-адъютант Н. П. Саблин [4, с. 30]. Остальные члены царской свиты были размещены в гостиницах.

В здании губернского правления, которое находилось рядом с домом губернатора, расположилось управление генерал-квартирмейстера. В августе 1915 – феврале 1917 г. должность генерал-квартирмейстера последовательно занимали Ю. Н. Дани-

лов, М. С. Пустовойтенко, А. С. Лукомский. В доме работал и жил начальник штаба Ставки М. В. Алексеев. С весны 1916 г. там же разместился генерал для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего В. Е. Борисов – друг и советник М. В. Алексеева [5, с. 109].

На центральной площади Могилёва, также недалеко от дома губернатора, в здании окружного суда расположились управление дежурного генерала (начальник – П. К. Кондзеровский), начальник военных сообщений (С. А. Ронжин), морской штаб (начальник – А. И. Русин), директор дипломатической канцелярии (Н. А. Кудашев, затем Н. А. Базили) [4, с. 30].

Другие структурные подразделения Ставки были помещены в иных административных зданиях, а также в гостиницах города. В 1917 г. штаб Верховного главнокомандующего состоял из 12 управлений, насчитывавших более 200 офицеров и чиновников [5, с. 107]. В Могилёве находились представители союзных государств, проживавшие в гостинице «Бристоль» [4, с. 33].

Николай II часто бывал в Могилёве. Первый раз он приехал в город 23 августа 1915 г. и пробыл там месяц, уехав только 22 сентября. Второй раз

Верховный главнокомандующий приехал с сыном Алексеем 3 октября 1915 г. и находился в Ставке 9 дней. В общем счете в 1915 г. царь прожил в Могилёве 71 день. В 1916 г. город на Днепре стал, по сути, основным местом пребывания императора: Николай II пробыл в городе 269 дней (что составляет 73 % года). Самый долгий период отсутствия императора в Ставке приходится на период после убийства Г. Е. Распутина: с 18 декабря 1916 г. Николай II не появлялся в Могилёве более двух месяцев [3]. В общей сложности с августа 1915 г. по март 1917 г. царь находился в Ставке 350 дней, т. е. большую часть своего времени.

Как правило, император придерживался строгого распорядка дня. Около 10 часов утра Николай II отправлялся в управление генерал-квартирмейстера, где заслушивал доклад М. В. Алексева о текущей обстановке. Затем царь возвращался к себе и принимал министров и других чиновников, приезжавших из Санкт-Петербурга. Обычно после полудня начинался завтрак, на который по очереди приглашались все чины Ставки и лица, приезжавшие с докладами, а также иностранные представители. После этого Николай II чаще всего отправлялся на прогулку по окрестностям Могилёва. М. Белевская вспоминала: «Часто, гуляя в окрестностях города, Государь встречался с крестьянами. Он расспрашивал их об их жизни и интересовался всякими мелочами. Но никогда никто из крестьян во время таких случайных встреч с Государем не обращался к нему с какой-нибудь просьбой» [2, с. 21]. Обеденный стол для царя накрывали в 6 часов вечера. По свидетельству начальника военно-морского управления А. Д. Бубнова, «к обеду за царский стол изредка приглашались отдельные чины Ставки по указанию самого государя; эти приглашения считались знаком особого внимания; за стол в обед садилось всего человек 10–12» [5, с. 117]. Вечером император разбирал бумаги, иногда работая допоздна. Перед сном он играл с другими жильцами губернаторского дома в кости или домино.

Постоянными участниками круга общения императора в Могилёве, по воспоминаниям А. Д. Бубнова, были В. Н. Воейков, флаг-капитан и адмирал К. Д. Нилов, а также Н. П. Саблин. А. Д. Бубнов свидетельствовал: «Эти три лица постоянно и повсюду сопровождали Государя, принимали участие в его личной жизни и по вечерам составляли ему партию в домино, в которое он любил играть» [5, с. 112]. На особом положении в Ставке с марта 1916 г. находился генерал Н. И. Иванов, бывший командующий Юго-Западным фронтом, назначенный состоять при Николае II. А. Д. Бубнов так описывал его занятость: «Жил он в своем вагоне на станции в полном бездельи, и главная его обязанность состояла в том, чтобы есть за царским столом» [5, с. 114].

Пребывание царя в Могилёве существенно повлияло на городскую жизнь. М. Белевская описы-

вала свои впечатления того времени следующим образом: «При Николае Николаевиче Ставка была военным лагерем, деловым и строгим, с первых же дней приезда Государя она потеряла этот облик. Сразу все изменилось. Приехала оперетка, которой не было при Николае Николаевиче, театр был до отказа набит дамами и ставочными офицерами... открылся новоявленный ресторан в особняке высланного немца пивовара Яника. Приехали великие князья, которых раньше не было, а если и были, то незаметно работали в штабе. Теперь на улицах Могилёва то и дело можно было видеть Царицу, наследника, князей: Дмитрия Павловича, Бориса Владимировича и других лиц Царского Дома и свиты. Место Ставки, Могилёв, приобрел вид резиденции царской семьи, и война отходила на второй план, забывалась» [2, с. 15].

В Могилёве Николай II занимался не только военными вопросами, но и принимал важные политические решения, встречался с зарубежными делегациями. Так, 28 июня 1916 г. в Ставке состоялось заседание Совета министров, 1 сентября того же года город на Днепре посетил эмир Бухарского эмирата, 11 сентября – японский принц Котохито Канъин.

Ставка притягивала и либеральную оппозицию, которая рассчитывала через воздействие на императора со стороны генералитета добиться политических уступок. Из дневника журналиста М. Лемке, прикомандированного к Ставке, видно, что для переговоров с М. В. Алексеевым приезжали главноуполномоченный Всероссийского союза городов кадет М. В. Челноков и заместитель председателя Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) прогрессист А. И. Коновалов [4, с. 447–448, 545, 664]. В лице начальника штаба Верховного главнокомандующего они встретили своего единомышленника. А. Д. Бубнов характеризовал политические взгляды М. В. Алексева следующим образом: «По своей политической идеологии он, несомненно, принадлежал к либерально настроенной, честной и любящей свою родину части русского общества, а по своему происхождению стоял ближе к интеллигентному пролетариату, нежели к правящей дворянской бюрократии» [5, с. 109]. М. В. Алексеев несколько раз поднимал перед Николаем II вопрос о необходимости изменить правительственный курс, но не смог добиться желаемого результата [5, с. 119]. По воспоминаниям современников, в таком же духе пытался воздействовать на императора и протопресвитер армии и флота Г. И. Шавельский [6, с. 5–6].

Пытался сблизиться с начальником Ставки и председатель ЦВПК (Центральный военно-промышленный комитет), бывший лидер октябристов и председатель III Государственной думы А. И. Гучков. В августе 1916 г. он отправил несколько писем в Могилёв с критикой правительства, которое, по

его мнению, мешало общественным организациям наращивать помощь фронту. Особенно он нападал на председателя Совета министров Б. В. Штюрмера, у которого, по словам А. И. Гучкова, в обществе была репутация «если не готового уже предателя, то готового предать»¹. Глава ЦВПК считал царское правительство не способным предотвратить новую революцию: «Надвигается потоп, а дрянная, сякотная власть готовится встретить этот катаклизм теми мерами, которыми ограждают себя от хорошего проливного дождя, – надевает галоши и раскрывает зонтик»². Пассивность общественных структур А. И. Гучков оправдывал тем, что резкие выступления могут стать искрой, вызывающей пожар революции. Бывший лидер октябристов не предлагал М. В. Алексееву конкретный план действий, однако предупреждал о том, что политика Б. В. Штюрмера может свести к нулю все усилия России в войне. Таким образом он подталкивал высшее командование армии к тому, чтобы оно первым предприняло решительные действия против правительства, указывая на последующую поддержку со стороны ЦВПК и других общественных организаций.

После резкой критики действий правительства в IV Государственной думе в начале ноября 1916 г. положение Б. В. Штюрмера пошатнулось. В морском генеральном штабе было предложено назначить на пост председателя Совета министров морского министра И. К. Григоровича, эта идея оказалась приемлемой и для части оппозиции [5, с. 127]. Один из лидеров думской фракции земцев-октябристов Н. В. Савич вспоминал, что было трудно найти кандидата, устраивавшего и Думу, и Николая II, поэтому «остановились на Григоровиче, надеясь, что он договорится с думцами, и в то же время он пользовался доверием Царя» [7, с. 181]. И. К. Григорович был приглашен царем в Ставку. В Могилёве 9 ноября 1916 г. император принял решение об отставке Б. В. Штюрмера. Однако И. К. Григорович желаемого не получил: новым председателем Совета министров царь назначил министра путей сообщений А. Ф. Трепова [3].

Склонить императора к смене политического курса пытались и великие князья, которые опасались при революционном перевороте потерять свое положение. Генерал-инспектор военно-воздушного флота Российской империи великий князь Александр Михайлович летом 1916 г. продвигал идею установления диктатуры в тыловых районах.

По его мнению, «если государь сам не мог восстановить порядка в тылу – он должен был поручить это какому-нибудь надежному человеку с диктаторскими полномочиями» [8, с. 217]. Александр Михайлович пять раз ездил в Ставку и поднимал перед Николаем II данный вопрос, но император все менее прислушивался к советам великих князей. Генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович в беседе с братом охарактеризовал поведение царя следующим образом: «Если Государь будет поступать и впредь так, как он делал до сих пор, то мы не сможем долго противостоять революции» [8, с. 218]. К осени того же года круг недовольных великих князей пришел к выводу: «Положение могло бы быть спасено выступлением всей императорской семьи, *in corpore* заявившей государю об опасности, о необходимости уступить общественному мнению»³. Руководящая роль в давлении на Николая II отводилась великому князю Николаю Михайловичу, известному историку и одному из старейших представителей императорской фамилии.

Великие князья изучали мнения и контактировали с лидерами оппозиции в Государственной думе. Депутат от Могилёвской губернии Б. А. Энгельгардт вспоминал, что в конце 1916 г. его пригласили для беседы великие князья Николай Михайлович и Кирилл Владимирович, командовавший Гвардейским флотским экипажем. Николай Михайлович интересовался настроениями и разговорами в думской среде, при этом «в своих отзывах о царской семье он был довольно несдержан»⁴. Откровенный разговор состоялся у Николая Михайловича также и с депутатами В. В. Шульгиным и Н. Н. Львовым [9, с. 151]. Великий князь 1 ноября 1916 г. отвез в Ставку письмо для Николая II, в нем Николай Михайлович предупреждал о том, что Верховный главнокомандующий находится накануне эры новых волнений и покушений, и для того, чтобы спасти себя, Николай II должен уступить оппозиции и даровать «министерство доверия» [10, с. 146–147]. К письму прилагалась обширная записка на 16 страницах, в которой классифицировались все «преступления» Б. В. Штюрмера [8, с. 154]. Кроме Николая Михайловича, в Могилёве побывали также и великие князья Николай Николаевич и Кирилл Владимирович, а Георгий Михайлович и Михаил Михайлович прислали письма сходного содержания [8, с. 154; 14, с. 629–630]. В письме

¹Гучков А. И. лидер «Союза 17 октября». Письмо ген. Алексееву М. В. Рукописная копия (15.08.1916) // Рос. нац. б-ка. (РНБ). Отдел «Дом Плеханова». Ф. 482. Оп. 1. Д. 64. Л. 3.

²Там же. Л. 3 об.

³Дневник полковника барона Николая Александровича Врангеля с 21 сентября 1915 г. по 8 ноября 1916 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 920. Оп. 1. Д. 55. Л. 17 об.

⁴Энгельгардт Борис Александрович. «Воспоминания камер-пажа выпуска 1896 г.» (гл. XVIII «Последняя награда»); (гл. XIX «Великие князья»); (гл. XX «Революция»); (гл. XXI «В Таврическом дворце в феврале 1917 года»); (гл. XXII «Крушение»). Рига // РНБ. Отдел рукописей. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 23. Л. 27.

от 11 ноября 1916 г. Георгий Михайлович писал, что установление ответственного перед Государственной думой министерства считается единственной мерой, способной предотвратить общую катастрофу, при этом он сослался на мнение командования Юго-Западного фронта, во главе которого стоял генерал А. А. Брусилов [10, с. 123].

К давлению на Николая II оппозиции удалось привлечь и младшего брата главнокомандующего – великого князя Михаила Александровича. Секретарь князя Н. А. Врангель устроил Михаилу Александровичу свидание с товарищем министра внутренних дел В. М. Волконским, сочувствовавшим оппозиции. После беседы великий князь согласился подписать письмо императору, которое составлял Н. А. Врангель. В редактировании послания царю принимал участие и кадет В. А. Маклаков⁵. В проекте письма содержался совет Николаю II удалить «ненавистных всем людей и опереться на большинство народного представительства»⁶. В. М. Волконский настоял на смягчении первоначального текста, т. к. слишком резкий тон документа мог испугать царя⁷. Михаил Александрович, по свидетельству Н. А. Врангеля, наоборот, «желал писать Государю более решительно и называл фамилии»⁸. Секретарю удалось отговорить великого князя. Измененный текст письма был отправлен Николаю II в Ставку⁹.

В начале 1917 г. довести свою программу до Николая II попытались главноуполномоченный Всероссийского земского союза Г. Е. Львов и председатель Государственной думы М. В. Родзянко. Для этого Г. Е. Львов использовал услуги «личного корреспондента» царя чиновника А. А. Клопова. Через него либералы направили несколько писем Николаю II, в которых содержалась мысль о том, что Г. Е. Львов является лицом, обладающим общественным доверием и, следовательно, достойным кандидатом в председатели обновленного правительства¹⁰. Наконец, с целью убедить царя в необходимости пойти на уступки А. А. Клопов добился личной аудиенции¹¹. Однако император не принял во внимание доводов чиновника и отказался сформировать кабинет во главе с Г. Е. Львовым.

Неуступчивость императора заставила либералов смягчить свои требования. В качестве альтернативы на пост руководителя земского союза они выдвинули кандидатуру М. В. Алексеева. Не без участия представителей оппозиции А. А. Клопов подготовил проект рескрипта от имени Николая II начальнику штаба Ставки с предложением образовывать правительство, состоящее как из чиновников, так и из общественных деятелей, «объединенных единым пониманием стоящих перед Родиной задач и способных опираться на большинство Государственной думы»¹². Однако и из этой инициативы ничего не вышло, поскольку император не захотел менять политический курс.

Николай II 23 февраля 1917 г. последний раз прибыл в Могилёв в качестве Верховного главнокомандующего. На следующий день в Ставку стали поступать вести из Петрограда о рабочих волнениях [5, с. 261]. На фоне растущих беспорядков на царя еще раз попробовал воздействовать М. В. Родзянко, который 26 февраля 1917 г. отправил телеграмму в Ставку, где просил императора немедленно даровать «правительство доверия». Одновременно с этим М. В. Родзянко послал телеграммы и М. В. Алексееву, командующему Северным фронтом генералу Н. В. Рузскому, командующему Западным фронтом генералу А. Е. Эверту и командующему Юго-Западным фронтом генералу А. А. Брусилову. М. В. Родзянко просил генералов поддержать его просьбу перед монархом. Председателю Государственной думы ответили только Н. В. Рузский и А. А. Брусилов, которые исполнили желание адресанта [12, с. 111]. От Николая II ответ не пришел. По воспоминаниям М. Белевской в Могилёве петроградские события всерьез не воспринимали. Даже 27 февраля 1917 г., когда в столице вспыхнуло восстание, на вопрос о беспорядках начальник контрразведки ответил: «Повесим два, три десятка и все будет спокойно» [2, с. 29].

Вечером того же дня великий князь Михаил Александрович, брат царя, находившийся в Петрограде, по прямому проводу связался со Ставкой и попросил Николая II даровать «правительство доверия». Позже в Могилёв пришла телеграмма от

⁵ Записные книжки с дневниковыми записями с 3 января 1915 г. по 31 декабря 1916 г. полковника барона Николая Александровича Врангеля // РГИА. Ф. 920. Оп. 1. Д. 54. Л. 443–444 об.

⁶ Там же. Л. 444 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Письма Анатолия Алексеевича Клопова императору Николаю II (19 января – 13 февраля 1917 г.) // РГИА. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 15; Биографическая справка о князе Георгии Евгеньевиче Львове, председателе Комитета министров после Февральской революции, с характеристикой его деятельности, составленная Анатолием Алексеевичем Клоповым для императора Николая II (начало 1917 г.) // РГИА. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 17.

¹¹ Конспект разговора Анатолия Алексеевича Клопова с императором Николаем II о современном положении России, происшедшего между ними от «5 $\frac{3}{4}$ до 7 $\frac{1}{4}$ ч.» 29 января 1917 г. // РГИА. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 20.

¹² Проект рескрипта императора Николая II, составленный Анатолием Алексеевичем Клоповым [начальнику штаба Верховного главнокомандующего] Михаилу Васильевичу [Алексееву] с предложением образовывать кабинет с привлечением государственных и общественных деятелей, пользующихся доверием страны (конец 1916 – начало 1917 гг.) // РГИА. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 16. Л. 1 об.

выборных членов Государственного совета с аналогичной просьбой, а также телеграмма от председателя Совета министров Н. Д. Голицына, преемника А. Ф. Трепова, с прошением об отставке. Царь отказался идти на уступки. Вместо этого он сначала предоставил председателю Совета министров временные диктаторские права, а затем послал на Петроград карательную экспедицию под командованием генерала Н. И. Иванова. Сам Николай II рано утром 28 февраля 1917 г. выехал в Царское Село, но проехать туда не смог.

Однако характерно, что требования оппозиции уже в тот момент находили понимание и пользовались симпатией высшего генералитета в Ставке. Так, генерал-квартирмейстер А. С. Лукомский говорил М. В. Алексею, что лучше принять предложение Михаила Александровича и стоявшей за ним Государственной думы [13, с. 18]. Сам начальник штаба Верховного главнокомандующего в разговоре с великим князем просил, чтобы Михаил Александрович более твердо отстаивал свою позицию при личном докладе Николаю II [14, с. 231].

Прямая связь между Петроградом и Ставкой была прервана 1 марта 1917 г. в 11 часов утра по распоряжению Б. А. Энгельгардта, ставшего комиссаром Временного комитета Государственной думы [5, с. 270]. В тот же день царь прибыл в Псков, где располагался штаб Северного фронта. К этому времени М. В. Алексеев и генералитет Ставки склонился к мысли о том, что необходимо пойти на уступки революционным властям в Петрограде. Вечером штаб-офицер для поручений в управлении генерал-квартирмейстера В. М. Пронин по поручению А. С. Лукомского направился в редакцию газеты «Могилёвские ведомости», чтобы добыть образец царского манифеста. Используя полученный образец, М. В. Алексеев, А. С. Лукомский, Н. А. Базили и великий князь Сергей Михайлович составили манифест о даровании ответственного перед законодательными палатами правительства и отправили данный текст для подписания Николаю II в Псков. Ответа от царя не последовало [5, с. 271].

Большинство членов генералитета мысленно уже смирились с произошедшим в Петрограде переворотом. Ночью 2 марта 1917 г. состоялся продолжительный разговор по прямому проводу между М. В. Родзянко и командующим Северным фронтом генералом Н. В. Рузским. Председатель Государственной думы выступил за немедленное отречение Николая II от власти в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича [14, с. 252]. Эта беседа была передана в Ставку. Генерал М. В. Алексеев, в свою очередь, отправил командующим фронтами телеграммы, он обрисовал ситуацию в Петрограде и предложил высказать мнение по поводу необходимости отречения от престола Николая II. В частности, М. В. Алексеев пе-

редавал: «Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжить до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первом плане, *хотя бы ценой дорогих уступок* (выделено нами. – Д. Л.)» [14, с. 258]. Сам М. В. Алексеев выступил за отречение, его поддержали все остальные командующие фронтами. В 14 часов 30 минут 2 марта 1917 г. начальник штаба Ставки передал полученные им ответы в Псков. Выслушав телеграмму, Николай II решил отречься от престола в пользу сына [15, с. 232]. По поручению М. В. Алексея текст соответствующего манифеста был составлен в Ставке А. С. Лукомским и Н. А. Базили и отослан в Псков [13, с. 10, 11].

В Псков 2 марта 1917 г. выехали А. И. Гучков и В. В. Шульгин. Им было поручено добиться отречения императора от власти. Представители Временного комитета Государственной думы и Временного правительства хотели манифестом царя закрепить свою власть. В. В. Шульгин вспоминал: «Я знал, что в случае отречения... революции как бы не будет. Государь отречется от престола по собственному желанию, власть перейдет к регенту, который назначит новое правительство. <...> Юридически революции не будет» [9, с. 234]. Однако во второй половине дня Николай II решил отказаться от своего первоначального намерения передать престол сыну. Приехавших поздно вечером делегатов царь уведомил об отречении в пользу брата, великого князя Михаила Александровича. А. И. Гучков и В. В. Шульгин приняли предложение Николая II. Тогда же в Пскове император подписал указ о назначении председателем Совета министров Г. Е. Львова. Информация об отречении царя от власти в пользу Михаила Александровича была получена в Могилёве ночью 3 марта 1917 г. [5, с. 280].

Добровольное отречение царя имело огромное значение. Прежде всего оно освобождало от присяги армию и обеспечивало ее переход на сторону революционной власти. Отречение парализовало сопротивление сторонников старого режима. Как писал Э. Н. Бурджалов, «монархисты не могли выступить в защиту царского престола, если этот престол оказался пустым», им пришлось хотя бы временно примириться с падением царизма [16, с. 353].

Из Пскова Николай II вернулся в Ставку утром 3 марта 1917 г. На следующий день на здании городской думы появились два красных флага, которые отрекшийся император мог видеть из окон резиденции [5, с. 290]. К этому времени он узнал о том, что Михаил Александрович отказался от престола. В управлении дежурного генерала 8 марта 1917 г. Николай II простился со служащими Ставки и навсегда покинул Могилёв.

Заклучение

Находясь в Могилёве большую часть времени с конца августа 1915 г. по начало марта 1917 г., Николай II занимался не только военными вопросами, но и принимал важные политические решения, в том числе кадровые, касавшиеся назначения на должности и отставки с них разных чинов, включая и должность председателя Совета министров. Сложившееся положение в целях установления связей с высшим командованием армии и оказания давления на императора активно исполь-

зовали представители либеральной оппозиции: руководители общественных организаций (ЦВПК, Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов), депутаты IV Государственной думы. Пытались воздействовать на Николая II и великие князья. В решающие дни февраля – марта 1917 г. руководство Ставки, по сути, склонилось на сторону либералов и во многом способствовало принятию царем решения об отречении от престола.

Библиографические ссылки

1. Пашкоў ГП, рэдактар. *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Том 5*. Мінск: Акадэмія навук Беларусі; 1999. 592 с.
2. Белевская М. *Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилёве. 1915–1918 г. Личные воспоминания*. Вильно: М. Ф. Соколов; 1932. 48 с.
3. Шаццільло КФ, рэдактар. *Дневники императора Николая II*. Москва: Орбита; 1992. 736 с.
4. Лемке М. *250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916)*. Петроград: Государственное издательство; 1920. 859 с.
5. Бубнов АД, Пронин ВМ. *В Ставке Верховного Главнокомандующего*. Москва: Вече; 2014. 320 с.
6. Перетц ГГ. *В цитадели русской революции. Записки Коменданта Таврического Дворца. 27 февраля – 23 марта 1917 г.* 2-е издание. Петроград: Просвещение; 1917. 112 с.
7. Савич НВ. *Воспоминания*. Санкт-Петербург, Дюссельдорф: Logos; 1993. 492 с. (Историческая серия XIX – XX в.). Совместное издание с «Голубой всадник».
8. Великий князь Александр Михайлович. *Книга воспоминаний*. Москва: Современник; 1991. 271 с.
9. Шульгин ВВ. *Годы. Дни. 1920*. Москва: Новости; 1990. 830 с.
10. Семенников ВП, редактор. *Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю*. Ленинград, Москва: Государственное издательство; 1925. 150 с.
11. Ананьич БВ, редактор. *Власть и реформы. От самодержавной к советской России*. Санкт-Петербург: Институт российской истории РАН; 1996. 801 с. Совместное издание с «Дмитрий Буланин».
12. Шашкова ОА, составитель. *Февральская революция 1917 года*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 1996. 353 с.
13. Лукомский АС. Из воспоминаний. В: Прохоров АМ, редактор. *Архив русской революции. Том 2*. Москва: Терра; 1991. с. 14–44.
14. Щеголев ПЕ, редактор. *Отречение Николая II: воспоминания очевидцев, документы*. Москва: Красная газета; 1998. 336 с.
15. Данилов ЮН. Мои воспоминания об Императоре Николае II-ом и Великом Князе Михаиле Александровиче. В: Прохоров АМ, редактор. *Архив русской революции. Том 19*. Москва: Терра; 1993. с. 212–242.
16. Бурджалов ЭН. *Вторая русская революция. Восстание в Петрограде*. Москва: Наука; 1967. 407 с.

References

1. Pashkoy GP, editor. *Entsyklopedyya gistoryi Belarusi. Tom 5*. [Encyclopedia on the History of Belarus. Volume 5]. Minsk: Belarusian Academy of Sciences; 1999. 592 p. Belarusian.
2. Belevskaya M. *Stavka Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego v Mogileve. 1915–1918 g. Lichnye vospominaniya* [The General headquarters in Mogilev. 1915–1918. Personal memories]. Vilno: M. F. Sokolov; 1932. 48 p. Russian.
3. Shatsillo KF, editor. *Dnevniky imperatora Nikolaya II* [Diaries of Emperor Nicholas II]. Moscow: Orbita; 1992. 736 p. Russian.
4. Lemke M. *250 dnei v tsarskoi Stavke (25 sentyabrya 1915 – 2 iyulya 1916)* [250 days in the Tsarist Headquarters (September 25, 1915 – July 2, 1916)]. Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo; 1920. 859 p. Russian.
5. Bubnov AD, Pronin VM. *V Stavke Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego* [In the General Headquarters]. Moscow: Vechе; 2014. 320 p. Russian.
6. Peretz GG. *V tsitadeli russkoi revolyutsii. Zapiski Komendanta Tavricheskogo Dvortsya. 27 fevralya – 23 marta 1917 g.* [In the citadel of the Russian revolution. Notes of the Commandant of the Tavricheskiy Palace. February 27 – March 23, 1917]. 2nd edition. Petrograd: Prosveschenie; 1917. 112 p. Russian.
7. Savich NV. *Vospominaniya* [Memories]. Saint Petersburg, Düsseldorf: Logos; 1993. 492 p. (Historical series XIX–XX centuries). Co-published by the «Goluboi vsadnik». Russian.
8. Grand Duke Alexander Mikhailovich. *Kniga vospominanii* [The book of memories]. Moscow: Sovremennik; 1991. 271 p.
9. Shulgin VV. *Gody. Dni. 1920* [Years. Days. 1920]. Moscow: News; 1990. 830 p. Russian.
10. Semennikov VP, editor. *Nikolai II i velikie knyaz'ya. Rodstvennye pis'ma k poslednemu tsaryu* [Nicholas II and Grand Dukes. Related letters to the last tsar]. Leningrad, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo; 1925. 150 p. Russian.
11. Ananyich BV, editor. *Vlast' ireformy. Ot samoderzhavnoi k sovetskoi Rossii* [Power and reforms. From Autocratic to Soviet Russia]. Saint Petersburg: Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences; 1996. 801 p. Co-published by the «Dmitri Bulanin». Russian.

12. Shashkova OA, compiler. *Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda* [The February revolution of 1917]. Moscow: Russian State Humanitarian Institute; 1996. 353 p. Russian.
13. Lukomsky AS. [From memories]. In: Prokhorov AM, editor. *Arkhiv russkoi revolyutsii. Tom 2* [Archive of the Russian revolution. Volume 2]. Moscow: Terra; 1991. p. 14–44. Russian.
14. Shchegolev PE, editor. *Otrechenie Nikolaya II: vospominaniya ochevidtsev, dokumenty* [The abdication of Nicholas II: memories of eyewitnesses, documents]. Moscow: Krasnaya gazeta; 1998. 336 p. Russian.
15. Danilov YuN. [My memories of the Emperor Nicholas II and Grand Prince Mikhail Aleksandrovich]. In: Prokhorov AM, editor. *Arkhiv russkoi revolyutsii. Tom 19* [Archive of the Russian revolution. Volume 19]. Moscow: Terra; 1993. p. 212–242. Russian.
16. Burdzhakov EN. *Vtoraya russkaya revolyutsiya. Vosstanie v Petrograde* [The second Russian revolution. The uprising in Petrograd]. Moscow: Nauka; 1967. 407 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.06.2018.
Received by editorial board 08.06.2018.

УДК 94:327.7(100=411.16)«1939/1945»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СПАСЕНИИ ЕВРЕЕВ ЕВРОПЫ В ГОДЫ ХОЛОКОСТА: ЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ

И. Г. РАДЧЕНКО^{1), 2), 3)}

¹⁾Днепропетровский национальный университет имени О. Гончара, пр. Гагарина, 72, 49010, г. Днепр, Украина

²⁾Украинский институт изучения холокоста «Ткума», ул. Шолом-Алейхема, 4, 49000, г. Днепр, Украина

³⁾Музей «Память еврейского народа и холокоста в Украине», ул. Шолом-Алейхема, 4/26, 49000, г. Днепр, Украина

Рассматривается деятельность международных организаций по спасению еврейского населения Европы в годы холокоста. Благодаря персоналогическому подходу анализируются гуманитарные миссии международного сообщества, направленные на спасение европейского еврейства. Для исследования деятельности представителей международных институций привлечены материалы новейшей литературы и ведущих американских архивов. Раскрыты малоизвестные факты деятельности представителей организаций по спасению еврейского населения в странах Европы. Обозначены и охарактеризованы хронологические этапы осуществления их гуманитарной деятельности. Выявлено, что помощь пострадавшему еврейскому населению Европы поступала в течение всего периода холокоста, но наиболее активно спасение евреев начало осуществляться в последний период войны (1944–1945 гг.), когда стало возможным подключение к этому процессу всех международных институций и дипломатических представительств.

Ключевые слова: холокост; личность; международная организация; спасение; гуманитарная миссия; евреи Европы.

Благодарность. Автор выражает благодарность доктору исторических наук директору Украинского института изучения холокоста «Ткума» И. Щупаку и координатору программ в Центре Джека, Джозефа и Мортон Манделя при Американском мемориальном музее Холокоста (г. Вашингтон) Э. Якиль за возможность провести необходимые исследования для написания настоящей статьи. Автор также выражает особую благодарность своему научному руководителю кандидату исторических наук О. Н. Каковкиной за ценные советы при планировании исследования и рекомендации по оформлению статьи.

ДЗЕЙНАСЦЬ МІЖНАРОДНИХ ОРГАНІЗАЦІЙ У ВИРАТАВАННІ ЯЇРЭЯЇ ЕЎРОПЫ Ў ГАДЫ ХАЛАКОСТУ: АСОБАСНЫ АСПЕКТ

І. Г. РАДЧАНКА^{1*, 2*, 3*}

^{1*} Дняпроўскі нацыянальны ўніверсітэт імя А. Ганчара, пр. Гагарына, 72, 49010, г. Днепр, Украіна

^{2*} Украінскі інстытут вывучэння халакосту «Ткума», вул. Шалом-Алейхема, 4, 49000, г. Днепр, Украіна

^{3*} Музей «Памяць яўрэйскага народа і халакосту ва Украіне», вул. Шалом-Алейхема, 4/26, 49000, г. Днепр, Украіна

Разглядаецца дзейнасць міжнародных арганізацый па выратаванні яўрэйскага насельніцтва Еўропы ў гады халакосту. Дзякуючы персаналагічнаму падыходу аналізуюцца гуманітарныя місіі міжнароднай супольнасці, накіраваныя на выратаванне еўрапейскага яўрэйства. Для даследавання дзейнасці прадстаўнікоў міжнародных арганізацый пры-

Образец цитирования:

Радченко ИГ. Деятельность международных организаций в спасении евреев Европы в годы холокоста: личностный аспект. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018;4:98–108.

For citation:

Radchenko IG. International organizations' activities in rescue of European Jews during the Holocaust: personal dimension. Journal of the Belarusian State University. History. 2018;4:98–108. Russian.

Автор:

Ирина Геннадьевна Радченко – аспирантка кафедры всемирной истории исторического факультета¹⁾, научный сотрудник^{1), 2), 3)}. Научный руководитель – кандидат исторических наук О. Н. Каковкина.

Author:

Iryna G. Radchenko, postgraduate student at the department of World History, faculty of history^a, research^{a, b, c}. irisha_89@ukr.net

цягнуты матэрыялы навейшай літаратуры і вядучых амерыканскіх архіваў. Раскрыты малавядомыя факты дзейнасці прадстаўнікоў арганізацый па выратаванні яўрэйскага насельніцтва ў краінах Еўропы. Пазначаны і ахарактарызаваны храналагічныя этапы ажыццяўлення іх гуманітарнай дзейнасці. Выяўлена, што дапамога пацярпеламу яўрэйскаму насельніцтву Еўропы паступала на працягу ўсяго перыяду халакосту, але найбольш актыўна выратаванне яўрэяў пачало ажыццяўляцца ў апошні перыяд вайны (1944–1945 гг.), калі стала магчымым падключэнне да гэтага працэсу ўсіх міжнародных арганізацый і дыпламатычных прадстаўніцтваў.

Ключавыя словы: халакост; асоба; міжнародная арганізацыя; выратаванне; гуманітарная місія; яўрэі Еўропы.

Падзяка. Аўтар выказвае падзяку доктару гістарычных навук дырэктару Украінскага інстытута вывучэння халакосту «Ткума» І. Шчупаку і каардынатару праграм у Цэнтры Джэка, Джозэфа і Мортана Мандэля пры Амерыканскім мемарыяльным музеі халакосту (г. Вашынгтон) Э. Якіль за магчымасць правесці неабходныя даследаванні для напісання артыкула. Аўтар таксама выказвае асобую падзяку свайму навуковаму кіраўніку кандыдату гістарычных навук О. М. Какоўкінай за каштоўныя парады пры планаванні даследавання і рэкамендацыі па афармленні артыкула.

INTERNATIONAL ORGANIZATIONS' ACTIVITIES IN RESCUE OF EUROPEAN JEWS DURING THE HOLOCAUST: PERSONAL DIMENSION

I. G. RADCHENKO^a

^aOles Honchar Dnipro National University, 72 Gagarina Avenue, Dnipro 49010, Ukraine

^b«Tkuma» Ukrainian Institute for Holocaust Studies, 4 Sholom-Aleichem Street, Dnipro 49000, Ukraine

^c«Jewish Memory and the Holocaust in Ukraine» Museum, 4/26 Sholom-Aleichem Street, Dnipro 49000, Ukraine

The article is devoted to the international organizations' activities in rescue the Jewish population of Europe during the Holocaust through the prism of representatives of these organizations. Thanks to the personal approach, humanitarian missions of the international community aimed at saving European Jewry are reviewed and analyzed. Materials from the leading American archives, the latest literature for research of identities of the international institutions' representatives are involved. Little-known facts about the activities of organizations' certain representatives regarding the salvation of the Jewish population in European countries are revealed. Chronological stages, during which the humanitarian activity of international organizations' representatives was carried out, has been indicated and characterized. It was revealed that aid and rescue for the affected Jewish population of Europe came during the entire period of the Holocaust, but the most active rescue of Jews began in the last period of the war (1944–1945), when it became possible to engage all international institutions, diplomatic missions for the organization of the process of rescue.

Key words: Holocaust; personality; international organization; rescue; humanitarian mission; European Jewry.

Acknowledgments. Author is grateful to doctor of historical sciences I. Shchupak, Director of the «Tkuma» Ukrainian Institute for the Holocaust Studies and program Coordinator at the Center for Jack, Josef and Morton Mandel at the United States Holocaust Memorial Museum (Washington) E. Jakel for opportunity to conduct the necessary research to write this article. The author also expresses special gratitude to her scientific adviser PhD O. N. Kakovkina for valuable advice in the planning of research and recommendations on the formulation of the article.

Введение

Тема холокоста является одной из наиболее изученных в современной историографии. Однако значительное число отдельных аспектов темы мало исследованы или представлены в трудах поверхностно. Таким аспектом можно считать оказание помощи евреям Европы и их спасение различными международными организациями и отдельными их представителями. Оценив вклад одного человека, можно сделать определенные выводы о деятельности всей институции.

Отметим, что одной из причин малой изученности темы оказания помощи евреям Европы и их спасения в целом является, в том числе и некоторый негативный подход к ней. Холокост рассматривается и исследуется как явление массового

уничтожения, депортаций в лагеря смерти и концентрационные лагеря. Теме сопротивления и спасения еврейства уделяется внимание только в общем контексте. Принимая во внимание тот факт, что выжили тысячи евреев, можно утверждать, что их спасение было возможным, в том числе и благодаря деятельности представителей международных организаций.

Одной из первых серьезных работ по теме спасения евреев международными организациями стало исследование израильского историка И. Бауэра, посвященное деятельности Американского еврейского объединенного распределительного комитета (далее – JDC) в Европе в годы Второй мировой войны. Автор говорит о членах JDC, сыгравших нема-

ловажную роль в помощи и спасении европейских евреев [1]. Последователь И. Бауэра М. Пенковер исследует создание Американского совета по военным беженцам (далее – *WRB*) – одного из наиболее влиятельных и действенных учреждений по организации спасения европейских евреев на заключительном этапе военных действий. В создании и функционировании *WRB* «важную роль сыграли Г. Моргентхау, Д. Пелл и другие представители американского истеблишмента»¹ [2, р. 907]. Отметим вышедшую в 2018 г. работу американской исследовательницы Р. Ербельдинг, посвященную деятельности *WRB*, где на основе документов из различных архивов автор пытается показать всю деятельность *WRB*, включая и его лидеров [3].

Важным исследованием по теме стала работа французского исследователя Ж. Фавеза, посвященная деятельности Международного комитета Красного Креста (далее – *ICRC*). Автор акцентирует внимание на Второй мировой войне, которая стала «серьезным испытанием на прочность для сотрудников Комитета» [4, р. 15], и особо не выделяет отдельных членов *ICRC*. Израильский исследователь З. Сегев пишет о деятельности Всемирного еврейского конгресса (далее – *WJC*), акцентируя внимание на политических событиях, в которые был вовлечен конгресс. З. Сегев говорит о С. Вайсе, президенте *WJC*, и других представителях организации в европейских странах (например, Г. Ригнере в Швейцарии) [5]. Работа М. Палдиэля посвящена изучению оказания помощи еврейскому населению и его спасению в странах Европы как международными организациями и дипломатами, так и усилиями неевреев, при этом роль исполнителей и организаторов, по сути, нивелируется содержанием самих операций [6].

Следует также упомянуть ряд обобщающих работ, посвященных холокосту в странах Европы. Тема оказания помощи евреям и их спасения международными организациями фигурирует в работах лишь в контексте рассмотрения холокоста во Франции, Румынии, Венгрии [7–9]. Авторы упоминают отдельных личностей достаточно фрагментарно. В этом плане интерес вызывает работа Д. Кампьюн, посвященная выживанию словацких евреев в годы холокоста и принявшей непосредственное участие в этом деле Г. Флейшман [10].

Реакции на холокост американского еврейства и организации оказания помощи евреям, эмиграции их в Палестину посвящен ряд работ израильских и американских исследователей. Особенностью этих работ является акцент на политической подоплеке происходивших событий, в которых отмечены значимые фигуры эмиграции евреев в Палестину [11–15].

В украинской историографии тема помощи и спасения европейских евреев представлена ра-

ботами Ф. Винокуровой и О. Суровцева. Данные исследования имеют региональный характер, сосредоточиваясь на территориях, которые в годы Второй мировой войны находились под румынской оккупацией. Авторы не акцентируют внимание на персоналиях, принимавших участие в гуманитарных миссиях [16; 17].

Отсутствие работ по персоналиям частично может быть обусловлено закрытостью доступа к личным архивам.

В целом тема оказания помощи еврейскому населению и его спасения в годы холокоста является достаточно исследованной зарубежными авторами. В то же время недостаточное внимание отводится представителям организаций, принимавших непосредственное участие в гуманитарных миссиях в Европе. При этом в тех работах, где речь идет о спасении, активность международных организаций рассматривается преимущественно как работа организма по достижению единого задания. Сплоченность такой команды часто достигалась усилиями ее членов. Выделить одного или нескольких наиболее авторитетных, ярких, неординарных представителей, составить портрет деятельности этих людей является важной задачей для современных исследователей. Это позволит персонифицировать историю спасения евреев в годы холокоста. Многочисленные исследования, касающиеся праведников народов мира разных стран, подтверждают, что интерес к данной теме достаточно высок. В связи с этим можно утверждать особенную актуальность темы, поскольку на данный момент работы, посвященные отдельным представителям международных организаций, отсутствуют и в украинской, и в зарубежной историографии.

Целью настоящего исследования является выявление и характеристика наиболее выразительных представителей международных организаций в контексте деятельности последних по оказанию помощи европейским евреям и их спасению в годы холокоста. Выделяются личности, сыгравшие ключевую роль в спасении еврейского населения в той или иной стране. Были поставлены следующие задачи:

- 1) выделить и проанализировать хронологические этапы гуманитарной деятельности представителей международных организаций;
- 2) обозначить наиболее известные операции по спасению евреев с участием представителей организаций;
- 3) выявить наиболее активных сотрудников международных институций, принимавших непосредственное участие в спасении евреев, раскрыть их личностные черты;
- 4) дать оценку деятельности представителей организаций.

¹Здесь и далее перевод наш. – И. Р.

Методология исследования

В настоящей работе был применен персоналогический подход: путем анализа определенной исторической личности (лидера конкретной институции) анализировался процесс спасения еврейского населения. В связи с этим были использованы исследования по персоналогии (В. Петровский, Е. Старовойтенко) и биографике (Д. Леви, Л. Репина, А. Валевский), которые определили структуру и инструментарий исследования.

Для построения целостной картины использовались как общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция), так и специально-исторические (методы историографического и источниковедческого анализа, историко-сравнительный, историко-типологический методы).

Важную роль в формировании методологии сыграли работы по истории холокоста и проблеме спасения европейских евреев, которые позволили оценить место той или иной международной организации в деле спасения евреев и оказания им помощи, выявить особенности этого процесса.

В реализации задач огромную роль сыграли архивные источники. В исследовании были использованы материалы из архива Мемориального музея холокоста в Вашингтоне, Библиотеки Ф. Д. Рузвельта в Нью-Йорке, архива Джойнта в Нью-Йорке. Представленные материалы выделены в группы:

1) переписка лидеров международных организаций, дипломатических учреждений. Данная группа является самой объемной и включает в себя формальную и неформальную переписку². Важно выделить, например, переписку лидеров *JDC* (Д. Шварца, М. Тропера), которые зачастую высказывали противоположную официальной точку зрения на те или иные операции по спасению, выдвигали свои предложения. Формальная переписка позволяет оценить усилия, которые прикладывали отдельные личности в процессе организации помощи европейским евреям. Подобная корреспонденция

отправлялась минимум 2–3 представителям разных институций (например, от представителя *WJC* представителям *ICRC*, *JDC*, представителю еврейской общины В. Фильдерману)³. Переписка, которая велась на протяжении всей войны, показывает изменения, происходящие в позиции международных организаций. Лидерами позиция озвучивалась во время формального или неформального общения;

2) отчеты и доклады представителей *ICRC*, *JDC*, дипломатов о ситуации с еврейским населением Европы. Они содержат в том числе и статистические данные о характере оказываемой помощи и ее объемах⁴, представляют собой ценный пласт информации об усилиях, предпринятых отдельными представителями международных институций для освещения темы холокоста. Эти данные составлялись не только через посредников (социальных работников лагерей, волонтеров), но и непосредственно лидерами организаций С. Майером и Д. Лоури, которые посещали места заключения. Данная группа материалов крайне важна для оценки масштабов оказываемой мировыми институциями в годы войны помощи, а также для анализа прикладываемых усилий.

Для исследования также была привлечена «Черная книга» секретаря румынской еврейской общины в годы холокоста М. Карпа, вышедшая сразу после окончания войны [18]. В ней автор детально описывает особенности проводившихся для спасения еврейской общины Румынии переговоров В. Фильдермана с разными политическими деятелями. М. Карп приводит все разговоры, которые вел В. Фильдерман, глава общины, особо оценивая предпринятые им усилия. Ценным источником для изучения деятельности «Жеготы» и международных организаций в Польше стала работа очевидца холокоста польского историка Э. Рингельблюма, опубликованная польско-израильскими исследователями Д. Кермишем и Ш. Краковским [19].

Результаты и обсуждения

Для понимания роли, которую сыграла та или иная личность в процессе спасения евреев Европы, стоит выделить основные международные институции, которые эти персоналии представляли.

Одна из наиболее влиятельных еврейских филантропических организаций в мире – *JDC*. Комитет был создан в 1914 г. в целях оказания помощи

всем евреям мира. *JDC* стал крайне важной институцией во времена и Первой и особенно Второй мировых войн. Его офисы размещались почти в каждой европейской стране⁵.

Личным указом президента Соединенных Штатов Америки Ф. Д. Рузвельта в 1944 г. был основан *WRB* [2, p. 917]. Представительства *WRB* были соз-

²United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). RG-19.045M. Selected Records from the International Committee of the Red Cross Commission for Prisoners, Internees and Civilians, Jews (Israelites), 1939–1961. Reel 5, 7, 11 ; Franklin D. Roosevelt Presidential Library and Museum. Henry Morgenthau Jr. Paper. Box 169. Joint Distribution Committee, 1933–1944 ; Franklin D. Roosevelt Presidential Library and Museum. WRB Records France, General Reports ; Franklin D. Roosevelt Presidential Library and Museum. Folder 0402, Lowrie, Donald.

³USHMM. RG-19.045M. Selected Records from the International Committee of the Red Cross Commission for Prisoners, Internees and Civilians, Jews (Israelites), 1939–1961. Reel 7.

⁴JDC Archives. New York Archives 1933–44.

⁵USHMM. RG-19.045M. Selected Records from the International Committee of the Red Cross Commission for Prisoners, Internees and Civilians, Jews (Israelites), 1939–1961. Reel 11. Fram. 7021, 7024.

даны во всех нейтральных странах, в частности, в Швейцарии и Турции.

Американский комитет Друзей на службе обществу (AFSC) – религиозное (квакерское) учреждение, созданное в 1917 г. в США в целях оказания помощи гражданским жертвам Первой мировой войны. В годы холокоста AFSC (квакеры), взаимодействуя с разными организациями (в частности, с JDC), помог беженцам в разных странах Европы (особенно в Вишистской Франции)⁶.

Наиболее влиятельной еврейской организацией в мире являлся WJC, он имел своих представителей почти в каждой стране. Лидерами конгресса были С. Вайс и Н. Голдман – активные деятели сионистского движения. Конгресс был одним из координаторов процесса оказания помощи в разных европейских странах, а в первую очередь в Швейцарии [5, p. 22–23].

Общество помощи еврейским иммигрантам (HICEM, HIAS-HICEM) – американская неприбыльная организация, созданная для оказания гуманитарной помощи беженцам. Через представителей в Лиссабоне общество организовало большое количество переправ евреев, в частности, с территории Франции в Испанию и Швейцарию. HICEM имела тесные отношения с Обществом помощи евреям и с JDC, последний частично финансировал деятельность организации⁷.

Общество помощи евреям (OSE) – французская еврейская гуманитарная организация, основанная в 1912 г. В годы холокоста она оказывала помощь (едой, одеждой, жильем, организовывая детские дома и пансионаты) и спасала еврейских детей Франции. Деньги для организации поступали от еврейских спонсоров, а также от AFSC [7, p. 128–131].

В 1863 г. в Швейцарии была основана ICRC – старейшая частная гуманитарная организация. В годы Второй мировой войны она оказывала помощь гражданскому населению, проверяла лагеря для интернированных во Франции, концентрационные лагеря в Румынии и Франции. Представители ICRC получали от своих коллег – еврейских и нееврейских организаций – финансовые средства, которые использовались для закупки медикаментов, продуктов питания, и одежды для нуждавшегося населения [4, p. 14–16].

Совет помощи евреям («Жегота») – подпольная организация польского сопротивления в оккупированной нацистами Польше, существовала с 1942 по 1945 г. Организация предоставляла евреям поддельные документы, деньги, помогала прятаться в безопасных местах. Активисты «Жеготы» (евреи и поляки) размещали тысячи еврейских детей

в приемных семьях, детских домах, монастырях [19, p. 52–54].

Помимо указанных обществ важную роль в организации помощи евреям и их спасения сыграли представители дипломатических учреждений США и стран-союзников, а также еврейские общины в разных странах.

Учитывая неоднородность оказания помощи еврейскому населению Европы в годы холокоста, необходимо выделить определенные этапы в деятельности организаций:

- 1939–1941 гг. – реакция международного сообщества на массовые депортации евреев, обмен письмами, меморандумами;

- 1942–1943 гг. – период относительного затишья, во время которого тем не менее предпринимались попытки наладить эмиграцию евреев в Палестину, организовать помощь. Посещение международными делегациями концентрационных лагерей;

- 1944–1945 гг. – активная деятельность по оказанию помощи евреям и их спасению, прямое взаимодействие международных организаций и людей, осуществлявших эту деятельность.

Выделение указанных этапов важно для понимания того, какую роль сыграли те или иные организации и люди, а также для оценки их усилий, приложенных для спасения европейских евреев.

Первый этап характеризуется принятием анти-семитского законодательства в странах Европы, реквизициями еврейского имущества, первыми депортациями в концентрационные лагеря в Польше и Румынии. Вводились первые запреты на деятельность еврейских организаций. Одновременно с этим нацистская власть фактически поощряет эмиграцию еврейского населения в ряде стран Европы (Чехия, Румыния, Венгрия, Франция и др.), нацисты осознавали, что в связи с принятием «Белой книги 1939 года» и установлением иммиграционных квот в Великобритании и США, евреям будет отказано во въезде в эти страны. Сообщения от представителей еврейской общины своим соплеменникам в США и Великобританию наталкиваются на непонимание и недоверие, что проявилось в печально известной истории, произошедшей с кораблем «Сент-Луис». Помощь еврейским беженцам, непринятым ни в одной стране, оказал JDC, разместив людей и обеспечив их продовольствием [11, p. 25–28].

История, произошедшая с «Сент-Луисом», отражена в обширной переписке разных политических деятелей, представителей международных организаций. Особенно активно в этом деле про-

⁶USHMM. RG-19.045M. Selected Records from the International Committee of the Red Cross Commission for Prisoners, Internees and Civilians, Jews (Israelites), 1939–1961. Reel 11. WRB Records, France, General Reports of Quakers. 11.06.1944.

⁷JDC Archives. New York Archives. 1933–44. Fram. 00957.

явили себя лидеры *JDC* Д. Шварц⁸ и М. Тропер⁹. Так, в телеграмме, отправленной директором главного офиса *JDC* в Нью-Йорке П. Бэрвальдом от 10 июня 1939 г., говорится о том, что «лидеры стран знают факты, и они поймут, что *JDC* не оставил камня на камне, чтобы доставить беженцев Сент-Луиса на Кубу»¹⁰.

В организацию помощи на первом этапе активно включилась *AFSC* и ее представитель Р. Макклелланд¹¹. Вследствие того, что *AFSC* предоставила еду сотням тысяч немецких детей после Первой мировой войны, нацисты и коллаборационисты-французы позволили им войти в лагеря для распределения еды и одежды, в то время как другие американцы исключались коллаборационистским правительством из оккупированных и подконтрольных территорий [3, p. 3–4].

На первом этапе деятельности организации выделялись также И. Гитерман¹² и Э. Рингельблум¹³, ведущие свою работу в оккупированной нацистами Польше.

После оккупации Польши нацистской властью И. Гитерман и Э. Рингельблум пытались поддерживать приемлемые условия в Варшавском гетто. Их тайный архив «Онег Шаббат» включал в себя сотни воспоминаний. Эти отчеты, захороненные в алюминиевых сосудах и обнаруженные после войны, предоставили первичную информацию о нацистской жестокости и еврейском сопротивлении. И. Гитерман, Э. Рингельблум и другие сотрудники польского офиса *JDC* начали брать кредиты у богатых евреев Варшавы, обещая выплатить их после войны. Кредиты были использованы на финансирование столовых, программ охраны здоровья

и социального обеспечения, а также подпольной политической и образовательной деятельности [19, p. 71–74].

В Румынии в связи с антисемитской политикой диктатора Й. В. Антонеску и первыми депортациями румынских евреев в Губернаторство Трансильстрию деятели еврейских общин предпринимали попытки вмешаться. Среди них был и В. Фильдерман¹⁴ [8, p. 50, 61–68].

Во время одного из наиболее жестоких погромов в Румынии – в г. Яссы, – который сопровождался массовыми депортациями евреев, В. Фильдерман обратился к власти с просьбой оказать помощь, но не получил ответа. Ряд просьб об аудиенции с Й. В. Антонеску также ни к чему не привел: румынский диктатор реагировал достаточно отстраненно [18, p. 183, 222, 224].

Второй этап характеризуется первыми официальными подтверждениями массовых уничтожений евреев в Европе. Тем не менее подобные сведения, в том числе полученные и по официальным каналам, вызывали недоверие среди западного истеблишмента.

В конце 1941 г., несмотря на активные военные действия в Европе и массовые депортации еврейского населения, именно румынский порт Констанца оставался главным посадочным пунктом для евреев, пытавшихся уехать из Европы в Палестину. Одна из таких попыток была предпринята кораблем «Струма», на борту которого находилось более 700 евреев-беженцев, эмигрирующих в Эрец-Исраэль. Однако корабль был потоплен советской торпедой. Из всех пассажиров выжил только один человек. Это событие вызвало широкий между-

⁸Джозеф Шварц (1899–1975) – европейский директор *JDC* (1940–1949). Когда нацисты в 1940 г. оккупировали Францию, Дж. Шварц переехал с офисом *JDC* в Португалию. В качестве директора *JDC* Дж. Шварц руководил многими операциями по оказанию помощи евреям и их спасению. Директор *JDC* контролировал эмиграцию евреев, которые могли еще получить визы в западные страны, он также распределял финансовые средства для спасения евреев всей оккупированной Европы (*JDC Archives*, NYAR1 933–44. Fram. 00073).

⁹Морис Тропер (1892–1962) – американский юрист еврейского происхождения, с 1938 по 1942 г. был главой *JDC* по европейским делам. После того, как Франция сдалась, а штаб-квартира *JDC* переместилась в Лиссабон, М. Тропер провел большую часть времени в США, собирая поддержку для помощи европейскому офису. В 1942 г., после вступления в войну США, М. Тропер ушел в отставку (*JDC Archives*, NYAR1933–44. Fram. 00052).

¹⁰*JDC Archives*. New York Archives. 1933–44. Fram. 07767.

¹¹Розуэлл Макклелланд – лидер, с 1942 г. возглавлявший швейцарский офис в Женеве. С апреля 1944 г., после создания *WRB*, был выбран представителем комитета в Швейцарии (*War Refugee Board United States Government Agency* [Electronic resource] // *Encyclopædia britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/War-Refugee-Board#ref710979> (date of access: 25.09.2018)).

¹²Исаак Гитерман (1889–1943) – активный член разных общественных организаций, в том числе *JDC*. Директор *JDC* по операциям в Польше (1926–1939). Благодаря его деятельности была налажена сеть столовых, культурная и образовательная деятельность (прежде всего в Варшавском гетто). Он являлся членом финансового комитета Еврейской боевой организации, сторонником восстания в Варшавском гетто, для которого предоставлял финансовые средства. Был убит нацистами в январе 1943 г. (*Isaac Giterman* [Electronic resource] // *JDC Archives*. URL: <http://archives.jdc.org/exhibits/in-memorial/isaac-giterman/> (date of access: 25.09.2018)).

¹³Эммануэль Рингельблум (1900–1944) – польский историк. С 1938 г. возглавлял отделение *JDC* в Збазине, был членом *ZTOS* (*Zydowskie Towarzystwo Opieki Społecznej*). Вместе с группой единомышленников основал архивную группу «Онег Шаббат». Активный участник восстания в Варшавском гетто 1943 г. Был расстрелян нацистами в марте 1944 г. (*Emanuel Ringelblum* [Electronic resource] // *JDC Archives*. URL: <http://archives.jdc.org/exhibits/in-memorial/emanuel-ringelblum/> (date of access: 25.09.2018)).

¹⁴Вильгельм Фильдерман – с 1920 г. представитель *JDC* в Румынии. Был президентом еврейской общины Бухареста (1931–1933), одновременно являясь президентом Федерации еврейских общин Румынии. В годы холокоста был духовным лидером еврейского населения Румынии.

народный резонанс, прежде всего общество было возмущено действиями британского правительства, отказавшегося выдать визы пассажирам [15, p. 147–166].

Тем не менее попытки спасти евреев продолжались. В то же время необходимо понимать, что в оккупированных нацистами странах Европы де-факто речь могла идти только о помощи нуждающимся евреям. Так, Польше, благодаря усилиям И. Гитермана, в начале 1942 г. были предоставлены значительные финансовые средства на покупку оружия для планируемого восстания в гетто Белостока. Помимо этого, И. Гитерман принимал активное участие в планировании восстания в Варшавском гетто и выделил деньги на покупку оружия¹⁵, за что поплатился жизнью: 18 января 1943 г. он был убит солдатом СС.

Представитель *WJC* в Швейцарии Герхард Ригнер 8 августа 1942 г. передал в офисы в Нью-Йорке и Лондоне телеграмму, подтверждающую ранее дошедшие до Запада слухи о намерении Германии осуществить массовое уничтожение европейских евреев [5, p. 114–115]. Несмотря на шокирующий характер информации, особой реакции на нее со стороны Запада не последовало [14, p. 42–44].

Информацию об уничтожении евреев подтвердил и Э. Рингельблюм в хронике «Онег Шаббат». Этот материал был передан польскому подполью, которое, в свою очередь, направило информацию в Лондон польскому правительству в изгнании. В 1943 г. Э. Рингельблюм участвовал в планировании восстания в Варшавском гетто и записал события, приведшие к нему [19, p. 81–82, 87].

В это же время (июль 1942 г.) во французской столице на велодроме «Вель д'Ив» было собрано около 14 тыс. человек (преимущественно не-французских евреев). Без еды и воды они провели несколько дней, после чего были отправлены в концентрационные лагеря во Франции, а затем – в Аушвиц-Биркенау. Массовые депортации вызвали возмущение широкой общественности самой Франции (в основном со стороны духовенства) [7, p. 261–262]. После данных событий в неоккупированную Францию приехал Д. Шварц, получивший ряд документов по трагедии на велодроме. Кроме того, на основе увиденного Д. Шварц составил собственный отчет и передал его в главный офис *JDC*

в США¹⁶. Важно, что для составления более-менее объективной картины произошедших событий, руководитель *JDC* использовал данные представителей не только *JDC*, но и таких организаций, как *ICRC*, *OSE*, *AFSC* и др. Активное содействие оказывал и Д. Лоури¹⁷.

Так, в отчете от 24 августа 1942 г., который Д. Лоури отправил в главный офис организации, говорится о тяжелых условиях пребывания, о попытках комитета совместно с другими организациями наладить культурно-образовательную жизнь людей в лагерях для интернированных и т. д. Отметим, что Д. Лоури обращает внимание на разницу в обращении к «своим» (французским) и к «чужим» (депортированным из разных стран Европы) евреям, в последнем случае условия были значительно хуже¹⁸.

Летом 1942 г. словацкая рабочая группа (комитет, состоявший из сионистов и ультраортодоксальных евреев) обратилась к главе еврейской общины Швейцарии и представителю *JDC* С. Майеру с просьбой предоставить определенную денежную сумму для спасения словацких евреев. Данное мероприятие было определено как «европейский план», разработанный главой еврейской общины Словакии раввином М. Вайсманделем и сионистской активисткой Г. Флейшман¹⁹. Отметим, что мероприятие было достаточно рискованным и сомнительным. Сам С. Майер упоминал об этих переговорах с подозрением, но позже изменил свое мнение и отправил деньги в Словакию [1, p. 363–368].

Помимо «европейского плана» Г. Флейшман осуществила несколько поездок в Венгрию, она пыталась собрать финансовые средства для преследуемых евреев Словакии и Польши, наладив контакт с офисом Еврейского агентства в Стамбуле. Г. Флейшман и ее организация пытались помочь брошенным в гетто в Польше евреям и спасти их (прежде всего детей) [10, p. 1–2].

Одним из важнейших событий международного масштаба стала Бермудская конференция, прошедшая в апреле 1943 г. Главным вопросом на ней оказалась проблема военных беженцев. Отметим, что основным ожиданием от конференции было предоставление всем евреям, находившимся под нацистской оккупацией, статуса военнопленных [13, p. 160]. Однако этого не произошло. Впослед-

¹⁵JDC Archives. New York Archives. 1933–44. Fram. 00010.

¹⁶JDC Archives. New York Archives. 1933–44. Fram. 01092.

¹⁷Дэниел Лоури – американский представитель YMCA в Женеве (от англ. *Young Men's Christian Association* – «Юношеская христианская ассоциация») – молодежной волонтерской организации, созданной в XIX в. Наладил активное сотрудничество с организациями по оказанию помощи людям, пребывавшим во французских лагерях для интернированных лиц, где находились также и евреи. Для решения этой задачи было создано местное представительство YMCA в Марселе (Franklin D. Roosevelt Library. Folder 0402. Lowrie, Donald. p. 2).

¹⁸JDC Archives. New York Archives. 1933–44. Fram. 00524.

¹⁹Гизи Флейшман – активистка, сотрудница местного отделения *HICEM*. Она присоединилась к словацкому офису *JDC*, позднее стала вице-председателем Центрального еврейского комитета Словакии по помощи евреям. Осенью 1944 г. была депортирована с коллегами и вскоре убита (Campion J. In the Lion's Mouth: Gisi Fleischmann and the Jewish Fight for Survival. Bloomington: iUniverse, 2000. P. 10).

ствии американское еврейство инициировало конференцию, носившую название «Чрезвычайная конференция по спасению евреев Европы» (1943). Де-факто это была встреча группы П. Бергсона (псевдоним раввина Г. Кука) в Нью-Йорке в июле 1943 г. Накануне был выдан меморандум «Чрезвычайная конференция по спасению евреев Европы: проект программы и ее цели», который содержал «предложение правительствам о создании агентства Объединенных Наций... для спасения оставшихся миллионов евреев» [12, р. 107], похожее на то, что было годом ранее предложено ведущими еврейскими группами. В основу программы легли уже привычные вопросы: «прямая помощь в еде и одежде для евреев Европы», «массовый сход евреев из Европы» [12, р. 108]. Также указывается «гарантия отношения к евреям в соответствии с минимальными стандартами, гарантированными другим жителям <...> в частности... равные порции еды, равный доступ к медицинским ресурсам. Выполнение контролируется ICRC или нейтральными правительствами» [12, р. 108–109]. Результатом конференции стало создание комитета с соответствующим названием, возглавил комитет П. Бергсон, который попытался инициировать формирование нового агентства по оказанию помощи евреям Европы и их спасению, таким агентством стал WRB [12, р. 110].

Заключительный этап охватывает последние годы войны и является одним из наиболее успешных в организации оказания помощи евреям Европы и их спасения. В этот период становится возможным именно спасение евреев посредством высылки в основном через Средиземноморье (Испанию, Португалию, Турцию). Во многом это стало возможным благодаря представителям международных организаций, которые совместно с дипломатическими сотрудниками наладили «каналы спасения» евреев и организовали их выезд в Палестину и западные страны.

Отправной точкой данного этапа стала инициатива, возникшая в американских кругах. Секретарь казначейства Г. Моргентау, глава Департамента казначейства по контролю над зарубежными фондами США Д. Пелл²⁰ в связи с полученными отчетами от международных институций, а также деятельностью «группы Бергсона» направили президенту США 13 января 1944 г. «Отчет молчаливого согласия правительства Рузвельта на убийство евреев».

Фактически, этот документ стал одной из серьезных причин для создания WRB, который возглавил Д. Пелл. Под его управлением WRB намеревался найти убежище для спасенных евреев [3, р. 12–15]. Будучи чиновником, Д. Пелл прекрасно понимал необходимость ведения переговоров с представителями дипломатических учреждений в деле организации спасения евреев. Благодаря занимаемой должности и частому общению с лидерами еврейских организаций Д. Пелл воспринимался евреями как «свой» человек, на которого можно положиться.

Важную роль в успешной организации гуманитарной помощи еврейскому населению Европы сыграли Р. Макклелланд и А. Хиршман²¹.

Так, в переписке представителя ICRC Д. Шварценберга с Р. Макклелландом от 9 июня 1944 г. говорится, что «Шварценберг согласовал ранее с Макклелландом предложение об обращении в WJC в Женеве, акцентируя внимание на необходимости срочной отправки немедленной помощи еврейским беженцам в Румынии. Ригнер недавно ответил, что он переслал наше воззвание к своей организации в Нью-Йорк...»²². Из документа следует, что существовала определенная согласованность деятельности организаций, в частности WJC (сионистская организация) и WRB (правительственная организация).

Уже 11 марта 1944 г. А. Хиршман встретился с А. Крециану – румынским эмиссаром в Турции. При этом А. Хиршман подчеркнул, что не имеет никаких политических дел со страной, которая все еще является союзницей нацистской Германии, а согласно инструкциям Государственного департамента США, он занимается только делами, касающимися еврейских беженцев. В свою очередь, А. Крециану прочитал А. Хиршману телеграмму, отправленную румынским диктатором Й. В. Антонеску, в ней адресант пообещал освободить евреев в Губернаторстве Транснистрии и передать их в Констанцу. А. Хиршман был удовлетворен ответом и около 48 тыс. еврейских беженцев вернулись из Губернаторства Транснистрии в Румынию.

Совместно с Л. Стейнхардтом А. Хиршман начал использовать свое влияние на турецкое правительство, убеждая его разрешить беженцам пребывание на территории страны без виз [6, р. 342]. Такие методы оказались действенными: уже с апреля 1944 г. возобновилась эмиграция евреев из Румынии и Болгарии в Палестину через Турцию [1, р. 353].

²⁰Джозеф Пелл (1909–1999) – директор Департамента казначейства по контролю над зарубежными фондами США и помощник секретаря казначейств США. Был первым директором WRB. В 1945 г. вернулся в департамент.

²¹Айра Хиршман – еврейский бизнесмен, был близким другом Д. Пелла. Телеграмма Д. Пелла уполномочивала А. Хиршмана, представителя WRB в Турции и специального атташе, поддерживать постоянный контакт с американским послом в Турции Л. Стейнхардтом и WRB, помогать частным агентствам по спасению, уже работавшим в Турции, и разрабатывать собственные планы по спасению евреев и оказанию им помощи (Erbelding R. Rescue Board: The Untold Story of America's Efforts to Save the Jews of Europe. New York: Doubleday, 2018. P. 179–184). Особо следует отметить роль, которую сыграл А. Хиршман в спасительных миссиях по миграции еврейского населения из Румынии и Болгарии в Палестину.

²²USHMM RG-19.045M. Selected Records from the International Committee of the Red Cross Commission for Prisoners, Internees and Civilians, Jews (Israelites), 1939–1961. Reel 5. Fram. 6943.

Одним из активных деятелей в плане организации помощи и спасения евреев Европы в 1944–1945 гг. был С. Майер²³.

С именем С. Майера связаны громкие дела по спасению венгерских и словацких евреев. Из-за рискованных и порой сомнительных операций (активист часто шел на вынужденное сотрудничество с нацистами для спасения евреев) С. Майера, а в его лице и весь швейцарский офис *JDC*, упрекали в «нечистых» операциях и излишней медлительности на первых этапах холокоста, когда в срочной помощи нуждались тысячи евреев в разных странах Европы. С. Майер участвовал в ряде финансовых операций *JDC* и других организаций (с 1944 г.). Зачастую благодаря его гибкости, аналитическому чутью и инициативности многие финансовые операции удавалось проводить достаточно быстро и успешно. Справедливости ради необходимо сказать, что С. Майер, как глава федерации еврейских общин Швейцарии, обладал значительным авторитетом среди своих соплеменников, а как представитель крупнейшей международной еврейской организации, – и среди всех остальных [1, р. 414–420]. Так, оценивая ситуацию с Румынией, представители *ICRC* в письме от 24 февраля 1944 г. приводят: «...Майер, принимая во внимание меры, предпринятые *WRB*, все равно будет обращаться к представителям этого комитета для предоставления средств на спасение евреев в Румынии. Если это вмешательство еще требуется, то он (Майер) готов предоставить 47 тыс. швейцарских франков для закупки обуви и 450 тыс. для поставок медикаментов. Кроме того, очевидно нужно предоставить в распоряжение комитета 10 тыс. долл. по курсу 4,29 для каких-либо действий в пользу евреев Румынии...»²⁴.

На последнем этапе холокоста «румынский вопрос» становится одним из наиболее обсуждаемых, в Румынию направляется значительная часть финансовых средств, выделяемых американскими структурами [16, с. 14–16; 17, с. 174]. Учитывая, что страна носила статус союзника Гитлера, практически все операции проходили через нейтральную Швейцарию, где действовали представитель *JDC*

С. Майер, представитель *WJC* Г. Ригнер и др. В самой Румынии эти средства распределял В. Фильдерман и представители местного отделения *ICRC*.

Следует также упомянуть деятельность Р. Валленберга²⁵. Имея на руках финансовые средства от правительства США, Р. Валленберг предпринял ряд спасительных мер. Так, согласно документу «результатом готовности Шведского МИДа назначить атташе в Будапешт для особой цели осуществления действия в интересах венгерских евреев, стала очень конструктивная программа операций в Венгрии, инициированная из Швеции... Валленберг, шведский бизнесмен с огромной энергией и находчивостью, а также искренним убеждением в неотложности проблемы, был выбран для этой задачи. Когда стал очевиден безнадежный характер ситуации с евреями в Венгрии, *JDC* получил лицензию на отправку 100 тыс. долл. в Швецию, эти деньги предоставил представитель комитета Олсен Валленбергу для операций по спасению и помощи в Венгрии. <...> Программа выдачи шведских защитных паспортов, укрывательство евреев в шведских защитных жилищах и подобная деятельность привели к тому, что приблизительно 20 тыс. евреев оказались под шведской защитой...»²⁶.

Одной из наиболее известных акций по спасению венгерских евреев стала организация так называемого поезда Кастнера, переправившего 1600 евреев из Венгрии в Швейцарию 30 июня 1944 г. Активное участие в разработке плана по вывозу венгерских евреев принял Р. Кастнер, вице-президент «Спасительного комитета Будапешта», который договаривался с А. Эйхманом об оказании помощи в обмен на деньги и драгоценности. Сделка стала поводом для обвинения Р. Кастнера в «сотрудничестве с нацистами», а сам он был убит в Израиле в 1957 г. [9, р. 229–233]. Отметим, что в переговорный процесс по спасению евреев Венгрии был вовлечен и С. Майер, представитель *JDC*, что весьма неоднозначно трактовалось широкой общественностью²⁷.

В целом в конце 1944 г. можно отметить наиболее активное взаимодействие международных ор-

²³Салли Майер – неофициальный представитель *JDC* в Швейцарии. Используя свои личные контакты с представителями дипломатических кругов в разных странах Европы и США, он организовал и координировал ряд гуманитарных операций по спасению еврейского населения (Mayer, Saly [Electronic resource] // Jewish Virtual Library. URL: <http://www.jewishvirtuallibrary.org/mayer-saly> (date of access: 18.06.2016)).

²⁴USHMM. RG-19.045M. Selected Records from the International Committee of the Red Cross Commission for Prisoners, Internees and Civilians, Jews (Israelites), 1939–1961. Reel 7. Fram. 6955.

²⁵Рауль Валленберг – шведский архитектор, бизнесмен. Активная деятельность Валленберга началась с 1944 г., с момента создания *WRB*. Д. Пелл уполномочил Р. Валленберга спасти венгерских евреев (Braham R. L. Politics of Genocide – The Holocaust in Hungary: condensed edition. Detroit: Wayne State University Press, 2000. p. 211–213; Rubinstein W. D. The Myth of Rescue: Why the Democracies Could Not Have Saved More Jews From the Nazis. London, New York: Routledge, 1997. p. 188–189. DOI: 10.4324/9780203026410). Р. Валленберг был похищен сотрудниками СМЕРШа и доставлен в тюрьму на Лубянке, где скончался в 1947 г. Несмотря на то что Р. Валленберг не являлся членом какой-либо международной организации, он де-факто был представителем *WRB* и получал денежные суммы от *JDC* на спасение венгерских евреев.

²⁶Franklin D. Roosevelt Library. Henry Morgenthau Jr. Papers. Box 169. Joint Distribution Committee, 1933–1944. Folder 1. P. 159.

²⁷*JDC Archives*. New York Archives. 1933–44. Fram. 10432

ганизаций по спасению европейских (прежде всего венгерских) евреев. Так, в отчете JDC от 20 декабря 1944 г. говорится следующее: «Рады сообщить, что 1355 венгерских евреев, которые были в Берген-Бельзене, прибыли в Швейцарию. Среди них Джозеф Блум, представитель JDC, который работал в Будапеште продолжительное время и сейчас находится в постоянной связи с Р. Макклелландом,

решая вопросы предпринятия мер по оказанию помощи венгерским евреям и их спасению...»²⁸.

С окончанием военных действий в Европе в 1945 г. активность международных институций по спасению евреев вышла на новый уровень: все их усилия были сосредоточены на обеспечении продовольствием и жильем выжившего после холокоста гражданского населения.

Результаты и обсуждения

Степень вовлеченности отдельных людей, представителей международных организаций, в процесс оказания помощи евреям во времена Второй мировой войны была неоднородной. Наибольшая активность начала проявляться в 1944 г., когда к процессу оказания помощи евреям и их спасению подключились новые, созданные и поддерживаемые правительствами стран-союзниц, организации.

Часто помощь оказывалась в зависимости от событий, произошедших накануне, которые вызвали наибольшую обеспокоенность и возмущение общественности.

Представителей международных институций, принимающих участие в организации помощи евреям и их спасения, можно классифицировать следующим образом:

- лидеры, активисты международных благотворительных еврейских и нееврейских организаций;
- деятели еврейских общин в странах Европы и США, а также представители еврейских политических организаций;
- представители христианских организаций;
- сотрудники дипломатических структур, правительственных институций и т. д.

Важно отметить, что во многих случаях один человек мог быть одновременно представителем

влиятельной организации и главой еврейской общины (например, С. Майер).

Роль персоналий в осуществлении гуманитарных миссий заключалась в следующем:

- проведение переговоров с коллегами, представителями дипломатических учреждений (в том числе дистанционных);
- участие в распределении материальных и нематериальных средств, их контроль и согласование с правительством, банковскими учреждениями и пр.

Важно упомянуть, что зачастую эффективность работы того или иного представителя проявлялась не столько в его личном присутствии (при распределении помощи в концентрационном лагере, гетто), сколько в его координационной работе, налаживании взаимоотношений с коллегами из других учреждений. В этом смысле многое зависело от инициативности сотрудника той или иной организации, его личных контактов с коллегами.

Отметим, что некоторые аспекты данного вопроса остаются практически не исследованными. Например, практически не привлечены мемуарные источники, имеющие особую ценность в раскрытии личностного фактора в теме спасения европейских евреев.

Библиографические ссылки

1. Bauer Y. *American Jewry and the Holocaust: The American Jewish Joint Distribution Committee, 1939–1945*. Detroit: Wayne State University Press; 1987.
2. Penkower M. Jewish Organizations and the Creation of the U. S. War Refugee Board. In: Meckler MM, editor. *The Nazi Holocaust. Part 8: Bystanders to the Holocaust. Volume 2*. Westport: Walter de Gruyter; 1989. p. 905–922. DOI: 10.1515/9783110968699.
3. Erbeling R. *Rescue Board: the Untold Story of America's Efforts to Save the Jews of Europe*. New York: Doubleday; 2018.
4. Favez J-C. *The Red Cross and the Holocaust*. Cambridge: Cambridge University Press; 1999.
5. Segev Z. *The World Jewish Congress during the Holocaust: Between Activism and Restraint*. Oldenbourg: De Gruyter; 2014. DOI: 10.1515/9783110320268.
6. Paldiel M. *Saving One's Own: Jewish Rescuers During the Holocaust*. Lincoln: Nebraska University Press; 2017. DOI: 10.2307/j.ctt1mtz4tx.
7. Poznanski R. *Jews in France during World War II*. Waltham: Brandeis University Press; 2001. DOI: 10.26812/9780874518962.
8. Ioanid R. *The Holocaust in Romania: the Destruction of Jews and Gypsies under the Antonescu Regime, 1940–1944*. Chicago: Ivan R Dee; 2000.
9. Braham RL. *Politics of Genocide – the Holocaust in Hungary*. Detroit: Wayne State University Press; 2000.
10. Campion J. *In the Lion's Mouth: Gisi Fleischmann and the Jewish Fight for Survival*. Bloomington: iUniverse; 2000.
11. Ogilvie AS, Miller S. *Refuge Denied: The St. Louis Passengers and the Holocaust*. Wisconsin: The University of Wisconsin Press; 2006.

²⁸USHMM RG-19.045M. Selected Records from the International Committee of the Red Cross Commission for Prisoners, Internees and Civilians, Jews (Israelites), 1939–1961. Reel 7. Fram. 6970.

12. Rubinstein WD. *The Myth of Rescue: Why the Democracies Could Not Have Saved More Jews From the Nazis*. London, New York: Routledge; 1997. DOI: 10.4324/9780203026410.
13. Gorny Y. *The Jewish Press and the Holocaust, 1939–1945: Palestine, Britain, the United States and the Soviet Union*. New York: Cambridge University Press; 2012. DOI: 10.1017/cbo9780511894909
14. Wayman D. *The Abandonment of the Jews – America and the Holocaust*. New York: The New Press; 2007.
15. Ofer D. *Escaping the Holocaust: Illegal Immigration to the Land of Israel 1939–1944*. New York: Oxford University Press; 1990.
16. Винокурова Ф. Доля буковинських євреїв у гетто і таборах Трансnistрії в період 1941–1944 рр. (огляд документальних джерел державного архіву Вінницької області). *Голокост і сучасність* [інтернет] [процитовано 18 червня 2018]. 2010;2(8):9–17. URL: http://www.holocaust.kiev.ua/news/jurnal_nodostup/Vynokurova_Ukr.pdf.
17. Суровцев О. Спротив буковинського єврейства під час подій Голокосту: приклади, роздуми та подолання міфів. *Питання історії України* [інтернет] [процитовано 18 червня 2018]. 2011;14:169–176. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Piu_2011_14_35.
18. Carp M. *The Black Book: The Sufferings of the Jews from Romania, 1940–1944. Vollume 1. The Legionary Movement and the Rebellion* [internet] [cited 2018 June 17]. Bucharest: The Socec and Co. S. A. R Publishing House; 1946. Available from: http://survivors-romania.org/pdf_doc/black_book_1.pdf.
19. Ringelblum E. *Polish-Jewish Relations during the Second World War*. Jerusalem: Yad Vashem; 1974.

References

1. Bauer Y. *American Jewry and the Holocaust: The American Jewish Joint Distribution Committee, 1939–1945*. Detroit: Wayne State University Press; 1987.
2. Penkower M. Jewish Organizations and the Creation of the U. S. War Refugee Board. In: Meckler MM, editor. *The Nazi Holocaust. Part 8: Bystanders to the Holocaust. Volume 2*. Westport: Walter de Gruyter; 1989. p. 905–922. DOI: 10.1515/9783110968699.
3. Erbeling R. *Rescue Board: the Untold Story of America's Efforts to Save the Jews of Europe*. New York: Doubleday; 2018.
4. Favez J-C. *The Red Cross and the Holocaust*. Cambridge: Cambridge University Press; 1999.
5. Segev Z. *The World Jewish Congress during the Holocaust: Between Activism and Restraint*. Oldenbourg: DeGruyter; 2014. DOI: 10.1515/9783110320268.
6. Paldiel M. *Saving One's Own: Jewish Rescuers During the Holocaust*. Lincoln: Nebraska University Press; 2017. DOI: 10.2307/j.ctt1mtzt4tx.
7. Poznanski R. *Jews in France during World War II*. Waltham: Brandeis University Press; 2001. DOI: 10.26812/9780874518962.
8. Ioanid R. *The Holocaust in Romania: the Destruction of Jews and Gypsies under the Antonescu Regime, 1940–1944*. Chicago: Ivan R Dee; 2000.
9. Braham RL. *Politics of Genocide – The Holocaust in Hungary*. Detroit: Wayne State University Press; 2000.
10. Campion J. *In the Lion's Mouth: Gisi Fleischmann and the Jewish Fight for Survival*. Bloomington: iUniverse; 2000.
11. Ogilvie AS, Miller S. *Refuge Denied: The St. Louis Passengers and the Holocaust*. Wisconsin: The University of Wisconsin Press; 2006.
12. Rubinstein WD. *The Myth of Rescue: why the Democracies Could Not Have Saved More Jews From the Nazis*. London, New York: Routledge; 1997. DOI: 10.4324/9780203026410.
13. Gorny Y. *The Jewish Press and the Holocaust, 1939–1945: Palestine, Britain, the United States, and the Soviet Union*. New York: Cambridge University Press; 2012. DOI: 10.1017/cbo9780511894909.
14. Wayman D. *The Abandonment of the Jews – America and the Holocaust*. New York: The New Press; 2007.
15. Ofer D. *Escaping the Holocaust: Illegal Immigration to the Land of Israel 1939–1944*. New York: Oxford University Press; 1990.
16. Vinokurova F. [Fate of the Bukovinian Jews in the ghettos and camps of Transnistria during 1941–1944 (survey of the documentary sources of the State Archive of Vinnytsia region)]. *Golokost i suchasnist'* [Internet] [cited 2018 June 18]. 2010;2(8):9–17. Available from: http://www.holocaust.kiev.ua/news/jurnal_nodostup/Vynokurova_Ukr.pdf. Ukrainian.
17. Surovcev O. [Resistance of Bukovynian Jews during the Holocaust events: examples, reflections, and over coming of myths]. *Pytannja istorii' Ukrainy* [Internet] [cited 2018 June 18]. 2011;14:169–176. Available from: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Piu_2011_14_35. Ukrainian.
18. Carp M. *The Black Book: The Sufferings of the Jews from Romania, 1940–1944. Vollume 1. The Legionary Movement and the Rebellion* [internet] [cited 2018 June 17]. Bucharest: The Socecand Co. S. A. R Publishing House; 1946. Available from: http://survivors-romania.org/pdf_doc/black_book_1.pdf.
19. Ringelblum E. *Polish-Jewish Relations during the Second World War*. Jerusalem: Yad Vashem; 1974.

Статья поступила в редколлегию 18.06.2018.
Received by editorial board 18.06.2018.

УДК 329.11(420)(091)«19/20»

БОРЬБА ВНУТРИ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПО ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ (1997–2001)

Ф. Л. МАТЮШОНОК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основании материалов периодической печати и электронных СМИ рассматривается динамика внутрипартийной борьбы в Консервативной партии Великобритании, возникшей на почве формирования европейской политики в 1997–2010 гг. Определяются политические позиции и аргументы группировок евроскептиков и еврооптимистов. Констатируется смещение официальной линии Консервативной партии Великобритании в сторону евроскептицизма, несмотря на сопротивление сторонников европейской интеграции. Отмечается негативное влияние внутрипартийной борьбы на имидж Консервативной партии Великобритании. Установлено, что излишняя концентрация руководства партии на «европейском вопросе» стала препятствием на пути обновления партийной доктрины, что является одной из главных причин поражения консерваторов на парламентских выборах 2001 г.

Ключевые слова: Консервативная партия Великобритании; Европейский союз; евроскептицизм; идеология; выборы.

БАРАЦЬБА ЎНУТРЫ КАНСЕРВАТЫЎНАЙ ПАРТЫІ ВЕЛІКАБРЫТАНІІ ПА ПЫТАННІ ФАРМІРАВАННЯ ЕЎРАПЕЙСКАЙ ПАЛІТЫКІ (1997–2001)

Ф. Л. МАЦЮШОНАК^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На матэрыяле публікацый у перыядычным друку і электронных СМІ разглядаецца дынаміка ўнутрыпартыійнай барацьбы, якая ўзнікла на глебе фарміравання еўрапейскай палітыкі ў 1997–2010 гг. у Кансерватыўнай партыі Вялікабрытаніі. Вызначаюцца палітычныя пазіцыі і аргументы групавак еўраскептыкаў і еўрааптымістаў. Канстатуецца перамяшчэнне афіцыйнай лініі Кансерватыўнай партыі Вялікабрытаніі ў бок еўраскептыцызму, нягледзячы на супраціў з боку прыхільнікаў еўрапейскай інтэграцыі. Адзначаецца негатыўны ўплыў унутрыпартыійнай барацьбы на імідж Кансерватыўнай партыі Вялікабрытаніі. Вызначана, што залішняя канцэнтрацыя кіраўніцтва партыі на «еўрапейскім пытанні» стала перашкодай на шляху да абнаўлення партыйнай дактрыны, што стала адной з галоўных прычын паразы кансерватараў на парламенцкіх выбарах 2001 г.

Ключавыя словы: Кансерватыўная партыя Вялікабрытаніі; Еўрапейскі Саюз; еўраскептыцызм; ідэалогія; выбары.

Образец цитирования:

Матюшонок ФЛ. Борьба внутри Консервативной партии Великобритании по вопросу формирования европейской политики (1997–2001). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018;4: 109–116.

For citation:

Matsiushonak FL. The British Conservative Party infighting over the formation of European politics (1997–2001). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;4: 109–116. Russian.

Автор:

Филипп Леонидович Матюшонок – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Е. Г. Колб.

Author:

Filip L. Matsiushonak, postgraduate student at the department of Modern and Contemporary history, faculty of history.
phillmat@tut.by

THE BRITISH CONSERVATIVE PARTY INFIGHTING OVER THE FORMATION OF EUROPEAN POLITICS (1997–2001)

F. L. MATSIUSHONAK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Based on the materials of the periodical press and electronic media, the dynamics of inner-party struggle in the Conservative Party of Great Britain about the formation of the European policy in 1997–2010 is considered. The political positions and arguments of the groupings of Eurosceptics and Europhiles are determined. The shift of the official line of the Conservative Party towards Euroscepticism despite the resistance of the supporters of European integration is stated. The negative influence of infighting on the image of the Conservative Party is noted. It is established that excessive concentration of party leadership on the «European issue» has become an obstacle to the renewal of party doctrine, which became one of the main reasons for the defeat in the 2001 general election.

Key words: The British Conservative Party; European Union; euroscepticism; ideology; elections.

Введение

После поражения на парламентских выборах 1997 г. Консервативная партия Великобритании (далее – КП), до того руководившая страной на протяжении 18 лет, оказалась в состоянии кризиса, а одной из причин этого кризиса стали внутрипартийные разногласия по вопросам европейской политики. Противостояние между группировками евроскептиков и еврооптимистов привело к тому, что в глазах избирателей КП выглядела расколотой. Как отмечал глава крупнейшего британского центра изучения общественного мнения MORI Р. Ворчестер, «расколотые партии не выигрывают британские выборы»¹. Таким образом, исследование внутрипартийной борьбы, возникшей на почве европейской политики, поможет осмыслить одну из причин наиболее острой фазы кризиса КП 1997–2001 гг.

Цель статьи – проанализировать сущность внутрипартийной борьбы по вопросам европейской политики КП в 1997–2001 гг., определить влияние этой борьбы на электоральные результаты партии. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что именно в 1997–2001 гг. разногласия по «европейскому вопросу» были одной из основных проблем КП, что значительно повлияло на усугубление электорального кризиса партии.

В русскоязычной историографии этот аспект деятельности КП в 1997–2001 гг. не получил освещения. Британские исследователи касались европейской проблематики в контексте изучения истории КП. Так, Ф. Линч, изучив позицию руководства партии по «европейскому вопросу», пришел к выводу о том, что взгляды КП в данный период значительно сместились в сторону евроскептицизма. При этом внутрипартийную борьбу автор прак-

тически не рассматривает, ограничившись анализом политических позиций еврооптимистов и евроскептиков [1]. Европейской политике КП во второй половине XX в. посвящен труд Н. Дж. Кроусона и М. Холмса [2]. Исследователи также отмечают постепенное смещение взглядов партии в сторону евроскептицизма. Кроме того, авторы считают ошибочной излишнюю концентрацию руководства КП на европейской тематике в 1997–2001 гг. Теме евроскептицизма в британской политике посвящена работа А. Форстера, который в том числе проанализировал аргументы евроскептиков КП, ратовавших против вступления Великобритании в еврозону [3]. Статья известного исследователя П. Дори посвящена нарастанию евроскептических тенденций в КП в 1980–2015-е гг. [4].

В основе источниковой базы исследования лежат материалы периодической печати и электронных СМИ, они составили фактологический базис работы. Кроме того, при написании статьи использовались предвыборные программы КП, анализ которых позволил выявить установки партии по «европейскому вопросу». Еще одной группой источников являются тексты выступлений видных политиков-консерваторов, их изучение помогает определить позицию того или иного политического деятеля по «европейскому вопросу». Важные сведения о восприятии КП избирателями содержатся в опубликованных результатах опросов общественного мнения.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специально-исторические методы. В качестве последних использовались историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы.

Основная часть

В 1970–80-х гг. внутри КП сформировались две группировки. Еврооптимисты считали, что Великобритания должна активно участвовать в европей-

ском интеграционном проекте, а их оппоненты, евроскептики, опасались, что этот проект может привести к созданию «европейского супергосу-

¹How Blair will win in May 2001 [Electronic resource] // Ipsos MPRI. 1999. 31 December. URL: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/how-blair-will-win-may-2001> (date of access: 20.03.2018). Здесь и далее перевод наш. – Ф. М.

дарства», что в конечном счете приведет к потере Британией суверенитета. Несмотря на то что объединенное королевство вступило в ЕЭС в период правления именно консервативного кабинета Э. Хита, а другой консерватор, Дж. Мейджор, подписал договор о создании Европейского союза, позиция тори (неофициальное название консервативной партии Великобритании) в конце 1980-х гг. стала сдвигаться в сторону евроскептицизма. Еще в 1988 г., выступая с речью в Брюгге, М. Тэтчер заявила, что лучший вариант развития сообщества – это сотрудничество суверенных европейских государств, а не создание «Соединенных Штатов Европы». Премьер-министр в речи, которая стала манифестом для британских евроскептиков, отметила: «Мы не для того успешно укрепили новые границы Британии, чтобы увидеть, как они будут поглощены новым европейским супергосударством, управляемым из Брюсселя»². В 1992–1993 гг. евроскептики попытались провалить в палате общин Великобритании ратификацию соглашений о создании ЕС. Однако им не удалось помешать стране стать членом Европейского союза, но выступление протестующих обозначило серьезный раскол в КП по «европейскому вопросу». Впоследствии неспособность Дж. Мейджора объединить тори стала одной из причин катастрофического поражения консерваторов на выборах в 1997 г.

Борьба двух группировок обострилась в ходе выборов нового лидера КП. Еврооптимистов на выборах представлял К. Кларк. Уже в одном из первых выступлений он заявил, что позиция евроскептиков по вопросу вступления Великобритании в еврозону может отбросить партию на обочину национальной и европейской политики. Экс-канцлер казначейства отметил, что победа евроскептика превратит тори в националистическую антиевропейскую партию, у которой не будет шансов на возвращение к власти³.

Кандидатами, разделявшими взгляды евроскептиков, стали М. Говард и Дж. Редвуд. Первый выступал за пересмотр Договора о Европейском союзе (Маастрихтских соглашений) и подписание нового, который укрепит суверенитет Британии в рамках союза. Особую озабоченность М. Говарда

вызывала единая сельскохозяйственная политика ЕС, которая, по его мнению, априори не могла быть эффективной⁴. Дж. Редвуд разделял опасения своих соратников по политическому лагерю: ЕС, по их мнению, постепенно превращается в супергосударство.

Один из фаворитов гонки У. Хейг первоначально предпочел не касаться европейской темы. Это был политический расчет, поскольку многими экспертами политик тогда воспринимался как компромиссная фигура, которая сможет объединить правое и левое крыло партии после катастрофы на парламентских выборах.

В первом туре ни один из кандидатов не сумел набрать необходимое количество голосов членов парламентской фракции, а М. Говард выбыл из борьбы. У. Хейг практически сразу после первого тура голосования объявил, что выступает против введения в ближайшем будущем в Великобритании евро в качестве официальной валюты. Претендент заявил, что под его руководством тори будут выступать как против вступления в еврозону, так и против дальнейшей политической интеграции в Европе⁵. Таким образом политик стремился привлечь голоса депутатов, поддержавших в первом туре М. Говарда. Впрочем, заявления У. Хейга поставили партию на грань раскола: по сообщениям СМИ некоторые депутаты-консерваторы пригрозили выйти из КП в случае победы кандидата-евроскептика⁶. Обратил на это внимание и К. Кларк, который в письме к коллегам подчеркнул, что позиция его оппонентов ведет к расколу партии⁷. Политик призвал своих соперников не превращать гонку в «скучную драку из-за Европы». Поддержал К. Кларка «ветеран» тори Дж. Хау, отметив, что победа одного из соперников еврооптимиста неминуемо приведет КП к расколу⁸.

Выбывший из гонки после второго тура Дж. Редвуд перед решающим этапом голосования неожиданно поддержал К. Кларка. Претендент и экс-претендент попытались сместить акцент с европейской проблемы, образовав союз еврооптимистов и евроскептиков ради будущего партии. Однако этот альянс не принес К. Кларку успеха. Депутаты-евроскептики, которые во втором туре

²Speech to the College of Europe («The Bruges Speech») [Electronic resource] // Margaret Thatcher Foundation. 1988. 20 September. URL: <https://www.margaretthatcher.org/document/107332> (date of access: 21.03.2018).

³Former Chancellor Warns Tories Could Become Unelectable [Electronic resource] // BBC. 1997. 12 May. URL: <http://web.archive.org/web/20050106202934/http://www.bbc.co.uk:80/politics97/news/05/0512/clarke.shtml> (date of access: 21.03.2018).

⁴Howard sets out his Euro Credentials [Electronic resource] // BBC. 1997. 18 May. URL: <http://web.archive.org/web/20050110232225/http://www.bbc.co.uk:80/politics97/news/05/0518/howard.shtml> (date of access: 21.03.2018).

⁵Hague Opposes Single Currency [Electronic resource] // BBC. 1997. 12 Jun. URL: <http://web.archive.org/web/20041129235459/http://www.bbc.co.uk:80/politics97/news/06/0612/hague.shtml> (date of access: 21.03.2018).

⁶Europhile Tories May Break Away [Electronic resource] // BBC. 1997. 16 Jun. URL: <http://web.archive.org/web/20041216140001/http://www.bbc.co.uk:80/politics97/news/06/0616/defect.shtml> (date of access: 21.03.2018).

⁷Europe Overshadows Tory Leadership Battle [Electronic resource] // BBC. 1997. 12 Jun. URL: <http://web.archive.org/web/20041220225331/http://www.bbc.co.uk:80/politics97/news/06/0612/tories.shtml> (date of access: 21.03.2018).

⁸Howe issues Last Minute Plea for Clarke [Electronic resource] // BBC. 1997. 16 Jun. URL: <http://web.archive.org/web/20041216140522/http://www.bbc.co.uk:80/politics97/news/06/0616/leadership.shtml> (date of access: 21.03.2018).

отдали свои голоса Дж. Редвуду, в третьем туре поддержали У. Хейга. Это лишний раз продемонстрировало принципиальность и важность европейского вопроса для тори: члены парламентской фракции не поддержали программу К. Кларка и Д. Редвуда, предпочтя ей евроскептическую платформу У. Хейга. Как отмечает исследователь П. Дори, для многих евроскептиков выборы лидера свелись к простой формуле: «Кто угодно, только не Кларк» [4, с. 30].

Исход голосования показал определенное расхождение настроений членов парламентской фракции, местных активистов КП и членов верхней палаты парламента Великобритании. За два дня до решающего тура выборов пресса опубликовала результаты опросов среди членов палаты лордов от КП, депутатов Европарламента, а также активистов местных партийных организаций. Среди этих групп наибольшей популярностью пользовался К. Кларк, он значительно опережал своего соперника. Так, экс-министру финансов симпатизировали 152 пэра (59 поддерживали У. Хейга), 242 лидера местных партийных организаций (против 223 голосов за соперника) и все 17 евродепутатов от партии консерваторов⁹. Однако на конференции КП в 1997 г. У. Хейг в целях легитимации своего лидерства провел внутрипартийный референдум, на котором 80 % тори поддержали нового лидера оппозиции [1, с. 80].

Нельзя не отметить тот факт, что по результатам выборов 1997 г. позиции парламентской фракции тори значительно сместились в сторону евроскептицизма. Комментаторы отмечали, что в целом ряде округов депутаты-еврооптимисты уступили свои места евроскептикам. Ввиду этого победа У. Хейга видится логичной, поскольку он смог аккумулировать голоса не только противников евроинтеграции, но и нейтральных депутатов-тори, надевавшихся на то, что молодой политик сумеет разработать линию, которая объединит расколотую партию.

На существование раскола среди консерваторов указывали в том числе и результаты общественных опросов, проведенных накануне всеобщих выборов. Так, в апреле 1997 г. 44 % респондентов определяли КП как расколотую партию¹⁰. При формировании теневого кабинета У. Хейг предпринял действия по сплочению: лидер пригласил в теневой кабинет всех своих бывших соперников, а К. Кларку предложил пост заместителя лидера партии. Од-

нако лидер еврооптимистов отверг предложение У. Хейга в знак протеста против позиции последнего по «европейскому вопросу». В итоге ключевые посты в теневом правительстве заняли консерваторы-евроскептики, нескольким еврооптимистам достались не самые значительные портфели.

В период руководства У. Хейга в европейском курсе консерваторов доминировали два вопроса: оппозиция дальнейшему углублению европейской интеграции и кампания против вступления Великобритании в еврозону.

В первом вопросе У. Хейг отошел от позиции своих предшественников. Он выступил против подписания Амстердамского договора, который был одобрен новым лейбористским правительством Великобритании в июне 1997 г. Договор предполагал углубление политической интеграции ЕС, расширение полномочий Европарламента, формирование общей политики безопасности и обороны. В рамках договора премьер-министр Т. Блэр согласился на распространение на Великобританию действия Социальной главы Маастрихтского договора, которая лишала страну права вето при разработке общеевропейского законодательства в области социальной политики.

Перед подписанием Амстердамского договора У. Хейг призвал правительство провести референдум. Политик назвал договор «плохим для Европы и плохим для Британии». Кроме того, лидер тори осудил Т. Блэра за то, что тот, подписав Социальную главу, отказался от права вето в вопросах политики в области занятости, а также передал дополнительные полномочия Европарламенту¹¹. Заявление У. Хейга раскритиковал экс-министр в правительстве М. Тэтчер, член Европейской комиссии Л. Бриттан. Чиновник высказал мнение о том, что консерваторы должны отказаться от своей исключительной озабоченности европейским вопросом и сосредоточиться на других важных проблемах. Также Л. Бриттан отметил, что нет никаких оснований проводить референдум, так как по более значительному Маастрихтскому соглашению консервативное правительство плебисцит не проводило¹². Против идеи о референдуме выступил и неформальный лидер еврооптимистов К. Кларк, который, как он сам отмечал, является сторонником парламентской системы, а не прямой демократии. Политик выразил надежду на то, что У. Хейг не будет «сдвигать» партийную позицию в сторону радикального евроскептицизма¹³.

⁹Hague «Number Two» for Grassroots voters as well [Electronic resource] // BBC. 1997. 17 Jun. URL: <http://web.archive.org/web/20041220225928/http://www.bbc.co.uk:80/politics97/news/06/0617/grassroots.shtml> (date of access: 21.03.2018).

¹⁰Conservative Party image [Electronic resource] // Ipsos MORI. 2015. 25 September. URL: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/conservative-party-image> (date of access: 21.03.2018).

¹¹Hague demands referendum on Amsterdam [Electronic resource] // BBC. 1997. 27 Jun. URL: <http://web.archive.org/web/20001211195800/http://www.bbc.co.uk:80/politics97/news/06/0627/hague.shtml> (date of access: 21.03.2018).

¹²Europe issue haunts Tories Again [Electronic resource] // BBC. 1997. 4 Jul. URL: <http://web.archive.org/web/20050122062830/http://www.bbc.co.uk:80/politics97/news/07/0704/brittan.shtml> (date of access: 21.03.2018).

¹³Clarke dismisses referendum call [Electronic resource] // Independent. 1997. 1 Jul. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/clarke-dismisses-referendum-call-1248512.html> (date of access: 21.03.2018).

Позднее, перед ежегодным съездом партии, У. Хейг отказался от агитации за референдум, отметив для себя бесперспективность этой идеи. В ходе партийной конференции Амстердамский договор стал объектом критики со стороны М. Говарда. Он обратил внимание на то, что новое соглашение концентрируется не на насущном вопросе расширения Евросоюза, а предполагает шаги по углублению интеграции. М. Говард в очередной раз заявил, что консерваторы выступают за Европейский союз суверенных наций, а не за европейское супергосударство, назвав Амстердамский договор настоящим провалом правительства Т. Блэра¹⁴. Идея Европейского союза наций прозвучала и в речи партийного лидера. У. Хейг на этот раз не стал резко критиковать соглашение, но отметил, что ЕС уже практически достиг потолка политической интеграции.

Депутаты-евроскептики сохраняли свою линию и в ходе дебатов в палате общин Великобритании по поводу ратификации договора. Кроме того, У. Хейг сделал еще один шаг к отказу от компромиссной политики Дж. Мейджора и ввел для депутатов-консерваторов обязательное голосование против ратификации соглашения. Этот шаг с непониманием был встречен еврооптимистами. К. Кларк заявил, что Амстердамский договор, как и любое другое европейское соглашение, имеет сильные и слабые стороны, но он однозначно не предполагает передачу дополнительных полномочий из Лондона в Брюссель¹⁵. Несколько видных еврооптимистов выразили протест руководству партии, не посетив заседание палаты общин Великобритании, на котором проходило голосование по вопросу ратификации соглашения. Однако демарш К. Кларка, М. Хезелтайна и экс-премьер-министра Э. Хита не нашел поддержки в парламентской фракции: никто из депутатов-консерваторов не проголосовал за ратификацию договора.

В предвыборной программе, подготовленной к выборам в Европарламент 1999 г., руководство КП изложило свое видение того, по какому пути должен двигаться ЕС. Тори констатировали, что, поскольку ЕС почти достиг потолка политической интеграции, наднациональным органам следует сосредоточиться на расширении сообщества и де-бюрократизации экономической жизни ЕС. Консерваторы призывали сделать сообщество более

гибким, учитывать разные скорости интеграции в ЕС государств-членов. К тому же тори призывали расширить применение принципа субсидиарности и закрепить это в новом договоре¹⁶.

Евроскептическая программа помогла КП победить на выборах в Европарламент. Консерваторы получили 33,5 % голосов и удвоили число евродепутатов (с 18 в 1994 г. до 36 в 1999 г.). За лейбористов свои голоса отдали 26,8 % пришедших на участки избирателей, партия получила лишь 29 мест в Европарламенте (на выборах 1994 г. лейбористы завоевали 62 места). Этот успех был воспринят руководством КП как однозначная поддержка избирателями евроскептической политической линии. Как результат позиция руководства партии по европейскому вопросу после выборов ужесточилась.

В декабре 2000 г. лидеры стран ЕС подписали в Ницце новый договор. Соглашение было направлено прежде всего на подготовку союза к расширению на восток. В числе прочего оно предполагало отмену права вето государств-членов при голосовании по большому кругу вопросов. Как отмечали аналитики, Великобритания отказалась от права вето в 23 сферах. Несмотря на замечания Т. Блэра о том, что многие из этих вопросов не носят принципиального характера, оппозиция обрушилась с критикой на правительство. Член теневого кабинета Ф. Мод отметил, что консерваторы не станут ратифицировать этот договор, если выиграют следующие выборы. Ф. Мод выразил озабоченность углублением политической интеграции ЕС, повторив собственный тезис, озвученный во время предварительного обсуждения саммита в Ницце¹⁷. Лидер тори У. Хейг назвал договор в Ницце тремя большими шагами к европейскому супергосударству. Он подчеркнул, что договор ведет Европу в неправильном направлении. По словам лидера оппозиции, консерваторы в случае прихода к власти не станут ратифицировать это соглашение. У. Хейг и в этот раз заметил, что правительство должно было вынести очередной европейский договор на референдум¹⁸. Пункт о Ниццком договоре был включен в предвыборную программу КП: тори обещали, что не станут ратифицировать этот договор и инициируют его новое обсуждение в целях возвращения Великобритании права вето в нескольких важных областях.

¹⁴Speech by Michael Howard to the Conservative Party Conference in Blackpool [Electronic resource] // Conservative Party. 1997. URL: <http://web.archive.org/web/19971018023249/http://www.tory.org.uk:80/conference/mhoward.html> (date of access: 21.03.2018).

¹⁵Tories face more bloodletting over policy on Europe [Electronic resource] // Independent. 1997. 1 Novemb. URL: <https://www.independent.co.uk/news/politics-tories-face-more-bloodletting-over-policy-on-europe-1291311.html> (date of access: 21.03.2018).

¹⁶The Conservative Party Manifesto. In Europe, not run by Europe [Electronic resource] // BBC. 1999. 25 May URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/events/euros_99/parties_and_issues/351663.stm (date of access: 05.04.2018).

¹⁷Maude calls for «flexible» EU [Electronic resource] // BBC. 2000. 7 Dec. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/1059776.stm (date of access: 21.03.2018).

¹⁸Hague attacks Nice deal [Electronic resource] // BBC. 11 Dec. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/1065883.stm (date of access: 21.03.2018).

В целом теневой кабинет консерваторов в 1997–2001 гг. по вопросу углубления интеграции ЕС занимал критическую позицию. Основными требованиями тори были сохранение максимального суверенитета британского парламента на территории страны и недопущение превращения ЕС в супергосударство. Оппозиция выступала за более гибкий союз, который сможет учитывать разные скорости интеграции стран-членов. Кроме того, консерваторы в своей оппозиционной тактике использовали элементы правого популизма, призывая провести референдумы по вопросам ратификации Амстердамского договора и Ниццкого договора. При этом позиция теневого кабинета вызывала постоянную критику со стороны еврооптимистов. Лидеры этой группировки призывали У. Хейга не делать акцент на европейском вопросе, а также отмечали губительность жесткой евроскептической линии для партийного имиджа.

Однако наиболее острую внутрипартийную дискуссию вызвал второй вопрос европейской повестки дня: о вступлении Великобритании в еврозону. Планы по созданию единой европейской валюты были очерчены на переговорах в Маастрихте и зафиксированы в соглашениях. Правительство Дж. Мейджора не стало подписывать эту часть Маастрихтских соглашений, таким образом Великобритания не брала на себя обязательство вступать в еврозону в 1999 г. В предвыборной программе 1997 г. тори обещали, что если введение евро будет экономически целесообразным, то правительство вынесет данный вопрос на общенациональный референдум. При этом консерваторы не отрицали возможность вступления в еврозону, вопрос находился лишь в плоскости экономической выгоды¹⁹.

Уже в период выборов лидера партии У. Хейг отказался от позиции предшественника, заявив, что он будет выступать против вхождения Великобритании в еврозону. При этом У. Хейг не исключал того, что страна может оказаться в еврозоне, но это должно было случиться не раньше, чем через 10 лет²⁰.

Накануне партийной конференции 1997 г. теневой кабинет сформировал официальную позицию: лидеры консерваторов заявили, что Великобритания не должна вступать в еврозону в обозримом будущем. Столь расплывчатая формулировка воз-

никла из-за того, что в теневом кабинете не было общего мнения по вопросу о единой валюте. Несколько еврооптимистов и вовсе не посетили заседание, на котором обсуждалась эта проблема. В итоге в ходе конференции теневой министр иностранных дел М. Говард подтвердил, что консерваторы выступают против вступления в еврозону в обозримом будущем²¹. Такая формулировка была скорее компромиссной, потому что устраивала как умеренных еврооптимистов-консерваторов, так и евроскептиков.

Однако после конференции теневой кабинет сформировал более конкретную и менее компромиссную позицию. Руководство консерваторов объявило, что евро не должно быть введено как минимум в ближайшие десять лет, т. е. в срок легислатуры двух парламентов. Этот тезис в дальнейшем не раз повторялся лидером и ведущими членами КП и стал камнем преткновения во внутрипартийных дискуссиях евроскептиков и их оппонентов.

В ходе борьбы против введения евро У. Хейг и его соратники в основном использовали аргументы экономического порядка. Лидер тори отмечал, что «монетарный суверенитет хоть и не позволяет правительству делать все, что захочется, но он предоставляет возможность экономического выбора»²². По мнению У. Хейга, если Великобритания введет единую валюту с Испанией, Францией или Италией, где безработица выше, а уровень экономической конкуренции ниже, – это, возможно, станет причиной катастрофы. Лидер консерваторов приводил в пример неудачный опыт участия правительства Дж. Мейджора в европейском механизме обменных курсов, что стало главным экономическим провалом руководства. При этом У. Хейг отмечал, что у Британии хотя бы была возможность покинуть механизм, чтобы спасти экономику. В случае с евро такой возможности уже не будет²³.

Одновременно с этим У. Хейг использовал «институциональный» аргумент. Он высказывал мысль о том, что введение единой европейской валюты приведет к потере государствами суверенитета, так как правительства больше не смогут самостоятельно регулировать налогообложение и управлять бюджетом. По мнению политика, это прямой шаг к созданию единого европейского государства, против чего консерваторы будут выступать всегда²⁴.

¹⁹1997 Conservative Party. General Election Manifesto [Electronic resource] // Conservative Party Manifestos. URL: <http://www.conservativemanifesto.com/1997/1997-conservative-manifesto.shtml> (date of access: 21.03.2018).

²⁰Hague Opposes Single Currency [Electronic resource] // BBC. 1997. 12 Jun. URL: <http://web.archive.org/web/20041129235459/http://www.bbc.co.uk/80/politics/97/news/06/0612/hague.shtml> (date of access: 21.03.2018).

²¹Speech by Michael Howard to the Conservative Party Conference in Blackpool [Electronic resource] // Conservative Party. 1997. URL: <http://web.archive.org/web/19971018023249/http://www.tory.org.uk/80/conference/mhoward.html> (date of access: 21.03.2018).

²²William Hague's European Policy [Electronic resource] // The Bruges Group. URL: <https://www.brugesgroup.com/media-centre/papers/8-papers/791-william-hague-s-european-policy> (date of access: 21.03.2018).

²³William Hague's European Policy [Electronic resource] // The Bruges Group. URL: <https://www.brugesgroup.com/media-centre/papers/8-papers/791-william-hague-s-european-policy> (date of access: 21.03.2018).

²⁴The Potential for Europe and the Limits to Union. Speech by William Hague [Electronic resource] // Conservative Christian Fellowship. URL: <http://web.archive.org/web/19991009001912/http://ourworld.compuserve.com:80/homepages/ccfhub/HAGUEF-BL.HTM> (date of access: 21.03.2018).

При этом в парламентской фракции консерваторов не был достигнут консенсус по вопросу введения евро. Несмотря на то что большинство депутатов все же относили себя к евроскептикам, ряд видных еврооптимистов развернул кампанию против партийного руководства. Первые протесты вызвало принятие формулы «не вводить евро в период полномочий ближайших двух парламентов». В октябре-ноябре 1997 г. два члена теневого кабинета И. Тэйлор и Д. Карри ушли в отставку, выступив против такой политической линии руководства. Еще дальше пошел К. Кларк, который призвал сформировать межпартийную группу в поддержку введения в Великобритании евро. Против политики теневого кабинета выступили М. Хезетлайн и член парламента П. Тэмпл-Моррис. Последний вскоре был исключен из партии за систематическую критику руководства и «открытый флирт» с «новыми» лейбористами.

В январе 1998 г. ряд видных еврооптимистов выразили готовность сотрудничать с лейбористами. В открытом письме газете *The Independent* они поддержали правительство Т. Блэра в намерении вступить в еврозону. Под письмом подписи поставили К. Кларк, М. Хезетлайн, Э. Хит, Л. Бриттан, К. Паттен и другие известные тори. Политики выражали уверенность в том, что Великобритания должна готовиться к вступлению в еврозону, так как это соответствует интересам страны. На следующий день У. Хейг заявил о намерении не отступать от своей позиции и отметил, что «не собирается играть в русскую рулетку с будущим Великобритании»²⁵.

Проевропейская группировка КП объединилась вокруг групп «Консерваторы за Европу» и «Группа реформы тори» (внутрипартийный клуб, исповадовавший консерватизм одной нации). Видные еврооптимисты в прессе изложили свои аргументы в пользу вступления Британии в еврозону. По мнению еврооптимистов, единая европейская валюта откроет перед страной заманчивые экономические перспективы. Евро является логичным итогом развития общего рынка. Единая валюта предоставит европейским странам возможность получить максимальную выгоду от объединенных финансовых рынков. Кроме того, она способна обеспечить стабильный рост экономики при низких уровнях инфляции и безработицы. Также единая валюта в итоге будет способствовать снижению цен на товары и услуги, уменьшению издержек для бизнеса, поскольку исчезнет необходимость в конвертации валют. Еврооптимисты считали, что единая евро-

пейская валюта будет способствовать усилению конкуренции между европейскими компаниями, которые по этой причине будут вынуждены совершенствоваться, что пойдет только на пользу экономике еврозоны. Отвечали еврооптимисты и на конституционные аргументы оппонентов, призывая отказаться от старомодного понятия «национальный суверенитет» и извлечь максимальную выгоду из пребывания страны в ЕС²⁶.

Находясь под постоянным огнем критики со стороны еврооптимистов, У. Хейг постарался сплотить вокруг себя консерваторов-евроскептиков. Серьезную победу над оппонентами лидер тори одержал в мае 1998 г., когда большинство выдвинутых кандидатов в евродепутаты поддержали линию партийного руководства. При этом в партийный список не попал действующий депутат Европарламента Дж. Стивенс, который отказался поддерживать У. Хейга. В июне лидер консерваторов совершил ряд перестановок в теневом кабинете, в результате которых несколько евроскептиков получили более значительные посты.

В ходе партийной конференции 1998 г. лидеры проевропейской группировки вновь обрушились на партийное руководство с критикой, а также выразили поддержку еврооптимистической линии правительства. У. Хейг в целях нейтрализации оппонентов пошел на решительный шаг: он вынес на внутривнутрипартийный референдум вопрос о вступлении Британии в еврозону. На референдуме 84,4 % проголосовавших поддержали позицию руководства партии, согласно которой Великобритания не должна вступать в еврозону как минимум до завершения легислатуры следующего парламента, а 15,9 % выступили против данной позиции. Таким образом, лидер получил одобрение рядовых членов партии.

Победа на референдуме убедила У. Хейга в том, что нет необходимости в поисках компромиссов с оппонентами-еврооптимистами. Риторика лидера тори стала жестче. Накануне выборов в Европарламент У. Хейг пригрозил К. Кларку и М. Хезеттайну исключением из партии в том случае, если во время избирательной кампании они будут призывать голосовать за «Проевропейских консерваторов» – группу, которую организовали вышедшие из КП евродепутаты Дж. Стивенс и Б. Доннели²⁷. Лидеры еврооптимистов не стали поддерживать бывших партийцев и во время предвыборной кампании не агитировали против собственной партии.

После выборов разобщенность в КП вновь обострилась. К. Кларк и М. Хезетлайн вместе с лидера-

²⁵Tories join battle in a fight for the party's soul [Electronic resource] // Independent. 1998. 6 Jan. URL: <https://www.independent.co.uk/news/tories-join-battle-in-a-fight-for-the-partys-soul-1137006.html> (date of access: 21.03.2018).

²⁶A Pro-European Policy for Conservaitves [Electronic resource] // The Tory Reform Group. 1999. URL: <https://web.archive.org/web/20020613112708/http://trg.org.uk:80/publications/proeuropeanpolicy.html> (date of access: 21.03.2018).

²⁷Hague threatens to expel party big guns [Electronic resource] // Independent. 1999. 1 March. URL: <https://www.independent.co.uk/news/hague-threatens-to-expel-party-big-guns-1077567.html> (date of access: 21.03.2018).

ми лейбористов и либеральных демократов приняли активное участие в организации межпартийной кампании «Британия в Европу». Кампания стала крупнейшим в стране «адвокатом» вступления в валютный союз. Она призывала британцев на референдуме, который, как ожидалось, должен был пройти после парламентских выборов, голосовать за вхождение страны в еврозону.

В ответ У. Хейг организовал свою кампанию «Сохраним фунт». Она стала логичным продолжением избирательной кампании тори перед выборами в Европарламент. Консерваторы подтвердили свое обещание не вводить евро как минимум в ближайшие десять лет и не проводить в этот период референдум по данному вопросу. Этот же пункт вошел и в предвыборную программу КП в 2001 г.

Вопрос о евро У. Хейг сделал одним из центральных в избирательной кампании. По мнению исследователя Э. Форстера, лидер тори под влиянием победы на выборах в Европарламент и результатов опросов общественного мнения, демонстрировавших негативное отношение большинства британцев к евро, решил, что нашел ахил-

лесову пятау «новых» лейбористов [3, с. 125]. Однако это мнение оказалось ошибочным. Излишняя концентрация консерваторов на европейском вопросе, а также постоянная внутрипартийная борьба негативно сказывались на имидже консерваторов. Часть респондентов (30 %) считали, что КП расколота²⁸, 65 % опрошенных отмечали, что консерваторы излишне концентрируются на европейской тематике, для многих избирателей КП превратилась в «партию одного вопроса» [1, с. 160]. Кроме того, сама ставка на Европу не сработала: проблема евроинтеграции перед выборами 2001 г. не входила в тройку наиболее важных для избирателей вопросов²⁹. Консерваторы четко обозначили свою евроскептическую позицию, построили вокруг нее работу с избирателями, в результате чего на обсуждение других, более важных для жителей страны вопросов у тори просто не хватило времени. По мнению исследователя Н. Дж. Кроусона, это означало, что руководство КП не понимало реальных потребностей людей [2, с. 67]. Все эти факторы привели ко второму подряд поражению тори на парламентских выборах.

Заключение

Таким образом, в 1997–2001 гг. «европейский вопрос» был одним из самых дискуссионных внутри КП. Новое руководство сместило партийную позицию в сторону евроскептицизма, что вызвало сопротивление со стороны группировки еврооптимистов. Лидер тори У. Хейг, уверенный в правильности евроскептической политики, не стремился найти компромисс с оппонентами. Постоянная конфронтация вокруг европейской политики ото-

двигала на второй план более насущный вопрос об обновлении партийной доктрины, разработке новых подходов в социально-экономической политике. Несмотря на тактический успех на выборах в Европарламент, консерваторы не смогли подойти к главной избирательной кампании объединенной и обновленной партии. Это послужило одной из причин второго подряд поражения на парламентских выборах.

Библиографические ссылки

1. Garnett M, Lynch Ph. *The Conservatives in crisis*. Manchester: Manchester University Press; 2003. 272 p.
2. Crowson NJ. *The Conservative Party and European Integration since 1945. At the heart of Europe?* London: Routledge; 2007. 306 p.
3. Forster A. *Euroscepticism in Contemporary British Politics*. London: Routledge; 2004. 157 p.
4. Dorey P. Towards Exit from the EU: The Conservative Party's Increasing Euroscepticism since the 1980s. *Politics and Governance*. 2017;5(2):27–40. DOI: 10.17645/pag.v5i2.873.

References

1. Garnett M, Lynch Ph. *The Conservatives in crisis*. Manchester: Manchester University Press; 2003. 272 p.
2. Crowson NJ. *The Conservative Party and European Integration since 1945. At the heart of Europe?* London: Routledge; 2007. 306 p.
3. Forster A. *Euroscepticism in Contemporary British Politics*. London: Routledge; 2004. 157 p.
4. Dorey P. Towards Exit from the EU: The Conservative Party's Increasing Euroscepticism since the 1980s. *Politics and Governance*. 2017;5(2):27–40. DOI: 10.17645/pag.v5i2.873.

Статья поступила в редколлегию 04.04.2018.
Received by editorial board 04.04.2018.

²⁸Conservative Party Image [Electronic resource] // Ipsos MORI. 2015. 25 September. URL: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/conservative-party-image> (date of access: 21.03.2018).

²⁹Importance Of Key Issues To Voting [Electronic resource] // Ipsos MORI. 2015. 20 April. URL: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/importance-key-issues-voting> (date of access: 21.03.2018).

ИСТОРИОГРАФИЯ

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

HISTORIOGRAPHY

УДК 378.4

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ ИСТОРИКОВ БГУ (1921–2017)

В. В. СЕРГЕЕНКОВА¹⁾, О. А. ЯНОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Прослежены основные этапы и направления преподавания и исследований истории России на историческом факультете Белорусского государственного университета в XX – начале XXI в. Изучение истории России началось с момента открытия университета в 1921 г. и связано с именем первого ректора В. И. Пичеты. В сложных политических условиях работали белорусские русисты в 1920–30-е гг. В последующие десятилетия интерес университетских историков к истории России снизился, исследователи сконцентрировались на белорусской проблематике. Только с середины 1970-х гг. произошел возврат к изучению различных аспектов российской истории. Это касается проблем XIX – начала XX в. и связано с именем профессора И. В. Оржеховского. Показано формирование школы специалистов-русистов на возрожденной в 1998 г. кафедре истории России. Рассматриваются основные направления современной исследовательской и преподавательской практики коллектива кафедры, которые связаны с широким хронологическим и тематическим спектром проблем: от налогов/дани в период древнерусской истории до причин и последствий сталинизма, от внешнеполитических обстоятельств формирования российской государственности до современных политических процессов на постсоветском пространстве. На кафедре истории России по-прежнему активно изучается XIX в. Исследования гармонично дополняют общепрофессиональную дисциплину «История России и Украины», а также всевозможные дисциплины специализации и дисциплины по выбору для студентов ведущего белорусского университета.

Ключевые слова: кафедра истории России БГУ; русистика; В. И. Пичета; И. В. Оржеховский; историческая школа исследователей XIX в.; опыт преподавания; тематика исследований; дисциплина «История России и Украины».

Образец цитирования:

Сергеевкова ВВ, Яновский ОА. Российская история в исследовательской и преподавательской практике историков БГУ (1921–2017). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018;4:117–128.

For citation:

Sergeenkova VV, Yanovski OA. Russian history in research and teaching practice of historians of BSU (1921–2017). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;4: 117–128. Russian.

Авторы:

Вера Васильевна Сергеевкова – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории России исторического факультета.

Олег Антонович Яновский – кандидат исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории России исторического факультета.

Authors:

Vera V. Sergeenkova, PhD (history); associate professor at the department of history of Russia, faculty of history. sergeenkova_vera@mail.ru

Oleg A. Yanovski, PhD (history), full professor; head of the department of history of Russia, faculty of history. helgoleg@mail.ru

РАСІЙСКАЯ ГІСТОРЫЯ Ў ДАСЛЕДЧАЙ І ВЫКЛАДЧЫЦКАЙ ПРАКТЫЦЫ ГІСТОРЫКАЎ БДУ (1921–2017)

В. В. СЯРГЕЕНКАВА^{1*}, А. А. ЯНОЎСКИ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Прасочаны асноўныя этапы і напрамкі даследаванняў гісторыі Расіі на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта XX – пачатку XXI ст. Вывучэнне гісторыі Расіі пачалося з моманту адкрыцця ўніверсітэта ў 1921 г. і звязана з імем яго першага рэктара У. І. Пічэты. У складаных палітычных умовах працавалі беларускія расіязнаўцы ў 1920–30-я гг. У наступныя дзесяцігоддзі цікавасць універсітэцкіх гісторыкаў да гісторыі Расіі зменшылася, даследчыкі сканцэнтраваліся на беларускай праблематыцы. Толькі з сярэдзіны 1970-х гг. адбыўся зварот да вывучэння розных аспектаў расійскай гісторыі. Гэта датычыцца праблем XIX – пачатку XX ст. і звязана з імем прафесара І. В. Аржахоўскага. Паказана фарміраванне школы спецыялістаў-расіязнаўцаў на адроджанай у 1998 г. кафедры гісторыі Расіі. Разглядаюцца асноўныя напрамкі сучаснай даследчай і выкладчыцкай практыкі калектыву кафедры, якія звязаны з шырокім храналагічным і тэматычным спектрам: ад праблем падаткаў/даніны ў перыяд старажытнарускай гісторыі да прычын і наступстваў сталінізму, ад знешнепалітычных абставін фарміравання расійскай дзяржаўнасці да сучасных палітычных працэсаў на постсавецкай прасторы. На кафедры гісторыі Расіі па-ранейшаму актыўна вывучаецца XIX ст. Даследаванні гарманічна дапаўняюць агульнапрафесійную дысцыпліну «Гісторыя Расіі і Украіны», а таксама разнастайныя дысцыпліны спецыялізацыі і дысцыпліны па выбары для студэнтаў Беларускага ўніверсітэта.

Ключавыя словы: кафедра гісторыі Расіі БДУ; расіязнаўства; У. І. Пічэта; І. В. Аржахоўскі; гістарычная школа даследчыкаў XIX ст.; вопыт выкладання; тэматыка даследаванняў; дысцыпліна «Гісторыя Расіі і Украіны».

RUSSIAN HISTORY IN RESEARCH AND TEACHING PRACTICE OF HISTORIANS OF BSU (1921–2017)

V. V. SERGEENKOVA^a, O. A. YANOVSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. V. Sergeenkova (sergeenkova_vera@mail.ru)

Traced the main stages and directions of research of XX – beginning of XXI century at the Department of history of Russia of Belarusian state University on the history of Russia. The study of the history of Russia began with the opening of the Belarusian State University in 1921 and is associated with the name of its first rector V. I. Picheta. The Belarusian historians specialising in Russian history worked under difficult political conditions in the 1920–30s. In subsequent decades, historians at the University have reduced their interest in Russian history, focusing on the problems of history of Belarus. Only since the mid-1970s there was a return to the study of various aspects of Russian history. It concerns the problems of the XIX – early XX century associated with the name of Professor I. V. Orzechowski. Shows the formation of restored in 1998 the Department of Russian history school of specialists in Russian history. The main directions of modern researches and teaching experience of teachers in the Department are considered in the article. They are associated with a wide chronological and thematic range, from issues of taxes and tribute in the Ancient period of Russian history to the causes and consequences of Stalinism; from the foreign circumstances of formation of the Russian statehood to the modern political processes in post-Soviet space. Still actively studied Russian history of the XIX century. Research harmoniously complement the content of General professional discipline «History of Russia and Ukraine», all sorts of disciplines of specialization and elective courses for students of the Belarusian State University.

Key words: department of Russian History BSU; Russian studies; V. I. Picheta; I. V. Orzechowski; historical school researchers of the XIX century; experience in teaching; research topics; discipline «History of Russia and Ukraine».

Введение

Исследовательская проблема «россиеведение» в Беларуси в целом и в Белорусском государственном университете в частности до сих пор не была предметом специальных научных интересов отечественных и зарубежных историков. Однако она продуктивна в научном осмыслении, так как изучение российской истории постоянно развивалось с момента открытия университета, т. е.

с 1921 г. Актуальность проблемы состоит в том, что историки БГУ внесли существенный вклад в разработку направлений изучения российской истории и выделение ее периодов. Накопленные результаты и опыт исследований должны стать достоянием историков и общественности не только Беларуси. Российская история изучалась последовательно на профильной кафедре, которую за почти

100 лет существования постоянно переименовывали, подстраиваясь под изменяющиеся политические обстоятельства. Она носила названия: «кафедра русской истории», «кафедра истории России», «кафедра истории народов СССР», «кафедра истории СССР», «кафедра истории СССР досоветского периода» и «кафедра истории СССР эпохи социализма», «кафедра российской истории», «кафедра российской и славянской истории» и др. Накопленные педагогические традиции и методы исследования продолжены на кафедре истории России, становление которой относится к 1998 г. В июне 2018 г. кафедре исполнилось 20 лет. Сегодня коллектив ка-

федры – это 14 опытных преподавателей, которые ведут исследования по различным направлениям и периодам российской истории, активно осваивая проблематику и украинской истории. Им присущи постоянное совершенствование и внедрение в учебный процесс инновационных методов преподавания общих и специальных дисциплин. Кафедра активно участвует в подготовке специалистов с высшим образованием, магистров, а также кадров высшей квалификации. Накопленный опыт, без сомнения, представляет интерес для профессионалов и любителей, занимающихся постижением многогранной российской истории.

Основная часть

С полной уверенностью можно говорить о том, что белорусы обязаны становлению на своей земле университетского образования историку В. И. Пичете. Первый ректор Белорусского государственного университета наладил эффективную работу по линии преподавания и исследования различных исторических эпох, определил научно-образовательные парадигмы. Он преподавал наиболее важные в профессиональном и политическом отношении курсы. История России XIX – начала XX в. являлась определяющей наравне с белорусской историей.

Ректор-историк разработал новые оригинальные курсы, которые с осени 1921 г. стал читать студентам факультета общественных наук, а несколько позже – студентам педагогического факультета и факультета права и хозяйства. Доминировали два курса: «История народного хозяйства России и Белоруссии» и «История права России и Белоруссии». Будущим гуманитариям В. И. Пичета читал курс источниковедения и историографии, увязывая материал с общей и конкретной российско-белорусской проблематикой. На социально-историческом отделении педагогического факультета была создана группа специализации по российской истории с акцентом в преподавании на периоде протекания трех революций начала XX в.

Разносторонний историк не мог не обратить внимания белорусских студентов на важные точки исторического соприкосновения двух народов. Таковой, например, была история рабочего движения в России и Беларуси. Актуальность одноименного спецкурса возросла накануне 20-летнего юбилея первой российской революции. Эту тему В. И. Пичета излагал, обращаясь к обстоятельствам пореформенного развития России. Именно в том, в каких условиях жило трудовое население империи во

второй половине XIX в., он усматривал причины народного подъема 1905–1907 гг.¹

После окончания ссылки с середины 1930-х гг. В. И. Пичета жил и работал в Москве и весьма осторожно возобновлял контакты с минскими коллегами. Он приезжал в столицу БССР в качестве оппонента по диссертациям, был привлечен к разработке нескольких научных тем в Институте истории АН БССР и в БГУ. В обоих учреждениях трудоустройство проходило на одноименных секторе и кафедре истории СССР и БССР (названия в течение 1930-х гг. претерпевали изменения, но суть оставалась одной: исследование проблем совместной истории двух братских народов). Так, одной из тем, которой занимался бывший ректор БГУ, было социальное устройство крепостной вотчины Смоленского края во второй половине XVIII в.

В числе первых специалистов, преподававших в БГУ российскую историю XIX в., был высокопрофессиональный специалист профессор Д. А. Жаринов. В БГУ его пригласил знакомый и коллега по преподаванию в различных учебных заведениях Москвы В. И. Пичета. По заведенному правилу каждый новый университетский работник должен был получить рекомендации. Д. А. Жаринову ректор-историк дал следующую оценку: «Ни один исследователь крепостного хозяйства кануна реформы не обойдется без исследования Жаринова. <...> Я считаю Д. А. Жаринова достойным кандидатом на кафедру русской истории в Минский Университет»². Столь же лестно В. И. Пичета рекомендовал для работы в БГУ и профессора А. Ф. Изюмова. Оценки ректор подтвердил в 1921 г., когда университет готовился к приему первых студентов³. Однако А. Ф. Изюмову не суждено было приехать в Минск: его увез в Европу печально известный «философский пароход».

¹Пичета В. И. Крестьянское движение в Белоруссии в 1905 году // Труды Белорусского государственного университета в г. Минске. 1926. № 12. С. 95–119, 117; Пичета В. И. Рабочее движение в Белоруссии в 1905 г. // Труды Белорусского государственного университета в г. Минске. 1927. № 14–15. С. 154–168, 166.

²Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 2807. Л. 4.

³Там же. Ед. хр. 3220. Л. 5.

Без проблем оказался в Минске Д. А. Жаринов. Уже в июне 1921 г., за несколько месяцев до начала работы университета, историк согласился занять должность на кафедре истории России. Профессор продолжил специализироваться на проблемах XIX – начала XX в. Он читал лекции и вел семинары по общественным движениям в России первой половины XIX в., по реформе 1861 г., по истории русского народного хозяйства и др. Был у Д. А. Жаринова и спецкурс по истории России эпохи крепостного хозяйства XVII–XVIII вв. Знания профессора были востребованы в разработке учебных планов по российской истории в контексте белорусской истории. До 1928 г. в БССР он был олицетворением знатока-россиеведа истории новейшего периода. Именно за Д. А. Жариновым с 1922 г. была закреплена кафедра российской истории педагогического факультета БГУ. Рядом работал его коллега А. А. Савич, научные интересы которого затрагивали более ранние периоды истории России.

Все годы работы в БГУ Д. А. Жаринов пользовался поддержкой В. И. Пичеты. Вдвоем специалисты вели параллельные учебные курсы по российской истории. Д. А. Жаринов активно разрабатывал методику преподавания истории и обществоведения, стал ведущим в БССР методистом. Научно-преподавательская деятельность органично сочеталась с общественной и популяризаторской, что было абсолютно в духе времени. Историк мог на протяжении одной недели подготовить обстоятельный доклад о декабристе М. С. Лунине для заседания научного общества, а на студенческом литературном вечере представить свое прочтение примеров юмора 1920-х гг.

Однако изложение Д. А. Жариновым бурных событий и процессов XIX в. не всегда по достоинству оценивалось его белорусскими коллегами и студентами. Так, разгрому были подвергнуты лекции по российской истории, которые Д. А. Жаринов издал в виде литографированного курса для студентов педагогического факультета. Не без внимания остались и два его новых лекционных курса: «Русская история эпохи крепостного хозяйства» и «Русская история эпохи промышленного капитала», которые профессор начал читать в 1926/27 учебном году. Они предшествовали курсу «История России в эпоху империалистических войн и пролетарской революции» недавно прибывшего в БГУ историка В. А. Сербенты.

В центре критики оказались многие аспекты российской истории в изложении Д. А. Жаринова. В том числе, например, характеристика роли, которую сыграла российская интеллигенция в подготовке и проведении революций⁴. В феврале 1929 г.

(уже после отъезда историка из Минска) зло и с разоблачением «политического лица» был оценен весь профессорский труд Д. А. Жаринова: по оценке, целых шесть лет при прямом попустительстве ректора историк «безнаказанно обучал студентов тому, что... большевизм и меньшевизм – суть лишь два интеллигентских течения в русской социал-демократии, отличавшиеся друг от друга лишь темпераментом своих участников...»⁵

Обвинения Д. А. Жаринова в «немарксизме» звучали вкупе с травлей В. И. Пичеты. В октябре 1929 г. ректор не был переизбран на должность и вскоре оказался в ссылке. Д. А. Жаринову же удалось двумя годами ранее (при помощи В. И. Пичеты) уехать из БССР, сославшись на нездоровье. Практически сразу в адрес историка посыпались обвинения в великодержавном шовинизме, а для пущей убедительности – в сотрудничестве с белорусскими национал-демократами.

Еще более короткий путь в БГУ был пройден названным выше россиеведом А. А. Савичем. Этот профессор имел высшее духовное образование и диплом выпускника Московского университета, опыт преподавания он получил в Саратове. В 1917–1920 гг. А. А. Савич готовился к магистерским экзаменам у профессоров Николаевского Саратовского университета (сегодня – Саратовский национальный исследовательский университет имени Н. Г. Чернышевского) В. И. Веретенникова и С. Н. Чернова. Он работал над магистерской диссертацией под руководством М. К. Любавского и В. И. Веретенникова.

Рекомендацию для работы в Минске А. А. Савичу дал профессор Казанского университета К. В. Харлампович. Известный историк указал на высокий профессионализм земляка, упоминая его «специальный интерес к западнорусской истории»⁶.

В Минске уроженец Гродненщины А. А. Савич с осени 1921 по начало 1924 г. преподавал российскую историю, создал и руководил соответствующим учебным кабинетом. Он зарекомендовал себя как один из лучших лекторов и знатоков истории XVII–XVIII вв. За короткое время А. А. Савич буквально покориł студентов БГУ своей эрудицией. Помимо многих семинариев и просеминариев по истории России XVII–XVIII вв., он читал лекции студентам социально-исторического и этнолингвистического отделений педагогического факультета по всем периодам истории русской культуры и по истории народного образования, вел факультативы по источниковедению российской истории.

Для работы над источниками в русле своего специального интереса к западнорусской истории

⁴Бальшавік Беларусі. 1928. № 6–7. С. 18, 19.

⁵Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Ед. хр. 4698. Л. 37.

⁶Там же. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 7305. Л. 7, 7 об.

и завершения магистерской диссертации А. А. Савич регулярно навещался в Москву и Петроград⁷. В научные командировки белорусский профессор ездил вместе с коллегами по БГУ родом из Поволжья филологом А. Н. Вознесенским и молодым философом С. А. Аквилонным.

Энергичный преподаватель сразу обратил на себя внимание «компетентных органов», поскольку был очень религиозен, но более всего внимание привлекло его желание создать в БССР автокефальную православную церковь⁸. А. А. Савич был уличен в участии в религиозных собраниях, проводившихся в одном из переданных университету зданий, которое ранее принадлежало женской духовной семинарии. При этом здании до 1923 г. из-за нераспорядочности руководства города и БГУ практически в первоначальном виде сохранилась небольшая церковь Воскресения. В ней собирались немногие верующие, в том числе и А. А. Савич, что стоило ему профессорской карьеры на родине.

Недолгое возвращение А. А. Савича в Минск (для работы в БГУ и АН БССР) состоялось в первые послевоенные годы. Он даже возглавил кафедру истории СССР исторического факультета. Однако вновь был обвинен молодыми, но с «острым политическим чутьем» коллегами в попытке «протаскать» в учебник по истории БССР «подмену истории белорусского народа историей князей, королей, идеализацию роли церкви и духовенства в национальной борьбе и самоопределении белорусского народа»⁹.

Рядом с вышеперечисленными историками, научной и педагогической специализацией которых была история России последних полутора столетий, отдельные курсы читали гуманитарии с разной подготовкой и квалификацией. Так, педагог И. М. Соловьёв по поручению В. И. Пичеты с 1923 г. читал курс истории образования в России. М. Г. Сыркин, И. А. Сербов и И. Д. Сосис преподавали российскую историю в разрезе русского искусства, русской этнографии и истории евреев в России соответственно (уже в 1931 г. И. Д. Сосис из-за курса по истории евреев в России был обвинен в «еврейском шовинизме» и уволен из университета). Профессионализм преподавателей был бесспорен, поскольку советские профессора смогли ранее получить достаточно высокое образование. Так, И. А. Сербов в 1917 г. окончил полный курс Московского археологического института, защитил диссертацию и имел солидный опыт участия в археологических и этнографических экспедициях в Псковщине, Полесье и др.¹⁰

Новоиспеченный россияевед М. А. Поташ, который в конце 1920-х гг. заменил практически всех названных выше специалистов-историков, имел «домашнее образование», в 1930 г. дополненное дипломом московского Института красной профессуры. Однако уже в 1926 г. М. А. Поташ был зачислен в БГУ на учебную специальность «история России» для преподавания в качестве доцента курса «история России в эпоху империализма и социальной революции». Студенты не раз выражали недовольство уровнем преподавания этого специалиста новой подготовки, что, однако, не помешало М. А. Поташу зачислиться преподавателем истории СССР на исторический факультет сразу после его открытия, оставаясь при этом сотрудником Института истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП(б)Б¹¹. В научном плане историк занимался изучением расстановки партийных сил в революции 1905–1907 гг. У него была репутация активного общественника, критика политических позиций коллег. Именно М. А. Поташ в клубе им. К. Маркса в Минске зачитал университетской аудитории инструктивный доклад, посвященный юбилею революции 1905 г. Позже, в 1932 г., он выступил в партийном журнале со статьей «Против фальсификации истории КП(б)Б и БССР». Однако М. А. Поташ не смог в 1937 г. избежать репрессий.

Схожим по характеру и профессиональной реакции на советские реалии был россияевед М. Б. Югов. Его преподавательская карьера началась в 1927 г., а уже в 1931 г. историк был утвержден в профессорском звании. На педагогическом факультете он читал общий курс истории России и курс истории России эпохи пролетарской революции. М. Б. Югов гордился личным знакомством с М. Н. Покровским, активно публиковался в союзном журнале «Историк-марксист» и позиционировал себя как истинный марксист в БССР. Тем не менее в 1932 г. он был исключен из партии за «протаскивание контрабанды контрреволюционного троцкизма в теории и на практике» и в скором времени репрессирован.

Подобная участь была уготована многим белорусским историкам, в том числе специализировавшимся на истории России и СССР. В связи с этим за кафедры исторического факультета БГУ в середине – второй половине 1930-х гг. становились многие историки, приглашавшиеся из Москвы и Ленинграда. Они «закрывали» своими курсами практически все периоды российской истории, в том числе (и в особенности) с учетом продолжавшего существовать акцента в преподавании на новейшую историю. Прибывшие профессора излагали бело-

⁷ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 7305. Л. 33.

⁸ Яноўскі А. А. Царкоўна-рэлігійныя аспекты ў дзейнасці БДУ (1920–1930-я гг.) // Канфесіі на Беларусі: гісторыя, сучаснасць : зб. матэрыялаў міжнар. навук.-практ. канф. (Брэст, 7–8 каст. 2004 г.) / рэд.: У. П. Люкевіч, П. П. Крус, Я. У. Скакун. Брэст, 2005. С. 109.

⁹ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 86, 93.

¹⁰ Там же. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. 7480. Л. 4, 10.

¹¹ Там же. Ед. хр. 6521. Л. 1–3.

русским студентам бурные перипетии XIX – начала XX в. Однако на должность декана и переезд в непредсказуемый Минск согласился только уроженец Перми и специалист по древнерусской истории А. П. Пьянков. Остальные российские историки (В. В. Мавродин, К. В. Базилевич, Б. Д. Греков, М. Г. Седов и др.) приезжали в БГУ изредка и на короткое время.

В контексте темы предреволюционная и революционная проблематика в лекционных курсах, проведении научных консультаций с белорусскими коллегами и аспирантами была свойственна в те годы А. М. Панкратовой, Е. А. Мороховцу и В. Н. Бочкареву. Так, советский академик А. М. Панкратова впоследствии отмечала, что считает одним из самых замечательных итогов своей творческой деятельности то, что смогла помочь научной подготовке молодых ученых Беларуси. В начале 1935 г. она принимала участие в работе первой Всебелорусской конференции историков. Заведующий кафедрой историко-философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Е. А. Мороховец во второй половине 1930-х гг. приезжал в БГУ читать курс лекций по предреформенной и пореформенной истории России, участвовал на кафедре истории народов СССР в разработке соответствующих научных тем. Его курсу предшествовали лекции по истории России XVIII в., которые читал минским студентам ученик М. М. Богословского и хорошо знакомый В. И. Пичете по совместным научным работам до-революционного времени В. Н. Бочкарев.

Однако 1941 год разрушил все планы постепенного вывода исторического факультета БГУ на достойный уровень преподавания важнейших периодов и глубокое исследование общероссийской истории в целях выявления общего и особенного в белорусской истории. Именно XIX в. в данном случае предоставлял всесторонний материал для анализа. Однако самым трагичным итогом военных лет стали кадровые потери университетской науки. Потребовались долгие годы для подготовки нового поколения историков, в исследовательской практике нацеленных на разработку собственно российской проблематики. К тому же написание в 1920–1940-е гг. синтетического курса «История БССР» затребовало от университетских и академических ученых концентрации усилий в первую очередь на белорусском прошлом. Курс тем не менее не был дописан. Неким фоном подавалась в статьях, монографиях и, наконец, в изданной в 1954–1958 гг. двухтомной «Истории Белорусской ССР» проблематика российской истории XIX – начала XX в.

Можно говорить о том, что с 1945 г. по первую половину 1970-х гг. в БССР не проводились спе-

циальные научные исследования сугубо в контексте россиеведения, в том числе и по истории России XIX – начала XX в. Только с приездом в Минск И. В. Оржеховского, который в 1976 г. возглавил университетскую кафедру истории СССР досоветского периода, изучение истории России стало особой областью научных интересов белорусских историков¹².

Становление И. В. Оржеховского как ученого и педагога проходило под влиянием и руководством известного советского историка П. А. Зайончковского, занимавшегося различными проблемами истории России второй половины XIX в. И. В. Оржеховский продолжил исследование данных проблем в научных работах, а также нацелил учеников на разработку изучаемых вопросов. Историк-россиевед, родившийся в Минске и ставший профессионалом в г. Горьком (современный Нижний Новгород), занимался разработкой концепции оценки политики российского императора Александра II и его реформ. В 1974 г. он опубликовал работу «Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-х годах XIX в.: лекции по спецкурсу», в которой впервые представил новые архивные материалы из фондов Центрального государственного исторического архива СССР и отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

В работе дан анализ отдельных аспектов внутренней политики российского правительства. Основное внимание автор сосредоточил на вопросах, связанных с покушением Д. В. Каракозова на Александра II и влиянием факта покушения на правительственную политику. В труде И. В. Оржеховского подробно характеризуются высшие государственные учреждения Российской империи (Комитет министров, Совет министров, Государственный совет, сенат) на основе использования большого количества формулярных списков, проанализирован состав высшей бюрократии, прослежено усиление административно-полицейской деятельности, рассмотрена правительственная политика по отношению к земству, суду, народному образованию. Монография содержит яркие и точные личностные характеристики отдельных представителей высшей бюрократии. Ценно то, что именно И. В. Оржеховский установил авторство записки, составленной после покушения Д. В. Каракозова на имя Александра II (записка П. А. Шувалова), которая легла в основу рескрипта на имя князя П. П. Гагарина. Именно этот рескрипт, как доказал автор, стал своеобразной программой деятельности российского правительства вплоть до 1880 г.

На основе проведенного исследования в 1975 г. в Ленинградском отделении Института истории

¹²Сяргееўкава В. В. Ігар Вацлававіч Аржахоўскі: чалавек, вучоны, настаўнік // Беларускі гістарычны часопіс. 2009. № 8. С. 47–52.

АН СССР И. В. Оржеховский успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Внутренняя политика российского самодержавия в 1866–1878 гг. (усиление реакционно-охранительных начал)».

В 1976 г. профессор вернулся на Родину и возглавил кафедру истории СССР досоветского периода БГУ. На кафедре сразу оживилась научная работа, начала активно вестись подготовка аспирантов. В числе учеников историка находятся ученые и преподаватели различных высших учебных заведений Республики Беларусь: В. В. Сергеенкова, Ю. А. Блашков, И. Л. Качалов, А. А. Загорнов и др. Они развернули исследования внутренней политики российского правительства XIX в. Также был значительно расширен круг ранее изучаемых в Беларуси проблем и аспектов: политика правительства в области начального образования во второй половине XIX в., создание и деятельность военных поселений, судебная реформа и ее реализация на территории белорусских губерний, общественно-политические взгляды Н. С. Мордвинова и др.¹³ С 1990-х гг. эстафету подхватили ученики учеников И. В. Оржеховского: С. Б. Жихарев, О. И. Ершова, М. А. Гулюк, Н. А. Сугако и др. Кончина И. В. Оржеховского не позволила историку завершить подготовку своих последних аспирантов (А. А. Киселева, Е. В. Корня, А. Л. Самовича, А. Д. Гронского) к защите диссертаций. Однако они успешно довели свои исследования до защиты, найдя поддержку у представителей уже сложившейся школы И. В. Оржеховского.

Научные интересы исследователи сосредоточили на изучении правительственной политики в сфере железнодорожного строительства и реализации этой политики на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в., а также на исследовании истории начального народного образования, подготовки педагогических кадров для Виленского учебного округа, системы государственных учреждений и чиновничества Беларуси как проявлении политики российского правительства. Не остались без внимания проблемы декабризма и влияние этого течения на развитие общественно-политической мысли России в XIX – начале XX в., общественно-политические взгляды М. П. Погодина.

Без сомнения, И. В. Оржеховский создал в Беларуси школу историков, научные интересы которых направлены на изучение различных проблем истории России XIX в. Блестящий лектор, педагог, ученый за годы работы подготовил 11 кандидатов наук. Даже проблемы, косвенно связанные с российской историей, в 1980-е гг. разрабатывались молодыми преподавателями кафедры при непосредственной помощи и поддержке И. В. Орже-

ховского (состоялись защиты кандидатских диссертаций М. Ф. Чудаева, Л. Л. Михайловской, О. А. Симаковой, О. А. Яновского, С. В. Позняка и др.). Кафедра значительно расширила свои контакты с российскими историками. На научные конференции и семинары в качестве оппонентов по диссертациям в БГУ начали часто приезжать известные российские историки из Москвы, Ленинграда, Волгограда и других городов России: П. А. Зайончковский, Б. В. Ананьич, Л. Г. Захарова, В. А. Китаев, Ю. Д. Марголис, В. А. Федоров, В. Г. Чернуха, А. П. Шевырëв, Г. И. Шетинина и др. [4].

В 1982 г. И. В. Оржеховский издал монографию «Самодержавие против революционной России» – комплексное исследование, посвященное возникновению, формированию и деятельности III отделения с момента основания в 1826 г. и до ликвидации в 1880 г. и его исполнительного органа – корпуса жандармов [5]. В работе раскрыто внутреннее устройство III отделения, принципы и методы его работы, особенности политической полиции в Российской империи, а также определены место и роль политической полиции в системе государственного управления, показаны основные направления деятельности политической полиции в борьбе с общественно-политическим и революционным движением России в XIX в.

В дальнейшем, после ухода ученого из жизни, кафедра, возродившая первоначальное название «кафедра истории России», которое утвердилось в БГУ еще в конце 1920-х гг., продолжила системные исследования российской истории XIX в. Активизировалась издательская деятельность преподавателей кафедры, в круг научных интересов которых в настоящее время входит история России наряду с историей Украины.

Так, заведующий кафедрой профессор О. А. Яновский уже много лет разрабатывает тему, в эпицентре которой стоят проблемы генезиса и адаптации российских и белорусских интеллектуалов к изменяющимся на протяжении XIX–XXI вв. общественно-политическим условиям. Он является автором многих трудов на данную тематику, работа над которыми проводилась в России, Украине, Польше, Литве, Беларуси [6; 7].

Профессор В. И. Меньковский не только продолжает исследования в области англоязычной историографии российской истории, но и в последние годы плодотворно занимается разработкой проблемы репрессий 1930-х гг. Историк является автором и соавтором целого ряда монографий и статей, изданных за рубежом. Только в 2017 г. в соавторстве с зарубежными коллегами В. И. Меньковский опубликовал монографии «GULAG: Ideology and

¹³ Сергеенкова В. В. Правительственная политика в области начального образования в России во второй половине 60-х – 70-х гг. XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Минск, 1980. 22 с. ; Блашков Ю. А. Военные поселения на территории Беларуси в первой половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Минск, 1984. 22 с. и др.

Economy of Forced Labour in the XX century. Second extended edition» и «ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX в.». Он – один из немногих университетских ученых, статьи которого регулярно публикуются в изданиях, индексируемых в международных базах данных SCOPUS и WoS. Историк является приглашенным профессором словацкого университета в Банске-Бистрице.

Центральной научной проблемой доцента С. Н. Темушева уже многие годы является формирование налогово-даннической системы в Древней Руси. Он активно разрабатывает и внедряет в учебную работу научные и дидактические основы исторической картографии. С. Н. Темушев завершил издание научных трудов своего безвременно ушедшего брата Виктора – сотрудника кафедры и крупнейшего специалиста в области формирования первых государственных границ Московии и Российского государства.

Доцент Ю. А. Блашков исследует проблему военных поселений, некоторые аспекты внешней политики России и столыпинской аграрной реформы [8]. Он доказал, что если для всего аракчеевского периода существования военных поселений было характерно увеличение круга обязанностей военных поселян, то в последующем наблюдалась обратная тенденция.

Доцент С. Л. Луговцова активно исследует внутреннюю политику российского правительства в связи с общественным движением в белорусских губерниях в конце XVIII – первой половине XIX в. Не остается без ее внимания и проблематика украинской истории этого времени [9].

Доцент В. В. Сергеенкова сконцентрировала свое внимание на изучении образовательной политики российского правительства во второй половине XIX в., общественной мысли и революционного движения в стране, историографии истории России и Украины, истории дома Романовых, политики России в польских землях [10]. Результаты научной работы воплощены и в читаемых ею спецкурсах «Политика российских властей в польских землях в конце XVIII – начале XX в.», «Политика российского правительства в сфере образования во второй половине XIX в.» и др.

Из молодого поколения преподавателей кафедры новое направление в исследовании истории России XIX в. избрал В. А. Кохнович. Он продолжает в белорусской историографии разработку «экономической истории», начало которой заложил в 1920-е гг. В. И. Пичета. Работа в архивах позволила историку подготовить исследование тенденций в аграрном секторе западных губерний России во второй половине XIX в.¹⁴ Защищенная им в 2010 г.

кандидатская диссертация была признана в Беларуси лучшей среди всех гуманитарных работ года.

Для доцентов Г. А. Болсун, О. В. Бригадиной, И. А. Литвиновского, М. А. Шабасовой, Г. А. Петаченко центральными в научных и преподавательских пристрастиях являются проблемы истории России и Украины XX – начала XXI в. Это предыстория и история Второй мировой войны, хрущёвская оттепель, эволюция высшей школы и др.

На кафедре научные интересы каждого преподавателя в той или иной форме воплощаются в коллективных изданиях. Важнейшими из них следует признать полный цикл учебных пособий по общему курсу «История России и Украины», состоящий из четырех книг [11–14]. Важный шаг сделали преподаватели кафедры, опубликовав в московском издательстве «Эксмо» две объемные работы: «Всеобщая история России с древнейших времен до конца XVIII века» и «История России: Новое и Новейшее время» [15; 16]. В них удалось вполне органично совместить освещение истории трех восточноевропейских народов за почти два тысячелетия бурных пертурбаций в политической, социально-экономической, культурной и иных областях.

Итогом многолетней работы коллектива кафедры стало издание биографического справочника «Кортеж российской власти» (в трех частях) [17–19]. В нем представлены жизнеописания около 1700 представителей верховной российской власти и ее окружения с древнего времени до начала XXI в., а также людей прямо или опосредованно принадлежащих к определенным социальным группам, контактировавших с властью, находящихся в числе ее приближенных лиц. В справочнике содержатся биографии людей, чаще всего упоминающихся в учебных пособиях по истории России для высших учебных заведений. Замысел отразили названия разделов сборника («Власти предрержащие», «Венценосное семейство», «...Кесарю – кесарево?», «Интеллектуальное сопровождение», «Оппоненты», «Оппозиционеры, или искушаемые властью» и др.).

Кафедра истории России БГУ всегда находится в центре организации и проведения различных конференций, научных круглых столов, семинаров и др. В особенности в тех случаях, когда важно достойно отметить ту или иную юбилейную дату истории России, Украины, Беларуси. Например, в 2012 г. она приняла самое активное участие в ряде научных мероприятий, проведенных под «знаком 1812-го года». В острых научных дискуссиях прошли конференции на историческом факультете БГУ, в Национальной академии наук Беларуси, в Гомеле, Могилёве, Мозыре. Одной из обсуждавшихся проблем стала интерпретация определения, свой-

¹⁴Кохнович В. А. Гаспадаранне ў маёнтках палесскага рэгіёну Расійскай імперыі ў 1861–1914 гг. : аўтарэф. дiс. ... канд. гіст. навук : 07.00.03. Мінск, 2010. 22 с. ; Кохнович В. А. Передовые помещичьи хозяйства Беларуси в свете «Кратких – сведений» начала XX в. // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3. 2013. № 3. С. 15–19 и др.

ственного российской историографии: была ли эта война для населения западных губерний России, недавно присоединенных к империи, войной «Отечественной» или все же просто «войной 1812 г.» и даже «франко-русской войной»? Поднимались вопросы об ущербе, нанесенном войной белорусскому народу, о глубине общественного раскола и др.¹⁵

В октябре 2013 г. кафедра истории России провела Международный научный круглый стол «Проблемы истории России, Беларуси и Украины XIX – начала XX в.», посвященный 135-летию со дня рождения академика В. И. Пичеты и 80-летию со дня рождения профессора И. В. Оржеховского. В нем приняла участие вся «кафедральная семья» – преподаватели и ученые, многие выпускники кафедры, аспиранты, студенты. По итогам заседания был издан электронный сборник статей, а тезисы докладов опубликованы в научном сборнике, который на протяжении 2004–2017 гг. издавала кафедра истории России совместно с кафедрой истории южных и западных славян «Российские и славянские исследования»¹⁶.

В 2014 г. большинство сотрудников кафедры участвовали в научных мероприятиях в связи со столетием начала Первой мировой войны, проводившихся в республике, а пятеро преподавателей – в юбилейной конференции в Псковском государственном университете. В ноябре 2015 г. был проведен очередной научный круглый стол, уже по проблеме «Первая российская революция 1905–1907 гг.: к 110-летию начала революционных событий». Издание вышло в виде электронного сборника докладов и их тезисов в ежегоднике «Российские и славянские исследования», что определялось предшествующей практикой. На заседании было заслушано и обсуждено немало интересных выступлений, в которых поднимались различные проблемы (например, «Первая российская революция как предмет исследования историков БГУ», «Влияние Первой российской революции на самосознание и стратегии поведения российской интеллигенции», «Воспоминания П. Г. Курлова как источник по истории Первой российской революции», «Иван Васильевич Бабушкин: Беларусь в судьбе русского революционера», «Влияние Первой российской революции на внутреннюю политику в Болгарии», «Интеллигенция Беларуси перед вызовом революционных будней 1905–1907 гг.», «Украинское сту-

денческое революционное движение в Петербурге в начале XX в.» и др.).

Проблемы истории России интересны аспирантам кафедры, в том числе зарубежным. Так, в 2009 г. гражданин Турецкой Республики А. Тибет стал разрабатывать актуальную тему по истории курдского вопроса в России XIX в., а аспирант из Китая Чэн Юаньцзи с 2014 г. на материалах Виленского учебного округа исследует проблему «становления и развития церковно-приходских школ в России во второй половине XIX в.». Выпускник магистратуры гражданин Российской Федерации А. А. Самойлов успешно защитил диссертацию по проблеме военной истории России XV–XVII вв. Разумеется, белорусские аспиранты более всего увлечены исследовательским поиском, иногда они опережают своих российских коллег в выявлении белых пятен в древней и новейшей истории России. Не называя ранее защищенных на кафедре кандидатских диссертаций, можно сослаться на примеры последних лет. Так, Е. Г. Луферчиком готовится к защите работа «Польский вопрос в российских общественно-политических журналах (вторая половина XIX – начало XX в.)». Аспирант А. В. Кашеев в мае 2018 г. успешно защитил диссертацию по проблеме «Военное духовенство России в годы Первой мировой войны: состав, комплектование, управление». Соискатель кафедры А. И. Курицын в скором времени представит к защите диссертацию «Черносотенные партии и организации в России в первой трети XX в.». Более ранние периоды исследуют в широком тематическом спектре аспиранты Ю. В. Ситкевич, П. Д. Скурко, Ф. Д. Подберёзкин. В ближайшее время будут вынесены на защиту докторские диссертации доцентов кафедры С. Н. Темушева и А. В. Мартынюка. Это без преувеличения прорывные в научном плане исследования по проблеме формирования финансовой системы Древней Руси (С. Н. Темушев) и по выявлению персональных и культурных связей между восточноевропейскими и центральноевропейскими элитами в XIII – начале XVI в. (А. В. Мартынюк).

Научные составляющие проводимых сотрудниками кафедры исследований можно оценить по весьма большому количеству их публикаций в самых различных научных изданиях Беларуси и зарубежных стран. По сложившейся традиции и в силу очевидной необходимости все, от профессора до магистранта и даже студента-дипломника,

¹⁵ Сергеевкова В. В. Война 1812 г. в практике преподавания университетского курса «История России и Украины» // Коваленя А. А. (ред.). Россия, Беларусь, Украина: история, современность, будущее : сб. науч. материалов. Минск, 2014. С. 162–166 ; Блашков Ю. А. Перестройка – гласность: проявление «белых пятен» истории «грозы 12-го года» // Коваленя А. А. (ред.). Россия, Беларусь, Украина: история, современность, будущее : сб. науч. материалов. Минск, 2014. С. 76–79 и др.

¹⁶ Проблемы истории России, Беларуси и Украины XIX – начала XX века [Электронный ресурс] // Яновский О. А., Сергеевкова В. В. (ред.). К 135-летию со дня рождения академика В. И. Пичеты и 80-летию со дня рождения профессора И. В. Оржеховского : сб. ст. научного круглого стола (г. Минск, 28 окт. 2013 г.). Минск, 2004; Проблемы истории России, Беларуси и Украины XIX – начала XX в. : материалы научного круглого стола (г. Минск, 28 окт. 2013 г.) // Яновский О. А., Сергеевкова В. В. (ред.). Российские и славянские исследования. Минск, 2014. Вып. 9. С. 314–325.

в поисках весомой научной базы для своих работ, несмотря на объективные финансовые сложности, осуществляют поездки в архивы и библиотеки Москвы, Санкт-Петербурга, Варшавы, Вильнюса, Киева, Львова и других городов Европы.

Одним из важнейших направлений реализации исследования истории России XIX – начала XX в. является использование в учебном процессе научных наработок. Все шире применяются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Так, в 2014 г. в электронной библиотеке БГУ были размещены четыре электронных учебно-методических комплекса по дисциплине «История России и Украины» (первая половина XIX в.; вторая половина XIX – начало XX в.). Их авторами стали Ю. А. Блашков, В. В. Сергеевкова и О. И. Ершова. По данному курсу внедрены в учебный процесс мультимедийные электронные учебные пособия (ЭУП). Их использование существенно изменяет характер и методы преподавания, способствует созданию творческой атмосферы в работе преподавателей и студентов, более глубокому усвоению учебного материала.

Список ЭУП достаточно большой: «Административно-политическая система и социально-экономическое развитие России в первой поло-

вине XIX в.», «Александр I. Внутренняя политика», «Отечественная война 1812 г. и зарубежный поход русской армии», «Движение декабристов», «Внешняя политика России во второй четверти XIX в.», «Внутренняя политика Николая I», «Общественное движение в России во второй четверти XIX в.», «Кавказская война: 1817–1864 гг.», «Общественно-политическая борьба во второй половине XIX в.», «Дальневосточная политика России во второй половине XIX – начале XX в.», «Общественно-политическая борьба на рубеже XIX–XX вв. Революция 1905–1907 гг.», «Россия в Первой мировой войне», «Русская культура во второй половине XIX в.» и др. Разработанные электронные пособия с успехом представлялись на Международных конференциях в Екатеринбурге, Саранске, Москве, Пскове, а также на республиканских выставках научно-методической литературы¹⁷. Студентка Е. В. Воднева (на данный момент выпускница магистратуры), один из авторов ЭУП, на конкурсе студенческих работ в Москве в июне 2015 г. за демонстрацию учебного пособия «Культура России во второй половине XIX – начале XX в.» получила диплом I степени и удостоилась приглашения в Оренбург на заседание круглого стола талантливой молодежи России.

Заключение

Таким образом, российская история всех периодов в тематическом ее многообразии занимает важное место в исследованиях и повседневной преподавательской работе кафедры истории России БГУ. Проблематика научных изысканий разнообразна. Она охватывает внутреннюю и внешнюю политику, общественно-политическое движение, вопросы культуры, интеллектуальную историю в ее

просопографическом и сугубо биографическом направлениях и многое другое. На протяжении всего периода обучения белорусских студентов-историков преподается системный курс «История России и Украины», который позволяет находить общее и особенное на многовековом пути двух народов, сегодня выстраивающих суверенность своих государств.

Библиографические ссылки

1. Пичета В.И. *История крестьянских волнений в России*. Минск: Белтрестпечатъ; 1923.
2. Матох ВМ., составитель. *Религиозная жизнь на Минщине (1918–1941 гг.)*. Минск: А. Н. Вараксин; 2015.
3. Оржеховский ИВ. *Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-х годах XIX в.* Горький: Горьковский государственный университет имени Н. И. Лобачевского; 1974.
4. Сергеевкова ВВ. Профессор Игорь Вацлавович Оржеховский – исследователь истории России XIX – начала XX в. В: Широков ОН, Смирнова АЛ, редакторы. *Государство и общество в России: тернистый путь взаимоотношений и взаимодействия (к 20-летию российской Конституции): II Смирновские чтения. Сборник статей международной научно-практической конференции; ноябрь 2013 г.; Чебоксары, Россия*. Чебоксары: Интерактив Плюс; 2014. с. 350–360.
5. Оржеховский ИВ. *Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.)*. Москва: Мысль; 1982.
6. Яноўскі АА. Малавядомы артыкул У. І. Пічэты «Барадзіно» ў праламленні праз лёс і творчасць гісторыка. *Беларускі гістарычны часопіс*. 2012;11:5–13.
7. Яновский ОА. Интеллигенция Беларуси и России: нравственные принципы взаимоотношений. В: *Интеллигенция современного мира в ее многообразии. Материалы XXIV Международной научно-теоретической конференции; 26–28 сентября 2013 г.; Иваново, Россия*. Иваново: Издательство Ивановского государственного университета; 2013. с. 47–49.
8. Блашков ЮА. Столыпин: проблемы исследовательской трансформации образа российского премьер-министра. В: Сальков ПА, Яновский ОА, редакторы. *Российские и славянские исследования. Выпуск 8*. Минск: Белорусский государственный университет; 2013. с. 166–174.

¹⁷ Сергеевкова В. В., Балыкина Е. Н. Электронное обучение на историческом факультете Белорусского государственного университета (на примере электронного учебного издания «Движение декабристов») // Новые образовательные технологии в вузе : сб. мат. XI междунар. науч.-метод. конф. (г. Екатеринбург, 18–20 февр. 2014 г.). Екатеринбург, 2014. С. 292–298.

9. Луговцова СЛ. Полицейские органы на территории белорусских губерний Российской империи в 30–40-е гг. XIX в.: формирование и деятельность. В: Никитина НП, Селивестров АВ, Пантелеева АП, Космач ВА, Ершова ОИ, Луговцова СЛ, редакторы. *Органы государственной власти и местного самоуправления: традиции и современность (к 150-летию земской реформы в России). Материалы Международной научно-практической конференции*; 13 ноября 2014 г.; Псков, Россия. Псков: Псковский государственный университет; 2015. с. 128–137.
10. Сергеенкова ВВ, Ершова ОИ, Гулюк МА, Шараева ЕИ. Виленский учебный округ: политика российского правительства в области образования (вторая половина XIX – начало XX в. В: Сальков АП, Яновский ОА, редакторы. *Российские и славянские исследования. Выпуск 3*. Минск: Белорусский государственный университет; 2008. с. 57–75.
11. Меньковский ВИ, Яновский ОА, редакторы. *История России. XX век*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2005.
12. Яновский ОА, Сергеенкова ВВ, Меньковский ВИ, редакторы. *История России и Украины (XIX – начало XX в.). Часть 1*. Минск: Белорусский государственный университет; 2008.
13. Яновский ОА, Сергеенкова ВВ, Меньковский ВИ, редакторы. *История России и Украины (XIX – начало XX в.). Часть 2*. Минск: Белорусский государственный университет; 2010.
14. Яновский ОА, редактор. *История России и Украины (с древнейших времен до конца XVIII в.)*. Минск: Белорусский государственный университет; 2012.
15. Яновский ОА, редактор. *Всеобщая история России с древнейших времен до конца XVIII века*. Москва: Эксмо; 2008.
16. Яновский ОА, редактор. *История России: Новое и Новейшее время*. Москва: Эксмо; 2010. (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).
17. Яновский ОА, редактор. *Кортеж российской власти. IX–XI века. Часть 1*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2013.
18. Яновский ОА, редактор. *Кортеж российской власти. IX–XI века. Часть 2*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2014;
19. Яновский ОА, редактор. *Кортеж российской власти. IX–XI века. Часть 3*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2014.

References

1. Picheta VI. *Istoriya krest'yanskikh volnenii v Rossii* [History of peasant unrest in Russia]. Minsk: Beltrestpechat; 1923. Russian.
2. Matoh VM, compiler. *Religioznaya zhizn' na Minshchine (1918–1941 gg.)* [Religious life in the Minsk region (1918–1941 years)]. Minsk: A. N. Varaksin; 2015. Russian.
3. Orzhevskii IV. *Iz istorii vnutrennei politiki samodержaviya v 60–70-kh godakh XIX v.* [From the history of the domestic policy of autocracy in 60–70-ies of XIX century]. Gorky: Gorky State University named after N. I. Lobachevsky; 1974. Russian.
4. Sergeenkov VV. [Professor Igor Vatslavovich Orzhekhovskiy – researcher of the history of Russia of XIX – early XX century]. In: Shirokov ON, Smirnova AL, editors. *Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii: ternisty put' vzaimootnoshenii i vzaimodeistviya (k 20-letiyu rossiiskoi Konstitutsii): II Smirnovskie chteniya. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; noyabr' 2013 g.; Cheboksary, Russia* [State and society in Russia: thorny path of relations and interaction (to the 20th anniversary of the Russian Constitution): II Smirnov readings. Collection of International articles scientific and practical conference; 2013 November; Cheboksary, Russia]. Cheboksary: Interaktiv Pl'us; 2014. p. 350–360. Russian.
5. Orzhevskiy IV. *Samoderzhavie protiv revolyutsionnoi Rossii (1826–1880 gg.)* [Autocracy against revolutionary Russia (1826–1880)]. Moscow: Mysl; 1982. Russian.
6. Yanovski AA. [Little-known article by V. I. Picheta «Borodino» in refraction through the destiny and creativity of the historian]. *Belaruskі gіstarychny chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 2012;11:5–13. Belarusian.
7. Yanovskii OA. [Intellectuals of Belarus and Russia: moral principles of relations]. In: *Intelligentsiya sovremennogo mira v ee mnogoobrazii. Materialy XXIV Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii; 26–28 sentyabrya 2013 g.; Ivanovo, Russia* [Intellectuals of the modern world in its diversity. Materials of the XXIV International scientific-theoretical conference; 2013 September 26–28; Ivanovo, Russia]. Ivanovo: Publishing House of Ivanovo State University; 2013. p. 47–49. Russian.
8. Blaskov YuA. [Stolypin: problems of research transformation of the image of the Russian Prime Minister]. In: Sal'kov PA, Yanovskii OA, editors. *Rossiiskie i slavyanskі issledovaniya. Vypusk 8* [Russian and Slavic studies: scientific collection. Volume 8]. Minsk: Belarusian State University; 2013. p. 166–174. Russian.
9. Lugovtsova SL. [Police authorities on the territory of the Belarusian provinces of the Russian Empire in the 30–40s of the XIX century: formation and activity]. In: Nikitina NP, Selivestrov AV, Pantileeva AP, Kosmach VA, Ershova OI, Lugovtsova SL, editors. *Organy gosudarstvennoi vlasti i mestnogo samoupravleniya: traditsii i sovremennost' (k 150-letiyu zemskoi reformy v Rossii). Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 13 noyabrya 2014 g.; Pskov, Russia* [State and local self-government bodies: traditions and modernity (to the 150th anniversary of the Zemstvo reform in Russia). Materials of the International scientific and practical conference; 2014 November 13; Pskov, Russia]. Pskov: Pskov State University; 2015. p. 128–137. Russian.
10. Sergeenkov VV, Ershova OI, Gulyuk MA, Sharaeva EI. [Vilna educational district: policy of the Russian government in the field of education (the second half of XIX – early XX century)]. In: Sal'kov AP, Yanovskii OA, editors. *Rossiiskie i slavyanskі issledovaniya* [Russian and Slavic studies. Volume 3]. Minsk: Belarusian State University; 2008. p. 57–75. Russian.
11. Menkovskiy VI, Yanovskiy OA, editors. *Istoriya Rossii. XX vek* [History of Russia. XX century]. Minsk: Republican Institute of Higher Education; 2005. Russian.
12. Yanovskii OA, Sergeenkov VV, Menkovskii VI, editors. *Istoriya Rossii i Ukrainy (XIX – nachalo XX v.). Chast' 1*. [History of Russia and Ukraine (XIX – early XX century). Volume 1]. Minsk: Belarusian State University; 2008. Russian.
13. Yanovskii OA, Sergeenkov VV, Menkovskii VI, editors. *Istoriya Rossii i Ukrainy (XIX – nachalo XX v.). Chast' 2*. [History of Russia and Ukraine (XIX – early XX century). Volume 2]. Minsk: Belarusian State University; 2010. Russian.

14. Yanovskii OA, editor. *Istoriya Rossii i Ukrainy (s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v.)* [History of Russia and Ukraine (ancient time – end XVIII century)]. Minsk: Belarusian State University; 2012. Russian.
15. Yanovskii OA, editor. *Vseobshchaya istoriya Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka* [General history of Russia. Ancient time – end XVIII century]. Moscow: Eksmo; 2008. Russian.
16. Yanovskii OA, editor. *Istoriya Rossii: Novoe i Noveishee vremya* [History of Russia: modern and contemporary times]. Moscow: Eksmo; 2010. (Gift edition. Russian Imperial library). Russian.
17. Yanovskii OA, editor. *Kortezh rossiiskoi vlasti. IX–XI veka. Chast' 1* [The motorcade of the Russian government. IX–XI century. Part 1]. Minsk: Republican Institute of Higher Education; 2013. Russian.
18. Yanovskii OA, editor. *Kortezh rossiiskoi vlasti. IX–XI veka. Chast' 2* [The motorcade of the Russian government. IX–XI century. Part 2]. Minsk: Republican Institute of Higher Education; 2014.
19. Yanovskii OA, editor. *Kortezh rossiiskoi vlasti. IX–XI veka. Chast' 3* [The motorcade of the Russian government. IX–XI century. Part 3]. Minsk: Republican Institute of Higher Education; 2014.

Статья поступила в редколлегию 19.06.2018.
Received by editorial board 19.06.2018.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Czasopismo Naukowe Instytutu Studiów Kobietych. Tom 1–3. Białystok: Wydawnictwo HUMANICA, 2016–2017.

The Journal of the Institute of the Women Studies. Vol. 1–3. Białystok: HUMANICA, 2016–2017.

Польская недзяржаўная арганізацыя Інстытут жаночых даследаванняў выпусціла ў 2016 г. першы нумар свайго выдання – «Навуковага часопіса Інстытута жаночых даследаванняў». Яно заяўлена як перыядычнае і выходзіць два разы на год. Першым звярнуць увагу на публікацыі, якія выйшлі ў часопісе, адзначым, што Інстытут жаночых даследаванняў пачаў працу ў 2011 г. у Беластоку і з таго часу яго нязменным кіраўніком з’яўляецца доктар гістарычных навук, прафесар Малгажата Дайновіч. Асноўныя напрамкі дзейнасці гэтай установы звязаны з арганізацыяй навуковых канферэнцый і круглых сталоў, правядзеннем навуковых даследаванняў у галіне гісторыі і сучаснага становішча жанчын, папулярызацыяй ведаў па гэтым пытанні ў грамадстве. Больш падрабязна аб дзейнасці Інстытута жаночых даследаванняў можна даведацца на яго інтэрнэт-старонцы (<http://isk.bialystok.pl>) або ў публікацыі доктара Марчына Сядлецкага «Інстытут жаночых даследаванняў – таварыства, якое пашырае навуковую дзейнасць (2011–2016)»^{1,2}.

У структуры разглядаемага «Навуковага часопіса Інстытута жаночых даследаванняў» можна вылучыць тры асноўныя раздзелы: «Даследаванні і матэрыялы», «Рэцэнзіі», «Справаздачы». У апошняй рубрыцы асвятляюцца навуковыя канферэнцыі, якія адбыліся ў Польшчы і за яе межамі.

Калі ў першым нумары часопіса дамінуе польская праблематыка, то ў наступных выданнях

геаграфія даследаванняў пашыраецца. Можна меркаваць, што праз нейкі час у часопісе будуць прадстаўлены сюжэты з жаночай гісторыі самых розных краін і кантынентаў. Звернем увагу на яшчэ адну асаблівасць выдання. У часопісе ўвага засяроджваецца менавіта на гісторыі жанчын і іх удзеле ў розных аспектах жыццядзейнасці грамадства, у той час як праблемы гендару і гендарнай гісторыі аўтарамі фактычна не закранаюцца.

У першым нумары «Навуковага часопіса Інстытута жаночых даследаванняў» Іланта Хвастык-Кавальчык разглядае дзейнасць польскай журналісткі ў эміграцыі Стэфаніі Касоўскай, якая свой прафесійны досвед атрымала яшчэ ў міжваеннай Польшчы, Адам Мядоўскі аналізуе радыкальны фемінізм Аляксандры Калантай і дэманструе спробы рэалізацыі яе ідэй у Савецкай Расіі ў 1917–1922 гг., Уршуля Чвік высвятляе механізм адлюстравання праў жанчын на старонках часопіса «Жанчына і жыццё» («Kobieta i Życie»), Гражына Кендзерская выяўляе ўплыў меркавання эксперта ў найбольш вядомых судовых працэсах супраць жанчын.

Ролю жанчын у польскай арміі з гістарычнага пункта гледжання асвятляе Барбара Драпікоўская. Яна засяроджвае ўвагу на паўстаннях 1794, 1830–1831 і 1863–1864 гг., потым пераходзіць да разгляду падзей Першай і Другой сусветных войнаў. Аўтар зазначае, што з цягам часу роля жанчын у арміі ўзрастала, а іх функцыі пашыраліся, аднак пасля Першай сусветнай вайны ім забаранілі служыць у войску. Падзеі Другой сусветнай вайны змянілі гэту сітуацыю, калі пачалі ўзнікаць дзеючыя, выключна жанчыя вайсковыя фарміраванні. Аднак пасля заканчэння вайны жанчын зноў пазбавілі права і магчымасці служыць у войску. Сітуацыя часткова змянілася ў 1989 г., калі ім дазволілі слу-

¹Тут і далей пераклад наш. – Л. К.

²Siedlecki M. Instytut Studiów Kobietych – stowarzyszenie upowszechniające działalność naukową (2011–2016) // Czasopismo Naukowe Instytutu Studiów Kobietych. 2016. № 1(1). S. 188–194.

жыць у медыцынскіх частках, а канчаткова – у 1999 г. пасля ўступлення Польшчы ў Паўночнаатлантычны блок.

Некалькі артыкулаў нумара прысвечаны сучаснаму становішчу жанчын ці іх вобразу ў грамадстве. Так, Юстына Зайко-Чаханьская звярнула ўвагу на тое, якім чынам у польскіх часопісах «Polityka» («Палітыка»), «Newsweek Polska» («Ньюсуік Польшка») і «Wprost» («Впрост») адлюстроўваецца ўдзел жанчын у палітыцы. Яна прыйшла да высновы, што большасць згадаемых у выданнях асоб лічацца паспяховымі: яны займаюць высокія дзяржаўныя пасады, выконваюць дыпламатычныя функцыі, з'яўляюцца парламентарыямі ці міністрамі. Аўтары і супрацоўнікі рэдакцый падкрэсліваюць іх высокі прафесійны ўзровень, добрую падрыхтоўку і высокую кампетэнцыю, а таксама звяртаюць увагу на асабістыя якасці, знешні выгляд і нават прыватнае жыццё герайн. Ю. Зайко-Чаханьская лічыць, што ў значнай ступені разглядаемыя ёю часопісы выконваюць выхаваўчую функцыю: яны імкнуцца змяніць шырока распаўсюджанае меркаванне, што жанчына павінна больш часу прысвячаць сям'і, чым грамадскай дзейнасці.

У сваю чаргу, артыкул Бэаты Гаворка-Складанэк прысвечаны разгляду вобраза жанчын у грамадскім і палітычным жыцці Расійскай Федэрацыі на падставе ўсерасійскіх апытанняў, праведзеных Цэнтрам Левады і Усерасійскім цэнтрам вывучэння грамадскага меркавання ў 2005–2016 гг. Аўтар зазначае, нягледзячы на гарантаваную канстытуцыйнай роўнасць мужчын і жанчын, расійскія лічаць, што іх абмяжоўваюць ва ўдзеле ў палітычным жыцці краіны. Пры гэтым у самім грамадстве, па даных сацыялагічных апытанняў, расце колькасць тых, хто лічыць, што жанчыны маюць роўныя з мужчынамі правы і павінны больш актыўна і масава прысутнічаць у палітыцы.

Артыкул Марчына Сядлецкага прысвечаны пытанню вызначэння этнічнай прыналежнасці мужчын і жанчын паводле перапісу насельніцтва 2011 г. у краінах Вышаградскай групы. Аўтар звяртае ўвагу, што падчас апытання 4,95 млн грамадзян адмовіліся пазначыць сваю нацыянальнасць. У залежнасці ад краіны адсотак такіх людзей вагаўся ад 1,4 да 25,3, пры гэтым жанчыны часцей ухіляліся ад адказу на пытанне. М. Сядлецкі лічыць, што гэта звязана з іх кансерватыўнасцю, большай прывязанасцю да грамадзянскіх абавязкаў і асцярожнасцю.

Польская праблематыка дамінуе і ў другім нумары часопіса. Тут пад увагай аказваецца святкаванне Міжнароднага года жанчын (1975 г.) на Беласточчыне як праяўленне дзейнасці рэспубліканскай арганізацыі «Ліга жанчын» на ўзроўні краіны і рэгіёна (Малгажата Дайновіч), разглядаецца працэс узнікнення, арганізацыйнага станаўлення і прапагандысцкай дзейнасці Кола міліцэйскіх сем'яў

(Анна Марцінкевіч-Качмарчык), удзел жанчын у нацыянальна-дэмакратычным руху на тэрыторыі Познаньшчыны на мяжы XIX–XX стст. (Гражына Выхадэр). Дзейнасць жанчын ва ўзброеных сілах розных краін раскрывае Караліна Кусьмірэк, у той час як Барбара Драпікоўская разглядае ўдзел жанчын-салдат у вайсковых місіях у Іраку і Афганістане. Аналіз такой з'явы, як эканамічны гвалт з боку жанчын прадстаўлены ў працы Гражыны Кендзерскай. На фоне палітычна-вайскавай праблематыкі артыкул Магдалены Эль Гамары выглядае незвычайна. У ім даецца ацэнка акаўнтаў мусульманак у *Instagram* з пункта гледжання модных культурных трэндаў сучасных жанчын з араба-мусульманскай культуры.

Трэці нумар часопіса мае яшчэ большую «геаграфію». Сярод новых сюжэтаў выдзелім матэрыял Кшыштафа Бухоўскага, прысвечаны Прэзідэнту Літоўскай Рэспублікі Далі Грыбаўскайтэ, і публікацыю Любові Козік пра сучасны стан беларускай гістарыяграфіі па праблеме ўдзелу жанчын у грамадскіх рухах Беларусі ў 1919–1991 гг. Расійская гісторыя прадстаўлена ў нумары артыкулам Бэаты Гаворка-Складанэк. Гэтым разам аўтар апісвае святкаванне Міжнароднага жаночага дня ў 1913–1991 гг.

Бэата Валенчук-Дэйнэка засяроджвае ўвагу на крыніцазнаўчым і адначасова літаратуразнаўчым аналізе фрагмента з успамінаў Марыі Мажыцкай-Абухоўскай. Аўтар лічыць іх важнай гістарычнай крыніцай, у якой раскрываюцца нюансы паўстання 1863–1864 гг., жыцця ў Сібіры пасля высылкі і забойства цара Аляксандра II, а таксама міжнацыянальныя адносіны ў царскай Расіі.

Фарміраванне вобраза прыслугі на старонках каталіцкага часопіса «Przyjacieł Sług» («Прыяцель слуг»), які выходзіў у 1897–1905 гг. у Кракаве, аналізуецца ў артыкуле Іаанны Мараўскай. Аўтар зазначае, што выданне звяртала ўвагу на маральнасць чытачоў і прапагандавала вобраз прыслугі як дзяўчыны сціплай, працавітай, пакорнай і набожнай, якая павінна быць узорнай гаспадыняй і клапаціцца пра сваю ўласнасць і ўласнасць сваіх гаспадароў.

У разглядаемым нумары Анна Марцінкевіч-Качмарчык працягвае аналізаваць Кола міліцэйскіх сем'яў (1968–1989). Гэтым разам яна засяроджвае ўвагу на мэтах і напрамках дзейнасці гэтай арганізацыі, якія, на яе думку, былі абумоўлены палітычнай і гаспадарчай сітуацыяй у Польшчы. Аўтар зазначае, што падчас грамадска-палітычных крызісаў Кола міліцэйскіх сем'яў, якое цесна супрацоўнічала з арганізацыяй «Ліга жанчын», падтрымлівала ўрадавую пазіцыю, а пасля пераходу краіны да дэмакратычнага развіцця спыніла сваё існаванне.

Публікацыя Магдалены Мусял-Карг прысвечана разгляду месца жанчын на польскім рынку пра-

цы. Прааналізаваўшы статыстычныя даныя, аўтар прыйшла да высновы, што ў сучаснай Польшчы жанчына мае менш за мужчыну шансаў атрымаць пажаданую працу, высокі заробак ці пасаду. Да ліку аб'ектыўных фактараў такой сітуацыі М. Мусял-Карг дадае і суб'ектыўныя: жанчыны самі сябе часам дыскрымінауюць, не вераць у свае сілы і баяцца прымаць адказныя рашэнні ў прафесійнай сферы. На яе думку, менавіта гэта аказвае ўплыў на зніжэнне іх пазіцый на сучасным рынку працы.

У разглядаемым нумары прадстаўлены і артыкул, звязаны з юрыспрудэнцыяй: Дыяна Дайновіч-Пясецкая на падставе Карнага кодэкса і разглядаемых у судзе спраў аналізуе сітуацыю з выкраданнем дзяцей і вызначае ролю ў гэтым правапарушэнні жанчын. Нягледзячы на тое, што выразнай розніцы ў даных няма, аўтар прыходзіць да высновы, што ў Польшчы жанчыны ў параўнанні з мужчынамі часцей выступаюць у якасці пацярпелых, чым злачынцаў.

Перавага польскага матэрыялу ў нумарах «Навуковага часопіса Інстытута жаночых даследаванняў», якія ўжо пабачылі свет, робіць выданне цікавым

перш за ўсё для паланістаў. Аднак метадалогія даследаванняў, выбар праблематыкі, разгляд яе з пункта гледжання становішча жанчын і іх статусу ў грамадстве дазваляюць па-новаму паглядзець на, здавалася б, даўно вядомыя ў гісторыі сюжэты. З гэтай пазіцыі часопіс прадстаўляе інтарэс для шырокага кола спецыялістаў, падштурхоўвае іх да новых творчых пошукаў і магчымага перагляду некаторых ацэнак гістарычнага мінулага.

Напрыканцы нагадаем, што «Навуковы часопіс Інстытута жаночых даследаванняў» мае сваю інтэрнэт-старонку (<http://www.czasopismo.isk.bialystok.pl/>), дзе можна знайсці электронную версію ўсіх яго нумароў. Станоўчым бокам разглядаемага выдання з'яўляецца адкрыты доступ і размяшчэнне нумароў у самых разнастайных базах дадзеных і рэпазіторыях кшталту *Academia.edu*, *ResearchGate* і інш. Спадзяёмся, што такая палітыка рэдакцыі прывабіць новых аўтараў, а гэта, у сваю чаргу, прывядзе да разгляду новых праблем і сюжэтаў у «жаночай частцы» сусветнай гісторыі.

Л. А. Козік³

³Любовь Антоновна Козик – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Белорусского государственного университета.

Любоў Антонаўна Козік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі паўднёвых і заходніх славян гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Liubov A. Kozik, PhD (history), docent; associate professor at the department of Southern and Western Slav's history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: lubov.kozik@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

SCIENTIFIC EVENTS

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ШЛЯХТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ»**

**МІЖНАРОДНАЯ НАВУКОВАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ
«ШЛЯХТА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА:
ПАЛІТЫЧНЫЯ ІНТАРЭСЫ І САЦЫЯЛЬНАЯ АКТЫЎНАСЦЬ»**

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
«THE NOBILITY OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA:
POLITICAL INTERESTS AND SOCIAL ACTIVITY»**

На гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта 7–8 чэрвеня 2018 г. адбылася Міжнародная навуковая канферэнцыя «Шляхта Вялікага Княства Літоўскага: палітычныя інтарэсы і сацыяльная актыўнасць», прымеркаваная да 60-годдзя з дня нараджэння вядомага даследчыка сацыяльна-палітычнай гісторыі Беларусі эпохі ранняга Новага часу, аўтара-складальніка дапаможнікаў для сярэдняй школы, загадчыка кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў БДУ Паўла Алегавіча Лойкі (1958–2010). Менавіта яго намаганнямі ў Беларусі было адноўлена вывучэнне шляхецкага саслоўя, яго палітычнай ролі ў жыцці Рэчы Паспалітай, дзяржаўных інстытутаў і ўнутрыпалітычных канфліктаў у Вялікім Княстве Літоўскім на беларускіх землях у XVI–XVII ст. Нягледзячы на тое, што спіс навуковых і метадычных прац П. А. Лойкі ўраджае колькасцю пазіцый, докторская дысертацыя ім так і не была абаронена. Жыццё даследчыка заўчасна перарвалася ў 52-гадовым узросце. Аднак пасля сябе ён пакінуў цалкам аформленую навуковую школу, калектыў вучняў і калег, якія працягваюць на гістарычным факультэце вывучэнне праблем гісторыі і гістарыяграфіі Вялікага Княства Літоўскага.

Міжнародная навуковая канферэнцыя была прысвечана шляхце Вялікага Княства Літоўскага, рэалізацыі яе інтарэсаў у палітычным і сацыяльным вымярэннях эпохі, барацьбе за самастойнасць у межах Рэчы Паспалітай перад пагрозай унутры- і знешнепалітычных канфліктаў. Арганізатары вызначылі некалькі праблемных палёў для дыскусіі і прэзентацыі вынікаў індывідуальных даследаванняў. Была прыцягнута ўвага да такіх пытанняў, як генезіс прававога становішча і юрыдычнае афармленне шляхецкага саслоўя, фарміраванне палітычных і сацыяльных эліт Вялікага Княства Літоўскага, дзейнасць асобных прадстаўнікоў знаці ў жыцці дзяржавы, метадалогія прасапаграфічных даследаванняў, сацыяльныя працэсы і рэгіянальныя асаблівасці ў Цэнтральнаеўрапейскім рэгіёне ў XV–XVIII стст., Беларусь у пераходную эпоху ад Сярэднявечча да ранняга Новага часу і інш.

Удзел у канферэнцыі прынялі даследчыкі і навукоўцы з Беларусі, Польшчы, Вялікабрытаніі і Украіны. Так, сярод удзельнікаў мерапрыемства былі прадстаўнікі БДУ, Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы, Інстытута гісторыі НАН Беларусі, Вроцлаўскага ўніверсітэта, Універсітэта Абердзіна, Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купа-

лы і Гродзенскага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта, Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка, Нацыянальнага мастацкага музея Рэспублікі Беларусь і Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь. Побач з выкладчыкамі і навуковымі супрацоўнікамі арганізатары далі магчымасць выступіць маладым даследчыкам (аспіранты БДУ, Інстытута гісторыі НАН Беларусі і Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы). У межах навуковых дыскусій гістарычны факультэт БДУ традыцыйна практыкуе далучэнне магістрантаў і студэнтаў да актыўнага абмеркавання вызначаных праблем і прэзентацыі сваіх даследчыцкіх праектаў. У працы канферэнцыі прынялі ўдзел больш за паўсотні чалавек.

Пленарнае пасяджэнне пачалося з уступнага слова дэкана гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта прафесара А. Г. Каханоўскага, які адзначыў ролю П. А. Лойкі ў вывучэнні такой праблемы беларускай гісторыі, як дзяржаўнасць і грамадства Вялікага Княства Літоўскага, таксама была агучана ідэя пра ўшанаванне памяці выбітных даследчыкаў на гістарычным факультэце. Пасля слова ўзяў прафесар кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу БДУ, дэкан гістарычнага факультэта ў 1991–1996 гг. П. А. Шупляк, які распавёў пра праект пераўтварэння кафедры гісторыі БССР ў дзве кафедры (гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў, а таксама гісторыі Беларусі новага і навейшага часу), які быў рэалізаваны ў 1994 г., і ролю П. А. Лойкі ў ім. Успамінамі пра бацькоў П. А. Лойкі і сямейныя традыцыі ў служэнні ідэям Універсітэта падзяліліся загадчык кафедры гісторыі Расіі А. А. Яноўскі і загадчык цэнтра спецыяльных гістарычных навук і антрапалогіі Інстытута гісторыі НАН Беларусі В. Ф. Голубеў. У межах пленарнага пасяджэння прагучалі даклады загадчыка кафедры філасофскіх вучэнняў Беларускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта А. І. Лойка «Роля шляхты ў фарміраванні нацыянальнай філасофіі Льва Сапегі (на высьнове твораў П. А. Лойкі)», дацэнта кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта БДУ С. М. Цемушава «Павел Алегавіч Лойка – аўтар падручнікаў па гісторыі Беларусі для сярэдняй школы» і дацэнта кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта БДУ А. У. Любага «Беларуская гістарыяграфія Вялікага Княства Літоўскага на мяжы XX і XXI ст.: стан, страты і здабыткі». Даследчыкі раскрылі ролю П. А. Лойкі ў станаўленні ВКЛістыкі як накірунка айчыннай гістарычнай і грамадска-палітычнай думкі 1990-х гг.

Праца канферэнцыі праходзіла на працягу двух дзён у межах чатырох секцый, якія былі прысвечаны розным аспектам даследаванняў праблемы

сацыяльна-палітычнай гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. Так, у першы дзень адбыліся пасяджэнні секцый «Асоба П. А. Лойкі (1958–2010) і даследаванне шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XX – пачатку XXI ст.» (мадэратары – прадстаўнікі БДУ Ю. Л. Казакоў і А. В. Дземядовіч) і «Палітычная дзейнасць прадстаўнікоў знаці Вялікага Княства Літоўскага: ад біяграфістыкі да прасапаграфіі» (мадэратары – У. А. Падалінскі (БДУ) і А. А. Скеп'ян (Інстытут гісторыі НАН Беларусі)). У другі дзень праца была працягнута на секцыях «Генезіс прававога становішча і сацыяльныя працэсы ў Вялікім Княстве Літоўскім XV–XVIII ст.» (мадэратары – прафесар Вроцлаўскага ўніверсітэта Ф. Валянскі і дацэнт БДУ А. У. Любы) і «Цэнтр і пераферыя ў гістарычным наратыве Вялікага Княства Літоўскага» (мадэратары – дацэнт БДУ А. М. Латушкін і загадчык аддзела міжнародных выстаў Нацыянальнага мастацкага музея Рэспублікі Беларусь В. С. Клёцкін).

Асоба П. А. Лойкі была разгледжана праз прызму розных аспектаў яго навуковай і адміністрацыйнай дзейнасці. Пры ўдзеле Паўла Алегавіча фарміруецца новы склад кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў (прыцягнуты такія спецыялісты, як У. П. Емельянчык, Ю. М. Бохан, Ю. А. Заяц і інш.), распрацоўваецца канцэпцыя спецыялізацыі па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага (выкладаюцца спецыяльныя курсы па гістарыяграфіі і крыніцам ВКЛ), вядзецца падрыхтоўка спецыялістаў у аспірантурах БДУ і Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Пад навуковым кіраўніцтвам П. А. Лойкі выйшлі на абарону 11 суіскальнікаў ступені кандыдата гістарычных навук, склаліся накірункі персанальнай школы П. А. Лойкі ў вывучэнні сацыяльна-палітычнай гісторыі, даследаваннях рэгіянальных эліт, вярхоўнай улады і яе кампетэнцый, гісторыі ўнутрыпалітычных канфліктаў.

Праблемам фарміравання сацыяльнай структуры эліты Вялікага Княства Літоўскага былі прысвечаны паведамленні В. У. Галубовіча «Стаўленне шляхты Вялікага Княства Літоўскага да інстытута манархіі ў час праўлення Уладзіслава Вазы», С. А. Ганчарэнка «Структура шлюбаў сенатарскіх родаў ВКЛ у апошняй трэці XVI – пачатку XVII ст.», С. Л. Лугаўцовай «Мабільнасць беларускай шляхты на мяжы XVIII–XIX ст.» і інш. Другім арганічным накірункам дыскусій сталі біяграфістыка і генеалогія шляхецкіх родаў і іх асобных прадстаўнікоў на службе вялікага князя. Так, жыццё і палітычная дзейнасць Тадэвуша Рэйтана знайшлі адлюстраванне ў дакладзе З. Ю. Юркевіча, «Некалькі заўваг да біяграфіі “беларускага палкоўніка” Канстанціна Юр'евіча Паклонскага» прадставіў П. Л. Дзем'ян, а даследчык Ф. В. Чарняўскі – «Радавод шляхецкага роду Слушкаў у канцы XV–XVI ст.», у выступленні

У. А. Падалінскага была разгледжана сацыяльная актыўнасць скарбнага ВКЛ Лукаша Мамоніча, гістарычны партрэт Ціта Лівія Бараціні прэзентаваў Р. І. Крыцук. Даследчыкі А. І. Шаланда і А. А. Радман унеслі ўдакладненні ў радаводы Дарагастайскіх і Бакаў. Спробу прасапаграфічнага даследавання калектыўнага партрэта выпускнікоў піярскіх калегіумаў Літоўскай правінцыі правяла Т. М. Заблоская.

Шляхта ў падзеях эпохі была разгледжана ў дакладах В. В. Аніпяркова «Шляхта – удзельнікі канфедэрацкіх саюзаў 1792 г. у Вялікім Княстве Літоўскім» і Л. С. Іванова «Удзел шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў Рэфармацыі». Прыкладамі мікрагісторыі і гісторыі паўсядзённасці Вялікага Княства Літоўскага сталі даклады А. А. Скеп'ян «Адзін тыдзень з жыцця намесніка магнацкага маёнтка», А. А. Жлутка «Падуанскі перыяд біяграфіі Францыска Скарыны ў дакументальных крыніцах», Ф. Волянскага «Падарожжа эліт Вялікага Княства Літоўскага па Еўропе ў XVII і XVIII ст. як прыклад культурнай пераемнасці», П. Баравога «Час і міфічная прастора Вялікага Княства Літоўскага ў наратыве Рэчы Паспалітай». Міждысцыплінарны падыход быў прадстаўлены археолагам М. А. Плавінскім і гісторыкам фартыфікацыі М. А. Волкавым у паведамленні «Мядзельскі замак – прыватнаўласніцкая і каралеўская рэзідэнцыя: гісторыя і перспектывы даследаванняў», даследаванне гісторыі рэзідэнцый як накірунак у гістарыяграфіі працягнуў П. Ю. Булаты ў паведамленні пра ўладароў Ляхавіцкага графства. Даследчыца В. С. Клёцкіна на прыкладзе тэатра Радзівілаў разглядала мастацтва як сацыяльны ліфт у эпоху Асветніцтва.

Гістарыяграфія і своеасаблівыя крыніцы вывучэння гісторыі эпохі знайшлі сваё адлюстраванне ў паведамленнях Ж. В. Некрашэвіч-Кароткай «Мастацкая выява старашляхецкай Белай Русі ў аповесці Вайніслава Казіміра Савіча-Заблоскага "Полацкая шляхта" (1885)», С. А. Рыбчонка «Дакументы па генеалогіі шляхты ВКЛ са збораў графа

Канстанціна Ажароўскага», А. Б. Доўнара «Інвентар маёнтка Пачапава Навагрудскага ваяводства 1619 г.: асаблівасці зместа і афармлення», В. Ф. Голубева «Уладанне Смаляны ў першай палове XVIII ст.: сведчанні інвентарных апісанняў» і інш.

Своеасаблівай сацыяльнай катэгорыі грамадства Беларусі XVII–XVIII стст. – зямлянам – былі прысвечаны даклады А. М. Сцебуракі (па маёнтку Ганута Віленскага края) і Я. С. Глінскага (па Капыльскім княстве).

На абмеркаванне былі вынесены таксама і тэарэтычныя пытанні палітычнай структуры ўлады ў Вялікім Княстве Літоўскім: напрыклад, даклад старшага навуковага супрацоўніка Цэнтра ўсеагульнай гісторыі і міжнародных адносін Інстытута гісторыі НАН Беларусі А. І. Дзярновіча «"Дыярыхія" ў ВКЛ XIII – пачатак XV ст.: сістэма кіравання ці родавы інстытут?».

Вынікі канферэнцыі былі падведзены ў аўдыторыі імя У. Пічэты на гістарычным факультэце БДУ. Удзельнікі і кіраўнікі секцый выказалі свае меркаванні пра ўзровень дакладаў, адзначылі станоўчыя моманты ў актывізацыі вывучэння эпохі Вялікага Княства Літоўскага ў Беларусі і па-за яе межамі ў канцы XX – пачатку XXI ст., адзначылі асноўныя надзённыя праблемы ў працы з крыніцамі і тэрміналагічным апаратам у праекцыі на міждысцыплінарны сінтэз у сучаснай гуманістыцы Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Канферэнцыя «Шляхта Вялікага Княства Літоўскага: палітычныя інтарэсы і сацыяльная актыўнасць» стала ў шэраг навуковых мерапрыемстваў апошніх гадоў, прысвечаных прэзентацыі і папулярызацыі вынікаў даследаванняў па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. Арганізатары спадзяюцца, што абуджэнне канферэнцыйнай актыўнасці, прысвечанай гэтай дзяржаве, будзе спрыяць увядзенню вынікаў індывідуальных навуковых даследаванняў у сучасны нацыянальны гістарычны наратыв.

А. У. Любы¹

¹Андрей Владимирович Любый – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Андрэй Уладзіміравіч Любы – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Andrei V. Liuby, PhD (history), docent; associate professor at the department of Belarus history of Ancient time and Middle Ages, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: liuby@bsu.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АННТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 94(162)(075.8)

История южных и западных славян [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для студентов спец. 1-21 03 01 «История (по направлениям)» / Л. Л. Михайловская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2018. Ч. 1. История западных славян с древнейших времен до 1914 г. 94 с. Библиогр.: с. 93–94. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/200736>. Загл. с экрана. Деп. 12.07.2018, № 005712072018.

Электронный учебно-методический комплекс содержит материалы, способствующие более глубокому самостоятельному изучению истории западнославянских народов с древнейших времен до 1914 г. Состоит из четырех разделов, включающих в себя конспект лекций, тематику практических занятий и методические рекомендации к ним, тесты, список рекомендованной литературы.

Предназначен для студентов исторического факультета специальности 1-21 03 01 «История (по направлениям)».

УДК 94(=162)«19/20»(075.8)

История южных и западных славян [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для студентов спец. 1-21 03 01 «История (по направлениям)» / В. Н. Кухаренко, А. П. Сальков ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2018. Ч. 4. Новейшая история южных славян с 1914 г. по н. в. 111 с. Библиогр.: с. 110–111. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/203985>. Загл. с экрана. Деп. 23.08.2018, № 006623082018.

Электронный учебно-методический комплекс содержит материалы, способствующие более глубокому самостоятельному изучению истории южнославянских народов с 1914 г. по настоящее время. Состоит из четырех разделов, включающих в себя конспект лекций, тематику практических занятий и методические рекомендации к ним, тесты, список рекомендованной литературы.

Предназначен для студентов исторического факультета специальности 1-21 03 01 «История (по направлениям)».

УДК 94(162)«19/20»(075.8)

История славянских народов [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для студентов спец.: 11-23 01 12 «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия (по направлениям)», 1-23 01 13 «Историко-архивоведение» / М. С. Довгялло, В. В. Репин ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2018. Ч. 4. Новейшая история южных и западных славян с 1914 г. по н. в. 175 с. Библиогр.: с. 173–175. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/203996>. Загл. с экрана. Деп. 23.08.2018, № 006723082018.

Электронный учебно-методический комплекс содержит материалы, способствующие более глубокому самостоятельному изучению истории западно- и южнославянских народов с 1914 г. по настоящее время. Состоит из четырех разделов, включающих в себя конспект лекций, тематику практических занятий и методические рекомендации к ним, тесты, список рекомендованной литературы.

Предназначен для студентов исторического факультета специальностей 1-23 01 12 «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия (по направлениям)», 1-23 01 13 «Историко-архивоведение».

УДК 94(162)«19/20»(075.8)

История южных и западных славян [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для студентов спец. 1-21 03 01 «История (по направлениям)» / Л. А. Козик, В. В. Репин ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2018. Ч. 2. Новейшая история западных славян с 1914 г. по н. в. 96 с. Библиогр.: с. 95–96. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/204202>. Загл. с экрана. Деп. 24.08.2018, № 006924082018.

Электронный учебно-методический комплекс содержит материалы, способствующие более глубокому самостоятельному изучению истории западнославянских народов с 1914 г. по настоящее время. Состоит из четырех разделов, включающих в себя конспект лекций, тематику практических занятий и методические рекомендации к ним, тесты, список рекомендованной литературы.

Предназначен для студентов исторического факультета специальности 1-21 03 01 «История (по направлениям)».

УДК 94(162)(075.8)

История южных и западных славян [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для студентов спец. 1-21 03 01 «История (по направлениям)» / С. С. Александрович ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2018. Ч. 3. История южных славян с древнейших времен до 1914 г. 178 с. Библиогр.: с. 178. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/206191>. Загл. с экрана. Деп. 17.09.2018, № 007117092018.

Электронный учебно-методический комплекс содержит материалы, способствующие более глубокому самостоятельному изучению истории южнославянских народов с древнейших времен до 1914 г. Состоит из четырех разделов, включающих в себя конспект лекций, тематику практических занятий и методические рекомендации к ним, тесты, список рекомендованной литературы.

Предназначен для студентов исторического факультета специальности 1-21 03 01 «История (по направлениям)».

УДК 94(474/476)«13/17»(075.8)+328(474/476)«13/17»(075.8)

Падалінскі У. А. Эвалюцыя парламенцкай сістэмы Вялікага Княства Літоўскага ў XIV–XVIII стст. [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метадыч. комплекс для спец. 1-21 03 01 «Гісторыя (па напрамках)», напрамак спецыяльнасці 1-21 03 01-01 «Гісторыя (айчынная і ўсеагульная)» / У. А. Падалінскі ; БДУ. Электрон. тэкставыя даныя. Мінск, 2018. 48 с. Библиогр.: с. 45–48. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/206661>. Загал. з экрана. Дэп. 05.10.2018, № 007305102018.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс распрацаваны для падрыхтоўкі спецыялістаў з вышэйшай адукацыяй першай ступені навучання і прызначаны для студэнтаў гістарычнага факультэта БДУ, якія атрымліваюць адукацыю на спецыялізацыі 1-21 03 01-01 03 «Гісторыя Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў». Складаецца з канспекта лекцый, тэм семінарскіх заняткаў і метадычных рэкамендацый па іх правядзенні, прыкладнай тэматыкі рэфератаў і кантрольных пытанняў па курсе, зместу вучэбнай дысцыпліны, спісу рэкамендаванай літаратуры. Матэрыялы, якія ўтрымлівае дадзены вучэбна-метадычны комплекс, павінны садзейнічаць усеабаваму вывучэнню гісторыі дзяржаўнага ладу і парламенцкай сістэмы Вялікага Княства Літоўскага з XIV па XVIII ст.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	8
К СТОЛЕТИЮ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ БССР	
<i>Коваленя А. А.</i> Идеино-политическое отстаивание белорусской государственности в годы Великой Отечественной войны	10
<i>Данилович В. В.</i> Участие молодежи в национально-культурной жизни советской Беларуси (1921–1939)	19
<i>Ходин С. Н.</i> Принцип труда в белорусской национальной идее	28
ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ	
<i>Бригадин Д. П.</i> Крестьянское самоуправление и волостные суды во второй половине XIX – начале XX в.....	36
<i>Бурачонок А. В.</i> Пивоварня с особенной историей: учреждение и деятельность минского пивоваренного завода Фрумкиных – Чапского – Лекертов во второй половине XIX – начале XX в.....	44
<i>Лудич А. Р.</i> Служебные преступления и нарушения уездных чиновников на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.	54
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Ключек А. А.</i> Богиня Сегетия на реверсе монет императрицы Салонины.....	64
<i>Темушев С. Н.</i> К вопросу о назначении древнерусских геральдических подвесок	75
<i>Филиппов А. А.</i> Государства крестоносцев во внешней политике государства первых мамлюков (1248/1250–1260 гг.)	83
<i>Лавринович Д. С.</i> Николай II в Могилёвской ставке (август 1915 – март 1917 г.): повседневность и политика.....	90
<i>Радченко И. Г.</i> Деятельность международных организаций в спасении евреев Европы в годы холокоста: личностный аспект.....	98
<i>Матюшонок Ф. Л.</i> Борьба внутри Консервативной партии Великобритании по вопросу формирования европейской политики (1997–2001)	109
ИСТОРИОГРАФИЯ	
<i>Сергеенкова В. В., Яновский О. А.</i> Российская история в исследовательской и преподавательской практике историков БГУ (1921–2017)	117
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
<i>Козик Л. А.</i> Czasopismo Naukowe Instytutu Studiów Kobietych. Tom 1–3 [Научный журнал Института женских исследований. Том 1–3]	129
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>Любый А. В.</i> Международная научная конференция «Под знаком шляхты Великого княжества Литовского: политические интересы и социальная активность».....	132
Аннотации депонированных в БГУ работ	135

ЗМЕСТ

Ад рэдакцыі	8
ДА СТАГОДДЗЯ АБВЯШЧЭННЯ БССР	
Каваленя А. А. Ідэйна-палітычнае адстойванне беларускай дзяржаўнасці ў гады Вялікай Айчыннай вайны.....	10
Даніловіч В. В. Удзел моладзі ў нацыянальна-культурным жыцці савецкай Беларусі (1921–1939).....	19
Ходзін С. М. Прынцып працы ў беларускай нацыянальнай ідэі.....	28
ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ	
Брыгадзін Д. П. Сялянскае самакіраванне і валасныя суды ў другой палове XIX – пачатку XX ст.	36
Бурачонок А. В. Бровар з адметнай гісторыяй: заснаванне і дзейнасць мінскага піваварнага завода Фрумкіных – Чапскага – Лекертаў у другой палове XIX – пачатку XX ст.	44
Лудзіч А. Р. Службовыя злачынствы і парушэнні павятовых чыноўнікаў на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.	54
УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ	
Ключак А. А. Багіня Сягечія на рэверсе манет імператрыцы Саланіны	64
Цемушаў С. М. Да пытання аб прызначэнні старажытнарускіх геральдычных падвесак	75
Філіпаў А. А. Дзяржавы крыжаносцаў у знешняй палітыцы дзяржавы першых мамлюкаў (1248/1250–1260 гг.).....	83
Лаўрыновіч Д. С. Мікалай II у Магілёўскай стаўцы (жнівень 1915 – сакавік 1917 г.): штодзённасць і палітыка	90
Радчанка І. Г. Дзейнасць міжнародных арганізацый у выратаванні яўрэяў Еўропы ў гады халакосту: асобны аспект.....	98
Мацюшонок Ф. Л. Барацьба ўнутры Кансерватыўнай партыі Вялікабрытаніі па пытанні фарміравання еўрапейскай палітыкі (1997–2001)	109
ГІСТАРЫЯГРАФІЯ	
Сяргеенкава В. В., Яноўскі А. А. Расійская гісторыя ў даследчай і выкладчыцкай практыцы гісторыкаў БДУ (1921–2017).....	117
КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ	
Козік Л. А. Czasopismo Naukowe Instytutu Studiów Kobiety. Tom 1–3 [Навуковы часопіс Інстытуту жаночых даследаванняў. Том 1–3].....	129
НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ	
Любы А. У. Міжнародная навуковая канферэнцыя «Пад знакам шляхты Вялікага Княства Літоўскага: палітычныя інтарэсы і сацыяльная актыўнасць»	132
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	135

CONTENTS

Editorial	8
TO THE CENTENARY OF THE PROCLAMATION OF THE BSSR	
<i>Kavalenia A. A.</i> The ideological and political defending of the Belarusian statehood in the years of the Great Patriotic War.....	10
<i>Danilovich V. V.</i> The participation of youth in national cultural life of Soviet Belarus (1921–1939).....	19
<i>Khodzin S. M.</i> Labour principle in the Belarusian national idea	28
BELARUSIAN HISTORY	
<i>Brigadin D. P.</i> The peasant self-government and the volost courts in the second half of the XIX – early XX century	36
<i>Burachonak A. V.</i> Brewery with distinctive history: establishment and operation of Frumkins’ – Chapski’s – Lekkerts’ Minsk brewing plant in the second half of the XIX – early XX century	44
<i>Ludich A. R.</i> The abuse of power by county officials in the territory of Belarus in the second half XIX – early XX century.....	54
WORLD HISTORY	
<i>Kluczek A. A.</i> Dea Segetia on Reverse of Coins of Empress Salonina.....	64
<i>Tsemushau S. N.</i> To the question of the appointment of old Russian heraldic pendants.....	75
<i>Filipau A. A.</i> The Crusader States in the foreign policy of the First Mamluks (1248/1250–1260)	83
<i>Lavrinovich D. S.</i> Nicholas II at the Mogilev headquarters (August 1915 – March 1917): life and politics	90
<i>Radchenko I. G.</i> International organizations’ activities in rescue of European jews during the Holocaust: personal dimension	98
<i>Matsiushonak F. L.</i> The British Conservative Party infighting over the formation of European politics (1997–2001).....	109
HISTORIOGRAPHY	
<i>Sergeenkova V. V., Yanovski O. A.</i> Russian history in research and teaching practice of historians of BSU (1921–2017).....	117
REVIEW AND BIBLIOGRAPHY	
<i>Kozik L. A.</i> The Journal of the Institute of the Women Studies. Vol. 1–3.....	129
SCIENTIFIC EVENTS	
<i>Liuby A. V.</i> International scientific conference «Under the sign of nobility of the Grand Duchy of Lithuania: political interests and social activity»	132
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU	135

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 4. 2018**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ».

Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы О. А. Бабашова, А. С. Люкевич, С. Е. Богуш
Технический редактор Т. А. Караневич
Корректор К. Б. Скакун

Подписано в печать 31.10.2018.

Тираж 100 экз. Заказ 345.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2018

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 4. 2018**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.

Until 2017 named «Vesnik BDU».

Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors O. A. Babashova, A. S. Lyukevich, S. J. Bohush
Technical editor T. A. Karanevich
Proofreader K. B. Skakun

Signed print 31.10.2018.

Edition 100 copies. Order number 345.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'variiskaya Str., Minsk 220004.

© BSU, 2018